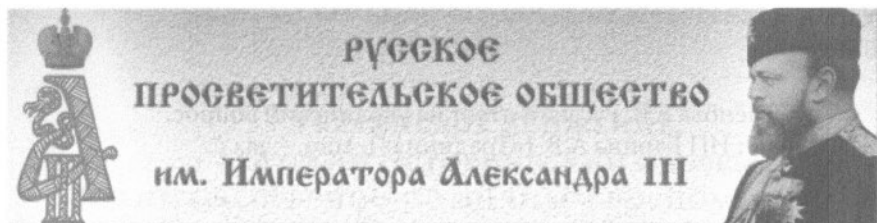

РУССКИЙ ОТВЕТ НА УКРАИНСКИЙ ВОПРОС

Пятилетию войны посвящается...

Антология Русской Мысли

РУССКИЙ ОТВЕТ НА УКРАИНСКИЙ ВОПРОС

Пятилетию войны в Новороссии посвящается...

Редактор-составитель Е.В. Семёнова

“Традиция”
Москва, 2019 г.

Семёнова Е.В. Русский ответ на украинский вопрос.
–М. : ИП Бурина А.В. («Традиция»), 2019. – 352 с.

Нередко антирусская пропаганда пытается представить нынешнюю войну, идущую на Юго-Западе России борьбой Украины с «проклятой советчиной». К такому проукраинскому лобби примкнули и отдельные деятели, пытающиеся позиционировать себя, как «белые», «русские националисты» и т.д. В данном сборнике, посвящённом скорбной годовщине – 5-летию начала войны в Новороссии, собраны материалы выдающихся русских национальных мыслителей и историков Императорской России и Русского Зарубежья, а также видных представителей Белого Движения, которые наиболее полно освещают проблему «украинства» - с исторической, политической и идеологической точки зрения. На украинский вопрос может быть лишь один русский ответ. И этот исчерпывающий ответ даёт представляемая книга.

© Семёнова Е.В., 2019

А.В. СТОРОЖЕНКО (ЦАРИННЫЙ)

УКРАИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга не есть ни учебное исследование, ни политический трактат, но лишь беспристрастное изображение так называемого «украинского» общественного движения в том виде, как оно вошло в сознание одного лица, наблюдавшего движение в течение пятидесяти последних лет. Толчком к написанию книги послужил вызов, помещенный года два тому назад в одной из русских эмигрантских га-

1 Книга А. Царинного «Украинское движение» была написана в 1924 году и издана стараниями князя А. М. Волконского в 1925 году в Берлине. Князь Волконский в своем обширном предисловии говорит об авторе книги как о «неизвестном». О том, кто скрывался за псевдонимом А. Царинный, можно только гадать. На наш взгляд, наиболее вероятной версией можно считать предположение о том, что это Стороженко Андрей Владимирович (1857— после 1918). В пользу того предположения есть несколько косвенных данных. Андрей Владимирович происходил из древнего казацкого, старшинского рода; один из его предков (возможно, даже дед) — писатель Андрей Яковлевич Стороженко (1790—1858), псевдоним которого был Андрий Царинный. Хорошее знание ситуации в киевском Клубе русских националистов, видное из книги «Украинское движение», также наводит на мысль о принадлежности ее перу А. В. Стороженко, который был членом этого клуба. Широта охвата литературно-общественной жизни малороссийских земель и универсальные знания автора говорят о принадлежности его к высшим образованным слоям Западного края. А. В. Стороженко подходит и под этот критерий. Он окончил привилегированный Катковский лицей и Киевский университет Святого Владимира, был одним из крупнейших знатоков малорусской истории. Его родственником был крупный специалист по английской литературе профессор Николай Ильич Стороженко. Еще одним косвенным подтверждением авторства А. В. Стороженко, являвшегося в конце XIX века главой переяславского земства, можно считать осведомленность А. Царинного о переяславских деятелях. Наряду с этим А. В. Стороженко являлся автором капитального исследования «Стефан Баторий и днепровские козаки» (1904), написанного на основе малоизвестных польских источников, работа с которыми требовала тонкого знания польского и латинского языков, что также отличает работу А. Царинного. Все это дает нам право стоять за высказанное нами выше предположение. Остается ответить на вопрос: почему книга подписана псевдонимом? Возможно, автор находился на территории Польского государства, которое в двадцатые годы XX столетия крайне притесняло малоросов и устраивало гонения на православных.

зет, — составить обзор украинского движения, рассчитанный на три-четыре печатных листа. Свой труд автор писал в беженстве, в провинциальной глуши одной из славянских стран, приютившей часть русских эмигрантов, постепенно спасавшихся от ужасов большевистского ада, — писал вдали от умственных центров и библиотек, без необходимых справочных книг. Поэтому возможно, что в изложение вкрались неточности, за которые автор просит снисхождения.

Книга была закончена в ноябре месяце прошлого, 1924 года, вскоре после того, как в новейшем фазисе украинского движения определенно означились два его лица, или, лучше сказать, две его стороны: в Большевии, в виде УКОПа (украинской коммунистической партии), движение решительно и вплотную примкнуло к программе большевизма; в Польше, в виде украинской народной партии, возглавляемой г-ном Оскилком, оно вступило на путь соглашения и сотрудничества с нынешним польским правительством.

Надо думать, что большевистская беспощадно-насильственная украинизация в Малороссии сделает самую «украинскую идею» столь омерзительной, что вместе с падением большевизма рухнет и его украинская пристройка. Вся толща собственнического земельного крестьянства малороссийских губерний стихийно почувствует себя русской, и на том украинское заблуждение в пределах России закончится. Нам случилось читать частное письмо из Полтавы, в котором сообщали, что там большой спрос на опытных учителей русского языка, так как более состоятельные крестьяне желают обучать своих детей непременно русскому языку со старым правописанием и хорошо оплачивают труд учителей. Таков ответ полтавских по-большевистски «куркулей» или «кулаков» на принудительную украинскую школу, введенную большевиками.

В Польше украинствующим элементам открываются более благоприятные виды. Самая сердцевина, ядро, сущность украинских вожделений, формулированных поляками еще во время польских разделов, заключается в том, чтобы русские в Малой, Черной и Червонной Руси перестали чувствовать себя русскими, а в языке чтобы вернулись назад, к первой половине XVII века, до начала восстания Богдана Хмельницкого, и стали говорить и писать на том польско-русском жаргоне, наиболее ярким образом которого являются проповеди киевского монаха Оксенича-

Старушича. Этим вожделениям, как вытекающим из польских источников, не может не сочувствовать нынешнее польское правительство. Оно справедливо видит в них наилучший способ постепенно и незаметно перевести русское население пограничья от России, по-старому — «украины», по-новому — «кресов», от реки Припяти до реки Черемоши, с пользования русским языком на пользование языком польским. Поэтому оно готово всячески покровительствовать распространению украинского языка австро-галицийской фабрикации, но в особенности с одной в нем поправкой: с принятием для этого языка латинского алфавита. Нынешний польский министр просвещения, г-н Станислав Грабский, по слухам, усиленно хлопочет об издании напечатанных латинским алфавитом учебников украинских предметов для начальной и средней правительственных школ «на креслах» (по-старому: «на украине»), каковые предполагается организовать с преподаванием на двух языках: украинском и польском. Сами «украинцы», как, например, сенатор Черкавский, начинают понимать, что это означает попросту постепенную полонизацию. На это им можно сказать: вы ведь сами, господа украинцы, стремились к такому исходу, порывая с русским языком и формируя «мову» с помощью польского словаря; вы хотели быть более поляками, чем русскими, — ну так и полезайте в польский кузов. Такое положение метко выражается малорусской поговоркой: «Бачылы очи, що куповалы, ижте, хоч повилазьте». С педагогической точки зрения мероприятия г-на Станислава Грабского заслуживают полного одобрения, так как с введением в украинские учебники латинского алфавита детям придется изучать одну азбуку вместо двух, что, разумеется, значительно облегчит детский труд. Подобную же школьную политику предположено проводить и в белорусских воеводствах Польши *mutatis mutandis*, то есть белорусской «мовой» в учебниках вместо украинской.

Тот путь для претворения в приграничье русской народности в ополяченную, какого намерен держаться г-н Станислав Грабский, намечался уже в первой половине XVII века и был бы пройден, если бы его не прервало достопамятное восстание Богдана Хмельницкого. Тогда уже приспособили латинской алфавит к западнорусскому языку и, например, разного рода русские грамоты и акты переписывали в земские и городские книги латинскими буквами. Политику тесной связи Православной Церкви с польским государством, какой держится в настоящее время митропо-

лит Дионисий Валединский, проводил тогда митрополит Петр Могила. Он пользовался польским языком для поднятия уровня православной образованности. Сам он написал по-польски Литое (камень) в защиту православия. Под его покровительством киево-печерский монах Афанасий Кальнофойский изложил на польском языке «Teraturgima» — книгу о чудесах киево-печерских угодников Божиих, а будущий митрополит Сильвестр Косов — «Żywotyświątych» — жития святых. Православный шляхтич Иоаким Ерлич, скрывавшийся в Киево-Печерской лавре от расправы взбунтованной выступлением Богдана Хмельницкого кровожадной черни, по-польски излагал свою «Летопись» и вписал в нее латинскими буквами интереснейшие русские стихотворения по поводу тогдашних событий.

Если такой порядок вещей в областях культурной и церковной будет водворяться умно, мягко и постепенно, то население легко свыкнется с ним, как начало уже свыкаться в первой половине XVII века, и претворение русской народности в родственную польскую пройдет безболезненно. Первоначальной причиной восстания Богдана Хмельницкого был отнюдь не вопрос народности, а вызвали его экономические и сословные несправедливости, и только позднее, в разгар борьбы, казачий гетман выдвинул на первый план национально-русские лозунги: «Чтобы имя русское не изгладилось в Малой России! Чтобы на русской земле не было ни жида, ни ляха, ни унии!» Служба ряда возрастов в польской армии, где введено усиленное обучение польскому языку, также будет оказывать непрерывное и огромное влияние на утрату русским населением приграничья его прежних местных наречий, или мов. Польские солдатские песни неизбежно будут заноситься возвращающимися со службы «жолнерами» в деревни по берегам какой-нибудь реки Стири или верховьев реки Припяти и усваиваться местной молодежью как последний крик моды. Создастся вкус к польскому языку.

Что могло бы прервать такой процесс в будущем? Только возрождение национальной, русской России и притязание ее на отданные Польше большевиками по Рижскому договору 1920 года малорусские и белорусские поселения. Сейчас России нет. Есть ее труп, над которым издеваются озверевшие безумцы. Открытым стоит вопрос: что наступит скорее — воскресение ли национальной, русской России или претворение приграничного малорусского и белорусского населения в ополяченное? Возможно, что

второй процесс опередит первый. Но даже если бы раньше возродилась та настоящая Россия, то мы полагаем, что она признала бы для себя выгодным открыто и чистосердечно примириться с восточными границами Польши, утвержденными для нее великими державами 14 марта 1923 года, и не захотела бы их нарушать. Помимо того что всякое нарушение границ вызвало бы со стороны Польши вооруженный отпор и привело бы к отвратительной братоубийственной войне, которая омрачила бы светлую и ясную зарю воскресающей к жизни великой страны, самое существование Польши в нынешнем ее виде выгодно для будущей России по следующим основаниям: во-первых, она совершенно освобождается таким образом от проклятого «польского вопроса», из-за которого пролилось столько живой крови и столько было сломано копий русскими и польскими публицистами, начиная хотя бы с М. Н. Каткова¹ и В. Спасовича² и кончая П. А. Кулаковским³ и Р. Дмовским⁴, чтобы не перечислять десятков имен; во-вторых, она оставляет вне себя такие скопления иудеев, как Вильно, Белосток и прочие города и местечки отошедшей к Польше западнорусской полосы, что весьма важно будет при неизбежно предстоящих иудейско-русских расчетах за правительственную деятельность в России — в большевистскую эпоху — Бронштейнов, Апфельбаумов, Розенфельдов, Нахамкесов, Бриллиантов, Финкельштейнов, Гольдфарбов, Вайнштейнов и тысяч иных «товарищей»-иудеев; в-третьих, она не будет непосредственно граничить с Германией, а это развяжет ей руки для деятельности в области Черного, по-старому Русского, моря и в Азии, куда всегда был направлен компас ее истории, начиная не только с Ермака Тимофеевича, подарившего Грозного царя Сибирью, но еще с вещего Олега, принимавшего походы на юг, на Константинополь, и в то же время на восток, в сторону Азии, против хазар.

Покойный знаменитый химик Д. И. Менделеев в своей книге «К познанию России» искал центр населенности России и определял его примерно около Царицына, на Волге. Возродившейся России придется обретать для себя столицу, потому что ни Москва, опозоренная большевиками, ни тем более Петербург, врезающийся клином в новые государственные образования, не годятся более как столичные города. Весьма возможно, что русская столица поместится вблизи отысканного Д. И. Менделеевым центра — например, в Ростове-на-Дону, соединяющем выгоды центральности с выгодами приморского положения. В таком

случае сердце России передвинется на юг и там будет биться пульс русской жизни; те местности, которые были украинцами, рубежами, пограничьями, сделаются центральными. Тогда «украинцам» нельзя будет плакаться на гегемонию Великороссии во главе с Москвой. Мы верим и надеемся, что в новой России весь русский народ, не обращая внимания на различие своих говоров и наречий, под знаменем общей русской культуры начнет работать над воссозданием разрушенной родины в новых сочетаниях сил и с новыми устремлениями.

Таким образом, подводя итоги высказанным нами соображениям, мы считаем украинское движение величайшим недоразумением, порожденным злой волей одних и глупостью других, не видим для него никакой будущности, и нам до слез жаль тех умственных сил, которые непроизводительно были затрачены на создание искусственной «украинской мовы» и на мучительные потуги пользоваться этой «мовой» в научной и литературной деятельности. В Польше языком государственности, общественности и высшей образованности будет язык польский, блиставший еще в XVI веке красотой и мощью в сочинениях Мартина Бельского⁵, Николая Рея⁶, Яна Кохановского⁷ и многих других, в наше время прославленный Сенкевичем⁸ и Реймонтом⁹, в России — русский, развившийся до мирового значения со времени Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, в особенности трудами И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, графа Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова и П. И. Мельникова, а косноязычная «мова» будет ютиться на задворках, пока, вместе с украинским идолом Тарасом, не будет сдана за ненужностью в архив человеческих заблуждений и ошибок.

5.08.1925

УКРАИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

I

Сколь это ни странным покажется, но исторически совершенно достоверно, что «украинский народ», а затем и политический о нем вопрос сочинили польские ученые и писатели вслед за разделами Польши в 1772, 1793 и 1795 годах и за связанным с

ними исчезновением Польского королевства с карты тогдашней Европы. В эпоху блестящего расцвета Польши, в XVI веке, когда на ее троне со славою восседали последние Ягеллоны¹⁰ и Стефан Баторий¹¹ (t 12 декабря 1586 года), каждый образованный поляк прекрасно знал, что в состав Польско-Литовского государства входят области, населенные русскими, а не поляками: Белая, Черная, Малая и Червонная Русь. На латинском языке, который тогда наряду с польским был во всеобщем обиходе, это были *Russi* — *Russia Alba, Nigra, Minor et Rubra*. Никто из образованных поляков не сомневался в том, что русские, живущие в пределах Речи Посполитой, исповедуют «русскую веру», то есть православие, и говорят по-русски, а не по-польски. Русью по преимуществу, так сказать истинной Русью, считалась Червонная Русь, составившая, по позднему административному делению, Русское воеводство со столичным городом Львовом во главе. Один из главных писателей золотого века польской литературы Севастиан Кленович¹² посвятил длинную латинскую поэму описанию природы Червонной Руси и быта ее русского населения (1584).

Русские, населявшие свои исконные области, постепенно, в течение XIV, XV и XVI веков, вошедшие в состав Польско-Литовского государства, говорили в домашнем быту на местных наречиях и говорах, но имели и общий письменный язык, так называемый западнорусский, на котором работали канцелярии присутственных мест Великого княжества Литовского и литовское отделение королевской канцелярии. На этом языке в XVI веке были изданы все три редакции Литовского Статута, а в XVII веке им пользовались в обширной полемической литературе в защиту православия против латинян. Русские граждане Речи Посполитой очень дорожили своим языком. Когда в 1577 году королевская канцелярия прислала брацлавской шляхте универсал Стефана Батория на польском языке, шляхта резко протестовала и требовала, чтобы впредь всякие обращения к ней короля писались по-русски.

После провозглашения двух уний — Люблинской политической (1569) и Брестской церковной (1596) — польская государственная власть поставила себе задачей ополячить и окатоличить своих русских подданных. Со стороны русских началась упорная борьба за веру и народность, продолжавшаяся два века (1596—1795), постепенно ослабляя Польшу и содействуя усилению России. Хотя поставленная себе поляками задача оказалась им не

по их силам и им не удалось претворить русских православных в поляков-католиков в больших массах, однако с помощью орудий государственной власти и отчасти вследствие культурного превосходства многого они достигли: они окатоличили богатое русское высшее дворянство во главе с такими княжескими родами, как Вишневецкие, Острожские, Чарторыжские, Ружинские, Воронежские, Четвертинские, лишив Православную Церковь его материальной поддержки. Они низвели православие на степень хлопской, то есть мужицкой, веры, а часть русского простонародья, главным образом в Червонной Руси, силою загнали в унию с римским косциолом. Они изгнали русский язык из канцелярского употребления, заставили русских пользоваться в присутственных местах исключительно польским языком и этим путем втолкнули как в разговорный, так и в письменный русский язык множество польских слов и оборотов, чем лишили его первобытной свежести и цельности. Особенно пострадал письменный русский язык. В середине XVII века — в проповедях, например, киевского монаха Оксенича-Старушича — он обратился в уродливый польско-русский жаргон.

В начале борьбы русских за веру и народность огромную роль сыграли организованные по католическому образцу церковные братства крупных городов: Виленское, Киевское, Луцкое и Львовское. Потом выступили на борьбу гетманы, то есть предводители, запорожских казаков в лице Григория Тискиневича¹³ и Петра Сагайдачного. Последнему, опираясь на вооруженную казацкую силу, удалось восстановить православную русскую церковную иерархию в Польше (1620) после отступничества Михаила Рогозы¹⁴, Ипатия Поцея¹⁵ и их единомышленников. Наконец, поднялись стихийные казацкие войны, быстро изменившие свой первоначальный классовый характер в русско-национальный с лозунгами: «Чтобы имя русское не изгладилось в Малой Руси!», «Чтобы на русской земле не было ни жида, ни ляха, ни унии!». Богдан Хмельницкий в некоторых из своих универсалов называл себя гетманом (вождем) всех Русей, то есть Белой, Черной, Малой и Червонной. Отсюда совершенно ясно, что в душе у него сложилось уже сознание общих интересов всех русских, живших в пределах Речи Посполитой, а не только особых нужд днепровских казаков.

Тем не менее неудачная политика псковича Ордын-Нащокина¹⁶, дорожившего более прибалтийскими странами, соседни-

ми с родным ему Псковом, чем исконными русскими землями, подвластными Польше, привела к тому, что запас русской энергии в борьбе за веру и народность в Польше истощился, а московское правительство, по Андрусовскому договору 1667 года, согласилось на оставление за Польшей впредь всех русских земель на запад от Днепра, за исключением Киева и маленькой по пространству полосы, окружающей его на правом берегу Днепра, между Ирпенем и Стугной.

II

«Просвещенный» XVIII век был самым несчастным временем для русского населения в Польше. Оно представляло собою Всплошную массу мужиков, закрепощенных польским или опояченным душевладельцам. Разница веры клала неизгладимую пропасть между «паном»-католиком и «хлопом»-православным. Русского образованного общества не было, да и не могло быть, потому что не существовало русских школ для получения образования. Кто из русских учился в иезуитских (например, в Луцкой, существовавшей с 1608 года) или базилианских школах, становился поляком. Религиозными пастырями православного простонародья были невежественные священники («попы»), забитые и зависимые в каждой мелочи жизни от владельцев тех сел, где находились церкви, тем более что и самые церкви по польскому праву считались собственностью владельцев. Переход в унию являлся обыкновенно единственным средством для настоятеля мужицкого прихода сколько-нибудь улучшить свое положение. Высшее правительство в лице королей-немцев Августа II⁷ и Августа III⁸ и обладавшего только призрачной королевской властью Станислава Понятовского⁹ было бездейтельно, слабо и более чем равнодушно относилось к нуждам русских закрепощенных «панам» мужиков.

Такая сеймовая и литературная борьба за веру и народность, какая велась в первой половине XVII века, была уже невозможна за полным отсутствием среди русского населения нужных для этого умственных сил. Казачество как политическое движение отжило свое время и сменилось диким разбойничьим гайдамачеством.

Между тем развивался процесс умирания польского государства.

Внутреннее разложение и политические интересы трех

соседних держав привели к тому, что Польша в три приема была разделена между Россией, Австрией и Пруссией и в 1795 году прекратила свое независимое государственное существование. Польские историки, ищущие популярности, особенно теперь, когда благодаря счастливому для Польши стечению исторических обстоятельств она вновь получила самостоятельную государственность, изо всех сил стараются представить разделы Польши как ужаснейшее преступление и не находят слов, чтобы заклеймить позором императрицу Екатерину II как главнейшую якобы его участницу и виновницу. «Женщина-чудовище», «нравственный урод», «бесстыдная грабительница» — вот эпитеты, которыми они щедро ее награждают. Между тем известно, что императрица Екатерина II руководствовалась в своей политике по отношению к Польше вполне честными национальными соображениями, желая возвратить в лоно России как русского народного государства те миллионы русских людей, которые волею исторических судеб были от нее разновременно оторваны. Когда ее намерения осуществились, она повелела в память присоединения к России от Польши русских земель вычеканить медаль с благородной надписью: «Отторженная возвратих». Однако, несмотря на свойственную Екатерине II гениальную предусмотрительность, она допустила одну колоссальную политическую ошибку: она согласилась (кажется, по совету графа П. А. Румянцева²⁰) на передачу Австрии Червонной Руси и Буковины. Таким образом, оставлялось незавершенным соби́рание русских земель и создавалось на будущее время широкое поле для противорусских интриг как немецкого по духу австрийского правительства, так и озлобленных против России поляков. Второй подобной же роковой ошибкой было согласие императора Александра I на присоединение к России так называемого Царства Польского («Конгрессувки») по постановлению Венского конгресса 1815 года. К полякам, как к одному из славянских племен, русские могут иметь только самые горячие симпатии, поскольку они не владеют русскими землями, а между тем ложный шаг императора Александра I повлек за собою два польских восстания, где безумно и напрасно растрачено было множество благородных и необходимых для польского народа национальных сил. С другой стороны, этот шаг причинил неисчислимый вред России, вызвав на противорусскую революционную работу в недрах самой России в течение целого столетия

(1815—1914) немалое число выдающихся в умственном и волевом отношении польских деятелей.

Самооправдание Екатерины, что она ничего не грабила, а только получила от Польши обратно то, что было некогда отторгнуто Польшей от России, поразило своей меткостью некоторых поляков, более умных и глубокомыслящих, чем беспечная толпа их современников. Национальная гордость не позволяла им признать Екатерину правой, и потому они нашли более удобным опровергнуть ее аргумент утверждением, что в границах поделенной между соседями Польши никогда не было никаких русских. Для обоснования этого положения привлечен был ими на помощь один очень старый географический термин, общий как польскому, так и русскому языку. Термин этот — «украина» (с маленькой буквой в начале).

Как у поляков, так и у русских «украиной» называлась всякая пограничная область данного государства. Польский историк XVII века Самуил Грондский²¹, писавший по-латыни, так объясняет смысл слова «украина»: «*Margo enim polonice Kray; inde Ukrajna, quasi provincia ad fines Regni posita*». В древнерусской летописи, видевшей в Киеве центр русского мира, слово «украина» встречается в применении к землям Южной Руси дважды: под 1187 годом «украиной» названа область нынешнего Переяслава-Полтавского (по-древнему: Переяслава-Русского), то есть пограничье от половцев; под 1213-м — область нынешнего Холма, то есть пограничье от поляков²².

В актах Московского государства постоянно встречаем упоминания об «украинах» (пограничных областях): псковской, смоленской, татарской (от татар), мордовской (от мордвы), мещерской (от мещеры) и иных. Когда южное пограничье Московского государства от крымских татар заселилось слободами, то есть вольными от всяких повинностей и податей поселениями, оно стало называться слободской украиной. В одной из сибирских песен сборника Кирши Данилова поется об амурской украине. С другой стороны, в польской «Хронике» Стрыйковского²³ (1582) вспоминаются «украины» польского королевства: прусская (от пруссаков) и литовская (от литовцев). Позднее, в конце XVI и в XVII веке, главное внимание поляков привлекали «украины» киевская, брацлавская и подольская, то есть пограничные области Польши с хищными крымцами, постоянно производившими на Польшу свои опустошительные разбойничьи набеги. Постепен-

но в обиходной речи воеводства Киевское, Брацлавское и Подольское сделались «украинами» по преимуществу, а потом вообще «Украиной» (с большой буквой в начале). Но эти же области в старом русском представлении были Малою Русью, или, в греческом выговоре слова «Русь» — *Малой Россией*, то есть исконной, первоначальной родиной русского народа со священным Киевом на челе. Как известно, древние греки ввели в обычай называть «Малой» страну, бывшую колыбелью, прародиной данного народа, а «Великой» — страну, позднее им колонизованную. Так, Малая Азия, в древнегреческом понимании, являлась прародиной азиатов, а Великая Азия — собранием их колоний. Малая Греция обнимала только южную часть Балканского полуострова (то есть Эпир, Фессалию, Аттику, Пелопоннес), а греческие колонии в Сицилии и по берегам Апулии и Калабрии назывались Великой Грецией. От греков эти понятия переняли и русские — еще в XIII и XIV веках. В результате для одной страны получилось два названия: русское — Малая Россия (применяющий его русский имеет в виду ход истории и национальность жителей) и польское — Украина (здесь поляк смотрит из Варшавы на древнюю Малую Русь как на пограничье своего государства от татарских степей — «диких полей»).

Когда в укор политике Екатерины у поляков явилась тенденция отрицать русизм, или русскость, русских, живших в пределах упраздненной Польши, тогда ухватились за название «Украина», чтобы повернуть мысль таким образом: раз страна называется Украиной, то, значит, народ, ее населяющий, должен называться украинским.

Вот когда исчезли русские в Малой Руси и появились украинцы как особая якобы национальность. В Белой, Черной и Червонной Руси новых географических названий не образовалось, а потому поляки должны были называть тамошних жителей по-старому — русскими или русинами. Впервые название «украинцы» встречается в печати в выходивших на французском языке в последние годы XVIII века сочинениях замечательного польского ученого графа Яна Потоцкого²⁴. Но все-таки граф Потоцкий выводил украинцев от древнерусских племен, перечисленных в «Повести временных лет», приписываемой Нестору: от полян, древлян, волынян и бужан. Следующий по времени польский ученый, трактовавший об украинцах, граф Фаддей Чацкий²⁵, знать не хочет ясной еще для упомянутого Грондского этимологии сло-

ва «украина» — «a verbo polonico Крау», а уверяет, что украинцы произошли от *укров*, особой орды, пришедшей на место Украины из-за Волги в VII веке, в действительности никогда не существовавшей. От *укров* — *Украина*, от *Украины* — *украинцы*. Таким образом, выходило, что в украинцах нет ничего русского и что Екатерина, участвуя в разделах Польши, ложно думала, будто она возвращает в лоно России отторженных от нее русских.

Родной брат графа Яна Потоцкого, граф Северин Потоцкий, в первые годы XIX века был попечителем вновь открытого Харьковского университета. Он привлек нескольких польских профессоров к преподаванию в нем. В Харькове образовался целый польский ученый кружок. Мысли Яна Потоцкого и Фаддея Чацкого о нерусском происхождении «украинцев» перенесены были через этих лиц на почву Левобережной Малороссии и Слободской Украины и нашли здесь значительное распространение. Автор «Истории русов» (по догадкам, Г. А. Полетика²⁶ или его сын В. Г. Полетика²⁷) был возмущен этими «баснословными сказками» и в своем сочинении горячо протестовал против польского попользования оторвать малороссиян от их древнерусского корня, от древнекиевской княжеской старины.

На заре русской истории основным стержнем русской народной жизни был великий водный путь «из Варяг в Греки»: Волхов — Днепр. По этому пути везде, от Новгорода до Киева, жил один народ и был один язык. Нынешнее новгородское наречие является, по-видимому, наиболее близким к древнерусскому языку. Русские колонисты, подвигаясь от линии Волхов — Днепр далее на восток в финские земли, подверглись в выговоре влиянию финского языка, и таким образом образовались великорусские наречия, вплоть до самого младшего по возрасту — московского. Русские в Белой, Черной, Малой и Червонной Руси, войдя постепенно в состав Польско-Литовского государства, подчинились в своем языке воздействию языка польского, отчасти в выговоре (белорусское дзеканье: *хадзиць, ездзиць*), но главным образом в словаре. Тем не менее сохранилось полное языковое единство русского народа на всем пространстве его расселения. Усилиями всех ветвей его был выработан, по примеру других народов, общий литературный русский язык для нужд науки, просвещения, государственной и общественной жизни. В основу его был положен церковнославянский язык, в свою очередь происшедший от

одного из говоров древнеболгарского языка. Задача была разрешена: единый народ имел единый письменный язык.

III

Попытки пользоваться для художественно-литературных целей сверх общего литературного языка еще местными народными наречиями и говорами встречаются у всех культурных народов, начиная с древних греков. После законченной выработки общерусского литературного языка появилась такая попытка в Полтаве: И. П. Котляревский²⁸ написал на полтавском наречии шуточную поэму «Перелицованная Энеида». Образцом ему послужила подобная же русская поэма Осипова. В этой поэме (1798), как и в позднейших оперетках «Наталка Полтавка» и «Москаль-чаривник», И. П. Котляревский имел главным образом ввиду пошлеть и позабавить читателя и зрителя, не преследуя никаких серьезных общественных, а тем более политических целей. П. А. Кулиш²⁹ впоследствии в склонном к тенденциозности журнале «Основа» задним числом нападал на него за это. В других случаях, например в оде князю Куракину, И. П. Котляревский пользовался литературным общерусским языком. В ту же эпоху (конец XVIII и начало XIX века) другие полтавцы — Богданович³⁰, Капнист³¹, Гнедич³² — работали на общерусском языке и вносили в сокровищницу его богатейшие вклады, что особенно относится к классическому переводу Гнедичем «Илиады» Гомера.

Второй значительной попыткой воспользоваться в художественных целях местным харьковским наречием являются повести Квитки (Основьяненко³³). Написанная по-польски покойным профессором Людвигом Яновским история первых годов Харьковского университета в попечительстве графа Северина Потоцкого дает указания на то, что влияния польского кружка в Харькове толкали местные литературные силы на пользование малорусским, для поляков — «украинским» наречием. Полякам, как упомянуто выше, ужасно хотелось внушить «украинцам», что они нерусские и что общерусский литературный язык для них чужой.

Но скоро Полтавщина доказала всему миру, что она — русская, вскормив и взлелеяв гений Н. В. Гоголя. Гоголь — величайший синтез двух главнейших ветвей русского народа и в то же время, так сказать, вытяжка всех лучших духовных соков, какими обладает малорусская отрасль. Дар красочной изобразительности картин природы и людских портретов, юмор — насмеш-

ливый взгляд на мир сквозь незримые слезы, — глубочайшая, не обрядовая, а духовная, христианская религиозность — вот малорусские черты Гоголя. В «Изъяснении Божественной литургии» он достиг высот религиозного напряжения. Гоголь недооценен и полузабыт, но в будущем, у одра России, выздоравливающей от гнилостного отравления иудейским марксизмом, он займет почетнейшее место духовного врача. Знаменательно, что, по свидетельству А. А. Танеевой, Гоголь был любимым автором подобного ему глубочайшего христианина императора Николая II.

В живописи близнецом Гоголя по мистическому настроению был знаменитый Боровиковский, тоже сын Полтавщины, ближний земляк Гоголя.

IV

Если Левобережная Малороссия и Слобожанщина могли свободно идти по пути общерусского культурного развития, мощно проторенному Гоголем, то Правобережная Малороссия и Руси Черная и Белая находились в совершенно ином положении. Под влиянием друга юности — князя Чарторийского³⁴ — из рода волинских князей, еще в XVII веке оторвавшихся от русского пня, император Александр I обидел свой западнорусский народ, закрепощенный польским душевладельцам, не только оставив в присоединенных императрицей Екатериной II западнорусских областях за поляками руководящую роль в местной жизни, но еще усилив их значение передачей в их руки всей отрасли народного просвещения. По вине ошибочной политики Александра I под русской властью и на русской земле воздвигались такие духовные твердыни полонизма, как Виленский университет и Кременецкий лицей, и весь западнорусский край покрылся густой сетью польских поветовых училищ. Таким образом, возвращенные России западнорусские области были отданы в жертву такой полонизации, какой они никогда не подвергались за время существования независимого польского государства. Развитие русского самосознания и пробуждение русских народных чувств сделались совершенно невозможными.

При такой исторической обстановке в семье крепостного мужика Киевской губернии Звенигородского уезда родился мальчик, одаренный выдающимися художественными и поэтическими способностями, — Тарас Шевченко. Почти одновременно в соседних Таращанском и Липовецком уездах в двух очень бедных,

но свободных семьях польских появились на свет также мальчишки с большими поэтическими дарованиями — Северин и Гощиньский³⁵ и Богдан Залеский³⁶. По судьбе этих трех людей и можно судить, какие хлебы выпекала тогда историческая печь на (юго-западе России. Все трое дышали в детстве одним и тем же благо-растворенным воздухом киевских степей, получали почти одинаковые впечатления от картин природы и быта окружающего населения. Сохранились рисунки хат, в которых родились Шевченко и Залеский, и по внешности эти хаты ничем не отличаются одна от другой. Но вот наступили для мальчишек школьные годы. К услугам Гощиньского и Залеского по всему краю рассеяны были польские поветовые и базилианские училища. В Уманском базилианском училище они получили весьма удовлетворительное среднее образование. Здесь напитали их польским патриотизмом, несмотря на то что вокруг Умани жил русский народ, и внушили, что это народ не русский, а украинский, как бы разновидность польского. Свою родную Киевщину они мыслили неотъемлемой частью Польши. Переселившись в Варшаву, Гощиньский и Залеский скоро выдвинулись как даровитые поэты. Лучшая поэма Гощиньского «Замок Каневский» имеет темой ужасы гайдамачества 1768 года. От нее пахнет дымом зажженных гайдамаками пожаров и кровью, пролитой гайдамацким зверством. Но поэт не восторгается этими ужасами как проявлением революционного духа, подобно современным большевикам, а пишет о них с содроганием и отвращением. Элементы поэзии Залеского, по его собственному выражению, — Бог, природа, славянство, Польша, Украина. За звучность стихов современники прозвали его «украинским соловьем». Гощиньский и Залеский были главными представителями так называемой украинской школы в польской поэзии. В 1831 году они приняли деятельное участие в польском восстании против России и после неудачи его эмигрировали за границу, откуда не возвратились до самой смерти. Жизнь их имела свой смысл и свою логику.

Мужицкий сын Шевченко не прошел никакого школьного образования, потому что русских училищ на его родине не было, да ему, как крепостному, и не полагалось получать образования. В поисках науки он бродил от дьячка к маляру, пока не попал казачком в лакейскую своего пана, откуда, заметив его художественные способности, отправили его учиться живописи в Варшаву. Это было года за два до польского восстания в ноябре 1831 года, когда

Шевченко имел около семнадцати лет. Учителем его был талантливый художник Лампи-младший³⁷.

Давно уже подмечено, что как польские души, впитывая в себя русские стихии, так и русские души, проникаясь влияниями польскими, всегда усваивают себе худшие элементы чужеземных настроений, калечатся и понижаются в своей нравственной ценности.

Это, вероятно, объясняется тем, что самые души людей, склонных поддаваться чужеземным давлениям, по своему существу являются нравственно дряблыми, нестойкими и малоценными. Еще великий Мицкевич³⁸, характеризуя в «Пане Тадеуше» своего майора Плута, писал: «Этот майор, родом поляк, из местечка Дзеровичей, звался, как слышно, по-польски Плutowичем, но перекрестил себя; превеликий мерзавец — как обыкновенно случается с поляком, который на царской службе омосквичится».

Примеры понижения нравственного уровня одновременно с претворением в чужую народность мы видим даже в двух даровитых поляках, сыгравших крупные роли в русской журналистике и литературе, — в Фаддее Булгарине³⁹ и в Осипе Сенковском⁴⁰. Шевченко в Вильно выучился по-польски, испытал свою первую юношескую любовь к какой-то полечке, несколько отесался и цивилизовался, но в то же время совершенно искалечил свою мужицкую русскую душу, как покалечили в польской среде свои души современные нам Каляевы и Крыленки. В Вильно Шевченко воспринял польское освещение деятельности Богдана Хмельницкого, Петра I и Екатерины II, которых потом в своих стихах клеймил и позорил не хуже поляков. Он пропитался чисто польской ненавистью к русской государственной власти и к носителям ее, русским монархам, а особенно к тогдашнему императору Николаю I, гибели которого пламенно жаждали поляки, распевая революционные песни с припевом: «Нех пшепадне Миколай!» Наконец, в иноверной обстановке он утратил лучшее украшение русской народной души — простую православную веру и сделался способным ко всякому кощунству и богохульству. Если бы Шевченко был образованнее, нравственно развитее, вообще культурнее и если бы окружавшая его в детстве и юности среда была более сознательной в отношении своей русской народности, то он отнесся бы критически к польским влияниям и дал бы им внутренний отпор; но при полной невежественности, нрав-

ственной распущенности, в связи с склонностью к пьянству и атрофией религиозного чувства он был пред ними беззащитен.

Польское восстание лишило Шевченко возможности оставаться далее в Варшаве, и он должен был возвратиться на родину, к своему пану. Но здесь он недолго пробыл, ибо владелец Шевченко Энгельгардт вскоре выслал его продолжать обучение живописи в Петербург. В невольской столице Шевченко познакомился случайно с целым кружком земляков, которые оказали решительное влияние на его дальнейшую судьбу. Прежде всего, принял в нем сердечное участие художник И. М. Сошенко⁴¹. Впоследствии он с горечью вспоминал, как испорчена была натура Шевченко и как трудно было бороться с его порочными склонностями, чтобы сколько-нибудь направлять его на путь истины. Потом занялся Шевченко скульптор Мартос⁴². Навещая Шевченко, он наткнулся в его комнате на лубяной ящик, беспорядочно заваленный листками бумаги с написанными на них стихами Шевченко на наречии его родины, которым сам Шевченко не придавал никакого значения. Мартос забрал листки на просмотр. Стихи написаны были совершенно безграмотно и представляли страшную смесь цинизма, сальности, безвкусыя с благоуханием вдохновения, с наивным лиризмом и свежестью деревенского чувства. Соединение в сельском парне поэтического таланта с художественным привлекло к Шевченко внимание третьего земляка, довольно известного в то время писателя Е. П. Гребенки⁴³, и знаменитого художника Карла Брюллова⁴⁴. Через Брюллова Шевченко сделался известным поэту и вместе с тем воспитателю наследника престола В. А. Жуковскому. Последний, при участии императрицы Александры Феодоровны, устроил в 1838 году выкуп Шевченко на волю из крепостной зависимости от владельца его, Энгельгардта. Вместе со свободой Шевченко получил право поступить в Академию художеств и сделался одним из ближайших учеников «великого Карла», как называли Брюллова его почитатели. Между тем Мартос и Гребенка выбрали из вороха стихов Шевченко те, которые им нравились и удовлетворяли эстетическому чувству, и литературно их обработали. Это собрание подправленных стихов Шевченко вышло в свет в 1841 году под заглавием «Чигиринский кобзарь».

Покровители Шевченко в Петербурге принадлежали к либеральным кругам русского общества и горячо желали скорейшего освобождения русского крестьянства из тисков крепост-

ной зависимости. Шевченко интересовал их не столько сам по себе, сколько как живой протест против крепостного права. Указывая на него, они могли говорить правительству и обществу: смотрите, сколько подобных Шевченко талантов рассеяно в толще крестьянства, и все они бесплодно погибают от невозможности свободно и правильно развиваться в условиях зависимости от произвола владельцев. Дайте крестьянству свободу, и таланты из его среды станут нормально подниматься вверх, освежать высшие круги и работать в пользу родины. Покровители Шевченко закрывали глаза на его пороки, готовы были все свои дарования подставить под его личность, чтобы только подчеркнуть на его примере весь ужас пережившего свой внутренний смысл крепостного права. Позднее литературную деятельность Шевченко взял под свое попечение П. А. Кулиш, человек хорошо образованный и талантливый, и лучшие произведения Шевченко 1840-х и 1850-х годов были отрецензированы П. А. Кулишем. По собственному выражению Кулиша, он «дороблював недороблене», то есть отделял произведения Шевченко так, что они получали вполне приличный литературный вид. Иногда эта отделка доходила до того, что Кулиш прямо писал за Шевченко. Так, например, случилось со знаменитой автобиографией Шевченко, напечатанной в журнале Ишимовой⁴⁵ «Звездочка». Если сравнить рукопись Шевченко, изданную факсимиле профессором Эварницким, с печатным текстом автобиографии, то оказывается, что все те благородные мысли и чувства, все те за душу хватающие картинки, которые мы находим в автобиографии и которые создали ей громкую известность, принадлежат перу Кулиша, а не Шевченко. Печатный Шевченко эпохи предварительной цензуры — это почти то же, что Кузьма Прутков в русской литературе, — имя, которым прикрылась группа лиц для достижения желаемого воздействия на общество.

В 1843 году Шевченко получил звание свободного художника. Вместо того чтобы ехать за границу для продолжения художественного образования и для усовершенствования живописной техники, как сделал бы на месте Шевченко всякий более культурный человек, он удовольствовался получением места преподавателя рисования в Киевском университете, отправился в Малороссию и здесь загубил шесть лет зрелой жизни (от 34 до 40 лет) в пьянстве с пирятинскими «мочемордами» Закревскими, с киевским портным Сенгилом и с другими собутыльниками кото-

рых нетрудно было найти в тогдашней пьяной Малороссии. Еще в 1870-х годах на Полтавщине и в Киеве ходили целые легенды о пьяных ночных оргиях с участием Шевченко и о том, как он там для потехи опьяневших приятелей распевал, потушивши свет, циничные («срамные») песни своего сочинения. официальным делом, которое было ему поручено, когда он ехал юг, то есть преподаванием рисования в Киевском университете, Шевченко, кажется, не удосужился заняться. Художественная и литературная производительность его за эту лучшую пору его жизни была также относительно весьма невелика.

В 1848 году Шевченко был арестован за участие в киевском Кирилло-Мефодиевском братстве, отдан в солдаты и служил сначала в Оренбурге, а потом в Закаспийской области. После амнистии 1856 ода он поселился в Нижнем Новгороде, пока не получил разрешения переехать в Петербург, где и водворился до конца жизни (26. 02. 1861 г.) в одной из комнат здания Академии художеств. В одном из примечаний к посмертной поэме «Кулиш у пекли», изданной И. М. Каманиным, П.А. Кулиш свидетельствует, что Петербурге в последние годы жизни Шевченко не переставал предаваться лютому пьянству, которое и было главной причиной его преждевременной смерти. В самой поэме Кулиш представляет Шевченко грешником, наказанным тем, что под носом у него стоит бочонок с ароматным ромом, которого он никак не может хлебнуть.

Русское образованное общество не знало подлинного Шевченко, пока не были обнародованы его так называемые запрещенные сочинения и различные материалы для его биографии. Приятели и предварительная цензура до неузнаваемости приукрасили его образ. Обнаженный Шевченко был известен лишь немногим, посвященным в тайны его души и быта, как, например, И. М. Сошенко или П. А. Кулишу. Кое-какие запрещенные стихотворения Шевченко («Мария», «Сон», «Кавказ») ходили по Малороссии в списках, но не могли иметь широкого распространения и служили лишь в некоторых кругах удобным орудием для противорелигиозной и революционной пропаганды. Только постепенно выступил наружу звериный лик Шевченко, и все увидели, сколько в этом истинном хаме скопилось ненависти и злобы против Бога, против Русского Царя, против какой бы то ни было власти, против всякого общественного или имущественного неравенства, неизбежного в человеческом общежитии. Шевченко

был по духу большевиком задолго до того, как на исторической сцене появилось «большевичество» и овладело Россией. Теперь о нем происходит любопытный спор: пресловутый профессор М. С. Грушевский уверяет, что Шевченко — не кто иной, как только заправский украинский социал-революционер, а иудеи из «советов» бьют себя в грудь, доказывая, что Шевченко настоящий коммунист-большевик и должен быть посмертно зачислен в ряды их партии.

Выше мы упомянули, что Шевченко в середине 1848 года был арестован за участие его в Кирилле-Мефодиевском братстве. Это было тайное общество, организовавшееся в Киеве из двух-трех десятков молодых людей, по образцу польского «Славянского общества», основанного в 1854 году в Париже, среди польских эмигрантов, Богданом Залеским. Почти все более выдающиеся братчики слагали свои политические взгляды и убеждения под сильными польскими влияниями. Душой братства был Гулак⁴⁶, из полтавских дворян, воспитанник Дерптского университета, напивавшийся революционными идеями от польской молодежи, в большом числе собиравшейся в Дерпте после закрытия университетов Виленского и Варшавского. Из прочих братчиков, кроме Гулака и Шевченко, выделялись еще своими талантами Костомаров⁴⁷ и Кулиш. Оба впоследствии внесли богатые вклады в русскую историографию. Члены братства усвоили себе от поляков мнения графа Яна Потоцкого и графа Фаддея Чацкого, будто русские обитатели бывшей Польши это вовсе не русские, а особый народ украинский, не имеющий ничего более общего с русским народом, кроме родства по славянским предкам. Братство в своей программе развивало грандиозные политические замыслы:

- 1) отменить крепостное право в России;
- 2) освободить украинский народ из-под русской власти, а прочие славянские племена — из-под ига тех государств, в состав которых они входят;
- 3) организовать у всех славян национальные республики на основе всеобщего избирательного права; граждане этих республик, кроме равенства перед законом, должны пользоваться правом бесплатного обучения в правительственных школах своих детей и полной свободой слова, печати, собраний и союзов;
- 4) объединить все славянские республики в одну общеславянскую федеративную республику с общим федеральным парламентом и правительством.

Из опубликованных исторических материалов о братстве не совсем ясно, какими средствами предполагали братчики приблизиться к достижению своих целей: путем ли только мирной пропаганды своих идей или же возбуждением среди тех или других славян вооруженных восстаний.

История оказалась чрезвычайно благоприятной замыслам кирилло-мефодиевцев и осуществила главнейшую их идею — относительно национальных славянских государств: теперь существуют Царство Болгарское, Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, Республики Польшая и Чехословацкая. Крепостное право в России было отменено по мановению императора Александра II, но это не предохранило Россию от гибели в 1917 году.

Взамен освобожденных славян оказалась порабощенной Россия.

Кем же? Иудеями! На месте бывшей России пышно расцвело отвратительное иудейское государство. Совершенно утопической мечтой оказалась федерация славянских государств. Какая федерация возможна без России и при существовании таких лютых антагонизмов, как между Польшей и Чехословакией, с одной стороны, и Болгарией и Югославией — с другой! «Самостийна Украина» появилась было на мировой сцене в 1917 и 1918 годах, но быстро исчезла как мертворожденная.

Но мы уклонились в сторону. Мы должны пока отметить, что если «украинский народ» и политический о нем вопрос сочинили польские ученые и писатели, то начало «украинскому движению», то есть стремлению некоторых кругов в Малороссии не только доказывать необходимость отделения «украинского народа» от России и создания для него особого языка, отдельной литературы и самостоятельной государственности, но и практически осуществлять эти задачи в жизни, — положило Кирилло-Мефодиевское братство.

Русское правительство того времени, напуганное революциями, разыгравшимися во всех странах Европы, не могло отнестись снисходительно к замыслам кирилло-мефодиевских братчиков. Если бы оно применяло те способы политической охраны своей власти, какие выработали большевистские иудеи в «чрезвычайках», то оно должно было бы расстрелять членов братства. Но царское правительство поступило по-отечески. Одного Шевченко за глумление в стихах над коронованными особами, за богохульство, кощунство и цинизм определили в солдаты,

остальных же разослали по разным городам, чтобы они не могли поддерживать общения между собою, предоставив им право служить в местных присутственных местах; Костомарова, например, выслали в Саратов, а Кулиша — в Тулу. Оба не прервали там своей литературной деятельности: Костомаров обработал историческую монографию «Богдан Хмельницкий», а Кулиш — «Записки о жизни Н. В. Гоголя» и дивные свои «Записки о Южной Руси» (1856).

1850-е годы были самым глухим временем в истории украинского движения. Разрозненные кирилло-мефодиевские братчики сидели по своим углам в провинциальных городах, и каждый был занят своим делом. Война с Турцией, а потом Севастопольская кампания отвлекли умы в область международных политических вопросов. После Парижского мира последовала амнистия Для бывших братчиков, и более талантливые из них стали съезжаться в Петербург. Занималась заря 1860-х годов — эпохи, как принято выражаться, «великих реформ», на самом деле плохо продуманных и неразумных, доведших Россию до современной нам эпохи «великих потрясений» и ига иудейского.

В Петербурге поселились Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, брат жены Кулиша В. М. Белозерский⁴⁸, Шевченко. К ним присоединились некоторые, проживавшие временно в столице, более молодые земляки: А. Ф. Кистяковский⁴⁹, Костенецкий, Честаховский. Образовался кружок, который на средства некоего Катенина начал издавать «украинофильский» ежемесячный журнал «Основа».

Пользовались типографией, которую незадолго до того устроил на свое имя П. А. Кулиш. Руководящие статьи писались по-русски, а в отделе беллетристики помещались стихи и рассказы на полтавско-чигиринском наречии, наиболее широко распространенном из малорусских говоров. Специфического «украинского» языка, искусственно выработанного по плану профессора М. С. Грушевского и его сотрудников в Львове в 1890-х годах, в то время еще не существовало. Даже Шевченко писал по-русски свой незатейливый «Дневник», отрывки из которого печатались в «Основе». Неполных два года (1861—1862) выходила «Основа» и прекратилась за исчерпанием средств к изданию.

Несмотря на легкий оттенок тенденциозности, «Основа» служила выражением нормального и здорового малороссийского патриотизма. Если бы позднейшее «украинофильство» рабо-

тало свою ткань на основе «Основы», то оно было бы крайне желательным явлением в жизни Южной и Юго-Западной России. Национальное русское самосознание, вследствие необычайной обширности русской территории, немыслимо без горячей любви к ближайшей родине, к ее старине, к исторически сложившимся особенностям ее быта. Необходимо только, чтобы эта любовь была осмысленной и свободной от всякой тенденции, чтобы она правильно оценивала отношение одной ветви народа к целому народному дереву, чтобы она не руководилась какими-либо корыстными целями или извне навязанными предубеждениями.

«Основа» стояла на добром пути. Устами Костомарова она правильно говорила о двух русских народностях, а не о двух народах — украинском и русском, как польские ученые граф Потоцкий и граф Чацкий; правильно говорила о федеративном начале в Древней Руси, представляя эту Русь хотя разделенной на земли, но связанной общей православной верой и единым княжеским родом Рюриковичей, имевших своих представителей на столах всех русских земель; Владимира Святого и Ярослава Мудрого она называла русскими князьями, а не украинскими, как делает это профессор М. С. Грушевский. Если русский националист прочтет от доски до доски все книжки «Основы» в их сиренево-голубоватых обложках (помнится, их вышло двадцать), то его чувство ничем не будет задето и раздражено. Мысли статьи Н. И. Костомарова «О федеративном начале в Древней Руси», чуть ли не важнейшей из статей «Основы», прочно привились в русской исторической науке, вошли в «Курс русской истории» К. Н. Бестужева-Рюмина⁵⁰ (1872) и породили обширную литературу областных монографий.

В «Основе» впервые печатно выступил человек, которому потом суждено было сыграть выдающуюся роль в украинском движении. Мы имеем в виду Владимира Вонифатьевича Антоновича⁵¹ и его знаменитую «Исповедь». В своей недоконченной автобиографии В. В. Антонович довольно путано говорит о своем происхождении, но, по официальным данным, он был польским шляхтичем Киевской губернии, католического вероисповедания. Отец его был, по-видимому, выходцем из Литвы. Родился он около 1830 года приблизительно в тех же условиях, как Северин Гощинский или Богдан Залеский, но очень рано почувствовал, что он не поляк. После получения гимназического образования в Одессе он поступил на медицинский факультет Киев-

ского университета, который и окончил в 1855 году. Но врачебная профессия его не удовлетворяла. Он перешел на историко-филологический факультет того же университета и предался занятиям историей. По окончании второго факультета В. В. Антонович сделался преподавателем киевских среднеучебных заведений; ученые же занятия свои, к коим питал особую склонность, сосредоточил в Киевском центральном архиве.

На заре 1860-х годов поляки лихорадочно готовились к новому восстанию против России. В. В. Антоновичу предстояло решить, на чьей стороне он будет: на польской ли, как будто ему родной, или на русской. Занимаясь в Центральном архиве, В. В. Антонович на основании исторических документов убедился, что в Киевщине, на Волыни и в Подолии ополячился и окатоличился только высший помещичий душевладельческий класс, а крепостная мужицкая масса всегда оставалась русской и православной, претерпевая тяжкие гонения за веру и народность; что поэтому Россия, как национально русское государство, имеет гораздо более прав на эти края, чем Польша, к воскрешению которой стремятся поляки, подготавливая восстание; что, наконец, люди демократических взглядов, хоть бы и польской национальности, живущие в пределах этих краев, для достижения единения с народом должны принять его веру и народность. В своей «Исповеди» В. В. Антонович чистосердечно заявляет, что он уходит из польского лагеря, так как поляки только ложью подкрепляют свои притязания на Юго-Западную Россию, и заканчивает малорусской поговоркой: «Брехнею свит перейдеш, та назад не вернешься».

Освобождение крестьян от крепостной зависимости с наделением их землей, по манифесту императора Александра II 19 февраля 1861 года, вызвало страшный обвал в русской жизни. «Порвалась цепь великая, — говорит поэт (Н. А. Некрасов), — порвалась и ударила одним концом по барину, другим — по мужику». Началось небывалое до того в России брожение идей. В частности, в Малороссии проявилась так называемая «хлопома́ния», то есть стремление к сближению с простым народом в языке и в формах жизни и быта, чтобы как бы извиниться перед ним за прежнее к нему пренебрежение. Молодые люди и девушки из образованных семей стали одеваться по-мужицки — в свитки, запаски, корсетки, — стали говорить между собою по-малорусски, ходить на досвитки и вечерницы, куда собиралась для развлече-

ния сельская молодежь. Хотели как бы стереть всякую разницу во внешности между паном и хлопом. В городах по образу сельских общественных сборищ завели «громады» — для изучения народной души в ее словесных произведениях — песнях, сказках, легендах, пословицах и поговорках, — народного быта и хозяйства и для совместного обсуждения политических и общественных вопросов. Некоторые молодые мужчины в своем энтузиазме доходили до того, что женились на сельских девушках, по образцу Сагайдачного и Параси в повести Кулиша «Майор», чтобы кровно породниться с простым народом и вывести новое поколение людей — без панских предрассудков. Этому течению поддавались даже и немалороссияне по происхождению; так, например, известный художник Лев Жемчужников⁵², гостя в селе Линовице Пирятинского уезда в семье графа де Бальмена, по идее женился там на простой сельской дивчине. Из польской аристократической среды богатый киевский помещик Фаддей Рыльский также идейно вступил в брак с крестьянской дочерью Меласей. Такие поступки считались тогда гражданскими подвигами, о них с большим интересом говорили в молодых кружках, и о героях подобных романов слагались целые легенды. В «хлопомании» нельзя не подметить сильных польских влияний. Недаром П. А. Кулиш эпиграфом к своей показательной повести «Майор» выбрал стихи Мицкевича:

Gdybym miał dać swoje serce komu, Oddałbym dziewczynie z wieśniaczego domu; Stałbym ojcem, synem mego ludu — Godny trud życia, godne życie trudu⁵³.

Польские термины *Украина, украинцы* понемногу начинают входить в эту пору в общий обиход, вытесняя более старые — привычные, например, Гоголю — и более правильные термины: *Малороссия, малороссияне* или *Малая Русь, малорусы*.

Упомянутые выше «громады» по условиям тогдашней русской политической системы носили конспиративный характер и работали тайно, в подполье. Если «громады» в меньших городах, как Полтава, ограничивались преимущественно народным маскарадом да сливами, то киевская «громада», в которой участниками были люди таких больших умственных сил, как В. В. Антонович, М. П. Драгоманов, А. Ф. Кистяковский, П. П. Чубинский⁵⁴, П. И. Житецкий⁵⁵, К. П. Михальчук⁵⁶ и многие другие лица незаурядных способностей, приобрела вид тайного клуба с широкими научными и политическими целями и горизонтами.

Когда в январе 1863 года поляки поднимали восстание против России, они очень рассчитывали на помощь «украинцев» и вели в этом направлении усиленную пропаганду, маня на девиз борьбы: «За свободу вашу и нашу». Но эти призывы не нашли отклика в «украинских» сердцах, за немногими случайными исключениями вроде офицера-«украинца» Потебни (брата известного харьковского профессора А. А. Потебни⁵⁷), изменившего долгу службы и присоединившегося к повстанцам. Потебня учился в радомской гимназии и принадлежал к числу тех духовно искалеченных в польской среде русских, о которых была речь выше. Что касается русского крестьянства в Юго-Западном крае, то оно, по низкому духовному развитию, не могло сознавать своей национальности, но охотно выступило на помощь правительству против взбунтовавшихся панов как против бывших своих утешителей. «Украинцы», несколько зараженные польскими взглядами и склонные отрицать свой русизм, все-таки не могли сочувствовать полякам, ибо прекрасно знали, что поляки притязают на восстановление Польши в границах 1772 года и, следовательно, хотят распространить свою власть на Киевщину, Волынь и Подолию, то есть на самое ядро неньки-Украины. «Воспоминания» Владимира Михайловича Юзефовича и польская драма Леонар-Совинского⁵⁸ «Na Ukrainie» живо рисуют нам борьбу настроений киевском умственном центре в пору польского восстания и роль J. В. Антоновича в создании среди «украинцев» польских антипатий. В общем, можно сказать, что восстание 1863 года отбросило «украинцев» в русский лагерь, примирило их с деятельностью правительства и даже толкнуло многих из них на службу русскому делу в Иольше. Назовем хотя бы П. А. Кулиша, В. М. Белозерского, Ф. Г. Лебединцева⁵⁹ и Е. М. Крыжановского⁶⁰, которые поехали в Варшаву на призыв князя Черкасского⁶¹ и Н. А. Милютин⁶².

В «громадах» вошли в моду старинные антипольские песни из (времен казацких войн. Встает знакомая картина: соберутся несколько «громадян», выпьют по чарке доброй оковиты во славу Неньки Украины да и грянут хором под аккомпанемент гитары:

Гей, не дывуйте, добрій люде,
Що на Вкраїни повстало;
Там за Дашевым, пид Сорокою,
Множество ляхив пропало.
Сам Перебійнис просыт немного,
Симсот козакив з собою,

Рубає ляхам голови з плечей,
А решту⁶³ топыт водою.
Ой, пийте, ляхи, води калюжи,
Води калюжи болотяній,
А що пивали на тій Вкраїні
Меди та вина сьїтній.

В эту же пору стал распространяться и «украинский» гимн «Ще не вмерла Украина», сочиненный Павлом Платоновичем Чубинским в подражание польскому гимну «Jeszcze Polska nie zginęła».

После бурного периода польского восстания «украинское» движение в своем главном центре, в Киеве, затихло. Главнейшие представители его, М. П. Драгоманов и В. В. Антонович, занялись научной работой. М. П. Драгоманов писал магистерскую диссертацию об императоре Тиверии, а В. В. Антонович собирал в Центральном архиве материалы о днепровских казаках и издал в серии томов «Архива Юго-Западной России» сначала акты о казаках с появления их на исторической сцене, а потом о последних временах казачества на правом берегу Днепра. Обширное предисловие ко вторым актам послужило ему магистерской диссертацией. С 1868 года Драгоманов, а с 1870 года Антонович были избраны доцентами по историческим кафедрам Киевского университета.

VII

Изучение истории является главным основанием народного самосознания. К. Н. Бестужев-Рюмин и М. И. Коялович⁶⁴ всю историческую науку определяли как народное самосознание. В частности, малороссийское самосознание должно покоиться на тщательном и беспристрастном изучении местной истории. Единственным учреждением в Киеве, предназначенным содействовать этому изучению, была Комиссия по разбору древних актов, учрежденная еще в середине 1840-х годов по мысли профессора Н. И. Иванищева⁶⁵. Во главе ее, в качестве председателя, стоял человек образованный, но очень отставший от жизни — Михаил Владимирович Юзефович, бывший в генерал-губернаторство Бибикова помощником попечителя Киевского учебного округа. Специальное назначение Комиссии и скудные ее средства не давали свободы для постановки и разработки с ее помощью более разнообразных и широких задач, выходящих за рамки соб-

ственно истории в узком значении этого слова, и притом по архивным материалам. Никакого исторического общества, никакой академии наук в Киеве в то время не было. Между тем участники «громады» рвались к работе. Явилась мысль исходатайствовать согласие Русского географического общества в Петербурге на открытие в Киеве его отдела. Со стороны Общества препятствий не встретилось, юго-западный отдел его был открыт, все почти «громадяне» влились в него в качестве членов, и началась очень оживленная деятельность. Стали появляться книжки «Записок» отдела со статьями самого разнообразного содержания (т. 1 — 1874 г.; т. 2 — 1875 г.). Под руководством П. П. Чубинского снаряжена была экспедиция в Юго-Западный край для исследования местных говоров, для записывания произведений устной народной словесности и вообще для всестороннего изучения народного быта и хозяйства. Этим приводилось в исполнение одно из давнишних пожеланий киевской «громады». В юго-западном отделе Русского географического общества сосредоточилось в эту пору почти все «украинское» движение как стремление выяснить действительное лицо малорусского народа.

К этому времени относятся такие важные издания, как «Чумацкие песни» И. Я. Рудченко⁶⁶ и «Исторические песни малорусского народа» В. В. Антоновича и М. П. Драгоманова.

Опыты литературной разработки малорусского наречия по-прежнему продолжались. П. А. Кулиш перевел всего Шекспира (несколько драм напечатано во Львове в 1882 году), сочинил исторические драмы «Байда», «Царь Наливай», но мало печатал. Вместе с галичанином Пулюем он перевел Новый Завет.

Выступали новые силы: И. С. Левицкий⁶⁷, окончивший курс Киевской Духовной академии, писал повести и рассказы из народной жизни на реке Роси чудным местным говором. Это та Рось, о которой кто-то сложил песню:

Поки Рось зоветця Росью,
Днипро в море льетця,
Поты серце козацьке
з паньським не эживетця...

Кто не помнит таких вещей И. С. Левицкого, как рассказец «Чому баба Палажка не могла вдержатись на сели?».

М. П. Старицкий⁶⁸ писал драмы, перевел шекспировского «Гамлета» со знаменитым вопросом: «Буты чы не буты? — ось-

то заковыка». Появились подражатели Шевченко — «Тарасики», как над ними подтрунивали.

Сосредоточием торговли малорусскими книгами в Киеве был магазин Луки Васильевича Ильницкого на Большой Владимирской улице, недалеко от городского театра. Лука Васильевич — «Лука веселенька», как в шутку его называли, — был маленький, невзрачный человек, «в вусах», крайне наивный, выражавшийся «по-сильскому» не для показа, а потому, что он действительно не умел иначе говорить, постоянно сидел в своем магазине и старался привлекать покупателей не только выбором книг, но и своими незатейливыми «балачками».

В середине 1870-х годов «украинское» движение — в его целом как выражение местного патриотизма, как проявление малорусского духа — совсем не носило еще революционного характера. Всегда опасный бродильный еврейский элемент в нем отсутствовал, если не считать участников «громады» Всеволода Абрамовича Рубинштейна и Вильяма Людвиговича Беренштама, которые совершенно оторвались от еврейского корня и были женаты на русских. Нельзя того же сказать об отдельных личностях, примыкавших к движению. М. П. Драгоманов, несмотря научную подготовку, рано увлекся разрушительными учениями немецких иудеев Фердинанда Лассалья («Критика приобретенных прав») и Карла Маркса («Капитал») и стал социалистом и агитатором. Потом он дошел до анархизма. Летом 1875 года он добровольно эмигрировал за границу, очевидно, сам сознавая, что русское правительство не может отнестись снисходительно к его агитационной деятельности среди студенчества. Он поселился в Женеве и стал издавать по-малорусски журнал «Громада» революционного социал-демократического направления. Тут в своем рассказе мы подошли к самому критическому моменту «украинского» движения: в лице М. П. Драгоманова оно приняло в себя все содержание иудейского революционного марксизма, который, как мы видели нашими глазами, есть лишь переходная ступень к самому первобытному, животному коммунизму; с этих пор «украинским» оно могло называться лишь постольку, поскольку оно предназначено было действовать и развиваться в «украинской», или малорусской, среде. Малорусский национализм в его романтически народнических формах теряет всякое значение. На первый план выступает интернациональный идеал Карла Маркса и прочих иудеев, только облеченный для обмана глаз в

малороссийскую сельскую свитку. Драгоманов был чрезвычайно плодovit в своих писаниях, его сочинения легко проходили через русскую границу, и он сыграл такую же роль в революционизировании наивных «украинцев», какую в свое время сыграл А. И. Герцен относительно всего русского общества.

Украинский социализм М. П. Драгоманова после эмиграции его за границу, прежде чем проникнуть в Россию, нашел подходящую почву для своего распространения в Червонной Руси, или Галиции, которую теперь, после восстановления польского государства, поляки называют восточной Мало-Польшей.

VIII

Червонная Русь очень давно откололась от русского пня. После того как в день Благовещения, 25 марта 1340 года, бесспорно скончался во Владимире-Волынском последний владетельный галицко-волынский князь Юрий II, называвший себя в грамотах князем всея Малые России, началась продолжительная борьба между соседями за его наследство, подробно описанная в превосходной диссертации покойного профессора И. П. Филевича⁶⁹. Она закончилась тем, что польский король Казимир Великий⁷⁰ присоединил все владения Юрия II к Польше. С тех пор Червонная Русь в течение четырехсот с лишком лет делила общие судьбы Польши, переживала весь тот трагический польский беспорядок («*nierząd*»), который с таким мастерством изобразил Вл. Лозинский⁷¹ в своем двухтомном труде «*Prawem i lewem*» (так сказать, «правым и левым боком»). Тем временем высшие сословия ее, дворянство и мещанство, ополячились, а черному народу навязана была уния. Однако последний сохранял свой русский облик, быт и язык. Женатое униатское духовенство в лице своего потомства давало некоторый запас интеллигенции, которая чувствовала себя русской. Червонная Русь не жила, а прозябала, пока и Польша не покончила своего государственного существования.

Мы указывали уже на ту колоссальную ошибку Екатерины II, какую она допустила, согласившись при разделе Польши в 1772 году на присоединение Червонной Руси к Австрии, ибо таким образом часть русского народа переходила из-под власти поляков под власть немцев, вместо того чтобы вновь прирасти к старому русскому пню. Но австрийское владычество принесло русским галичанам и некоторую пользу, так как в правительственной немецкой школе они начали приобщаться к европейской обра-

зованности, которой лишены были в Польше. В 1830-х годах под влиянием идей Гердера⁷² и немецкого романтизма пробудилось среди них русское народное самосознание. Дети униатских священников открыто признали себя русскими. Выступила на поле деятельности памятная галицкая тройка: Шашкевич⁷³, Вагилевич⁷⁴ и Головацкий⁷⁵. В 1837 году помянутые молодые энтузиасты русской старины и народности в Червонной Руси выпустили в свет маленькое собрание своих стихотворений под заглавием «Русалка Днестровая». Это была первая русская книжка, появившаяся в Галиции. Венское правительство до некоторой степени сочувствовало пробуждению русского сознания среди галичан, руководствуясь принципом «Разделяй и властвуй» и видя в пробудившихся русских естественных союзников своих против поляков. Одно время в Вене русских галичан принято было называть «тирольцами Востока». Тем не менее на родине они не могли получать образования по русским книгам и в русском духе, учились в гимназиях по-немецки и обыкновенно заканчивали курс в Венском университете. Таким образом, разобщенные государственной границей с русской образованностью, они не имели возможности вырабатывать в себе умение правильно говорить и писать по-русски. Немногие галицкие ученые, работавшие у себя на родине на русском языке, как, например, каноник Петрушевич⁷⁶, писали очень странным слогом, с неудачным подбором слов, так что язык их резал ухо настоящего русского из России. Другие, как профессор Исидор Шароневич или Дионисий Зубрицкий⁷⁷, предпочитали писать по-немецки или по-польски, лишь изредка обращаясь к русскому языку в галицком его облачении. Весьма значительное число галичан, чувствовавших себя русскими, тяготясь условиями жизни под австрийской властью, охотно эмигрировали в Россию, в особенности когда с начала 1870-х годов открылась для них возможность занимать места преподавателей древних языков в преобразованных классических гимназиях. Таковы: автор учебника латинской грамматики Ю. Ходобай, Я. И. Гринчак, Н. И. Козловский, профессор А. С. Крыловский, М. Г. Астряб и многие другие.

Между тем в самой Галиции произошел политический переворот: из австро-немецкой провинции она сделалась польской автономной областью с императорским наместником из родо-витых поляков во главе. При общераспространенной ненависти поляков к России русское движение в Галиции не могло представ-

ляться областному польскому правительству иначе как подозрительным и вредным. Как огня боялись правящие поляки возможности тяготения галицких русских к державной Руси.

Вот почему поляки очень сочувственно отнеслись к появлению в Галиции из-за русской границы «украинцев», то есть русских ренегатов, отщепенцев, по невежеству и недомыслию, от русского народного ствола под влиянием польского учения Потоцкого и Чацкого, а позднее Духинского⁷⁸, об отдельности «украинского» народа и об отсутствии в нем русизма, или «русскости».

Зарождение украинского движения в Галиции можно датировать с 1868 года, когда во Львове основано было общество «Просвита» в целях распространения среди галицко-русского народа просвещения не на общерусском литературном языке, а на языке Котляревского и Квитки, Шевченко и Кулиша.

В 1872 году приехал во Львов из Полтавы старый кирилло-мефодиевский братчик Д. П. Пильчиков⁷⁹ и привез тысячу гульденов для открытия здесь «Товариства (общества) имени Шевченка», которое предназначено было объединять галицких украинцев с закордонными российскими для работ научных, литературных и издательских. Деньги эти были пожертвованы богатой полтавской помещицей Елизаветой Ивановной Милорадович, урожденной Скоропадской, родной теткой актера недолговечного опереточного гетманшафта в 1918 году П. П. Скоропадского. «Товариство имени Шевченка» сначала развивалось вяло, но позднее, между 1894 и 1914 годами, проявило широкий размах деятельности и содействовало оживлению украинского движения. В середине 1870-х годов гораздо важнее было распространение среди русских галичан социалистических идей в обработке М. П. Драгоманова и его галицкого приятеля Павлика⁸⁰. Из этого направления вышел Иван Франко⁸¹, талантливый ученый и писатель, деятельность которого отразилась на целом поколении украинствующих галичан.

IX

Мы уже упоминали, что в Киеве в 1870-х годах председателем Комиссии по разбору древних актов, единственного официального учреждения для разработки местной истории, был Михаил Владимирович Юзефович. В 1840-х годах он занимал должность помощника попечителя Киевского учебного округа при Д. Г. Бибикове⁸², который в своем лице совмещал должности гене-

рал-губернатора и попечителя учебного округа. Занятый сложными делами по управлению Юго-Западным краем, Д. Г. Бибииков оставил за собой главным образом политический надзор за духом ведомства, повседневное же управление округом предоставил почти всецело М. В. Юзефовичу, который, таким образом, являлся фактическим руководителем учебного дела в округе.

М. В. Юзефович был помещиком Пирятинского уезда Полтавской губернии и принадлежал к малороссийскому дворянству.

Потомство малороссийской казацкой старшины, превратившееся в 1785 году в малороссийское дворянство, сыграло выдающуюся роль в истории Российской империи. В семейных преданиях оно свято хранило память о тяжелой борьбе, которую пришлось выдержать его предкам за православную веру и русскую народность против католической польской государственности, и потому особенно дорожило как неповрежденностью веры, так и мощью Российского царства. Можно сказать, что малороссияне, начиная с Феофана Прокоповича⁸³, которому принадлежала самая мысль о русской империи, непрестанно созидали и укрепляли империю, в то время как московские князья Долгорукие или Голицыны не задумались бы из-за личных честолюбий легкомысленно ее развалить. Малороссия дала Русской Церкви таких святых, как Дмитрий (Туптало) Ростовский⁸⁴, Иоанн (Максимович) Тобольский⁸⁵, Иоасаф (Горленко) Белгородский⁸⁶, таких иерархов, как Самуил Миславский, Сильвестр Кулябка или Христофор Сулима и многих других, а империи она дала таких деятелей, как Безбородко⁸⁷, Гудович⁸⁸, Завадовский⁸⁹, Кочубей⁹⁰, Паскевич⁹¹, отличенных княжескими и графскими титулами. Достаточно бегло просмотреть четыре тома неоконченного, к сожалению, «Малороссийского родословника» В. А. Модзалевского, чтобы убедиться, насколько много выдающихся сил выставило на служение русскому государству потомство малороссийской казацкой старшины. Тесно связанное с нею в XVIII веке духовенство тоже не отставало. Явление это совершенно понятно. Высшие сословия бывшего Московского государства пережили Смутное время, но не испробовали иноземного ига. Поэтому национальное сознание не было у них достаточно развито. Малороссия только что освободилась из-под «ига лядского египетского», по выражению Самуила Велички⁹²; люди ее понимали ценность единоверного национального государства и служили ему с полным усердием.

Позднее настроения эти распространились на весь воссоединенный от Польши запад России, пережили эпоху великих реформ императора Александра II, и еще в печальное десятилетие Государственных дум, накануне крушения русского государства, западные части империи с русским населением, но входившие до разделов в состав Польши, высылали депутатов-националистов, тогда как великорусский центр и восток давали октябристов, кадетов и социалистов, которые соединенными усилиями погубили и похоронили русское государство.

М. В. Юзефович и по семейным традициям, и по служебному воспоминанию в духе императора Николая Павловича бережно охранял русское государство от возможных опасностей. В деле Кирилло-Мефодиевского братства он, по преданию, пожертвовал своими симпатиями к Н. И. Костомарову, чтобы исполнить долг службы. В 1870-х годах, будучи уже в отставке и нося только почетное звание председателя Комиссии по разбору древних актов, М. В. Юзефович пристально следил за общественной жизнью Киева и с ужасом замечал то противогосударственное направление, которое начало проявлять украинское движение в лице М. П. Драгоманова и его последователей. Пользуясь своими связями в Петербурге, он обратил внимание правительства на опасность, но, к сожалению, отставши несколько от жизни, он не разобрался в подробностях, недостаточно углубился в вопрос и толкнул правительство на ложный шаг. Любовь к малорусской старине и народности, литературная обработка малорусского наречия естественно расширялись по мере того, как вследствие демократических реформ императора Александра II в ряды интеллигенции вливались получавшие образование представители мещанства и крестьянства, которые в домашнем быту привыкли пользоваться сельскими малороссийскими говорами. Юго-западный отдел Географического общества, объединивший в себе малорусских националистов, освещал вопросы народного быта, может быть, не совсем правильно с правительственной точки зрения, но все-таки в его работах было много полезного. Вообще, можно сказать, что «украинское» движение, хотя оно было построено на ложных диалектологических и исторических положениях, подсказанных тенденциозными польскими учеными и писателями, не заключало в себе ничего угрожающего государственному порядку, доколе оно не связалось с марксовским социализмом. Выше мы говорили, что М. П. Драгоманов, как горячий исповедник марксизма,

преобразовал «украинское» движение в социалистическое на «украинском» языке. Он рассуждал так: малорусская интеллигенция под влиянием школы, службы и литературы совершенно утратила свой «украинский» облик и сделалась общерусской; малорусский национализм — это никому не нужный пережиток старины; «украинским» по языку остается только сельский «пролетариат», то есть крестьянство, для блага которого необходимо осуществление социализма; чтобы успешно проповедовать социалистическое учение в селе, необходимо облекать его в формы «украинской» речи. Социализм должен сделаться «украинским». Впоследствии мы увидим, какую гибельную роль сыграл «украинский» социализм в эпоху русской революции 1917 года.

Беспокойство любящего русское государство М. В. Юзефовича по поводу развития в малорусской среде иудейского социализма было прозорливо, понятно и благородно. Как мы убедились из совершившихся на наших глазах фактов, иудейский социализм Лассаля и Маркса в своей самой законченной форме — коммунизма — под руководством современных иудеев — Бронштейна, Апфельбаума, Розенфельда, Бриллианта и сотен им подобных действительно убил русское государство. Значит, опасность грозила не фантастическая, не мнимая, а самая настоящая, и слава тому, кто ее предусматривал. Ошибка М. В. Юзефовича заключалась в том, что он смешал малорусский национальный патриотизм с украинским социализмом, и, вместо того чтобы выяснить пред правительством разницу этих двух течений, он их отождествил. Развитие малорусского национального патриотизма и малорусского литературного слова правительство могло свободно допустить, предоставив самой жизни решить, нужна ли областная малорусская культура при существовании готовой общерусской, созданной главным образом трудами старых поколений тех же малороссиян, или нет. С социализмом как с новым религиозным учением нужно было вести широкую планомерную борьбу в общегосударственном масштабе. Малорусский патриотизм легко можно было даже ввести в государственное русло и противопоставить иудейскому социализму, как об этом мечтали — к сожалению не в пору, с опозданием на десятки лет, в 1917 и 1918 годы — М. И. Коваленко (убит большевиками в январе 1918 года), П. П. Скоропадский, А. А. Сахно-Устимович, С. О. Григоренко и другие.

Между тем удары петербургского правительства посыпа-

лись невпопад. По настоянию М. В. Юзефовича был закрыт объединявший малорусских националистов юго-западный отдел Географического общества, а в 1876 году издан был закон, коим воспрещались как появление в печати каких бы то ни было написанных по-малорусски сочинений в виде книг, брошюр или газет, так и постановка малорусских театральных представлений. Таким образом, малорусское печатное слово лишалось права на существование, естественный малорусский патриотизм признавался преступным, а между тем М. П. Драгоманов ловко улизнул за границу. В борьбе против социализма петербургское правительство не последовало примеру Бисмарка и не предприняло никаких разумных мер в течение тридцати лет, до появления у кормила власти П. А. Столыпина, когда начинать борьбу было уже поздно. Закон 1876 года принес огромный вред русской власти, ибо вызвал раздражение в малорусских кружках, не зараженных социализмом, но желавших развивать областную культуру на местном наречии. Это было бы еще не столь важно, ибо кружки эти («громады») были замкнуты и немногочисленны. Гораздо важнее другое обстоятельство: запрещение малорусского патриотизма с его «ридною мовою» в России вытолкнуло его за границу, в Галицию, в Вену, в Женеву, где русская власть не имела ни сил, ни способов, чтобы следить за его развитием и попытаться ввести его в государственное русло. С 1876 года как малорусским патриотизмом, так и украинским социализмом стали играть враги России: иудеи, масоны, немцы, поляки, папство — в самых разнообразных комбинациях.

Закон 1876 года породил множество несообразностей. Приведем такой пример. Братья Рудченко, Иван Яковлевич и Афанасий Яковлевич, гадячане, были образцовыми по исполнительности чиновниками-службистами. Оба брата держались либеральных взглядов, но не были заражены социализмом и вполне лояльно служили русскому государству. Иван Яковлевич, проходя различные должности, достиг места председателя Варшавской казенной палаты и скончался тайным советником, членом Совета министра финансов. Он очень гордился своей служебной деятельностью и в приятельских беседах был истинным поэтом службы. Афанасий Яковлевич довольствовался местом начальника отделения Полтавской казенной палаты и отклонял всякие повышения, чтобы только не расставаться с любимой Полтавой. Оба Рудченко были талантливыми малорусскими писателями.

Иван Яковлевич, поглощенный сложной службой, постепенно забросил литературу, а Афанасий Яковлевич, имея больше досуга, был плодовит и написал под псевдонимом Панас Мирный целый ряд рассказов и драм, из которых иные (например, «Бондаривна») очень сценичны и перед войной не сходили с репертуара малорусских театров. Как-то в молодости общими силами братья Рудченко (Иван Билык и Панас Мирный) написали чрезвычайно интересный роман «Хиба тоди волы ревут, як ясла повни?». Канвой послужила семейная хроника гадяцких помещиков Войн, а героем являлся сельский парень, искатель правды, который не мог примириться с окружающими условиями жизни и сделался поджигателем («палием»). Это яркий прообраз будущего большевика. Братья Рудченко как бы предчувствовали, что их родной Гадяч делается сценой дикого народного зверства. Лютой смертью погибли там во дни революции местный предводитель дворянства граф Сергей Михайлович Капнист и председатель Гадяцкой земской управы Филипп Иванович Мельников. Последний сначала был оскальпирован обезумевшей от крови толпой, а потом схвачен за ноги и разорван пополам. Несмотря на полную лояльность братьев Рудченко и на художественную ценность их романа, он по закону 1876 года не мог быть напечатан в России и появился в свет в Женеве, в типографии драгомановской «Громады». Запрещение малорусского издательства постепенно привело к тому, что не только такие «украинские» зубры, как Михаил Петрович Старицкий или Александр Яковлевич Кониский (Переходовец)⁹³, стали печатать свои бездарные произведения в Галиции, но и самые безобидные «Тарасики» из полтавских или черниговских трущоб посылали стишки о лаевой (сальной) свечке (Самойленко) или о криничке (Гр. Коваленко⁹⁴) в галицкие журнальчики, существовавшие на средства из России. Львовская «Зоря» наполнялась материалом почти исключительно из-за кордона.

Вторая половина 1870-х годов в Киеве была временем затишья в украинском движении. М. П. Драгоманов пребывал за границей и занимался пропагандой «украинского» социализма в Галиции. В. В. Антонович усиленно работал в области доисторической археологии и писал докторскую диссертацию о первоначальной истории Великого княжества Литовского. А. Ф. Кистяковский занят был изданием важного сборника законов XVIII века, озаглавленного «Права, по которым судится малороссийский народ». К. П. Михальчук служил на пивоваренном заводе

Киевского товарищества и мало имел досуга для тенденциозных филологических занятий «украинским» языком, к которым питал особенную склонность. П. И. Житецкий писал свою превосходную магистерскую диссертацию «Звуковая история малорусского наречия». М. М. Левченко более думал о настойках и наливках, чем об усовершенствовании своего русско-украинского словаря, второе издание которого так и не состоялось. П. П. Чубинский начинал уже впадать в ту хроническую болезнь, которая и свела его в могилу.

Новую струю в умственную жизнь Киевского университета влил профессор Александр Александрович Котляревский, который в январе 1876 года начал в университете преподавание славянской филологии. Настоящий малороссиянин и по смуглости лица, и по тонкому юмору, родом из Кременчуга, воспитанник полтавской гимназии, А. А. Котляревский⁹⁵ по талантливости своей натуры не мог сочувствовать пребыванию в удушливой атмосфере «украинского» подполья, да еще отравленной социалистическими испарениями, и смотрел на славянский мир глазами европейски просвещенного ума, пред которыми жители всех этих Русей — Малой, Белой, Черной и Червонной — являются лишь ветвями единого русского народа. В своих замечательных лекциях по истории славянской филологии профессор А. А. Котляревский подробно разбирал сочинения графа Яна Потоцкого и выяснил его ложный взгляд на обособленность «украинского» народа, который с польской точки зрения действительно жил на «украине», то есть на краю польского государства, но по существу был русским. К сожалению, деятельность профессора А. А. Котляревского в 1881 году была прервана его преждевременной смертью в городе Пиза, в Италии, от грудной болезни.

В 1880 году поселился в Киеве историк Малороссии Александр Матвеевич Лазаревский⁹⁶, приобретший уже известность замечательным трудом «Посполитые крестьяне в Малороссии», напечатанным в «Записках» Черниговского статистического комитета, и целым рядом статей о людях старой Малороссии, появившихся как в упомянутых «Записках», так и в «Русском архиве» П. И. Бартенева. В молодости, будучи студентом Петербургского университета, он принадлежал к петербургской «громаде» и весной 1861 года вместе с художником Честаховским сопровождал тело Тараса Шевченко, перевозимое из Петербурга через Киев в Канев для погребения, согласно «Заповиту», на берегу Днепра.

В 1881 году выслужил пенсию на должности начальника одной из учебных дирекций в Царстве Польском и переехал на жительство в Киев Феофан Гаврилович Лебединцев, брат которого, о. Петр Гаврилович, был в то время в Киеве кафедральным протоиереем. Лебединцевы происходили из Звенигородского уезда Киевской губернии и были горячими малороссийскими патриотами. Феофан Гаврилович в молодости написал дельное историческое исследование об архимандрите Мельхиседеке Значко-Яворском, изданное в серии томов «Архива Юго-Западной России», а о. Петр Гаврилович был глубоким знатоком киевской церковной старины и издал целый ряд брошюр о киевских церковных памятниках.

Однажды сошлись на беседу А. М. Лазаревский и В. В. Антонович и обсуждали вопрос о том, что настало время основать в Киеве, по завету М. А. Максимовича, исторический журнал на русском языке для разработки и всестороннего освещения предметов малороссийской старины и народности. Редакция этого журнала могла бы объединять ученые и литературные силы Малороссии, которые после закрытия юго-западного отдела Географического общества и прекращения его «Записок» лишены были и своего центра, и своего печатного органа. Редактором-издателем намечен был Феофан Гаврилович Лебединцев — во-первых, как человек, не могший внушить правительству никаких подозрений относительно своей лояльности, и во-вторых, как брат кафедрального протоиерея, который своим влиянием мог подвинуть духовенство Киевской епархии и к сотрудничеству в журнале, и к подписке на него. А. М. Лазаревский и В. В. Антонович вместе поехали к Ф. Г. Лебединцеву, и Александр Матвеевич со свойственной ему прерывистой стремительностью в речи обратился к Феофану Гавриловичу: «Вот-с, Феофан Гаврилович, вы-с теперь совершенно свободны. Что вы предпочитаете делать-с: строить дома или издавать исторический журнал?» После некоторых размышлений и колебаний Феофан Гаврилович решил издавать исторический журнал, который получил название «Киевская старина» и начал выходить в свет с 1 января 1882 года.

Феофан Гаврилович вложил в издание «Киевской старины» все свои способности и всю жизненную энергию, какая была ему присуща. С первого же года издания обнаружилось, что круг лиц с сознательным малорусским патриотизмом крайне ограничен и что на широкую подписку рассчитывать нельзя. Постоянно стес-

ненный в денежных средствах на издание, Феофан Гаврилович для сокращения расходов был и редактором, и корректором, и экспедитором журнала. Сверх того, находя, что, кроме крупных статей, необходимо для оживления журнала помещать в нем мелкие заметки более или менее забавного содержания, он сочинял их сам под всевозможными псевдонимами. Вся эта работа была крайне обременительна, и через шесть лет Феофан Гаврилович преждевременно сошел в могилу, главным образом от переутомления. Журналу грозила ликвидация, но его выручил Александр Степанович Лашкевич, землевладелец села Брахлово Новоыбковского уезда Черниговской губернии, воспитанник Киевского университета и собиратель замечательной библиотеки книг, до Малороссии относящихся. Он взял на себя издательство и редакторство и поддержал «Киевскую старину» своими средствами. К сожалению, через два с небольшим года его неожиданно похитила смерть.

Однако «Киевской старине» не суждено было погибнуть. Тесный кружок лиц, сотрудничавших в журнале с самого его основания, решил продолжать дело его издания, несмотря на все материальные затруднения, связанные со слабой подпиской, причем и издательство, и редакторство сделались коллективными. Главой и вдохновителем журнала выступил А. М. Лазаревский и оставался им до самой своей смерти в апреле 1902 года. Редакционные собрания для выработки содержания каждой следующей книжки назначались попеременно у А. М. Лазаревского, у В. П. Науменко⁹⁷, у Н. В. Молчановского⁹⁸, у К. М. Гамалея. Когда в Киев переселился В. В. Тарновский⁹⁹ и перевез сюда из села Качановки свой замечательный музей малороссийских древностей, редакционные собрания неизменно происходили у него, под веянием духа накопленных в музее памятников малороссийской старины и народности.

За двадцать лет существования «Киевской старины» под руководством Ф. Г. Лебединцева, А. С. Лашкевича и А. М. Лазаревского в двухстах сорока книжках ее (1882—1901 годы) появилось множество мемуаров, исследований и заметок, освещающих различные моменты в истории Малороссии, и в частности Киева. Из мемуаров особенно запечатлелись в памяти единственные в своем роде автобиографические записки священника о. Ильи Турчиновского, рисующие быт сельского духовенства в гетманщине XVIII века, воспоминания священника о. Феодора Кистяковского,

родителя профессора А. Ф. Кистяковского, и воспоминания П. Д. Селецкого; из ученых исследований — «Киев с XIV по XVI век» и «Паны Ходьки», «Уманский сотник Иван Гонта» В. В. Антоновича, «Лубенщина и князя Вишневецкие» и «Заметки о Мазепе по поводу книги Ф. М. Уманца» А. М. Лазаревского, «Социнионство в Юго-Западной Руси» О. И. Левицкого, «Мысли о народных малорусских думах» П. И. Житецкого. Мятёжный М. П. Драгоманов присылал в «Киевскую старину» интересные статьи по фольклору под псевдонимом Кузмичевский.

После смерти А. М. Лазаревского «Киевская старина» перешла в ведение В. П. Науменко или, вернее сказать, двух его приятелей, стоящих за его спиной: Е. К. Трегубова и В. Л. Беренштама. Последние годы существования журнала были временем его хирения, окончившегося прекращением издания, кажется, в 1906 году. Названные лица не имели ни подготовки, ни темперамента, нужных для ведения серьезного, беспристрастного исторического журнала. Думая оживить подписку, они начали поворачивать с малороссийского направления на украинское, ввели много бездарной беллетристики, как-то быстро опошлили журнал, однако подписки не расширили. Да и времена наступали уже неблагоприятные для спокойной работы в исторической области. Весной 1902 года обнаружились первые признаки подпольной агитации украинских социалистов: прокатилась волна разгромов владельческих экономий селянами в восточных уездах Полтавской губернии — Константиноградском, Кобелякском и Полтавском — и в смежных местностях Харьковской губернии. В 1905 году разразилась первая российская революция.

Как бы то ни было, ряд томов «Киевской старины» является величественным памятником горячей любви к родине маленькой группы малорусских патриотов, выполнивших бескорыстно громадную работу по выяснению в подробностях прошлых судеб родной земли, которые освободили ее от «папского», «лядского» ига и привели к единству с православным русским миром. Кто в будущем возымеет намерение приступить к изучению истории Малороссии, прежде всего обязан будет перечитать семьдесят с лишком томов «Киевской старины», потому что только в них он найдет точки отправления для дальнейших изысканий.

XI

Обратимся теперь к Галиции. Выше мы говорили, что за-

кон 1876 года вытолкнул за границу, в частности в Галицию, все малорусское издательство. Чтобы развернуть свою деятельность, заинтересованные в этом деле лица должны были заручиться благосклонным отношением со стороны местных властей. Как известно, правительственная власть в Галиции, по доверию из Вены, была передана в руки поляков. Следовательно, украинским «діячам» надлежало установить добрые отношения с поляками. Для этого прежде всего украинцам нужно было отречься от своего русизма, признать себя не русскими, а украинцами, как бы пограничной частью польского народа. На это они с удовольствием пошли, ибо вся украинская идеология вытекала из польских источников и опиралась именно на отрицание «русскости» западно-русского населения. С другой стороны, закон 1876 года был для поляков хорошим козырем в игре против России и ненавистного «царата». Можно было прижать к груди украинцев и совместно оплакивать судьбу неньки-Украины, стонущей под пятой москаля с его традиционными «кнутом» и «нагайкой», потихоньку в душе посмеиваясь над простотой «русина», верящего в польскую дружбу. Однако поляки сильно побаивались присущего украинцам гайдамацкого духа или гнездящейся в них гайдамацкой «идеи». «Идея» эта заключалась в склонности украинцев истреблять панов (помещиков) и жидов и грабить принадлежащее им имущество. Напрасно польские историки называют «идеей» то душевное состояние черни, когда она, потеряв страх перед правительственной властью, отдается своим диким, кровожадным и корыстным инстинктам. Вместо того чтобы признать, что польское правительство никогда не удосужилось завести в принадлежавших Польше русских областях хорошее административное, податное и судебное устройство и что в этом отсутствии стройного государственного порядка корень всех казацких и гайдамацких движений, польские историки любят отделяться общими бессодержательными фразами вроде следующей: «Idea hajdamacka była wykwiem tatarskiego i tureckiego wogóle turańskiego wychowania historycznego ludności ruskiej» («Гайдамацкая идея была цветком исторического воспитания русского народа в духе татарском, турецком и вообще туранском»). Что хотел сказать Фр. Равита-Гавронский¹⁰⁰ этой туманной фразой? Что русский народ жил по соседству с татарами и турками, что он постоянно с ними воевал и что эта длящаяся веками война огрубела и ожесточила его характер? Совершенно верно, нравы степной русской рати,

днепровских казаков и их преемников гайдамаков были грубые, дикие, зверские. Но разве когда-либо и где-либо разнузданная чернь проявляла мягкость, вежливость и добродушие, будь то в Германии в эпоху крестьянских войн или во Франции во время революции? Опыт русской революции также подтвердил, что нет той жестокости, до какой не дошла бы толпа, если она предоставлена самой себе и никого не боится.

Но мы уклоняемся в сторону. Дело было в том, что украинцы в Галиции заигрывали с поляками и льстили им, а поляки побаивались украинских гайдамацких замашек. Много было толков и разговоров, но до «згоды», до примирения, до установления определенных отношений дойти обе стороны никак не могли. Сам «горячий» Кулиш, над которым Д. Л. Мордовцев⁰¹ посмеивался (как Людовик XIV говаривал: «Государство — это я», так П. А. Кулиш отождествляет с собою всю «Украину»: «Украина — это я, Кулиш»), сам, повторяем, Кулиш, кажется, в 1882 году ездил во Львов и похристосовался с поляками печатной «Крашанкой», но все-таки конкретной «згоды» не получилось.

Так прошло лет десять.

И вот около 1890 года выступил на сцену «загадочный» человек, побывал во Львове и достиг «згоды» с графом Бадени⁰², тогдашним наместником Галиции. Она заключалась в том, что польская власть, помимо устранения всяких препятствий к украинскому издательству, согласилась открыть в Галиции несколько гимназий и кафедру истории Восточной Европы во Львовском университете с правом преподавания на украинской мове. Вероятно, существуют печатные материалы, выясняющие подробности этого соглашения, но мы, живя вдали от библиотек, ими не располагаем, а передаем событие так, как о нем рассказывали устно в заинтересованных кружках Киева в начале 1890-х годов. «Загадочным» человеком мы называем профессора русской истории в Киевском университете В. В. Антоновича, имя которого неоднократно упоминалось в нашем изложении.

Владимир Вонифатьевич в самом деле был загадочным человеком. О нем всегда говорили как о прирожденном заговорщике, как об искусном политическом агитаторе, как о важнейшем представителе украинского движения, как об опаснейшем враге русской государственности, а между тем можно было проводить с ним недели на раскопках языческих могильников, можно было часами беседовать с ним в его кабинете, украшенном портретом

Гонты¹⁰³, услышать множество интереснейших указаний и соображений по археологическим и историческим вопросам в пределах беспристрастной науки — и, однако, перед собеседником тайна его души не открывалась. Он оставался увлекательным профессором — и только. Был он христианином или социалистом, чувствовал себя поляком или русским? О каком будущем мечтал он для своей ближайшей родины Малороссии? Действительно ли он верил в отдельность и обособленность «украинского» народа? Все эти вопросы оставались без ответа даже при отношениях близкого знакомства. Очевидно, душа Владимира Вонифатьевича была многогранная и разным людям представлялась не с одинаковых сторон. Кажется, ей органически не свойственна была искренность.

Университетские чтения Владимира Вонифатьевича отличались полной лояльностью по отношению к русскому правительству и соединяли в себе глубину беспристрастного научного исследования вопросов с простотой и убедительностью их изложения. Исторические процессы, о которых шла речь, представлялись происходящими в среде русского народа, «украинский» народ никогда не упоминался. Обыкновенно чтения эти состояли из четырех последовательных курсов: история Древней Руси, история Галицкой Руси, история Великого княжества Литовского и история малорусского казачества. Упомянутые курсы, будучи отлитографированы, служили превосходными учебниками для целого ряда университетских поколений.

Кроме явного преподавания в университете, В. В. Антонович, по слухам, для некоторых посвященных лиц читал на дому или у знакомых тайные лекции на украинской мове то по истории Ирландии как страны, живущей якобы в аналогичных с Украиной условиях и могущей подать ей пример борьбы за политическую самостоятельность, то по истории малорусского (днепровского) казачества. Такой тайный курс последней истории издан был в Черновцах (в Буковине) в виде анонимной книжки под заглавием «Бесиды про козацьки часы на Вкраини». Если мы сравним литографированный университетский курс с книжкой, то, помимо перемены языка, увидим еще громадную между ними разницу. Во-первых, в книжку введено понятие об украинском народе как о самостоятельной этнографической единице; во-вторых, любопытно, что чуть ли не главным признаком отдельности и обособленности украинского народа, более важным, чем физические

расовые отличия или язык, признается отношение его к форме государственного строя. Великорусский народ, рассуждает автор, не хотел принимать участия в политической жизни своей страны и всю полноту власти над собою предоставил царю-самодержцу. Польский народ излюбил олигархическую форму правления, при которой власть сосредоточивается в руках немногих избранных лиц, принадлежащих к знатым и богатым родам. Украинский народ предпочитал всегда демократический республиканский строй, основанный на всеобщем голосовании, и осуществлял его в копных судах, в казацких радах, в церковных братствах. Вот почему украинцы никогда не хотели добровольно подчиниться ни самодержавной Московии, ни олигархической Польше, а лелеяли мечты о самостоятельной государственности свободного республиканского типа. С такой ложной точки зрения рассматриваются все несложные события казацкой истории и оправдывается та «шатность», та склонность к изменам, какую всегда проявляли казацкие вожди. Если бы автор дожил до нашего времени, то он убедился бы, насколько шатка и беспочвенна была его историческая философия и как легко захватчики власти могут навязать любому народу какой угодно строй, если только в их распоряжении имеется для этого достаточная военная сила.

Иудеи Бронштейны, Розенфельды, Апфельбаумы, Нахамкесы, Ротштейны, Вайнштейны, Финкельптейны, Бриллианты, Иоффе и прочие, опираясь на Красную Армию из разноплеменных человеческих отбросов, подтоптали под ноги и царелюбивую якобы Московию, и демократическую якобы Украину, чтобы основать на костях москвитян и украинцев гнусную жидовскую Совдепию, и только «чудо Вислы», как называют поляки свою неожиданную победу над большевистской ордой, спасло в августе 1920 года от той же участи аритостократическую якобы Польшу, которая, однако, получив возможность, благодаря счастливому стечению исторических обстоятельств, воскресить свою государственность, стала не королевством с олигархией магнатов, как следовало бы по теории автора, а самой новомодной демократической республикой со всеобщим пропорциональным голосованием, с рядом враждующих между собою партий и с ответственным кабинетом министров.

Теория автора блистательно провалилась. Произвольно приписанный им украинцам демократизм, конечно, не доказывал и не мог доказывать их этнографической отдельности от

русского; народа. Тем не менее из книжки «Бесиды про козацьки часы на Украине» можно заключить, что В. В. Антонович был действительно не тем человеком, каким он казался с университетской кафедры, а тем, каким его характеризовала молва, — взятым украинцем-республиканцем, щирым самостийником, ковавшим злые козни против России. Когда в начале 1890-х годов пошли слухи о достигнутом им примирении украинских «діячей» с правящими галицкими поляками, многие не верили этому, но последующие события как будто подтвердили непреложность совершившегося факта. Очевидно, во Львове было условлено, что В. В. Антонович представит своего кандидата на украинскую кафедру, предположенную к открытию в Львовском университете, и что его кандидат получил утверждение в Вене. Иначе нельзя объяснить, почему именно он занялся подысканием кандидата. Как говорили в то время, В. В. Антонович долго думал, кого из молодых ученых его исторической школы проводить во Львов, пока не остановил выбора на Михаиле Сергеевиче Грушевском.

XII

Отец М. С. Грушевского, Сергей Грушевский, служил на педагогическом поприще сначала в Варшавском, а потом в Кавказском учебном округе и достиг должности директора училищ ІТерской области и чина действительного статского советника. Он составил книжку для первоначального изучения церковнославянского языка, которая была принята во всех низших школах России и дала возможность составителю нажить значительное 'состояние. М. С. Грушевский до поступления на историко-филологический факультет Киевского университета учился в тифлисской 1-й гимназии. В университете он сделался ближайшим учеником В. В. Антоновича и написал на медаль сочинение «Исторія Кіевской земли», которое было напечатано в «Университетских известиях» и сразу выдвинуло М. С. Грушевского как дельного молодого ученого. Чужая душа потемки, и трудно догадаться и представить себе, какими побуждениями руководствовался М. С. Грушевский, отдавая предпочтение Львовской кафедре перед широкой ученой дорогой, какая могла открыться ему в России, тем более что языком преподавания во Львове имела быть «украинская мова», которой он не владел, проведя всю свою юность в Тифлисе и Владикавказе. Когда кандидатура его во Львове была решена, то он, по рассказам близких знакомых, на целые дни за-

пирался в комнате и с настойчивостью Демосфена, чуть ли не с камешком во рту, упражнял свой язык на украинской мове.

Менее всего уместно допустить, что выбор карьеры был сделан им в порыве бескорыстного юношеского увлечения любовью к неньке-Украине. Очевидно, решающую роль играли здесь гораздо более прозаические мотивы. Из последующей деятельности М. С. Грушевского в Галиции ясно определяется, что он обязался при поступлении на австрийскую службу проводить в жизнь заранее выработанную в Вене сложную политическую программу, имевшую в виду втянуть не только Правобережную, но и Левобережную Малороссию в сферу влияний, связей и интересов придунайской монархии. Согласие на принятие на себя такого рода поручения сулило ему, конечно, немало житейских выгод.

М. С. Грушевский появился в Галиции не сразу после первой постановки его кандидатуры на львовскую кафедру. Значительный промежуток времени прошел, пока он напечатал и защитил свою магистерскую диссертацию о Барском старосте. Только в 1894 году он был назначен цесарско-королевским профессором Львовского университета по кафедре истории Восточной Европы и основался во Львове, где и прожил до начала мировой войны.

Один из героев романа В. К. Винниченко¹⁰⁴ «Хочу» говорит так: «Одно из несчастий украинской нации в том, что она внешне очень похожа на русскую. Есть много внешних признаков, которые делают малозаметной глубокую внутреннюю существенную разницу. И это всегда сбивает всех». Таким образом, сам В. К. Винниченко устами Халепы признает, что о внешнем сходстве двух ветвей русского народа, или, по терминологии Н. И. Костомарова, двух русских народностей — не может быть спора. Мы видели выше, как внутреннюю разницу между ними В. В. Антонович, обладавший всем достоянием исторической науки, неудачно пытался обосновать на отношении их к форме государственного строя и как его теория опровергнута была опытом жизни. Сбивчивость, на которую жаловался герой романа В. К. Винниченко, остается невыясненной для тех, кто отмахивается от ее выяснения. Но если вполне беспристрастный человек добросовестно познакомится с историей русского языка, с русской диалектологией и с историей Малороссии, то он легко убедится в том, что две главнейшие ветви русского народа — малорусская и великорусская — начиная с XIV века имели правда несколько различную

историю, но что от этого нисколько не нарушилось их племенное единство. Малорусы — самые настоящие русские, вековые русские. Сбивчивость сменяется полной явностью. Однако вывод этот никогда не мог удовлетворить приверженцев польской теории об украинстве малорусов. Именно потому, что русский народ, несмотря на свою многочисленность, отличается удивительной близостью между собой местных его наречий и говоров и всегда был силен этим единством, враги его, как внутренние, так и внешние, стремятся, главным образом по политическим побуждениям, подразделить его, по крайней мере, хоть на три народа: на россиян, или москалей, украинцев и белорусов. В современном польском государстве это деление закреплено официально, и, например, русские православные члены сената сейма (их всех имеется 35) распределяются по трем упомянутым народностям.

Задачей миссии М. С. Грушевского во Львове явилась работа в трех направлениях:

- 1) создать украинский литературный язык, возможно менее похожий на русский;

- 2) переделать историю Малороссии так, чтобы она перестала быть частью истории русского народа;

- 3) образовать ядро украинской интеллигенции с таким умонастроением, при котором она считала бы Россию «великой тюрьмой народов», а политический идеал свой видела бы в отторжении Украины (под ней с начала XX века стал подразумеваться весь юг России — от границы Галиции до предгорий Кавказа от России и введении ее, в случае желательного разгрома России войной или революцией, в состав придунайской двуединой монархии).

Нужно отдать полную справедливость М. С. Грушевскому в том, что он принялся за выполнение принятых им на себя заданий с необычайным рвением и за двадцать лет деятельности (1894—1914) достиг громадных результатов. Одна близкая к покойному В. В. Антоновичу особа высказалась, что Владимир Вонифатьевич в последние годы жизни, когда предстоявшие ужасные, кровавые последствия работы М. С. Грушевского никоим образом еще не предвиделись, но когда выяснились уже ее цели, настолько испугался за будущее милой сердцу Малороссии, что возненавидел своего прежнего любимца и стал относиться к нему крайне враждебно.

Малорусская простонародная речь («мова») совершенно

доступна и понятна каждому великорусу, а великорусская — малорусу. Затрудняют иногда великоруса только некоторые польские слова, попавшие в «мову» за долгое время сожительства малорусов с поляками в пределах одного государства. Во всяком случае, переводчик между малорусом и великорусом не нужен. Все малорусские писатели, выступавшие в течение XIX века, не исключая даже малограмотного, Шевченко, прекрасно владели общерусским языком и к малорусскому наречию обращались только тогда, когда старались в стихах или в прозе с искренностью и правдивостью художественно изобразить простонародный малорусский быт или когда в порыве горячего лирического чувства пытались на простонародном языке излить те его оттенки, для которых общерусский литературный язык казался им как будто бы холодным. Все они никогда не старались умышленно писать языком, непохожим на русский. Поэтому и Котляревский, и Квитка, и Шевченко, и Левицкий при малейшем усилии внимания легко читаются каждым образованным северянином. Если не много бывало охотников читать их, то только потому, что в областную литературу уходили таланты второстепенные и в их произведениях мало пищи для ума и сердца.

Отдельно стоит Пантелеймон Александрович Кулиш. По таланту он был головой выше всех одновременно с ним выступавших соратников по малорусскому перу. Как мы упоминали раньше, он блестяще обрабатывал безграмотные наброски Шевченко. Самым искренним образом он признавал племенное единство русского народа, что доказывают его сочинения на русском языке «История воссоединения Руси» (3 тома) и «Отпадение Малороссии от Польши» (3 выпуска). В то же время, профан в истории русского языка, он был ложно убежден в том, что малорусское наречие древнее, чем установлено наукой, что на нем говорили в древней Киевской Руси и что его-то именно следует считать «старорусским» языком. Отсюда возникла у него попытка реставрировать этот якобы «старорусский» язык, и он стал писать поэмы и драмы в стихах на языке с малорусской фонетикой, но далеком от простонародного наречия, вычурном, манерном, крайне искусственном, — стал переводить на него драмы Шекспира, довольно наивно воображая, что он улавливает тот умерший язык, на каком говорили древние обитатели Киевской Руси. Для него он избрал особое правописание, получившее имя «кулишовки», с расстановкой над словами ударений, как это принято в церковнос-

лавянском языке. Таким языком не писал никто ни до, ни после Кулиша. Понимать язык Кулиша даже малорусу довольно тяжело.

Хотя история литературного пользования малорусской «мовой» была, как мы видели, достаточно длинная, однако никогда еще никто до М. С. Грушевского не призывался читать на ней университетские лекции по истории. «Мова» в его устах должна была сделать прыжок из сельской хаты ни университетскую кафедру. При этом возбранялось выражаться на русском языке, хотя бы с малорусским выговором, в случае недохватки обиходного словесного запаса «мовы» для облечения в нее исторических фактов и обобщений. Кафедра находилась в австрийском университете с польским преподаванием, и нельзя было осквернять австро-польское святилище науки звуками русской («московской») речи. Да и обязательство М. С. Грушевского сделать «мову» как можно менее похожей на русский язык не позволяло ему обращаться к последнему. Русский язык находится, как известно, в теснейшей связи с церковнославянским языком, и еще Пушкин восхищался возможностью черпать из богатой сокровищницы церковнославянского языка, разработанного грамматически и лексически на греческих образцах. В XVII и XVIII веках, когда общерусский литературный язык еще не образовался и не выработался, в Малороссии писали на церковнославянском языке с некоторыми малорусскими и польскими примесями (например, Иоанн Вишенский¹⁰⁵, Иоанникий Голятовский, Самуил Величко и многие другие).

М. С. Грушевский провозгласил лозунг «Долой славянщину». Таким образом, он сразу лишил себя и вспомогательного резерва русского языка — церковнославянской стихии. Мужичья «мова» стояла бедной, голой и беспомощной перед задачами исторической университетской кафедры. Как преподавать науку без возможности обратиться к русскому или церковнославянскому языку для выражения отвлеченных понятий — с помощью одной только мужичьей речи? Все недостающее нужно было заимствовать из какого-нибудь другого языка. Ближайшим соседом был польский язык, и задача разрешалась переделкой на малорусское произношение польских или усвоенных поляками иностранных слов и заменой ими русско-церковнославянского. И вот в «мове» появился длинный ряд таких замен: *начало* — *початок* (początek), *время* — *час* (czas), *час* — *година* (godzina), *существование* — *истнування* (istnienie), *впечатление* — *вражен-*

ня (wrażenie), убеждение — переконання (przekonanie), сомнение — wątpienia (wątpienie), достижение — osiągnięcia (osiągnięcie), соединение — złączenia (złączenie), любопытство — ciekawość (ciekawość), тяжесть — ciężar (ciężar), поезд — pociąg (pociąg), тяготеть — grawitować (grawitować), установить — skonstatować (skonstatować), стража — warta (warta), крыша — dach (dach). Таким образом, М. С. Грушевский и его сотрудники возвратились к языку Оксенича-Старушича и без труда разобшили «украинскую мову» с русским языком в отношении словаря. В области этимологии они держались обихода червоннорусской сельской речи. Для синтаксиса трудно было придумать что-нибудь оригинальное. Зато они изошрились в правописании: сочинили весьма замысловатое фонетическое правописание (по выговору), в основу которого положена была «кулишовка», но без ударений над словами и с добавлением нескольких новых знаков, каковы: обломанное «г», «і» (с двумя точками), перевернутое в обратную сторону «э» (є) и другие. Внешняя разница между «украинским» языком и русским была вполне достигнута. Нам, к сожалению, не случалось встречать львовских слушателей М. С. Грушевского, которые рассказали бы, насколько им нравились со стороны языка его лекции в живом изложении. Тем не менее на этом языке М. С. Грушевский, выбранный немедленно после переезда во Львов председателем («головою») «Товариства (общества) имени Шевченко», стал издавать «Записки» «Товариства», в которых на многие годы сосредоточилась ученая производительность как его самого, так и его ближайших последователей и учеников. По «Запискам» можно судить, как наспех составленный искусственный «украинский» язык из года в год выравнивался, выправлялся, отвердевал и совершенствовался, пока не принял законченной формы особого языка типа славянского эсперанто или воляпюка; в создании этого языка играли главную роль отнюдь не образовательные или культурные цели, но исключительно политические.

Австрия была заинтересована в том, чтобы не только как можно резче отрознить и отграничить своих русских от русских в России, но чтобы и в самой России посеять такой раскол между ее югом и севером на почве языка, который мог бы привести к политическому распаду России и к соединению ее богатейшего юга с Австрией. Для разрешения этой задачи приглашен был М. С. Грушевский во Львов, и над нею он ревностно трудился до самой мировой войны. Отвратительно было наблюдать, какие большие

усилия затрачивались им на гнусное дело возбуждения междоусобной братоубийственной борьбы. Поляки вскоре разочаровались в деятельности М. С. Грушевского, в особенности после того, как «украинцем» Сочинским был убит наместник Галиции граф Андрей Потоцкий, но его это мало заботило, так как к этому времени он успел уже опереться на Вену и Берлин.

Параллельно с преподаванием М. С. Грушевский предпринял переделку русской истории в направлении, требуемом принятыми им на себя политическими заданиями. Вряд ли в исторической науке можно подыскать другой пример столь наглого и бессовестного извращения истории, какой представляют собой исторические труды М. С. Грушевского за львовский период его жизни, а в особенности «История Украины-Руси», «История украинского казачества» и статьи о переяславской присяге и о Мазепе. Нечто похожее можно найти разве в сочинениях крайних отрицателей христианства, сводящих к мифу самое явление на землю Господа Иисуса Христа, да в тех историях России, которые выпускаются иудеями в Советском Союзе для одурманивания несчастной русской молодежи. Три характерные черты красными нитями проходят через весь тяжеловесный цикл трудов М. С. Грушевского:

- 1) лютая ненависть к России, «великой тюрьме народов», как он дерзко и несправедливо называет наше великое государство, и к самым названиям «Русь», «русский»;

- 2) заимствованное у М. П. Драгоманова непреодолимое отвращение слепого анархиста ко всякой правительственной власти, в особенности монархической, и ко всякому начальству, какое только существовало в России, и взамен этого — культ революции;

- 3) необычайная симпатия к иностранному завоеванию России.

М. С. Грушевского нельзя представить себе иначе как в виде выдрессированного на злобность пса с зубами, оскаленными против России.

Кто из образованных русских не знает «Повести временных лет» с продолжениями, этого величественного памятника древнерусского национального самосознания, подобного которому не имеет ни один европейский народ, этого первоевангелия русского патриотизма! Чему поучает нас «Повесть»? Тому, «откуда пошла есть русская земля и кто в ней начал перее княжити». По-

сле увлекательных рассказов о призвании Рюрика, о первом русском императоре (по размаху деятельности) Олеге Вещем, о премудрой Ольге, об удалом Святославе, о принятии христианства Владимиром и о крещении Руси, о братолюбивых князьях Борисе и Глебе далее, из года в год, из века в век, русские летописи говорят о деяниях русских князей, русских святителей, о радостях и печалях русского народа, о русском языке в противоположность языкам иностранным. Летописные повествования имеют неотразимую прелесть, и она-то вдохновила Пушкина на создание в «Борисе Годунове» художественного образа летописца Пимена. Кто из образованных русских не слышал о древнейшем законодательном памятнике России — о Русской Правде! Кто не помнит трогательных выражений «Слова о полку Игореве» (то есть походе князя Игоря против половцев), обращенных к русской земле и к храбрым русичам! Во всех этих литературных памятниках русская земля предстает единой от Карпат до средней Волги и от Великого Новгорода до печенежских или половецких степных кочевий. Объединяется она даже географическими названиями: основание Владимира-Волынского и Владимира-на-Клязьме одинаково связывается с именем Владимира Святого, как и основание Ярославля на Сانه и Ярославля на Волге — с именем Ярослава Мудрого. Одним из важных доказательств единства Руси является тот факт, что древнекиевский княжеский быт, покрытый прахом забвения под наплывом новых впечатлений на юге, еще в XIX веке живо рисовался в памяти «сказителей» олонецких и печорских былин. Вообще, можно сказать, что ни один из славянских народов не имеет столь богатого запаса доказательств своего исконного племенного единства, как народ русский. Свою любовь к родной старине и народности русский народ доказал необычайно тщательным изучением своей истории. Кто прочтет огромные книги «Обзора русской историографии» недавно почившего академика В. С. Иконникова¹⁰⁶, тот преклонится перед той массой труда, какая была затрачена целыми поколениями русских людей на то, чтобы ни одна мелочь прошлой жизни России не осталась темной или недостаточно выясненной.

Но вот выступает М. С. Грушевский и в своих грузных, но гнусных книгах с развязностью шута начинает на своем мало-русско-польском жаргоне уверять простаков «украинцев», что это только «Иловайские» могут верить в единство русского народа, что вся эта мнимая русская древность — не более как толь-

ко призрак или миф, созданный для московского «цареславия», что Киевское государство XI и XII веков было украинским (пограничным! всегда или временно?), как украинскими князьями были Владимир Святой, Ярослав Мудрый и их преемники. Таким образом, он отсекает от русской истории весь древний ее период. Вопросы колонизации русским народом бассейна Волги и Предуралья он совершенно обходит. Малейшее движение черни против княжеской власти М. С. Грушевский смакует как «революцию» («Волынская революция XI века»!). С каким-то особенным, затаенным восторгом говорит М. С. Грушевский о разгроме Руси татарами. Татары за несколько лет до русской революции рисовались ему современными большевиками: они разгромили-де и истребили только древнерусских «буржуев» и духовенство, а затем помогли «народу», то есть мужикам, черни, «выломаться» (любимое выражение М. С. Грушевского) из-под княжеской власти и устроиться на полной воле в «общины» (по-современному — в «коммуны»). Он полагает, что все вопли о запустении русской земли — это бред книжников; на самом деле мужикам прекрасно жилось под татарами, для которых они с удовольствием «сеяли просо» (большевистский «продналог»). С большим недоброжелательством говорит М. С. Грушевский о тех беженцах из Киева («Киев весь разбежся» в 1300 году вслед за бежавшим митрополитом Максимом) и Чернигова, которым удалось спастись от татарского истребления в Москву и вообще за «леса», на север. На Москву М. С. Грушевский смотрит с бешеной ненавистью, считая, что она произвела «рецепцию», то есть чуть ли не кражу, «украинской» культуры с помощью киевских беженцев, как будто население Московской области не было органической частью расселившегося на восток русского народа. Днепровских казаков он рассматривает как заправских революционеров, «выламывавшихся» из-под власти государства (безразлично, польского или русского). Поэтому они пользуются особыми симпатиями М. С. Грушевского, и вся их кровавая, разбойничья деятельность рисуется в розовых красках. Добровольное подчинение Богдана Хмельницкого с казаками московскому царю и принесение верноподданнической присяги в Переяславе М. С. Грушевский ложно рассматривает как международный трактат. Верх восторга вызывает в М. С. Грушевском Иван Мазепа, изменивший Петру. Мазепа был ополяченный русский, беспринципный авантюрист,

преследовавший цели личного честолюбия, но в изображении М. С. Грушевского он является щирым «украинским» патриотом.

Сказанного довольно, чтобы судить об общем характере исторических трудов М. С. Грушевского. Для того же, чтобы вскрыть в них все подтасовки, передержки и произвольные измышления, пришлось бы написать целый том. Может быть, со временем кто-нибудь возьмет на себя эту желательную и полезную задачу. Но до мировой войны и русской революции М. С. Грушевский сеял свою ученую ложь беспрепятственно, потому что в предреволюционное время, когда даже такие удаленные от мира ученые, как А. А. Шахматов¹⁰⁷, приплясывали в такт революции, чтобы потом от нее же погибнуть, он, как революционер, был застрахован от строгой критики. Содействует наступлению революции — значит, прав. Члены Российской Академии наук не только, не сочли нужным выступить на защиту России против лженауки М. С. Грушевского, но еще прикрывали его своим авторитетом. Харьковский университет тоже из революционных побуждений, по ходатайству украинофильствующих харьковских профессоров Д. И. Багалея¹⁰⁸ и Н. И. Сумцова¹⁰⁹, поднес М. С. Грушевскому и И. Я. Франку докторские дипломы.

XIII

В то время когда М. С. Грушевский поселился во Львове, и до самой мировой войны среди образованных русских галичан существовало три течения политической мысли.

Одна группа, наиболее честная и умная, сознавала себя частью великого русского народа и верила в то, что только при посредстве общерусского литературного языка галицкие русские могут приобщаться к высшей образованности и культуре. Она без оговорок признавала русский язык своим родным языком, она мечтала о крушении Австрии и о политическом соединении всей Прикарпатской Руси с Россией, она стремилась к возвращению из унии с Римом в лоно Православной Русской Церкви. Обыкновенно ее называли старорусской партией, но домашние враги дали ей бессмысленную кличку «москвофильской» партии и всячески ее травили, стараясь очернить в глазах австрийских властей. Одним из виднейших вождей этой группы в наше время был Владимир Феофилович Дудыкевич¹¹⁰, скончавшийся в Ташкенте 21 июня 1922 года после мук, перенесенных в большевистской «чрезвычайке». В начале мировой войны эта группа

подверглась со стороны Австрии страшному военному террору, и немало представителей ее погибло или насильственной смертью на виселицах и от расстрелов, или в Талергофском концентрационном лагере в Штирии, который существовал до 1917 года, от невыносимых условий жизненной обстановки.

Вторая группа галицких русских крепко держалась униатской церкви, сделавшейся уже для них родной, и считала иерархическое подчинение униатского духовенства римскому папе великим благодеянием, связывающим всех униатов с общеевропейской католической культурой, гораздо более ценной, чем православная русская культура. Вопрос пользования общерусским литературным языком мало интересовал эту группу, и она легко мирилась и с рутенским косноязычием, и с украинской «мовой». Главой этой группы в течение многих лет был галицкий униатский митрополит граф Андрей Шептицкий¹⁰¹. Человек богатых дарований, он строил широкие планы относительно распространения унии в России, в особенности мечтал о соединении с униатской церковью русских старообрядцев, с которыми старался завязать самые тесные сношения; однако его церковно-объединительные стремления не нашли живого сочувствия в наш равнодушный к религии век, не поладил он и с правительством новообразовавшейся Польши, вследствие чего долго пребывал вне своей епархии — то в Северной Америке, то в Риме — и только недавно, в конце 1923 года, польское правительство разрешило ему проживать во Львове, после того как он согласился дать обязательство, что не будет принимать никакого участия в политической деятельности. По газетным известиям, митрополит Андрей тяжело болен и жизнь его догорает. Кажется, что как личность его, так и цели его церковно-политической работы не были правильно поняты современниками и подверглись оклеветанию и извращению и что только история восстановит его образ и произнесет справедливый о нем суд.

Наконец, третью группу составляли галицкие «украинцы», принявшие на веру польское учение о совершенной отдельности «украинского» народа от русского, причислившие себя к «украинской нации» и усвоившие себе социалистические взгляды М. А. Драгоманова. Появившись во Львове в 1894 году, М. С. Грушевский сильно поддержал эту группу согласно с третьим, и последним, из своих заданий. В последние двадцать лет перед мировой войной она играла в галицко-русских делах преобладающую

роль, опираясь на сочувствие венского правительства. Среди нее постепенно образовались более правые и более левые течения, начиная от кружка Костя Левицкого¹¹², украшенного орденом Леопольда, и до кружка Кирилла Трылевского, стоявшего во главе так называемых «сичей» — крестьянских организаций, похожих на большевистские «комнезамы». Из недр ее вышла австро-украинская политическая партия, имевшая своих представителей и в галицийском сейме, и в австрийском парламенте, Сам М. С. Грушевский никогда не занимался в Галиции строго политической деятельностью, а только путем устной и литературной пропаганды готовил кадры украинской интеллигенции прививая ей в особенности идею «соборной Украины» от Кубани до Карпат, сначала под властью Австрии, а потом, при стечении благоприятных обстоятельств, и в виде самостийной украинской социал-демократической республики. Из аудитории М. С. Грушевского вышло немало учителей украинских гимназий в Галиции, которые, в свою очередь, распространяли его взгляды среди гимназистов — «робылы (делали) з них порядных (порядочных) украинців». Директор гимназии в городе Рогатине, некий Галущинский, устроил при своей гимназии бурсу, куда «щирые украинцы» привозили детей из-за кордона, то есть из какой-нибудь Полтавской или Киевской губернии, и здесь дрессировали их в украинских янычар.

Каждая из упомянутых групп имела свой газетный орган, выражавший ее взгляды на вопросы политики и общественной жизни, но самой влиятельной газетой было украинское «Дело». Проживая во Львове и состоя там цесарско-королевским профессором университета, работая без устали во вред России, М. С. Грушевский сумел, однако же, удержать за собою право доступа в Россию и пользовался здесь большим благоволением со стороны Российской Академии наук и некоторых профессорских кругов. Это объясняется общественными настроениями в предреволюционную эпоху. Выработано было какое-то молчаливое соглашение, на основании которого запрещено было интеллигенции открыто говорить правду об иудеях, готовивших революционный разгром России, и о всяческих движениях, содействовавших затеянному разгрому, в том числе и об украинском. Всякое выступление в защиту России, ее языка, ее истории, ее церкви, ее государственного строя считалось нелиберальным, почти неприличным и вызывало гонение и насмешки против отважного

виновника выступления. Дан был общий тон: потворствовать натиску революции. Академики Ф. Е. Корш¹³ и А. А. Шахматов, профессора В. А. Мякотин¹⁴ (Петербург) и Д. А. Корсаков¹⁵ (Казань), не говоря уже о таких украинофильствующих профессорах, как Д. И. Багалей и Н. И. Сумцов (Харьков), наперерыв кадили фимиам перед М. С. Грушевским и тем еще более укрепляли самоуверенность этого и без того достаточно наглого и заносчивого «добродія». Появляясь от времени до времени в России, он имел полное удобство поддерживать необходимые личные связи, действовать распространению своих идей, организовывать украинские ячейки и вообще плести ту украинскую паутину, в которой запутывалась невежественная и легкомысленная молодежь. Особенно расширилась его деятельность после первой русской революции 1905—1906 годов и наступления эры «свобод». Революционный опыт упомянутых годов показал руководителям и устроителям революции, что Россия слабо от них защищена и что нужно только дожидаться стечения благоприятных обстоятельств — вроде внешней войны, расстройств транспорта, вздорожания хлеба, — чтобы достигнуть успеха и развалить Россию. Все они, с иудеями во главе, стали готовиться к этому удобному моменту, в том числе и «украинцы». М. С. Грушевский распределял свою деятельность между Львовом и Киевом. Когда умер преемник В. В. Антоновича профессор П. В. Голубовский¹⁶, он хотел добиться избрания своего на опустевшую кафедру русской истории. Недоставший докторский диплом, как мы упоминали, услужливо поднес ему Харьковский университет. В «Киевской мысли» украинствующий П. В. Василенко, позднейший гетманский министр, горячо доказывал, что кафедра, с которой преподавали В. В. Антонович и П. В. Голубовский, должна по праву перейти только к М. С. Грушевскому. Но университет Святого Владимира оказался настолько патриотичным, что не решился ввести в свою профессорскую коллегия явного врага России и извратителя русской истории. М. С. Грушевскому пришлось оставаться за флагом и довольствоваться по-прежнему австрийской службой.

XIV

Однако в киевской университетской среде М. С. Грушевский — может быть неожиданно для самого себя — нашел горячего единомышленника и сотрудника в лице вновь приглашенного профессора русского языка и русской словесности Владимира

Николаевича Перетца"⁷. Петербуржец еврейского происхождения, из поколения известного водочного откупщика, В. Н. Перетц после переезда в Киев сделался почему-то завзятым «щирым украинцем», начал помещать статьи на «мове» в «Записках Товарищества имени Шевченка» и распространять руководящие идеи украинского движения между студентами и курсистками. Он, между прочим, на радость украинцам, пустил в оборот противоречащую всей истории и диалектологии русского языка теорию о том, что «украинская мова» не принадлежит-де к группе русских наречий, а находится в ближайшем сродстве с сербохорватским языком, так как она-де сформировалась еще в VIII и IX веках, когда «украинская» народность жила в непосредственном соседстве с народностью сербохорватской на равнинах нынешней Венгрии; потом-де пришли угры (венгры) из-под Урала и разделили обе народности, оттеснив сербо-хорватов к югу, а «украинцев» — к северу. О такой отдаленной эпохе общеславянской древности, как VIII и IX века, можно, разумеется, судить и рядить весьма произвольно, как мы знаем это из истории славянской науки недавно почившего И. В. Ягича"⁸, потому что источников для изучения древнейших судеб славянства крайне мало и они допускают самые разнообразные толкования. Следует признать, что, будучи талантливым преподавателем, В. Н. Перетц не менее содействовал успеху украинского движения среди учащейся молодежи в предвоенную и предреволюционную эпоху, чем в свое время В. В. Антонович.

Относительно М. С. Грушевского мы уже упоминали, что он делил себя между Львовом и Киевом. В Галиции он стремился как можно крепче укоренить в головах своих последователей идею не только культурного, но и политического отделения «соборной Украины» от России, а затем привить мечту о самостоятельной украинской народной республике. Сейчас мы не помним точно, в каких годах в связи с этим придуманы были для будущей республики национальные цвета — голубой и желтый («блакитный» и «жовтий»), а затем и герб в виде затейливого трезубца, заимствованный с монет киевского удельного князя конца XIV века Владимира Ольгердовича и означающий, как бы в насмешку над невежественными украинскими республиканцами и социалистами, написанное вязью XIV века греческое слово *Βασιλεῖ* — царь, каковым хотел, чтобы его признавали, Владимир Ольгердович. Но все-таки Киев по воспоминаниям и связям неизменно

манил к себе М. С. Грушевского, и он мечтал сделать его главным поприщем своей деятельности против России, считая, что польский Львов для него слишком тесен. В ожидании подходящего момента он выстроил здесь на Паньковской улице знаменитый собственный многоэтажный дом в украинском якобы стиле, который в страшные январские дни 1918 года разбили снарядами большевистские артиллеристы, направляя огонь необычайной меткости с бронированного поезда, поставленного на железнодорожном пути прямо против дома, превосходно оттуда видимо-го. В то время как от дома Грушевского остались одни полуразрушенные стены, окружающие его соседние дома несколько не пострадали.

Приходилось слышать, что в первые годы «свобод» по инициативе М. С. Грушевского организовалось в Киеве «Українське наукове товариство», которое мыслилось как кадр будущей украинской академии наук; открыто было два книжных магазина для торговли украинскими изданиями: на Владимирской улице, против Коллегии П. Галагана, и на Фундуклеевской, причем вывески на них были демонстративно расписаны в две краски, объявленные в Галиции якобы национальными украинскими, — голубую и желтую. Наконец, основан был толстый ежемесячный журнал на «мове» «Литературно-науковий вистник», выходивший в двух изданиях: в киевском и львовском. Здесь сосредоточились все украинские писательские силы.

Первую украинскую газету в России после наступления «свобод» в 1905 году стал издавать в городе Лубны неистовый украинский «діяч» (деятель) Владимир Шемет, окончивший курс естественных наук в Киевском университете и бывший членом I Государственной думы. Это была газета «бури и натиска», называлась она «Хлібороб» и проводила с запальчивостью обычную радикально-демократическую программу (отобрание земли от частных владельцев без выкупа, всеобщее голосование, свобода печати, союзов, собраний и прочее). Вскоре она прекратилась. Немного позднее для обслуживания украинской идеи среди сельской полуинтеллигенции основана была в Киеве более трезвая и спокойная газета «Рада» (польское *rada*, немецкое *Rat* — совет), в которой главную роль играл Сергей Ефремов, автор весьма основательной «Истории украинского письменства» на «мове». Из других сотрудников припоминаем В. Н. Леонтовича, И. М. Стещенко¹⁹, Саликовского, Прокоповича. «Рада» имела некоторое

распространение и просуществовала, кажется, до занятия Киева большевиками. Заводились украинские газеты и в Полтаве, и в Екатеринославе, но долго не держались из-за слабой подписки.

Европейская война вызвана была тайными силами, преимущественно еврейскими, действовавшими за кулисами мировой сцены. Своей целью эти силы ставили: уничтожение исторических монархий, самоопределение народностей и введение если не во всех европейских государствах, то, по крайней мере, в большинстве из них республиканского строя.

Явные цели — спасение Сербии от австрийского завоевания, упразднение германского милитаризма и борьба за рынки — выставлялись только для того, чтобы отвести глаза народов от затеваемых переворотов. В числе средств, пригодных для развала России, несомненно, принято было во внимание украинское движение. Вот почему оно нашло сильную поддержку в тех именно центрах, где находились главные штабы закулисных сил: в Вене, в Берлине и в Москве. В Вене за шесть-семь лет до европейской войны начал выходить ежемесячный журнал на немецком языке «Ukrainische Rundschau» («Украинское обозрение») под редакцией некоего Михаила Кушнира, в котором помещались статьи об Украине и украинском движении под углом зрения, благоприятным Австрии и враждебным России. Там сотрудничал Донцов¹²⁰, один из киевских украинских публицистов. На обложке каждого выпуска печаталась географическая карта Украины в тех границах, до каких весной 1918 года докатилась австро-германская оккупация. Очевидно, эта карта имела пророческое значение. Из Берлина субсидировались украинские ученые и кооперативные учреждения в Галиции и в России, а также газеты «Дело» и киевская «Рада». В Германии М. С. Грушевский получил возможность издать перевод на немецкий язык первой части своей «Истории Украины-Руси» и свою немецкую книгу об украинском народе и его мнимых нуждах и чаяниях в серии изданий «*Russen über Russen*» («Русские о русских»). В лице Рорбаха¹²¹ (D-r Paul Rohrbach) нашелся близорукий немецкий публицист, который старался выяснить немцам всю выгоду для них украинской идеологии. Таким образом, мир украинцев с центральными империями в феврале 1918 года вовсе не был неожиданной случайностью, как могло бы казаться поверхностному наблюдателю, а, напротив, являлся исполнением давно задуманного плана. Только ни германцы, ни австрийцы, ни украинцы не догадывались, что за

их спиной работают тайные силы, преследующие свои особые цели, и что эти силы очень быстро разрушат, как карточный домик, все их хитроумные комбинации.

XV

В злополучное десятилетие государственных дум в Москве, где выковывалась русская революция, под крылом московских кадетов с Винавером¹²² во главе собралась значительная кучка революционно настроенных «украинцев» и для пропаганды украинской идеологии в русских либеральных кругах и среди малороссиян, не привыкших к «мове», основала ежемесячный журнал на русском языке «Украинская жизнь». Редактором журнала был прогремевший впоследствии Симон Васильевич Петлюра, а одним из сотрудников — В. К. Винниченко.

С. В. Петлюра был сыном известного в Полтаве извозчика. По ходатайству одного из пользовавшихся выездом Петлюры-отца высших полтавских чиновников местный архиерей разрешил принять Симона Петлюру в Полтавскую духовную семинарию. Не примирившись со школьной дисциплиной, С. В. Петлюра оставил семинарию до окончания курса и стал вести цыганскую жизнь второстепенного актера одной из странствующих украинских театральных трупп. Сценического дарования у него не оказалось, и он поступил на бухгалтерские курсы, по окончании которых получил маленькое бухгалтерское место в правлении восточного общества транспортирования кладей в Петербурге куда он был переведен с повышением в отделение Восточного общества в Москву.

Специфическое «украинское» настроение С. В. Петлюра вынес еще из Полтавской духовной семинарии, в которой, равно как в учительской семинарии на Шведской могиле и в полтавской земской фельдшерской школе, издавна велась украинская пропаганда, связанная с Галицией. Потом он углубил его соответствующим чтением и поездкой в Галицию. В московской «громаде» он проявил большой организаторский талант при устройстве разного рода общественных собраний и предприятий и занял в ней выдающееся положение. Его же пригласили быть редактором «Украинской жизни». Когда началась европейская война и С. В. Петлюре угрожал призыв в войска, он укрылся в «Земский союз» князя Львова¹²³ и был командирован для бухгалтерских занятий на югозападный фронт. Отсюда революционный вихрь

1917 года увлек его на ту роль одного из виднейших украинских политических вождей, которую он играет и в настоящее время, объезжая европейские столицы.

В. К. Винниченко родился в Елисаветградском уезде Херсонской губернии в крестьянской семье и детство провел в деревне. Старший брат его служил наборщиком в одной из елисаветградских типографий, и с его помощью В. К. Винниченко поступил в елисаветградскую гимназию. Рано заразился он социалистическими идеями Карла Маркса в русской и украинской их обработке и за революционную агитацию был удален из гимназии. Юношей он бродил по большим экономиям, фабрикам и заводам южного района, везде подогревая революционные настроения среди рабочих, устраивая забастовки и стараясь причинить как можно более вреда ненавистному «капиталу». Он как-то всегда благополучно ускользал из-под глаз полиции, и такого рода агитационная деятельность не помешала ему выдержать экзамен на «аттестат зрелости» в златопольской гимназии и поступить в университет. Однако далее первого курса он не пошел. Спокойная наука не могла, конечно, заинтересовать такого неукротимого революционера, каким был от природы В. К. Винниченко. Удачные литературные опыты на русском языке и на «мове» указали ему дорогу романиста и драматурга. Если бы он не увлекался революционной политикой, то его писательские дарования развились бы шире и полнее, но теперь, вероятно, ему не суждено уже дать литературе какое-нибудь интересное и ценное произведение.

Приближался час мировой войны. Проверялись все дружины, которые предполагалось пустить в действие для достижения поставленных тайными силами целей. Не забыты были и «украинцы». В мае 1914 года тогдашний наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд, не предугадывавший, какая судьба уготована ему венгерскими масонами, собрал в своем имении Конопиштах, в Чехии, большое политическое совещание. Принимали в нем участие австрийские и германские министры, представители обеих союзных армий и сам император Вильгельм¹²⁴. Там обсуждались планы европейской войны, на которую толкали тайные силы австрийских и германских правителей, желая их погубить. В то время ходил упорный слух, будто на это совещание в качестве экспертов вызваны были М. С. Грушевский и В. Н. Перетц для выяснения вопроса, могут ли рассчитывать центральные державы на восстание «украинского народа» про-

тив России в случае объявления ей войны. И М. С. Грушевский, и В. Н. Перетц находились тогда в пределах Австрии, и весьма возможно, что слух этот не был легендой. Какие мнения они высказывали перед высоким совещанием — осталось, конечно, тайной.

Только наивные иностранцы, осведомленные из тенденциозных украинских источников, могли серьезно запрашивать о возможности восстания против России из национальных побуждений девяти малорусских (и то не сплошь) губерний. На самом деле почвы для него совершенно не было, потому что население их не имело украинского самосознания. В Галиции сформировались отряды из участников «сичей» — для борьбы с русскими войсками, и в женевской украинской газетке, выходившей на французском языке, описывалось, сколько русских солдат было истреблено украинскими «сичевиками», устраивавшими засады на них в горных карпатских местностях. При дальнейшем развертывании событий выяснилось, что боевой украинский национализм привился только в Галиции, а что в России нашел широкое распространение истолкованный М. П. Драгомановым украинский марксизм, который и показал свое звериное лицо с наступлением русской революции в марте 1917 года.

Из объявлений с просьбами о розыске В. Н. Перетца, которые помещал в «Новом времени» осенью 1914 года брат его, Лев Николаевич, можно заключить, что начало мировой войны застало Владимира Николаевича в Закопане (в Татрах). Когда он возвратился в Россию и какова была его дальнейшая судьба, нам ни от кого не случалось слышать. Что касается М. С. Грушевского, то после занятия Галиции русскими войсками в августе 1914 года он был водворен, по распоряжению властей, в Нижнем Новгороде, но вскоре друзья его из Академии наук выхлопотали ему разрешение поселиться в Москве «для возможности пользоваться библиотеками при научных занятиях». Здесь он мог вместе с московскими кадетами свободно работать по подготовке революции, а когда она грянула, то он и проживавший в Москве В. К. Винниченко мгновенно помчались в Киев созывать «Всеукраинский съезд», который состоялся 7—9 апреля 1907 года и выделил из себя «Украинскую Центральную раду» как временный суррогат парламента. И на съезде, и в Раде председательство само собою доставалось М. С. Грушевскому, который участвовавшим в этих сборищах диким и невежественным людям импонировал

своим профессорским званием. Очень ошибался бы тот, кто думал, что Всеукраинский съезд был собранием более или менее законно избранных представителей от всех групп малорусского населения тех девяти губерний, которые с легкой руки М. С. Грушевского стали объединяться в повседневной печати под именем Украины: Харьковской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, Херсонской, Екатеринославской и Таврической. Никакие выборы не производились, и никакие группы населения на съезде представлены не были. Для постороннего наблюдателя выявилось только, что ко времени революции в подполье на пространстве девяти губерний были прекрасно организованы две социалистические партии: украинских социал-демократов и украинских социал-революционеров. Когда М. С. Грушевский и В. К. Винниченко, приехав из Москвы, кликнули клич, то на их зов моментально слетелись в Киев все так называемые партийные работники, в числе двух-трех тысяч. Всеукраинский съезд был, таким образом, соединенным собранием двух украинских социалистических партий, одушевленных идеями пролетарского интернационала, и отнюдь не служил выражением национальных стремлений «украинского народа». Сам В. К. Винниченко клялся, что он прежде всего социалист, а потом уже украинец. Съезд заседал в Народном театре на Большой Васильевской улице и на свежего человека производил ужасное впечатление своим невежеством, грубостью и дикой необузданностью.

Если социалистический Всеукраинский съезд явился самозванным представительством Украины, то вдвойне самозванной должна считаться Украинская Центральная рада, бравшая на себя без приглашения роль украинского парламента. Как съезд не был избран населением девяти малорусских губерний, а собрался самовольно, так и Рада не была избрана съездом, а сама себя ему навязала. Нельзя сказать, чтобы Рада в отношении личного состава была удачнее, чем съезд. Она представляется беспристрастному зрителю просто уменьшенным снимком съезда. Вот как характеризует членов Рады один «щирый украинец»-националист, но не социалист (переводим с украинской «мовы»): «За исключением двух-трех лиц, которых я мог бы перечесать по пальцам, которых уважал и от которых я мог бы ожидать чего-нибудь разумного (в скобках автор называет М. С. Грушевского, Сергея Ефремова и И. М. Стешенко. — А. Ц.), остальные были безграмотные во всех отношениях, а не только в политике. Еще хорошо, если студен-

ты первого курса, как В. К. Винниченко и Н. Ковалевский, а то бухгалтеры, кооператоры, «известные общественные деятели» и просто люди неопределенных занятий — больше всего ура-социалисты по убеждению и демагоги по призванию.

Нравственный и умственный уровень простых рядовых членов Центральной рады я знал хотя бы по образцам полтавских депутатов: солдата Матяша и того солдата, который «в окопах кровь проливал». Огромное большинство было в том же роде. Поэтому и неудивительно, что люди, которым случалось заночевать в общежитии для депутатов (Институтская, 17), зачастую на другой день не отыскивали своих часов или кошелька» (Андрієвскій В. З минулого. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 114—115).

Два с лишком месяца пререкалась Центральная рада с петербургским правительством Керенского, Церетели и К^о относительно объема украинской автономии. Петербургское правительство соглашалось:

- 1) признать автономию Украины в границах пяти губерний: Черниговской, Полтавской, Киевской, Волынской и Подольской;
- 2) допустить существование шести отдельных украинских генеральных секретариатов (министерств): внутренних дел, промышленности и торговли, земледелия, продовольствия, труда и, наконец, местных финансов;
- 3) учредить должность украинского комиссара в составе кабинета министров российского правительства.

Центральная рада домогалась большего: расширения автономии на территории девяти губерний и предоставления украинскому правительству права заведовать железными дорогами, почтой, телеграфом, войском, финансами и иметь сношения с иностранными правительствами.

Наконец, в начале июля 1917 года Центральная рада убедилась, что правительство Керенского и К^о настолько слабо и бесильно, что не стоит с ним препираться, и по собственному почину объявило осуществленной автономию Украины в составе девяти губерний с учреждением кабинета генеральных секретарей (министров) под председательством В. К. Винниченко. Для постоянного надзора за кабинетом в промежутках между сессиями Центральной рады учреждалась Малая рада. Ничтожному правительству Керенского и К^о ничего другого не оставалось, как только признать совершившийся факт. Параллельное существование двух призрачных социалистических правительств — централь-

ного и автономного — и постепенно усиливавшееся бегство с юго-западного фронта солдат разложившейся российской армии привели к полному расстройству государственного порядка и создали в жизни края невообразимый хаос. В некоторых городах образовались самостоятельные местные республики. Например, в городе Переяславе Полтавской губернии известный по петербургским событиям 1905 года председатель Совета рабочих депутатов, помощник присяжного поверенного Георгий Степанович Носарь, родом переяславский казак, устроил республику под своим управлением. Он не признавал никакой другой власти, кроме своей собственной, и все делал по-своему. В республике Носаря жилось спокойнее, чем в других местах. Носарь был страшный враг иудеев и не допускал даже мысли, чтобы во имя революционных принципов дать возможность иудеям захватить власть над Россией. С переяславскими иудеями он поступал весьма круто. Существование «Переяславской республики» закончилось вместе с занятием Переяслава большевистскими ордами Муравьева и Ремнева в середине января ст. ст. 1918 года. В краткий период своей власти Г. С. Носарь напечатал любопытнейшую брошюру, в которой разоблачал гнусную роль иудеев в революционных организациях, и в особенности провокаторскую деятельность Лейбы Бронштейна (Троцкого), бывшего одним из наиболее ловких и юрких агентов правительственного политического сыска. Издание брошюры не прошло Г. С. Носарю даром: она сделалась известной всесильному тогда уже Троцкому, и (к сожалению, не помним точно, при каких обстоятельствах) Г. С. Носарь был выслежен и убит агентами Троцкого. Говорили, будто заспиртованная голова его была отослана в Москву для успокоения встревоженного разоблачениями Троцкого.

Всякое социалистическое правительство может причинить только вред той стране, которой оно берется управлять, потому что руководствуется оно не практическими указаниями векового опыта, а вычитанными из книг и не проверенными жизнью доктринами. Правительство В. К. Винниченко сугубо было вредно, ибо составлено было из людей, которые на языке постоянно имели борьбу с капиталом, а на деле стремились как можно больше чужих капиталов спрятать про черный день в свои карманы. Знаток украинского социалистического мирка Виктор Андреевский, которого мы выше цитировали, говорит (перекладываем с украинской «мowy»): «Некоторые из прежних секретарей Цен-

тральной рады, почитаемые и сейчас социалистами, являются одними из самых богатых капиталистов-рантье не только среди украинцев, но и среди европейских капиталистов» (Андрієвскій В. 3 минулого. Ч. 2. С. 123).

Однако при этом не следует забывать, что все эти пышные социалистические декорации: Центральная рада, Малая рада, кабинет генеральных секретарей (министров) — производили кое-какое впечатление только в самом Киеве. Но если «украинская» власть была почти призрачной в городе, то у городской черты она кончалась. Далее же открывалось широкое поле для анархии, которая все более усиливалась по мере того, как приливали с фронта разложившиеся вследствие крушения империи войсковые части. В течение всей осени 1917 года нам пришлось проживать в деревне вблизи Киева. Ни о какой «украинской» власти не было там и помина. Вся местность была наводнена бежавшими из-под Тарнополя частями тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН). Вырвавшиеся из уз дисциплины артиллеристы по целым дням митинговали, расхищали казенное имущество своих частей и крали что попало у местных жителей. Чувствовалось, как постепенно разрушались все те скрепы, которыми держится нормальное человеческое общежитие. «Украинской» власти как будто не было до всего этого никакого дела. Уже кое-где по пути обезумевшие от большевистской агитации солдаты предавались неистовому грабежу и сжигали попавшиеся им на глаза частновладельческие экономии. Малая рада как бы умышленно захотела приобщить к солдатской разнузданности и местное население: она издала так называемый 3-й универсал, которым упразднялось право частной собственности на землю и вся земля передавалась без выкупа пахарям, причем произвести раздел ее поручалось каким-то несуществующим местным земельным комитетам. Это был сигнал к общему развалу и разгрому цветущего сельского хозяйства в девяти самых плодородных губерниях России и к повальному грабежу. Но этого было еще мало правящим «украинским» социалистам. Центральная рада отменила 3-й универсал и провозгласила социализацию всей земли. После этого девять малорусских губерний погрузились в пучину первобытного хозяйственного хаоса.

XVI

Между тем политическое колесо в Петербурге вращалось

своим чередом. Октябрьская революция свалила дряблкое правительство Керенского и К° и установила сильную коммунистическую власть Ульянова-Ленина и его иудейских соратников: Бронштейна (Троцкого), Апфельбаума (Зиновьева), Розенфельда (Каменева) и прочих. Центральная рада и кабинет В. К. Винниченко ответили на это событие провозглашением независимости Украины от России, ее самостийности и суверенности. С социалистической точки зрения это был неискренний и нелепый жест. Вожди украинских социал-демократов и социал-революционеров — Винниченко, Петлюра, Ковалевский, Порш, Антонович, Михура, Садовский и другие — никогда не питали национальных украинских чувств, и для них интересы социализма, интернационализма и интернационального пролетариата всегда были несравненно выше украинских национальных интересов. Важнейшей заботой для них в течение всей русской революции было сохранение единого русского революционного фронта. И вдруг — «самостийность Украины». Можно предполагать, что этот шахматный ход на политической доске подсказан был австрийскими и германскими политиками старому их другу-приятелю М. С. Грушевскому, чтобы иметь предлог разговаривать о сепаратном мире с Украиной и об оккупации ее для защиты от большевиков. Тут как раз достигались те цели, ради которых столько лет субсидировалось Австрией и Германией украинское движение.

Между тем Ульянов-Ленин, Бронштейн-Троцкий и «главнокомандующий» Крыленко решили силой оружия подчинить себе Украину и двинули на нее силы Красной Армии. К 15 января ст. 1918 года красные орды Муравьева и Ремнева подошли к Киеву со стороны Дарницы. В городе вспыхнуло большевистское восстание арсенальных рабочих. Из-за Днепра открылась ужасающая бомбардировка. О силе ее можно судить по тому, что генерал Костенко, переживший осаду Порт-Артура и написавший о ней целую книгу, высказал знакомым, что бомбардировка Киева большевиками с 15 по 25 января ст. 1918 года ничуть не была слабее бомбардировки Порт-Артура японцами в самые страшные дни. Дома разрушались, люди гибли. Положение города было самое отчаянное. При приближении большевиков В. К. Винниченко и члены его кабинета струсили, подали в отставку и вместе с М. С. Грушевским оставили Киев. Власть захватили в свои руки два студента: Голубович сделался главой «правительства», а Ковенко — комендантом Киева. Они довольно энергично в течение

почти двух недель защищали Киев, но, когда увидели, что дело безнадежно проиграно, сели в автомобили и удрали по шоссе в Житомир, захватив с собою «членов кабинета» и виднейших представителей Малой рады. Между тем в Брест-Литовске у австро-германского командования все было готово для подписания отдельного мира с Украиной и для ее оккупации. Когда большевики 25 января ст. ст. заняли Киев, тянуть было некогда. Договор Украины с центральными державами был подписан студентом Севруком, и германские войска потянулись к Киеву, а австрийские — к Одессе. Красноармейцы без оглядки бежали при одном известии о приближении регулярных войск, да еще германских. 16 февраля (1 марта) 1918 года первый батальон саксонской пехоты появился на киевском вокзале. Давнишняя мечта австрийских и германских политиков осуществилась:

Од Киева до Берлина Протяглася Украина.

Но эти политики не догадывались, что судьба их империй предрешена высшим сверхправительством Сиона. В Берлине, в Вене и в Будапеште агентами Сиона тайно готовились революции, которые должны были отдать победу в руки западных демократий и на развалинах исторических монархий построить «народные» республики, легко доступные всем соблазнам Сиона. Революционный час пробил 9 ноября н. ст. 1918 года — в Берлине, 12 ноября н. ст. — в Вене и 16 ноября н. ст. — в Будапеште. В трех важнейших столицах Средней Европы провозглашены были республики. Германский независимый социалист В. Томас объявил открыто, что «удар в спину германской армии был самым удачным ударом революционного пролетариата».

Австро-германцы очень быстро заняли весь юг России до самой Кубани — как раз в границах той карты, которая печаталась на обложках ежемесячных книжек журнала «Ukrainische Rundschau». В Киеве основалась главная квартира германского командования. Через неделю после вступления в Киев первого германского отряда возвратились восвояси комическое «правительство» Голубовича и виднейшие депутаты Центральной и Малой рады. Прибывшим в Киев представителям германской армии и дипломатии надлежало выработать план реальной германской политики в пределах Южной России. Тут-то для постороннего наблюдателя стали ясно выявляться признаки начавшегося уже разложения германской государственности. Оказалось, что ответственные деятели оккупации делятся на два враждебных ла-

геря — сторонников императора и сторонников парламента — и что между этими лагерями полное противоречие во мнениях и партийная рознь. Можно было с самого начала предполагать, что оккупация Южной России не даст выгод ни центральным державам, ни самой Южной России.

XVII

Оккупация юга России германскими и австрийскими войсками проходила тихо, спокойно и чрезвычайно быстро. Германские части сохраняли образцовый порядок и вызвали своей дисциплиной всеобщий восторг местного населения. Не слышно было никаких жалоб на немецкую жестокость; напротив, порицали излишнюю мягкость немцев по отношению к большевикам, густо притаившимся среди мирного селянства Малороссии. Красные большевистские орды без оглядки убегали от немцев, срывая впопыхах с городов и сел, под угрозой расстрелов, денежные контрибуции, грабя по пути что попало и зачастую бросая награбленное за неимением времени и возможности его увезти. На железнодорожных линиях большевики разрушали мосты и станционные водокачки, на некоторых станциях, например между Киевом и Ромоданом, забрали телефонные и телеграфные аппараты, столы, стулья, часы, даже ручки от окон и дверей; кое где они жгли поездные составы. Немцы повсеместно приветствовались как желанные спасители и хранители порядка.

Вот набросанные очевидцем картинки встречи немцев в городе Гадяче Полтавской губернии (переводим с «украинской мовы»):

«Около городской управы стоял усатый немецкий кавалерист в железной шапке и держал под уздцы пару лошадей. Вскоре из здания управы вышел молоденький немецкий офицер вместе с делегатом от «громады». Последний был во всем красном: в красном казацком жупане и в таких же широких штанах; на голове шапка с красным шлыком, в руках держал он малиновое знамя с серебряной звездой и с месяцем над нею. Я слышал, что в Гадяче существует такая военная организация, что она имеет даже оружие, а теперь увидел собственными глазами. Радостная и веселая толпа снимает шапки, кричит «слава», а усатый солдат подает коня офицеру и отдает честь как обыкновенно — по-военному. В толпе слышу радостный голос:

— Гляди, вот войско так войско; как козыряет, брат ты мой, по-настоящему. Я уже и забыл, когда видел настоящего солдата.

— Это тебе не «товарищеское» обращение.

— Войско так войско, знай порядок. В таком войске и служить приятно.

Настроение в городе праздничное. Радость сияет у всех на лицах. Одни другим передают, что приближается большой отряд немецкого войска, и весь город идет встречать. Многие повыходили на большую дорогу — «на шлях», которым должны прийти обозы, ибо большевики поразрушали железнодорожные мосты и немцам нельзя ехать поездом.

Стоял ясный солнечный день, к тому же было воскресенье. Выползшие на шлях горожане напряженно ждут, когда появится наконец немецкое войско. Издали показываются серые фуры и небольшие отряды. Вскоре они въезжают в город.

Среди различных чувств толпы преобладают любопытство и удивление.

— Смотри, вот и корова сзади воза — целое хозяйство!

— Да что там корова, а вот, гляди, и веник воткнул в повозку!

— Вот порядок так порядок; каковы, значит, немцы; хоть сейчас располагайся к бою либо к обеду — аккуратный народ!

Кто знал хоть несколько слов по-немецки, в особенности иудеи, бросались к немецким солдатам с расспросами. Всем охотно служили переводчиками пленные австрийцы. Наибольшее любопытство вызывает вопрос, где украинские гайдамаки, существуют ли они вообще, ибо большевики пустили молву, будто бы украинское войско — миф, будто бы никакого украинского войска и нет, а немцы просто завоевали край и обходятся с населением его как с завоеванным.

Из разговоров выясняется, что украинское войско двинулось на Полтаву. Немцы рассказывают также, что украинское войско все время идет вперед и очень хорошо бьется с большевиками; немцы, собственно, только охраняют тыл.

Гадячане с детским любопытством осматривают и ощупывают новоприбывших, делятся впечатлениями» (Андрієвскій В. 3 мынулого. Ч. 2. С. 183, 184, 185-186).

Картинки, в общем, правдивые и всюду по Малороссии одинаково повторявшиеся, за исключением вопросов об украинском войске. Весьма сомневаемся, чтобы эти вопросы кем-либо зада-

вались, ибо все в Малороссии прекрасно знали, что украинское войско — это действительно миф, сочиненный для удовольствия «щирых» украинских шовинистов, так как нельзя же серьезно называть войском появлявшиеся впереди немцев кучки глупых людей в шапках со свесившимися на спину красными шлыками, в театральных костюмах, в каких щеголяли в исторических пьесах из жизни старой Малороссии корифеи малорусской сцены Кропивницкий¹²⁵ или Тобилевич-Садовский¹²⁶, и в широких поясах, из-за которых торчали чуть ли не аршинные кривые кинжаль. Появление украинских гайдамаков — это была шутовская интермедия в тяжелой кровавой драме мировой войны и «русской» революции, но никоим образом не один из ее важных актов. Для характеристики выдержки и дисциплины германских солдат летом 1918 года приведем еще такой случай, который нам пришлось лично наблюдать в течение свыше двух месяцев. В одной помещицкой экономии нанят был выпас и устроен лазарет для больных и ослабевших кавалерийских лошадей. Для ухода за ними назначена была команда из тридцати человек без офицера, которого заменял простой унтерофицер. Только раз или два в неделю приезжал свидетельствовать лошадей ветеринарный врач. Казалось бы, в таких условиях солдаты могли распуститься и начать «озорничать». Ничуть не бывало. Люди всегда были подтянуты, служба исполнялась с точностью часов, в экономии не случилось ни одной кражи до самого отбытия лазарета к его части. Поведение германских солдат изменилось к худшему только после ноябрьской революции, когда революционным пролетариатом был нанесен, по выражению В. Томаса, «удачный удар в спину германской армии».

Между тем в Киеве, где находилась главная квартира германцев, шла сложная политическая игра. Вероятно, в Германии публиковались для истории материалы оккупации 1918 года, но, к сожалению, нам они недоступны. Приходится говорить о тогдашних событиях по памяти.

Прежде всего, германское командование убедилось в полной несостоятельности и непригодности для практической жизни того социалистического правительства Центральной рады, которое официально призвало себе на помощь немцев. Нужно было думать о замене этого громоздкого аппарата, составленного из глупых и невежественных людей, каким-либо более подходящим, и притом собственническим, а не социалистическим.

Особенно эта мысль занимала генерала Эйхгорна, графа Альвенслебена и майора Гессе. Тут-то и выступил на сцену «Союз хлеборобов-собственников». Этот «Союз» в целях борьбы с надвигающимся большевизмом организовал в Полтавской губернии член Государственной думы Михаил Иванович Коваленко, бывший долго председателем константиноградской уездной земской управы. Полтавская губерния представляла чрезвычайно выгодное и благодарное поприще для беспощадной борьбы с социализмом, и вот почему: в ней никогда не существовало общинного землевладения, чувство собственности развивалось в ее жителях с самого заселения ее в конце XVI и в начале XVII века (1590—1620 годы) выходцами с верховьев Днепра и с правого его берега, преимущественно из Волыни, под влиянием действовавших в судах польских гражданских кодексов и литовского статута; более 80% земли в ней принадлежало мелким собственникам казачьего и крестьянского звания. В январе 1918 года М. И. Коваленко был убит в своем имении Константиноградского уезда наступавшими на Малороссию красноармейцами. Однако основанный им союз продолжал работать и объединял правые консервативные элементы земельного дворянства и зажиточного хозяйственно-го казачества и крестьянства. Когда германское командование приняло мудрое решение прогнать от власти диких украинских социалистов и образовать в Киеве правое собственническое правительство, единственной местной организацией, какая могла прийти ему на помощь в этом намерении, был «Союз хлеборобов-собственников». Выработан был такой план: правительство устанавливается монархическое, без парламента, держатель власти будет носить привычный в Малороссии титул гетмана, выберет его съезд хлеборобов-собственников, а германское командование признает выбор; кабинет министров назначит гетман по соглашению с командованием из местных деятелей, неввраждебных украинскому движению; официальным языком во всех присутственных местах должен быть не общерусский литературный язык, а «украинская мова». Намеченный план заключал в себе одну нелепость: признание официальным языком «украинской мовы» львовского изделия. В этом случае немцы были введены в заблуждение украинскими шовинистами и не догадывались, что искусственной «мовы» в Малороссии никто не понимал и никто в ней не нуждался, а тем более в обширной Новороссии, которую, вопреки истории и существующей действительности, с легкой

руки М. С. Грушевского стали включать в «Украину». В остальном план вполне отвечал требованиям момента.

На кресло гетмана главнокомандующий Эйхгорн наметил лично ему знакомого генерала Павла Петровича Скоропадского, выступившего на «войну 1914 года в должности командира лейб-гвардии конного полка и заслужившего георгиевский крест за взятие неприятельской батареи.

Скоропадский по прямой линии происходил от Василия Ильича Скоропадского, родного брата бездетного малороссийского гетмана Ивана Ильича Скоропадского¹²⁷ (1709—1722), принадлежал к малороссийскому дворянству и владел крупными имениями в Полтавской и Черниговской губерниях. В его сердце всегда жила горячая любовь к Малороссии, к исторически сложившимся оригинальным чертам характера и быта ее населения, а традиции гетманского дома увлекали его воображение к возможности воскрешения старинного малороссийского правительственного уклада. После того как генерал Скоропадский пережил все ужасы нашествия на Малороссию красных орд Муравьева и Ремнева и чудом Божиим спасся от кровавой январской бойни в Киеве, он горел желанием, хотя бы с помощью немцев, спасти родину от вторичного разгрома ее большевиками. Очень жаль, что дальнейший ход событий не только не дал возможности П. П. Скоропадскому избавить Малороссию от большевиков, но и поставил его самого в положение актера какого-то комического фарса.

Съезд хлеборобов-собственников состоялся в Киеве в конце апреля ст. ст. 1918 года и был очень многолюден. Заседания происходили в цирке Крутикова на Николаевской улице. Вожаки съезда были посвящены в планы генерала Эйхгорна и предупреждены о кандидате, которого съезд должен был провозгласить гетманом, но не Малороссии, как бы следовало по-старинному, а «всея Украины». Впрочем, сцена избрания имела повторить в современной обстановке подобные же сцены избрания в гетманы Ивана Степановича Мазепы на Коломаке или Ивана Ильича Скоропадского в Козацкой Дуброве, где также общим криком возводились в сан кандидаты, заранее намеченные предержавной властью. Вот так все это и разыгралось. Сначала говорились на съезде речи о необходимости для спасения Украины от хаоса единоличной твердой власти гетмана, потом появился в одной из лож цирка одетый в казацкий чекмень генерал Скоропадский, и когда его увидели,

дружно прокричали его гетманом. Из цирка новоизбранный гетман отправился в Софийский собор на молебствие о ниспослании его правлению благословения Божия. Таким образом воссоздано было гетманство, если не ошибаемся, 29 апреля ст. ст. 1918 года. Правильнее называть эту власть «гетманшафт», потому что она опиралась исключительно на реальную силу германского гарнизона. Символом этого может служить такая мелочь: под той комнатой во втором этаже споровшего ныне киевского генерал-губернаторского дома, где помещался приемный кабинет гетмана, находилась в первом этаже комната германского караула, ежедневно наряжаемого для охраны особы гетмана; выходило так, что гетман буквально сидел на германских штыках.

Генерал Эйхгорн был благородным представителем правых кругов Германии, человеком широкого государственного ума и нежного сердца. Он искренно, прямодушно, без лицемерия хотел оградить Южную Россию от захвата и разграбления ее иудейским интернационалом. Нам приходилось слышать от людей, более или менее близких к генералу Эйхгорну, что на сохранение законопослушных хозяйственных и землевладельческих слоев южнорусского населения он смотрел как на первый шаг к восстановлению России, но, конечно, такой России, которая отреклась бы от сатанинского социалистического наваждения, признала бы всю бесконечную важность принципа частной собственности для развития нормального человеческого общежития, перестала бы во имя нелепых панславянских мечтаний возиться с совершенно чуждыми ей по духу западными славянами, поняла бы ценность русско-немецкого сотрудничества во всех областях культурной и хозяйственной жизни и пошла бы в политике параллельно Германии. Нужно признать, что политическое чутье генерала Эйхгорна подсказало ему совершенно верную мысль: восстановление России может и должно начаться с водворения нормального, на праве поземельной собственности основанного «арийского» государственного строя, без малейшей примеси иудейского марксизма, и правильного собственнического земледелия на пространстве южнорусского чернозема; прежде всего должна быть приведена в порядок, подметена и наполнена зерном и сахаром житница России — все остальное само собою приложится. Из Киева, этой матери городов русских, зачалась в седой древности русская государственность, отсюда должна она и возродиться. Новое здание государства Российского должно быть построено

не на тощих подмосковных подзолах, не на зыбких петербургских трясилах, а на богатом, плодородном южнорусском черноземе, который при заботливом уходе за ним собственников прокормит не только своих туземцев, но и соседей.

К сожалению, как мы упоминали об этом выше, в 1918 году германская государственность находилась уже, при благосклонном участии иудеев вроде Ратенау¹²⁸, в состоянии разложения, в германской политике не было никакого единства, марксистские пораженческие партии брали верх над германским патриотизмом, и из Берлина приходили распоряжения, шедшие вразрез с программой генерала Эйхгорна. В четырех важнейших вопросах, подлежавших решению оккупационной власти, возобладали левые течения, губительные для гетмана и для Южной России. Во-первых, в выборе людей на министерские посты гетман был связан берлинским требованием, чтобы избираемые им лица не были враждебны украинскому движению. Из предыдущего изложения читатель мог убедиться, что все украинское движение вытекает из невежества, недомыслия и умственного подчинения измышлениям польских ученых. В позднейшем фазисе своем, от М. П. Драгоманова и до Центральной рады, оно является просто одной из марксистских сект, пользовавшейся «украинской мовой» для соблазна и свращения в марксизм простого бессознательного народа. Уроженец Южной России, европейски просвещенный и не зараженный марксизмом органически не мог разделять украинских заблуждений, не мог сделаться украинским сектантом. Перед гетманом поставлена была прямо неразрешимая задача: с одной стороны, самими немцами отмечены были, как непригодный/сор, украинские социал-дубины из Центральной рады; с другой стороны, гетману воспрещалось взять в сотрудники обыкновенных русских людей, опытных в государственном управлении, — уроженцев Южной России, каких много собралось в Киеве после ликвидации большевиками петербургских правительственных учреждений, где процент малороссиян среди служащих всегда был очень велик. Поневоле гетману пришлось обратиться к услугам тех очень немногих людей, которые, как говорится, от одного берега отстали, а к другому не пристали. Таковы были все гетманские министры: Ф. А. Лизогуб, И. А. Кистяковский, М. П. Чубинский, Г. Е. Афанасьев, Н. П. Василенко, В. В. Зеньковский, инженер Бутенко, генерал Рагоза. Конечно, они не были украинскими марксистскими сектантами, но не были и

русскими людьми с твердыми государственными воззрениями и с установившимися навыками к делам управления. Это было дилетантское Временное правительство князя Г. Е. Львова в миниатюре. Деятельность такого «кабинета министров» не могла принести никаких добрых плодов. Еще более обесполаживали ее канцелярии. Последние наполнены были галичанами вследствие того, что официальным языком признана была «украинская мова», которой на письме свободно владели только галичане, обучавшиеся в австрийских украинских гимназиях. Эти господа оставили по себе в киевлянах самую печальную память.

Во-вторых, берлинские правители не разрешили гетману организовать хотя бы небольшую армию, которая могла бы защитить Южную Россию от большевистских красных орд в случае ухода оккупационных войск. По-видимому, с одной стороны, в Берлине крепко еще верили, что Германия победит и что германских сил вполне достаточно для охраны «Украины» от большевиков; с другой — втайне опасались, как бы гетманская армия, окрепнув, не изменила немцам.

В-третьих, германская власть, разогнав Центральную раду, не распорядилась увезти в Германию, в какой-нибудь Магдебург, для приятных размышлений о превратностях судьбы в стенах тамошней тюрьмы всех этих Петлюр, Винниченков, Поршей, Макаренков, Андреевских, Швецов и прочих деятелей Центральной рады, хотя тайное местопребывание их было прекрасно известно германской разведке. Таким образом, украинским социал-дубинам открыты были все возможности подготовить то восстание против гетмана, которое они устроили немедленно после наступления германской революции.

В-четвертых, наконец, берлинская дипломатия допустила приезд в Киев румынского коммуниста Раковского с целым его штабом в качестве советского «посла» при гетмане. Этим подписывался смертный приговор генералу Эйхгорну и вместе с тем предreshалась на многие годы судьба Южной России. Раковский¹²⁹ и главный его сотрудник Мануильский¹³⁰ развили широкую коммунистическую пропаганду, подготовили кадры так называемых партийных работников и усеяли весь край комячейками. Водворившаяся после гетмана в Киеве Украинская Директория продержалась неполных два месяца (6 декабря 1918 — 25 января 1919), а затем настала советская власть, возглавляемая тем же Раковским. Из «посла» он сделался правителем. Председа-

телем Украинского Совнаркома (Совета народных комиссаров) Раковский оставался пять лет, залив всю Южную Россию реками крови и уморив голодом чуть не половину ее населения, и только в феврале 1924 года он переехал в Лондон опять в качестве «полномочного посла» СССР и, вероятно, с теми же заданиями, какие он выполнял в Киеве. Генерал Эйхгорн был убит подосланным из Москвы злодеем 31 июля н. ст. 1918 года вместе со своим верным адъютантом фон Дресслером. Смерть генерала Эйхгорна была тяжелым ударом для гетмана: в нем он лишился главнейшей своей опоры и после этого остался покинутым и одиноким среди окружающих его враждебных течений. Весь кратковременный период «гетманшафта» промелькнул тускло и бесплодно. В германской политике был один только красивый жест: это суд над бывшим украинским «премьером» Голубовичем. В этот процесс германское командование стремилось вскрыть перед светом, до чего глупы, пошлы и плутоваты были украинские ура-социалисты, взявшиеся нахально управлять богатейшей в Европе страной.

Единственным событием лета 1918 года, которое должно остановить на себе внимание каждого русского человека, является созыв так называемого Всеукраинского церковного собора.

XVIII

Созыв Всеукраинского церковного собора в Киеве летом 1918 года вытекал отнюдь не из религиозных потребностей православного населения Южной России, а из чисто партийных политических побуждений некоторой незначительной части местного духовенства. Южнорусские духовные семинарии, в особенности Киевская и Полтавская, издавна привлекали к себе внимание пропагандистов украинского социализма, и среди семинаристов постоянно вращались агитаторы, старавшиеся возбуждать семинарское юношество против школьных властей и прививать ему революционный социализм в связи с украинским сепаратизмом. Еще покойный В. В. Антонович часто высказывался, что украинская идея отскакивает от гимназистов, но зато легко всасывается семинаристами, представляющими вообще благодарную почву для посева семян украинского социализма. Житейские обстоятельства часто загоняли в ряды духовенства распропагандированных молодых людей, утеравших веру в Бога и мечтавших не о религиозном воспитании своей паствы на основах христианского учения, а о политических переворотах в духе

М.П. Драгоманова. Пьяная бунтарская поэзия «батьки Тараса» служила возбуждающим эликсиром для слабых голов и заряжала рясоносных его почитателей тем грубым и диким украинским фанатизмом, какой ей присущ. Таким образом, сформировалась украинская партия среди южнорусского духовенства и с началом революции 1917 года всплыла на поверхность взбаламученной русской жизни. Во главе ее стал настоятель церкви киевского предместья Соломенки о. Василий Липковский.

На протяжении веков нельзя припомнить себе церковного движения, столь бедного смыслом, столь духовно убогого, столь пустого и бессодержательного, как затея группы разнузданных украинских попов. Нигде не видно в нем никакого подъема горячего религиозного чувства, никаких мощных порывов от земли вверх, «горе», к небесам, к Богу, никакого пламенения любовью к Господу нашему Иисусу Христу. Все сводится к безграмотному «перекладу» богослужебного книжного обихода с торжественного церковнославянского языка святых первоучителей словенских Кирилла и Мефодия на простонародную мужицкую базарную «мову» да к разным поблажкам неверующему и распущенному духовенству. Зачем-де носить длинные волосы, одеваться в неуклюжие рясы, ограничиваться одним браком на всю жизнь, отказываться от танцев и посещения театров, постригаться в монахи для получения епископского сана? Острижемся, оденемся в пиджаки; кому надоели жены — разведемся и поищем новых, более приятных подруг; кто вдовцы, вступим во вторичные браки; будем плясать и увеселяться зрелищами, благо их столь услужливо и обильно предлагают теперь иудеи для развращения христиан; при живых женах будем занимать епископские и даже митрополичьи кафедры. Пастве вместо молитв и духовных стяжаний предоставим забавляться игрой в парламентаризм, начиная от сельской приходской «рады» и до Всеукраинского церковного собора. Настанет для попов раздолье, а не жизнь! Вот какими низменными побуждениями охвачены были души бунтующих украинских попов, и это в то время, когда весь сознательный христианский мир до кровавого пота терзается мыслью о том, как спасти христианство от ликвидации его иудеями и как очистить его от талмудических наслоений — этих злокачественных наростов на теле христианства, ослабляющих в течение веков живительную силу учения Христова. Жалкие люди сии невежественные украинские попы, и жалка их затея.

С февраля 1918 года, когда Южная Русь, и в частности Киев, отрезана была от Москвы австро-германской оккупацией, сношения южнорусских православных с патриархом Тихоном были до крайности затруднены; в Москве не было лиц, которые посвятили бы патриарха в сущность украинско-поповских вожделений, и поэтому, на основании односторонних украинских настояний, патриарх Тихон благословил созыв никому не нужного Всеукраинского церковного собора.

Открытие собора последовало тогда, когда в Киеве влачил свое призрачное существование заранее обреченный на гибель «гетманшафт». Из христианских вероисповеданий православная Церковь по своей природе наиболее подобна плющу, который не может буйно разрастись, если он не обовьется вокруг крепкого столба или древесного ствола, если не прильнет к стене какого-либо строения; так и православная Церковь не может процветать, не имея поддержки и покровительства со стороны православной светской власти. Когда в России утвердилась иудейская власть, враждебная православной Церкви, последняя, как плющ без опоры, зачахла и еле прозябает, сброшенная с высоты бывшего величия в грязь людского торжища и раздираемая внутренними пререканиями и несогласиями. Собор 1918 года, видя перед собою православную светскую власть генерала П. П. Скоропадского, совершенно забыл об ее слабости и начал приспособляться к ней так, как будто она могла держаться десятками лет. Состав собора, избранный приходами без партийных давлений,; насильий и угроз, по внутренней их совести, оказался самым обыкновенным сборищем разношерстных русских людей — как если бы соединили в одно место несколько уездных земских собраний различных южнорусских губерний. «Украинцы» располагали в нем всего какими-нибудь двадцатью голосами, но зато среди них находились самые ярые из попов: Липковский, Шараевский, Тарновский, Филиппенко, Грушевский. Руководящую роль на соборе играл профессор Духовной академии протоиерей Ф. И. Титов, родом курянин, настоятель киевской Андреевской церкви. Желая попасть в тон гетману и германской власти, требовавшей от гетмана «украинской» политики, Ф. И. Титов в длинной речи, имевшей служить для собора путеводной нитью, вопреки действительным историческим фактам стремился доказать, что православная Церковь на «Украине» зеленела и цвела, красовалась юностью, пока была независима от московского патриарха

и заменившего его петербургского Синода, а потом-де захирела и омертвела. Хитроумный профессор, очевидно, учитывая отсутствие всякой научной подготовки у большинства членов собора, в своем ретроспективном обзоре сознательно смешивал различные исторические эпохи и отдельные моменты истории, выдвигал одни события, умалчивал о других и, таким образом, создавал в умах наивных слушателей совершенно ложное представление о ходе развития церковной жизни в Малороссии. Он умалчивал о том, что «Украина» как политическое тело никогда в истории не существовала, как не было и «украинской» церкви; что под властью католической Польши «русская вера» (*wiara ruska*) совершенно разложилась и в значительной своей части отпала в унию с Римом; что в левобережной малороссийской гетманщине (1667—1764) православная Церковь окрепла под защитой царской власти и воспитала длинный ряд выдающихся иерархов для церковно-государственной деятельности как в Малороссии, так и на всем пространстве России, каковы: Феофан (Прокопович), Варлаам (Ясинский), Дмитрий (Туптало), Иоасаф (Горленко), Иоанн (Максимович), Арсений (Берло), Георгий (Кониский), Анастасий (Братановский), Самуил (Миславский), Христофор (Сулима), Сильвестр (Кулябка) и многие другие; что часть православной Церкви, оставшаяся после 1667 года в границах Польши, подвергалась гонениям со стороны католицизма до самых разделов Польши, как об этом подробно рассказал Ф. И. Титов в двухтомном труде, посвященном обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву¹³. На просвещенных слушателей речь профессора Ф. И. Титова произвела крайне неприятное впечатление своей грубой тенденциозностью. Вызов его клонился к тому, что для нового процветания «украинской» Церкви нужна автономия. В этом направлении пошли работы собора и закончились провозглашением автономии и подробной разработкой организации церковного управления. Баллотировался и вопрос о богослужебном языке; к величайшему озлоблению «украинцев», подавляющим большинством он был решен в пользу церковнославянского языка, однако с правом переходить на «мову» в случае единодушного желания прихожан.

В один из первых дней после открытия собора его посетил «светлейший гетман» и произнес краткую приветственную речь; потом выступал с длинным словом министр исповеданий профессор философии В. В. Зеньковский, стремясь объять необъ-

ятное, то есть найти глубокий смысл в бессмысленном «украинском» церковном движении.

Веяния духа Господня не чувствовалось на заседаниях собора; заповедь Христа «Да любите друг друга» основательно быта забыта; «украинцы» пылали ненавистью против всех инакомыслящих, а общее настроение собора было чрезвычайно тупое и равнодушное к рассматриваемым вопросам. Ни у кого не было огня в глазах; лица у большинства были сонные и скупающие.

На чуткого человека собор производил отталкивающее впечатление еще тем лицемерием, которое положено было в его основу: перед лицом Господа Бога русские люди делали вид, что они — нерусские, и как будто стыдились того, что они говорят по-русски, а не на «украинском», изобретенном в Галиции жаргоне. Так все растерялись, пережив первые опыты украинского и большевистского социализма, и так все боялись обнаружить свои истинные убеждения. Однако обмен мнениями на соборе происходил по-русски, и только обалделые «украинцы» выступали на «мове», вызывая громкие протесты и крики «довольно!». В особенности гнали криками с кафедры сельского попа Грушевского, назойливо стремившегося говорить на «мове», когда никто не хотел его слушать.

Летняя сессия собора проходила в зале-церкви Религиозно-просветительного общества, ныне превращенной коммунистами в клуб, где митингуют, танцуют и флиртуют; осенняя — в митрополичьих покоях Киево-Печерской лавры.

Собор не закончил своих занятий и был прерван в связи с германской революцией и близившимся падением гетманской власти. Никого он не удовлетворил, а менее всего остались им довольны «украинцы», собственно, и добивавшиеся его созыва настойчивыми домогательствами перед патриархом Тихоном. Не такой собор нужен был «украинцам». Все свои вождедения они выявили и осуществили на партийном соборе 1921—1922 годов.

XIX

Революция в центральных империях явилась катастрофой не только для них, но и для Южной России, где пребывала выше чем полумиллионная австро-германская армия — этот единственный оплот порядка и спокойствия в огромной стране. По мере того как приходили все новые и новые известия о переворотах, наступивших в разных краях обеих империй, беспокойство

в оккупационных войсках росло, дисциплина падала и начиналось брожение, ибо каждый солдат, опасаясь за судьбу покинутой им семьи, волновался и рвался скорее вернуться домой. В войсковых частях по большевистскому образцу организовались советы солдатских депутатов. Гетманская власть, непопулярная и державшаяся исключительно силой австро-германских штыков, должна была сама себя упразднить (1 декабря ст. ст. 1918 года), тем более что против нее выступили притаившиеся в своих норах украинские социалисты и инсценировали «народное восстание». Австро-германское командование, насколько оно сохраняло еще свой авторитет, заняло под давлением коварной Антанты нейтральное положение и стремилось только, пока работали железные дороги, благополучно вывезти на родину своих упавших духом, взволнованных и сбитых с толку солдат. При помощи немцев тайком исчез из Киева в Германию и генерал П. П. Скоропадский. Украинские социалисты опять захватили в свои руки власть и образовали в Киеве Директорию из пяти членов. Места директоров заняли знакомые все лица: Винниченко, Петлюра, Андреевский, Шве́ц и Макаренко.

На всем пространстве Южной России настал кровавый хаос, и смерть собирала обильную жатву.

Так как социализм стремится навязать человеческому общежитию порядок, противный природе человеческой души, то он не может обходиться без террора. Социалистический строй и террор неразрывно связаны. Украинский социализм особенно свиреп и жесток, ибо он вдохновляется зверствами идеализованных Шевченко гайдамаков времен уманской резни 1768 года. С водворением в Клеве Директории и таких исполнителей ее распоряжений, как Коновалец, Чайковский и Ковенко, снова пышно расцвел там террор, прерванный было правлением немцев и П.П. Скоропадского. Под названием «слидчих комисий» заработали «чрезвычайки». В виде разных «отаманов» появились добровольцы террора, старавшиеся под предлогом борьбы с буржуями не упускать случаев, чтобы грабить и обогащаться. Жизнь приняла уродливые формы.

Коновалец был галичанин, бывший австрийский офицер. Он, кажется, носил звание коменданта города Киева. Однажды он издал приказ: в течение трех дней под угрозой драконовских штрафов заменить украинскими все вывески над магазинами, таблички врачей с указанием часов приема и другие общественные

надписи на русском языке. Маляры собирали огромные деньги за спешную перекраску вывесок, докторские таблички повсеместно исчезли за невозможностью быстро их переделать. С тех пор в Киеве появились «ядлодайни», «цукерни», «голярки», «блаватные», «спожившіє склепы» и другие непривычные для киевских ушей названия, заимствованные из галицкого русско-польского жаргона. После, при большевиках, при деникинцах и опять при большевиках, вывесок некому и некогда было переделывать, и на память о глупом произволе Коновальца они во всем своем языковом уродстве красовались еще в 1922 году, как, вероятно, существуют и до сих пор.

Ковенко был председателем «слидчої комысії», то есть «чрезвычайки», помещавшейся на Бибиковском бульваре в гостинице «Марсель», где при гетмане проживало «советское посольство» Раковского и Мануильского. Кажется, по его распоряжению 5 декабря ст. ст. 1918 года были арестованы и вывезены в Галицию, в город Бучач, митрополит Антоний й викарий епископ Никодим. Потом Ковенко отдал приказание арестовать и посадить в Лукьяновскую тюрьму за контрукраинское настроение многих деятелей «гетманшафта» и представителей киевской русской интеллигенции. Они были освобождены тюремной властью только накануне вступления в Киев большевиков, 24 января ст. ст. 1919 года, когда бежавшей Директории давткуже след простыл.

Расстрелы намеченных лиц происходили обыкновенно под предлогом пресечения попыток их к побегу во время препровождения в тюрьму. Так погибли прославленный конной атакой на венгров командуемой им 10-й кавалерийской дивизии генерал граф Келлер и его адъютант — кавалергард Пантелеев. Их арестовали около полуночи в Михайловском монастыре, где они ютились, повезли на автомобиле якобы в Лукьяновскую тюрьму, потом высадили у сквера между памятником Богдана Хмельницкого и бывшим домом Алешина, где при большевиках поместился «Сахартрест», и расстреляли в затылок. Автомобиль помчал дальше мертвые тела. На другой день утром на месте расстрела видна была на снегу широкая лужа крови. Подсчитывали в то время, что между 1 декабря 1918 года и 25 января 1919 года ст. ст. расстреляно было «украинцами» в Киеве за инакомыслие не менее двухсот человек. Конечно, это пустяки сравнительно с бойнями большевиков.

Изатаманов, добровольцев украинского террора в Киеве, бо-

лее всех прославился своими насилиями «отаман революційного загона залізничників» (то есть отряда железнодорожников) Семен Грызло. Вечно пьяный, под предлогом отыскания скрывшегося «гетманця» (деятеля «гетманшафта») или хранимого оружия он со своей бандой врывается поздними вечерами в квартиры, арестовывал ни в чем не повинных людей, потом вымогал за них от домашних выкуп, захватывал попадавшие под руку более ценные вещи и был чрезвычайно изобретателен на угрозы, чтобы только побольше награть. Усердным помощником его был «подотаман» некий Шкварник. Трудно сказать, действовал ли Семен Грызло с ведома и одобрения Директории или на свою ответственность; но если допустить, что Директория не сочувствовала подобным насилиям, то, во всяком случае, власть ее была чересчур призрачна для того, чтобы она могла обуздать людей типа Грызла и Шкварника.

В деревнях дело обстояло значительно хуже, чем в Киеве, и тамошним жителям каждый день приносил вести о небывалых насилиях и кровопролитиях. С постепенным отбытием на родину немцев и жизнь, и имущество людей становились все более беззащитными. Украинские большевики и просто большевики соревновались друг с другом в злодеяниях. Опишем несколько событий времени Директории (декабрь 1918 — январь 1919), известных нам не из газет, для характеристики условий тогдашнего существования.

XX

На одной из железнодорожных станций между Киевом и Полтавой 3 декабря ст. ст. застрял на целую ночь шедший в Харьков пассажирский поезд. Путь застопорили встречные поезда с эшелонами возвращающихся домой германских войск. В ближайшем к станции селе успела уже организовать банда негодяев из развращенной молодежи, но не без сочувствия и старшего поколения, для «революционных выступлений», то есть для учинения всякого рода насилий и грабежей. Застрявший поезд представлялся им ценной добычей. Пятнадцать парней, вооруженных револьверами, заперли на станции напуганных железнодорожников и принялись грабить пассажиров, угрожая расстрелом в случае сопротивления. В поезде находилось около четырехсот людей. Все, что было на них и при них ценного, как-то: шубы, часы, бумажники, кольца, чемоданы — перешло в руки грабите-

лей. За громоздкой добычей, как шубы и чемоданы, приехали из села подводы. Ограбленные, зябнувшие без шуб пассажиры едва умолили железнодорожников отправить их обратно в Киев. Доставшаяся грабителям добыча быстро разошлась по селу и утонула в тайных мужицких- «спрятах».

Представителем «украинской» власти в местности, где произошло ограбление поезда, объявил себя один сельский учитель, сын сидельца винной лавки по прозвищу Ерофеич. Он возложил на себя старинный малороссийский титул полковника. Когда «полковник Ерофеич» узнал о дерзком грабеже, он решил показать свою власть и примерно покарать грабителей. Он успел собрать около себя «загин» — человек шестьдесят якобы «свидомых украинцев». С этими силами он нагрянул на грабительское село. Большинство негодяев, принимавших участие в ограблении поезда, успели скрыться, но трех Ерофеичу все-таки удалось поймать, и он устроил торжественное зрелище расстрела. Парни поставлены были рядом на льду широкой замерзшей лужи и в присутствии толпы уstraшенных селян подвергнуты были расстрелу. От первого же залпа все трое упали, пронзенные пулями, но один богатырь, широкоплечий, огромного роста, первый силач в селе, несколько раз с диким ревом подскакивал и падал, пока кто-то из «ерофеевцев» не прикончил его револьверным выстрелом в висок. «От так карают злодией», — провозгласил Ерофеич в уроке селянам при отъезде.

В районе власти «полковника Ерофеича» расположено было большое село, которого земельное пользование имело свою длинную и любопытную историю. С незапамятных времен село это входило в состав владений Киево-Флоровского женского монастыря и управлялось черницами (монахинями). Жителей тогда в нем было мало, и участки пахоты среди окружающей огромной пустоши разрабатывались по мере сил хозяев и по указанию черниц. В 1796 году село, как монастырское владение, поступило в казну, и крестьяне стали собственностью казны, по местному выражению, «казенцами». Чиновники для облегчения своей работы завели в селе общинное владение землей, великорусского типа, с переделами по числу душ в семье. Хозяйственные мужики всегда тяготились этой формой пользования, столь противной малорусской душе, и, как только окончилась их зависимость от казны, стали хлопотать о переходе к подворному владению.

После длительного сопротивления со стороны слабых и ле-

нивых однообщественников переход состоялся. Земля за каждым домохозяином была закреплена в том количестве, каким он пользовался в момент перехода. Установилось земельное неравенство, которое нельзя было уже поправить разорительными переделами, но зато подворное владение отразилось заметным улучшением сильных хозяйств. Когда введена была столыпинская реформа, село, под давлением лучших хозяев, немедленно перешло на отруб. На отрубях появились хутора, и хозяйства зажиточных и трудолюбивых мужиков с помощью указаний земских агрономов и мелиоративных ссуд из казны стали процветать. С наступлением революции отбросы села (так называемая «босячня»), снедаемые завистью к благосостоянию дельных отрубников, подняли голову и начали мечтать о возвращении к выгодному для лентяев общинному землевладению. Однако быстрота развития смуты опередила все мечты: 3-й универсал Малой рады упразднил частную земельную собственность, а Центральная рада, отменяя 3-й универсал, переходила прямо к социализации земли. Мы говорили выше, что для борьбы с социалистическими вождедениями по мысли М. И. Коваленко был организован в Полтавской губернии «Союз хлеборобов-собственников», распространившийся потом и на соседние губернии. Пять-шесть наилучших и наиболее развитых хозяев описываемого села примкнули к этой организации, надеясь с ее помощью защитить свою ценную и благоустроенную собственность. В декабрьские дни как лозунг пущен был большевиками по селам клич: «Убивать всех хлеборобов, участвовавших в провозглашении Скоропадского гетманом». В селе, о котором сейчас идет речь, как и в том селе, откуда пошли грабить поезд, существовала «уже организованная банда негодяев «для революционных выступлений». Во главе ее стоял полуинтеллигент, прогнанный за мошенничества сельский писарь, побывавший и в криворожских рудниках, и в донецких шахтах, законченный тип «профессионала революции». В середине декабря, в воскресный день, руководимая им банда из 12—15 человек решила проявить свою деятельность расстрелом нескольких «хлеборобов». Запрягли трое саней, уселись в них гурьбой с карабинами и револьверами и покатили по селу хватать намеченные жертвы. Побывав в церкви, «хлеборобы», как степенные хозяйственные люди, сидели по домам и не подозревали, какой ужас их ждет. Негодяи вваливались в хату такого «хлебороба», принуждали его надевать самую лучшую зимнюю верхнюю одежду и брать с собою весь запас

наличных денег и уводили на сани под крик и плач -обезумевшей от страха семьи. Таким образом было захвачено пять самых лучших хозяев села. Их вывезли далеко в поле, заставили раздеться и расстреляли. Кожухи, кобеньяки и наличные деньги были поделены между участниками «революционного» выступления. Вид пролитой крови опьянил «революционеров», и они помчались в соседнее село искать там новых жертв. Дорога шла через частновладельческий лес; невдалеке от нее в лесной сторожке проживал с женой и дочерью лесник, старик лет семидесяти. Остановили сани против сторожки, выволокли оттуда захваченного врасплох старика и расстреляли за то, что охранял «панский» лес. В соседнем селе расстреляли попавшегося под руки эконома из ближайшего имения и его зятя. День заканчивался пьянством и разгулом на деньги, доставшиеся от «хлеборобов». На другой день вдовы расстрелянных с воплями прибежали к «полковнику Ерофеичу», рассказали происшедшее и просили защитить их от дальнейших издевательств со стороны извергов. Ерофеич был тронут слезами баб и решил расправиться со злодеями. Но как их добыть в руки? И вот он пустился на хитрость. Он послал в село, где подвизалась банда, верного человека, который, втершись в доверие к бандитам, повел к ним такую речь: «Наш полковник услышал, что вы без пощады расстреляли несколько «хлеборобов» и панских прихвостней, и из этого видит, что вы — хлопцы храбрые и на все способные; поэтому он приглашает вас вступить в его «загон»; будете сыты и пьяны, вместе будем истреблять буржуев». Душ девять или десять самых разудалых бандитов поддались на соблазн Ерофеича и явились в местечко, где он «полковничал». Как только они пришли, Ерофеич их арестовал, вывел за местечко на распутье двух дорог и расстрелял.

На рождественских праздниках 1918 года случилось еще одно любопытное событие в районе Ерофеича. В глухом хуторе, среди полей и лесов, бедно и одиноко проживал некий отставной полковник, человек немолодой и болезненный. Единственной прислугой у него была беззубая старая баба. Полковник ночевал в доме, а баба — в отдельно построенной кухне. Земли у полковника было всего тридцать десятин, так что его никоим образом нельзя было причислить к настоящим «буржуям». Однако организовавшаяся в шайку «босячняя» соседнего села страшно ему завидовала и решила воспользоваться наступившей с уходом немцев смутой, чтобы его убить. Старый полковник был любите-

лем оружия, превосходным стрелком и еще со службы вывез несколько хороших ружей и револьверов. Хранился у него и запас патронов. Зная о враждебных замыслах «босячни», полковник принимал меры, чтобы не быть застреленным через окно. Поэтому на ночь он запирали внутренние ставни, и кровать поставлена была так, что даже наискось пущенная из окна пуля не могла в нее попасть. Ружья и револьверы были заряжены и разложены по столам с таким расчетом, чтобы в случае надобности ими можно было немедленно пользоваться. Однажды вечером, когда полковник сидел уже один в наглухо запертом доме, раздались выстрелы в окна и двери, и в комнатах просвистели пули. Было ясно, что несколько бандитов решили штурмом взять дом и убить полковника. И вот тут началось упорное нападение с одной стороны и отчаянная защита с другой. Борьба длилась двое суток: дерзкие бандиты ночью штурмовали полковника, а днем держали в осаде. Сколь это ни покажется сказочным, но факт тот, что полковник, во время ночных штурмов перебегая из комнаты в комнату и от окна к окну, убил меткими выстрелами шесть бандитов и продержался в доме до начала третьей ночи. К этому времени бандиты притащили из села с большими усилиями две или три горные пушки, приготовили их к действию и после этого прилегли отдохнуть перед началом нового, окончательного штурма. Этим моментом полковник воспользовался, чтобы, закутавшись в белую простыню, ускользнуть сквозь разбитую пулями дверь и ползком по снегу выбраться сначала в сад, а потом в поле. Пушечные выстрелы он слышал, когда находился уже верстах в трех от своей усадьбы, по пути к ближайшей железнодорожной станции. Здесь он вмешался в красноармейский эшелон, двигавшийся по направлению к Киеву, и таким образом спасся от возможного преследования со стороны обозленных бандитов, которые только утром досмотрелись, что полковник не убит одним из пушечных выстрелов, как они предполагали, не получая в ответ от него пуль, а незаметно и удачно скрылся. Летом 1919 года, в разгар большевистского террора, родственники убитых полковником мужиков каким-то способом проведдали, что он скрывается в Киеве, и подали донос в одну из «чрезвычайек». Когда полковнику по некоторым признакам показалось, что чекисты вот-вот откроют его убежище и что ему грозят арест и расстрел, он предпочел сам застрелиться.

Мы обрисовали эти кровавые переживания в округе «полковника Ерофеича», чтобы показать, в какой ужас ввергло стра-

ну так называемое петлюровское восстание и как нелепы были мечтания Директории, будто она в силах управлять Украиной. События развивались совсем не в ту сторону, в какую их тщетно силилась направить Директория.

Судьба Ерофеича была очень трагична. В январские дни 1919 года, когда Красная Армия, служа евреям, крупными массами двигалась на Киев, он со своим ничтожным «загоном» сделал отчаянную попытку задержать ее у железнодорожного моста через реку, протекавшую в его районе. Первый же большевистский пулеметный дождь сразил Ерофеича и большинство его соратников, а остатки его «загона» разбежались куда глаза глядят.

25 января ст. ст. 1919 года красноармейцы вошли в Киев, песенка «украинской» власти была спета, и ненька-Украина вторично попала под пяту большевиков.

XXI

Кровавый из кровавых 1919 год был временем непрерывной гражданской войны в России. На еврейскую власть в Москве ополчились: с юга — Деникин, с востока — Колчак, с севера — Миллер, с запада — Юденич; казалось, что должен прийти ей конец; однако «чрезвычайки» и глупая Красная Армия ее выручали. Украинские социалисты разных толков также примазались к противобольшевистскому движению. Петлюра с помощью бывших австрийских генералов (Кравз-Торновского и других) организовал в Галиции армию для наступления на Киев. По всей Южной России появились партизанские отряды, которые вели мелкую борьбу с большевиками. Особенно были известны банды Зеленого около Триполья, Струка и Соколовского на Киевском Полесье, Тютюнника в окрестностях Черкас, Ангела в Полтавской губернии, какой-то Маруси на границе Киевщины и Херсонщины. Хотя предводители всех этих банд выступали под желто-голубым украинским флагом, но, в сущности, малорусское национальное чувство было им совершенно чуждо и непонятно, главными же стимулами их деятельности были грабительские инстинкты да упоение своеволием и разнузданностью при полной безнаказанности. В самих бандах дух царил большевистский, то есть беспощадно разрушительный, хотя они якобы боролись с большевиками.

Если бы существовала высочайшая гора, с вершины которой была бы видна вся широкая русская равнина, то взор стояще-

го на вершине наблюдателя везде останавливался бы на трупах и трупах — на русских трупах. Эта картина трупов невольно приводит на память одно сказание в Священном Писании, которое таит в себе глубокий смысл. Однажды аммонитяне, моавитяне и обитатели горы Сеиры заключили между собою союз и соединенными силами выступили против иудеев. Бог чудесным образом привел союзников в состояние безумия, они перессорились, и сначала аммонитяне и моавитяне истребили обитателей горы Сеиры, а потом взаимно истребили друг друга. «Когда иудеи пришли на возвышенность в пустыне и взглянули на то множество, и вот — трупы, лежавшие на земле, и нет уцелевшего». Что же стали делать иудеи? Они принялись «забирать добычу и нашли» у своих врагов «во множестве и имущество, и одежды, и Драгоценные вещи, и набрали себе столько, что не могли нести. И три дня они забирали добычу; так велика была она» (2 Пар. 20, 1—25). Когда обезумевшие враги иудеев устали поле трупами погибших собратьев, тогда иудеи занялись грабежом принадлежавшего врагам их имущества. Это точное изображение роли иудеев в русской революции и наступившей вслед за нею гражданской войне. Натравив одних русских на других во имя глупых и преступных лозунгов вроде: «Грабь награбленное!», «Мир хижинам, война дворцам!», «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!», иудеи спокойно смотрели «с возвышенности» Московского Кремля на взаимоистребление русских русскими и плотоядно любовались картиной: «трупы, лежащие на земле, и нет уцелевшего». Как только Россия стала истекать кровью своих безумных сынов, иудеи принялись ее грабить, и грабят не три дня, а вот уже семь лет — так велика добыча.

Кроме материального обогащения, целью иудеев в русской революции было еще истребление живых умственных сил русского народа. Направления и оттенки русской мысли имели мало значения в глазах иудеев. Важно было, чтобы вообще не осталось людей, способных мыслить, прозревать и наконец понять, кто истинный виновник русского ужаса. Поэтому, в частности, в Южной России, о которой мы ведем речь, «чрезвычайки» одинаково уничтожали и «малорусов», и «украинцев», или, пользуясь другими терминами, и «богдановцев», и «мазепинцев», приверженцев и русского, и польского направления, и дорожащих русским литературным языком как своим родным, и стремящихся заметить его русско-польским жаргоном галицийской фабрикации.

Летом 1919 года были расстреляны три видных представителя старого культурного слоя малороссийского общества: Петр Яковлевич Армашевский, Петр Яковлевич Дорошенко и Владимир Павлович Науменко. Первые два принадлежали к потомкам тех малороссийских старшинских родов, память о которых увековечена «Малороссийским родословником» В. А. Модзалевского; В. П. Науменко происходил из более нового, но цивилизованного рода: отец его был уже директором гимназии.

XXII

П. Я. Армашевский (родился в 1850 году) окончил курс наук в черниговской гимназии и в Киевском университете по естественному отделению. Посвятив себя ученой деятельности, он прошел в родном университете, по мере получения ученых степеней, обычный путь профессорской карьеры: был хранителем минералогического кабинета, доцентом, экстраординарным, ординарным и, наконец, заслуженным профессором по кафедре геологии и геогнозии. Его преподавание привлекало к изучению геологии молодые силы, и он оставил целую школу учеников, к числу которых принадлежат профессора Лучицкий и Дубянский. Как горячий сторонник высшего женского образования, Петр Яковлевич много забот посвятил организации Высших женских курсов, директором которых состоял в течение нескольких лет. Ученый интерес Петра Яковлевича сосредоточивался главным образом на изучении геологического строения Приднепровья: в частности, он был выдающимся знатоком наслоений, на которых расположен Киев. Это обстоятельство указывало Киевскому городскому самоуправлению приглашать Петра Яковлевича в комиссии по вопросам артезианского водоснабжения города и предохранения от оползней нагорных частей города вдоль берега Днепра. В последние годы перед революцией П. Я. Армашевский был постоянным председателем думской комиссии по этим вопросам. Город Киев обязан ему прекрасной разработкой сети артезианских колодцев, которая дала возможность городскому водопроводу заменить днепровскую воду артезианской в неограниченном количестве. Удачно придуманной и тщательно им инспектируемой системой штолен Петр Яковлевич добился прекращения оползней на Владимирской горке и в других угрожаемых ими местах. Теперь, когда Петра Яковлевича нет на его сторожевом посту, оползни пошли полным ходом и, по газетным изве-

ствиям от весны 1924 года, все киевское нагорье от Андреевского спуска до Аскольдовой могилы грозит сползти в Днепр с дивным Андреевским храмом работы Растрелли и девятью тремя усадьбами.

Как человек широкого европейского образования, ежегодно в каникулярное время ездивший за границу, чтобы следить за движением европейской мысли и техники, Петр Яковлевич не мог сочувствовать узким и нелепым тенденциям «украинцев», стремившихся загнать население Южной России в тупик «мовы» и социализма. Он горячо любил Россию как культурное целое, а русскому языку всегда пророчил мировую роль. Такое настроение нисколько, однако, не препятствовало ему питать нежные чувства привязанности к Малороссии, как ближайшей родине, и интересоваться не только ее будущим хозяйственным и техническим развитием, но и прошлой судьбой. По матери, Марии Матвеевне, Петр Яковлевич был родным племянником славного историка Малороссии Александра Матвеевича Лазаревского и с величайшим интересом следил за разработкой местной истории в руководимом дядей журнале «Киевская старина». Петр Яковлевич был постоянным посетителем ежемесячных собраний редакции журнала и вносил в них много оживления своими меткими, часто ироническими замечаниями. Бывая за границей в последние годы перед мировой войной, Петр Яковлевич обратил внимание на необычайно быстро возрастающее влияние на европейскую жизнь банкового и биржевого капитала, сосредоточенного в руках иудеев, на тесную связь этого капитала с социализмом и на подготовку им мировой войны. Он познакомился с немецкой и французской антисемитской литературой, которая раскрывала многие тайные пружины европейской политики, недоступные непосвященному взору. Петр Яковлевич почувствовал, что Россию ждет великое бедствие. Поэтому, когда в Киеве по почину профессора Д. И. Пихно¹³² основался клуб русских националистов, чтобы отстаивать русскую идею на юго-западе России от еврейских и украинских козней и натисков, Петр Яковлевич охотно примкнул к нему и был избран товарищем его председателя.

Между тем разразилось дело Бейлиса, обвиняемого в ритуальном убийстве мальчика Ющинского. Еврейство всего мира бурно всколыхнулось и показало свою необыкновенную солидарность и мощь. Ко всеобщему изумлению национально настроенных русских киевлян, В. В. Шульгин¹³³, преемник Д. И. Пихно на

посту редактора правого «Киевлянина», выступил с бестактной статьей в защиту Бейлиса. Под тяжелым впечатлением «измены» В. В. Шульгина (по существу, это была задорная бестактность, вызванная плохой осведомленностью о тайнах еврейства) маленькая группа твердых русских националистов решила основать в Киеве вторую правую газету, которая более определенно и смело боролась бы с иудейским засильем. В организации газеты живое участие принял П. Я. Армашевский. Назвали ее «Киев». Основанная на скудные средства, бедная сотрудническими силами, начавшая свое существование в неблагоприятную пору — накануне мировой войны и наступления агонии русской государственности, газета не успела (да и не могла успеть) завоевать себе широкий круг подписчиков и от острого безденежья постоянно качалась между жизнью и смертью. Заботы о газете доставляли Петру Яковлевичу немало огорчений, и после трехлетней с лишком борьбы с неустранимыми препятствиями издание пришлось приостановить. Тем не менее «Киев» останется памятником тех усилий, какие напрягали немногие прозорливые люди в Киеве, чтобы раскрыть глаза власти и обществу на подготовлявшийся иудеями политический переворот и спасти от разрушения здание русской государственности. Усилия эти оказались тщетными. Крушение русской монархии наступило через несколько месяцев после прекращения «Киева».

С кончиной Д. И. Пихно и с выступлением на политическое поприще сотрудника газеты «Киевлянин» А. И. Савенко, который в 1913 году был избран членом IV Государственной думы, клуб русских националистов утратил свой прежний характер. Он сделался орудием в достижении А. И. Савенко его личных целей. Когда в Государственной думе образовался столь пагубный для России «Прогрессивный блок», киевский клуб русских националистов под давлением А. И. Савенко переименовался в клуб прогрессивных русских националистов. Этим А. И. Савенко, сделавшийся после смерти профессора В. Е. Чернова¹³⁴ председателем клуба, хотел подчеркнуть связь клуба с «Прогрессивным блоком» Государственной думы. Клуб подчинился диктаторской власти своего председателя и перестал быть кафедрой, с которой раздавались свободные голоса людей, объединенных идеей русского национализма, но различно смотревших на текущие вопросы русской политической жизни. Клуб должен был смотреть на все глазами А. И. Савенко, видеть в нем оракула, изрекавшего непо-

грешимые истины, и служить пьедесталом для его восходящего величия. Не сочувствуя замашкам А. И. Савенко, П. Я. Армашевский в мотивированном письме сложил с себя звание члена клуба и перестал принимать какое-либо участие в его деятельности.

Объявление мировой войны застало Петра Яковлевича и его супругу за границей, в Карлсбаде. С большими трудностями пробрались они через Швецию и Финляндию домой. Перипетии войны Петр Яковлевич переживал с необычайным напряжением, постоянно скорбя, зачем великие христианские нации бросились взаимно истреблять друг друга, к великой радости иудеев, видевших в войне источник своего обогащения. Он как бы предчувствовал, что напишет иудей Исаак Маркусон в «Таймсе» от 3 марта 1917 года: «Война — это колоссальное деловое предприятие; самое изящно-прекрасное в ней — это организация дела». Особенно печалил Петра Яковлевича разрыв России с Германией, наука которой была духовной кормилицей длинного ряда поколений русских ученых. Для многих немногих из них имена Берлин, Мюнхен, Лейпциг, Геттинген, Йена, Галле, Гейдельберг, Бонн напоминали лучшие, незабвенные дни молодого увлечения наукой и творческой работы мысли.

Супруга Петра Яковлевича, Мария Владимировна, урожденная графиня Капнист, по первому мужу Врублевская, правнучка известного писателя екатерининского времени В. В. Капниста, автора «Ябеды», по влечению своего доброго сердца в сотрудничестве с несколькими другими дамами собирая добровольные частные пожертвования, деятельно занималась заготовкой белья, фуфаяк, рукавиц и прочих носильных вещей для снабжения ими сражавшихся на фронте солдат. Петр Яковлевич, не жалея сил, приходил на помощь дамам там, где необходимо было его участие. Кто мог думать, что солдаты, бывшие предметом постоянных забот русской интеллигенции, скоро обратятся в свирепых красноармейцев и, по наущению иудеев, жестоко расправятся с теми, кто болел за них душой и всячески старался облегчить им военные тяготы и невзгоды.

Падение Российской империи произвело на Петра Яковлевича удручающее впечатление. Особенно возмутила его знаменитая телеграмма, разосланная по железным дорогам от имени какого-то ничтожного думца Бубликова о том, что-де «власть перешла к Родзянке». «Как осмелился глупый Родзянко принять власть! — горячился Петр Яковлевич. — Да ведь он не сообража-

ет, очевидно, что он творит!» Петр Яковлевич, насквозь знавший сухую, бессердечную, меркантильную Западную Европу, любил благостный русский царский режим и считал монархический образ правления необходимым для целостности и сохранности России. Он всей душой ненавидел П. Н. Милюкова и людей его типа, легкомысленно мечтавших, по наущениям иудеев, о республиканской России. Петр Яковлевич был слишком умен и практичен, слишком близко изучил Россию во время своих часто пешеходных геологических экскурсий, чтобы не понимать, что республика в России — это значит упразднение самой России как великого государства, осуществлявшего крупные культурно-исторические задачи.

С наступлением революции Петр Яковлевич совершенно удалился от общественной деятельности и замкнулся в своем кабинете, желая оставаться только сторонним наблюдателем того сумбура, который принесли так называемые «свободы». Он обрабатывал курс любимой кристаллографии, перечитывал классиков естествознания, углублялся в Евангелие и предавался религиозным размышлениям о мудрости мироздания и о тщете человеческих усилий создать общежитие, противное основным свойствам и требованиям человеческой души. Религиозное настроение Петра Яковлевича подогревала и укрепляла жена его Мария Владимировна, пережившая в юности момент высочайшего подъема религиозного чувства. В юные годы она страдала какой-то загадочной болезнью ног, лишавшей ее свободы передвижения. Лучшие парижские врачи не могли добиться никакого улучшения. Однажды Мария Владимировна горячо молилась перед домашней иконой Пресвятой Богородицы и почувствовала себя исцеленной. Это чудо сделало ее навсегда глубоко верующей христианкой и направило ее в жизни на путь безропотной покорности воле Божией. Исцелившая Марию Владимировну чудотворная икона Богоматери сделалась потом общенародным достоянием и является главной святыней основавшегося в бывшем имении родителей Марии Владимировны (Кобелякского уезда Полтавской губернии) Козельцанского женского монастыря.

За два года уединенной жизни Петра Яковлевича (с марта 1917 по апрель 1919 года) шесть раз сменились политические декорации в Киеве: 1) Украинская Центральная рада, 2) советский режим Муравьева и Ремнева, 3) опять Украинская Центральная рада

при германской оккупации, 4) гетманство П. П. Скоропадского, 5) Директория В. К. Винниченко и К°, 6) советский режим Раковского. Германская оккупация сначала казалось Петру Яковлевичу лучом света, пронизывающим мрак революции, но вскоре он убедился, что германская государственность сама находится уже в периоде разложения и что с нею нельзя связывать никаких надежд. Густая, беспросветная мгла спустилась над Киевом 25 января ст. ст. 1919 года, когда большевики овладели городом и открылся террор. Петру Яковлевичу казалось, что раз он замкнулся дома и нигде не показывается, то палачи революции о нем не вспомнят и оставят его в покое. Но он забыл об иудейской мстительности. Даже своему богу, который является непосредственным отображением их души, иудеи приписывают такую мстительность, что беззаконие отцов он наказывает в детях до третьего и четвертого рода (Числ. 14, 18). Лейба Бронштейн, посетив Киев в конце апреля 1919 года, нашел, что киевская «чрезвычайка» слабо работает, и поручил ей расстрелять киевских русских националистов. Петр Яковлевич был арестован в ночь на 29 апреля ст. ст. и расстрелян в первых числах мая после утонченных мучений и издевательств. Осиротевшая семья не могла добиться разрешения «власти» на получение его тела для христианского погребения. Нет ни на одном из киевских кладбищ ни могилы его, ни могильного над нею памятника, у которого почитатель Петра Яковлевича мог бы помолиться за душу усопшего мученика. Так погиб благороднейший человек, заслуженный деятель науки, учитель длинного ряда поколений киевских естественников, полезнейший гражданин города Киева, которому киевляне обязаны артезианским водоснабжением, славный сын Малороссии, горячо любивший свою ближайшую родину, но чувствовавший себя русским и мысливший Малороссию не иначе ж в виде неразрывной составной части Российской империи, — погиб от руки негодяев, не умевших даже правильно написать его фамилию. Гнусный «протокол» гласит: «Слушали: о бывшем проф. университета Армашове, — обвиняется в контрреволюции. Постановили: подвергнуть высшей мере наказания» (Мельгунов С. П. Красный террор в России. Берлин, 1924.).

Петр Яковлевич был европейцем в полном смысле этого слова, типичным представителем «арийского» племени. Высокого роста, могучего сложения, Петр Яковлевич совсем не производил впечатления старика, несмотря на свои семьдесят почти

лет. Как многие ученые, государственные и общественные деятели Запада в этом возрасте, он чувствовал себя еще вполне бодрым и трудоспособным и с юношеским увлечением предавался любимым умственным занятиям. Жизнь его духа была прервана насильственно, когда она не успела еще завершить своего естественного цикла.

Верная подруга Петра Яковлевича Мария Владимировна пережила его только на полтора года. Укрываясь от преследований «чрезвычайки» сначала в Киеве, а потом в Одессе, она не имела ни минуты покоя как от тоски по любимому мужу, так и от постоянного опасения попасть в руки большевистских палачей. Осенью 1920 года она заболела какой-то изнурительной болезнью, не выясненной врачами, и скончалась в Одессе, в нищенской обстановке, 6 декабря ст. ст. того же, 1920 года.

П. Я. Дорошенко происходил от запорожского гетмана Михаила Дорошенко, отмеченного историей в 1620-х годах. Сыном Михаила Дорошенко был Петр Дорошенко, современник Яна Собеского³⁵, бывший малороссийским гетманом от имени турецкого султана (1672 год) и окончивший свою бурную жизнь в городе Ярополче, под Москвою; он не оставил мужского потомства. Другим сыном Михаила Дорошенко был ближайший предок Петра Яковлевича. Гнездом семьи Петра Яковлевича было село Баничи Глуховского уезда Черниговской губернии. По окончании курса медицинских наук в Киевском университете Петр Яковлевич поселился в родном Глухове и отдался профессии практического врача. Женившись на Марии Парменовне Маркович, Петр Яковлевич породнился со старинной глуховской семьей Марковичей (из села Сваркова), происходившей от малороссийского генерального подскарбия Якова Марковича³⁶, который оставил на память потомству свой знаменитый «Дневник», являющийся наилучшим и незаменимым источником для бытовой истории малороссийской гетманщины XVIII века. Живые семейные связи с дворянскими и земскими кругами Глуховского уезда и всей Черниговской губернии увлекли Петра Яковлевича к принятию деятельного участия в местной общественной жизни, насколько она выражалась в дворянских и земских собраниях уезда и губернии, а малороссийские предания, навеянные воспоминаниями об исторических предках, как со стороны самого Петра Яковлевича, так и со стороны его жены, пробудили в нем страсть к собиранию малороссийской всякого рода вещественной и письменной ста-

рины. Мало-помалу Петр Яковлевич сосредоточил в своем доме ценнейший музей и архив для изучения старой Малороссии. Украшением архива были толстые тетради «Дневника» Якова Марковича, перевезенные из села Сваркова. Выдержки из «Дневника» были опубликованы в 1850-х годах в двух томах Александром Михайловичем Марковичем, бывшим тогда черниговским губернским предводителем дворянства и владельцем села Сваркова. Петр Яковлевич предполагал издать «Дневник» целиком и вошел для этого в соглашение с редакцией «Киевской старины», которая успела напечатать три тома полного «Дневника» в виде приложения к журналу. К сожалению, с упадком «Киевской старины» прекратилось незаконченным и это издание.

Когда Петр Яковлевич стал чувствовать приближение старости и утомление от врачебной деятельности, он принял приглашение черниговского дворянства занять место директора пансиона-приюта, содержимого на дворянские средства в Чернигове для сыновей черниговских дворян, обучающихся в черниговских учебных заведениях. На этой должности застала его революция. Благополучно спасшись во время натиска большевиков, Петр Яковлевич примкнул к П. П. Скоропадскому, с которым издавна находился в дружеских отношениях как с глуховским земляком и соседом. Соединяло их еще то сознание, что оба были представителями старых «гетманских» родов. В промежуток «гетманшафта» Петр Яковлевич занимал в министерстве просвещения должность управляющего отделом музеев и художественных собраний и пытался привести в известность и спасти от гибели имевшиеся в Малороссии коллекции предметов старины и искусства.

Чересчур быстро промелькнул «гетманшафт», чтобы Петру Яковлевичу удалось сделать в этом направлении что-либо заметное, но связь с гетманским режимом была поставлена ему в тяжкую вину украинскими социалистами и большевиками. Он чувствовал себя обреченным. С падением «гетманшафта» пришлось как-нибудь спастись, и Петр Яковлевич приютился в Одессе, где его никто не знал. Там он жил более или менее спокойно, пока продолжалась французская оккупация. Когда французы покинули Одессу, Петру Яковлевичу не посчастливилось уехать за границу. Началась тяжкая пытка укрывания себя от «чрезвычайки», которая тем временем объявила «красный террор». Во главе свирепой одесской «чеки» стоял известный палач — грузин Гимишвиш, или Саджая, по кличке Каменченко, который за три

месяца, от конца французской оккупации до прихода деникинцев, успел истребить не менее 3000 душ интеллигенции. В число жертв попал П. Я. Дорошенко и был расстрелян в гараже «чеки». В 1918 году покойному было около шестидесяти двух лет, но он казался старше — от того горя, какое он перенес, потеряв на войне чрезвычайно талантливого старшего сына Якова Петровича, бывшего студента Киевского политехнического института. Какая участь постигла коллекции Петра Яковлевича, мы не слышали.

В. П. Науменко по окончании курса историко-филологического факультета в Киевском университете посвятил себя педагогической деятельности и сделался преподавателем русского языка и словесности в киевской 2-й гимназии. В своей специальности Владимир Павлович достиг высокого совершенства, и воспитанники 2-й гимназии, изучавшие родной язык под руководством Владимира Павловича, всегда и везде отличались безупречной грамотностью и правильным слогом. Когда Владимир Павлович праздновал 25-летний юбилей учительской службы, бывшие ученики в многочисленных речах за юбилейным ужином подчеркивали необыкновенное умение его заинтересовать юношей предправские революционеры — иудеи — не столкнули их в бездну и не уселись на их местах.

Еще одна черта для характеристики Владимира Павловича: он поддерживал приятельские отношения с богатыми киевскими иудеями и охотно давал дорогие уроки их детям. Любопытно отметить, что у «украинцев» вообще часто наблюдались тесные личные отношения с иудеями: например, дочь профессора В. В. Антоновича, о котором много было сказано выше, состояла гувернанткой при дочери одного из киевских иудейских крезов.

Владимир Павлович имел очень моложавую наружность: светлый блондин, без лысины и с красивой бородкой, с румянцем на щеках, в шестьдесят лет он казался лет тридцати. Таким он был и в 1918 году, когда имел уже свыше шестидесяти пяти лет. Расстрелян был Владимир Павлович киевской «чрезвычайкой», но позднее П. Я. Армашевского, приблизительно в июне. К сожалению, нам не приходилось слышать подробностей о последних днях его жизни. Предметом преподавания и добиться от них блестящих успехов. С наступлением времени, когда министерство народного просвещения стало давать разрешение на открытие частных гимназий с правами правительственных, Владимир Павлович основал собственную гимназию и ввел в обиход препода-

давания некоторые полезные новшества, благодаря которым его гимназия вскоре приобрела широкую известность. В 1918 году, при П. П. Скоропадском, Владимир Павлович занимал в течение нескольких месяцев должность попечителя Киевского учебного округа. Владимир Павлович горячо любил Малороссию, любил жизненный уклад, говор и песни ее простонародья, но в особенности любил Полтавщину. На берегу Днепра, в Золотоношском уезде, возле местечка Прохоровики, приобрел он себе дачу на Михайловой горе, где жил на старости лет известный ученый, первый ректор Киевского университета Михаил Александрович Максимович, и здесь проводил свои летние досуги.

Владимир Павлович имел прекрасную библиотеку, частью перешедшую к нему от М. А. Максимовича³⁷, и хорошо знал литературу о Малороссии и малороссийскую (по-новому — «украинскую»). Тем не менее исследовательского и творческого таланта у него не было, писал он мало, да и то, что он оставил как свое литературное наследие, слабо и незначительно. Это несколько случайных статей (например, «Источники думы о Самуиле Кошке», «Литературное творчество Квитки-Основьяненко» и другие) и небольшая книжка о фонетике малорусского наречия. Когда по стечению обстоятельств в руки Владимира Павловича перешло дело издания и редактирования «Киевской старины», он не увлекся порывом поддержать журнал на прежней научной высоте, передал ведение его В. Л. Беренштаму и И. К. Трегубову, людям мелкотенденциозным и неспособным к исторической объективности, и тем его погубил, как упомянуто было выше.

В отношении политических и общественных взглядов Владимир Павлович не был последовательным и устойчивым. Будучи всю жизнь преподавателем русского языка, он как будто недостаточно ценил его колоссальное культурное значение и, в видах достижения дешевой популярности, часто расшаркивался перед невежественными почитателями «мовы», вместо того чтобы дать им внушительный отпор. Он не подчеркивал своего «украинства», но и не отмежевывался от него. Также точно, пользуясь всеми выгодами русского политического строя, Владимир Павлович считал как бы своей обязанностью загадочно поднимать брови и язвительно улыбаться, когда какой-нибудь недоумок ругал перед ним русскую монархию, чтобы оставить в собеседнике такое впечатление, якобы почтенный Владимир Павлович тоже не враг революции. Это та черта «кадетизма», которая привела к гибели

России. Из-за нелепой моды самые спокойные люди лицемерно представлялись революционерами, пока настоящие,

* * *

Нужно было бы написать толстый том, чтобы сказать хоть несколько слов о всех наиболее значительных представителях малороссийского общества, расстрелянных «чрезвычайками» летом 1919 года в Киеве, Чернигове, Полтаве, Харькове и по уездным городам или вообще погибших насильственной смертью в смутные годы в городах и селах. Если когда-либо будет переиздаваться «Малороссийский родословник» В. Л. Модзалевского с дополнением его новейшими сведениями, то целые страницы его будут испещрены крестиками и отметками: расстрелян или убит тогда-то и там-то.

Немало также насчитывается казненных и убитых женщин. Иногда уничтожались целые семьи, как, например, семья Комаровских из семнадцати лиц в Чернигове, глава которой был одно время черниговским губернским предводителем дворянства.

XXIII

В то время как вся Малая Русь обгадилась кровью лучших детей ее, проливаемой в «чрезвычайках» руками иудеев и их наймитов, на Киев наступали силы двух вождей: русского — Деникина и «украинского» — Петлюры. Польские войска стояли по линии Олевск — Славута. Киевляне, отрезанные от мира густой стеной красноармейских банд, не имели никакого представления обо всем совершающемся и пробавлялись фантастическими слухами. Раковский неистовствовал на митингах, призывая пролетариат идти на спасение красной Венгрии и славного вождя ее Белы Куна. У многих создавалось такое впечатление, будто вся Европа охвачена уже большевизмом.

Киевляне не догадывались, что наступление на Киев ведется с двух сторон и что скоро их ждет освобождение от большевистского ига, освобождение, оказавшееся, к сожалению, столь непрочным и кратковременным.

День 17 августа ст. ст. 1919 года начался необычными впечатлениями. С утра слышался с запада гул отдаленной канонады. Отовсюду поползли вести, будто большевики собираются уходить, будто Раковскому отвезли из кладовой конторы Государственного банка в дом Могилевцева на Левашевской улице, где он

жил, «торбу» с награбленными им бриллиантами и он не то улетел на аэроплане, не то отплыл на пароходе, будто в шестнадцати киевских «чрезвычайках» в течение всей ночи расстреливали запас заключенных, чтобы не дать им уйти на свободу. После полудня начали бежать через Киев от Житомирского шоссе к Цепному мосту красноармейские войсковые части. Нам пришлось наблюдать это бегство на университетском Круглом спуске. Запыхавшиеся, потные люди с налитыми кровью глазами мчались в гору как безумные, спотыкались, толкали друг друга. Волны бежавших сменялись одни другими, и так длилось часа три. Перед вечером потрясали воздух громовые взрывы, не смолкавшие более часа. В кучках выскочивших из домов обывателей объясняли, что это на Печерске, на скаковом поле, большевики взрывали ящики с патронами, которые не на чем было увезти. Наконец, совсем вечером, по распоряжению начальника Днепровской флотилии матроса Полупанова началась бомбардировка Киева орудиями с пароходов. Полупанов был в Киеве одним из крупнейших большевистских негодяев. По профессии плотник из Орловской губернии, он прошел революционный стаж среди донецких шахтеров, а потом в черноморском флоте и играл видную роль в большевистском командовании. В течение ночи с 17 на 18 августа ст. ст. Полупанов выпустил по городу не менее двухсот снарядов, целясь преимущественно по куполам церквей. Из храмов получили повреждения: Андреевский, Десятинный и Софийский, а пробитых крыш на домах насчитывались десятки. К семи часам утра бомбардировка стихла и пароходы отплыли вверх по Днепру.

18 августа ст. ст. был воскресный день. Зазвонили к обедням, и многие пошли в церкви благодарить Бога за спасение от ужасов пережитой ночи. Уличного движения не было, и город казался вымершим. Двери пяти «чрезвычайек» в Липках стояли настежь, и любопытные, проникавшие туда, могли наблюдать лужи еще не засохшей крови на местах расстрелов, пятна на стенах с присохшими кусками мозгов и черепных костей в тех комнатах, где чекисты в упор мозжили головы людям для забавы во время своих пьяных оргий, и груды флаконов из-под кокаина и винных бутылок в углах. Слухи о прощальном расстреле всех заключенных вполне подтвердились. В садах усадеб, занятых «чрезвычайками», оказались ямы с грудями свежих трупов, едва прикрытых землей: некогда было их вывезти на кладбища или закопать поглубже.

Часов около одиннадцати дня пошел говор, что со стороны железнодорожного вокзала вступают в город какие-то войска и что они будут шествовать по Фундуклеевской улице. Мы вышли проверить слышанное и остановились около Коллегии Павла Галагана. Действительно, где-то выше, в сторону городского театра, музыка играла марш. Постепенно звуки становились явственнее, и по направлению к Крещатику стал спускаться военный оркестр, вслед за которым двигались под желто-голубыми украинскими значками жидкие колонны пехоты, одетой в австрийские серо-голубые мундиры и кепки. Верхом ехали офицеры, и один из них, подскакав к кучке публики, собравшейся на тротуаре, стал задавать вопросы по-немецки. Кто-то ему ответил. Это были петлюровцы, пришедшие из Галиции отвоевывать Киев от большевиков во имя неньки-Украины. Повернув с Фундуклеевской улицы на Крещатик, они дошли до городской думы и на балконе ее водрузили украинский флаг. Киевское население отнеслось так холодно к этим освободителям, что на улицах вдоль их прохода было совершенно пусто и нигде не раздавались приветственные крики. Тем не менее все предполагали, что петлюровцы пришли по соглашению с деникинцами — им помогать. Никто не подозревал их враждебных замыслов.

В тот же день часа в три пополудни вступили на Печерск через Цепной мост и Панкратьевский спуск передовые отряды деникинцев. Навстречу им по Александровской улице потянулась необозримая толпа народа, предшествуемая духовенством с иконами, крестами и хоругвями. На площадке у Никольских ворот, где стоял разрушенный большевиками памятник Кочубею и Искре, произошла трогательная встреча.

Между тем конная партия деникинцев спустилась на Крещатик и, увидев на балконе городской думы украинский флаг, решила убрать его и на его месте водрузить русский трехцветный. На площадке балкона завязалась свалка из-за флагов, кончившаяся тем, что украинский флаг был сброшен за землю. Обозленные «украинцы» принялись стрелять, и чуть было дело не дошло до кровопролития. Однако переговоры между петлюровским и деникинским командованиями привели к мирному соглашению, и петлюровцы в тот же вечер покинули Киев и отошли к Жулянам.

В планах Деникина наблюдалось колебание, которое явилось роковым для всего его дела. Ему нужно было выбрать одно из двух решений: либо, соединившись с Колчаком на Волге, общими

силами двигаться на Москву и задушить там иудейскую власть, либо, устремляясь на запад к Киеву, обеспечить себе содействие со стороны армий Петлюры и Пилсудского, вплоть до участия их во взятии Москвы. В первом случае Пилсудский и Петлюра по взаимному соглашению разделили бы сферы своей власти на русском юго-западе и с ними из Москвы пришлось бы торговаться о границах Польши и «Украины» с Россией. Во втором случае нужно было бы заблаговременно обещать им определенные территориальные уступки, чтобы только с их помощью ликвидировать большевиков. Деникин не остановился ни на том, ни на другом решении. Таким образом, с одной стороны, он не подкрепил своими войсками Колчака, который сам по себе оказался слабым, чтобы одолеть Красную Армию, и погиб; с другой стороны, докатившись до Одессы и Киева, он расплыл свои войска и не мог опереться ни на «украинцев», ни на поляков в тот момент, когда собственные силы его были исчерпаны. Весьма возможно, что Пилсудский и Петлюра из-за бешеной ненависти к России отвергли бы предложение о сотрудничестве со стороны Деникина. В таком случае последнему оставался один выход: махнуть рукой на запад и, надеясь на помощь Божию, установить план действий, общий с Колчаком. Совокупными силами они, быть может, взяли бы Москву и покончили с иудейским игом.

Петлюровцы, отступив из Киева на юго-запад, к Жмеринке, пропустили в коридор между польским фронтом (у Олевска) и Киевом те красноармейские орды, которые с длинными обозами награбленных вещей отходили из занятого деникинцами района Одессы. Таким образом, появился большевистский Ирпеньский фронт, получивший вскоре подкрепления из Чернигова через мост на Днепре у деревни Печек. Имея два фронта — со стороны Чернигова и со стороны Ирпеня, — деникинцам невозможно было удержаться в Киеве и откат деникинской армии на юго-восток предreshен был в первые же недели пребывания ее в Киеве.

XXIV

Тридцатитысячная петлюровская армия долго оставалась в полном бездействии в окрестностях Жмеринки, и здесь постигла ее в ноябре и декабре 1919 года та страшная эпидемия сыпного тифа, от которой уцелела едва ли половина ее. Нам приходилось слышать от некоторых русских офицеров, служивших в петлюровской армии, потрясающие рассказы о том, как люди еже-

дневно сотнями умирали в самых ужасных жизненных условиях, брошенные на произвол судьбы, лишённые всякого ухода и помощи. Сам С. В. Петлюра перебирался тем временем в Варшаву и здесь склонил Пилсудского весной 1920 года предпринять польско-украинский поход против большевиков с целью завоевания Киева и образования польско-украинского федеративного государства. Трудно понять, как Пилсудский мог поддаться внушениям такого проходимца, как Петлюра, имевшего к тому же в своем распоряжении только горсточку войска, недоистребленного зимним тифом. Естественно, вся тягость войны ложилась на поляков, Петлюре мечталось загребать жар чужими руками.

История похода 1920 года известна. Поляки продвинулись было далеко в пределы России — за Полоцк и Киев, но после неудачных боев с Красной Армией под Лепелем и в окрестностях Киева начали стремительно бежать назад и, подгоняемые большевиками, за два месяца (июнь и июль) докатились до берегов Вислы. В этот момент польская армия, по свидетельству известного писателя Гржималы-Седлецкого, находилась в состоянии полного расстройствa. Но Польшу спас от разгрома необычайный подъем патриотического настроения. Люди всех званий и состояний вступали охотниками в ряды армии, чтобы только обеспечить ей победу. Особенной самоотверженностью отличалась школьная молодежь. Широкой рекой текли денежные пожертвования на нужды армии. Все население Польши, за исключением, разумеется, сочувствующих большевикам иудеев, объединилось в одном порыве: в страстном желании отстоять родину от большевистского ига. С другой стороны пришли на помощь военная наука и боевая опытность в лице французского генерала Вейгана и 500 французских офицеров. С 15 августа н. ст. в войне настал перелом: отражено было наступление большевиков на Варшаву у Непорента и Минска-Мазовецкого, главным образом благодаря храбрости и распорядительности генерала Желиговского (бой под Варшавой поляки обыкновенно называют «чудом Вислы» — «cud Wisły»); отбиты были попытки их переправиться на левый берег Вислы у Мацеиовиц и в Плоцке; наконец, одна из большевистских армий потерпела страшное поражение в трехдневной битве под Насельском. Начался обратный откат большевиков. Самая значительная красная орда нашла свой Седан 1—3 октября н. ст. под Новогрудком. Советское правительство запросило мира. Переговоры, начатые первоначально в Минске, были пере-

несены в Ригу, где 12 октября н. ст. 1920 года было заключено перемирие, а после длительных переторжек и споров 18 марта 1921 года был подписан мирный договор между Польшей и Советской Россией. Еще в течение войны Петлюра сошел со сцены, и вся его политическая затея лопнула как мыльный пузырь. Граница между Польшей и Большевицей проведена была по белорусским и малорусским землям бывшей Российской империи в зависимости от соображений отнюдь не этнографических, а географических и стратегических: приблизительно в 70—80 верстах на восток от железнодорожной линии, ведущей из Вильно через Барановичи, Лунинец, Сарны и Здолбуново в Львов, вся бывшая австрийская Галиция осталась за Польшей. 14 марта 1923 года восточная граница Польши была признана и утверждена Советом послов от держав Согласия, заседающим в Париже, что вызвало среди поляков огромное ликование. Понятие «соборной Украины», пущенное в оборот М. С. Грушевским на потребу Австрии, окончательно упразднилось. Во время войны 1920 года в таких городах, которых не коснулись военные действия, но где проживали поляки, как, например, в Одессе, советская власть «открывала» от времени до времени провоцированные ею же польские заговоры и безжалостно истребляла ни в чем не повинных людей только потому, что они поляки. Бесплодное и почти номинальное участие в войне Петлюры дало повод советской власти к преследованию и «украинцев», причем по усмотрению «чрезвычайки» это понятие сколько угодно расширялось.

В Одессе, где во главе «чрезвычайки» стояли в 1920-м знаменитые палачи-жиды Дейч и Вихман (сын раввина), был такой случай. Как «украинец» был арестован и расстрелян уважаемый в обществе банковый деятель Климович, бывший короткое время министром финансов при Скоропадском. Случайно в его квартире проживал беженец, учитель математики киевской 2-й гимназии Ренгарт, человек немецкого происхождения, не имевший с украинством ничего общего. Но того обстоятельства, что его застали в квартире Климовича, было достаточно, чтобы «чрезвычайка» и его расстреляла. Владельца гастрономической торговли Литвиненко расстреляли за то, что вывеска над его магазином была написана по-малорусски и что у него в квартире нашли несколько старых номеров киевской «Рады». Имущество его было конфисковано в пользу «чрезвычайки», а жена с детьми выброшены на улицу. Летом и осенью 1920 года, пользуясь, кроме

обычных предлогов борьбы с контрреволюцией и спекуляцией, еще предлогом искоренения польских и украинских «заговоров», одесская «чрезвычайка» истребила не менее 10 000 людей из интеллигенции. Следует вспомнить, что тогда в числе других погиб весьма замечательный человек, бывший член Государственного совета по выборам Иван Георгиевич Ракович. Он происходил из малороссийского старинного рода и явился на свет в родовом имении Раковичей — селе Рудовке Прилуцкого уезда Полтавской губернии. После некоторого промежутка военной службы Иван Георгиевич основался в Каменец-Подольском уезде и был по назначению от правительства в Каменец-Подольске сначала уездным, а потом губернским предводителем дворянства. Иван Георгиевич обладал даром захватывающего оратора и рассказчика. Он был одним из организаторов того национального русского съезда в Киеве, который имел целью обсудить вопрос о введении полных земств в девяти западных губерниях. Живя на даче у Среднего Фонтана, Иван Георгиевич не допускал мысли, что его могут расстрелять, и не укрывался под чужим именем, как это делали другие. Но Дейч и Вихман не дремали.

Вообще можно сказать, что грязная политическая возня Петлюры в 1920 году была причиной гибели многих тысяч людей от рук взбешенных чекистов.

XXV

Выше мы охарактеризовали украинское церковное движение и указали, что Всеукраинский церковный собор 1918 года удовлетворил беснующихся украинских попов, которые оставались там в ничтожном меньшинстве и не могли прикрыть авторитетом Собора свои низменные партийные вождедения. Только последовавшее в 1920 году укрепление советской власти в Южной России создало такую политическую обстановку, при которой они получили возможность порвать всякую связь с Русской Православной Церковью и основать новую украинскую религиозную общину, по существу сектантскую, но которую они упорствуют ложно называть Украинской Православной Церковью, чтобы вводить в заблуждение простой народ. Иудейская власть поддерживает всякие распри, раздоры и несогласия в Православной Церкви на Руси, справедливо полагая, что единодушное выступление против нее всех русских православных сломило бы ее силу. С величайшим сочувствием отнеслась она и к еретиче-

ским затеям украинских попов. Еще в мае и июне 1919 года, в самый разгар расстрелов, большевики с Раковским во главе передали в распоряжение украинских попов четыре киевских храма: Николаевский военный собор на Печерке, Софийский собор и Андреевскую церковь на Старом городе и Ильинскую церковь на Безаковской улице, чтобы они могли совершать в них богослужение на «мове». Приход деникинцев прервал было их деятельность, и они «разбежались из Киева; но после водворения в Киеве в третий раз большевиков они вернулись и весной 1920 года, с согласия советского правительства, опять завладели вышеупомянутыми четырьмя храмами. Местные епископы Назарий, Василий и Дмитрий, в руках которых, за отъездом за границу митрополита Антония¹³⁸, находилась духовная власть, с самого начала отнеслись к поведению украинских попов отрицательно и запретили им совершение богослужения, но это нисколько не остановило дерзких сектантов. Попы Липковский, Шараевский, Тарнавский, Грушевский, Филиппенко, диаконы Дурдуковский и Недзельницкий привлекли в свой поповский кружок еще несколько светских неистовых украинских шовинистов, как-то: М. Н. Мороза, И. С. Приймака, И. В. Тарасенко, Г. Д. Болкушевского и других, и, таким образом, самочинно образовалась Всеукраинская церковная рада. Сочинили для нее устав и достигли утверждения его большевистской властью, чтобы она могла свободно развивать свою деятельность. Она должна была заняться агитацией и вербовкой членов в украинские приходы по всей Южной России. В данном случае украинцы применили план действий, выработанный коммунистами, у которых тоже коммунистическая партия выделяет правящий комитет, имеющий задачей усеивать страну комячками. Рада начала работу с Киева, где в первую очередь набобованы были члены в четыре прихода при четырех захваченных церквях. Она и впредь осталась высшим правящим органом Украинской Церкви, хотя состав ее менялся в зависимости от обстоятельств. Те сектантские новшества, ради которых Церковная рада шла на разрыв с Православной Русской Церковью и звала к нему население Южной России, относятся главным образом к двум областям: к области церковного управления и к области богослужения. В первой области стремления Рады можно свести к следующим положениям:

1) существовавшая до сих пор на Руси церковная организация, воспринятая от Византии, исповедовала не православие, а

цареславие и панославие, то есть служила орудием прославления царя и панов (помещиков), но не снисходила к нуждам и интересам простого рабочего люда;

2) новая украинская церковь будет крестьянской и рабочей;

3) она будет управляться не епископами на началах монархических, а самим народом через посредство приходских, волостных и уездных собраний и советов (рад), причем каждый уезд будет соответствовать и епархии, ибо будет иметь своего архиерея;

4) возглавляться будет украинская церковь Всеукраинской церковной радой и Всеукраинским церковным собором, созываемым Радой через каждые пять лет на праздник Покрова Пресвятой Богородицы;

5) в управлении церковью везде будет проведено выборное начало: священников будут избирать приходские собрания, епископов — уездные, а митрополита Киевского и всея Украины будет избирать Всеукраинский церковный собор или, по его уполномочию, Всеукраинская церковная рада;

6) епископат в церковном управлении может иметь только совещательный голос; область деятельности его ограничивается рукоположением избираемых приходами священников и благолепным отправлением архиерейских служений. В богослужбной области главнейшим и основным требованием Рада ставит произнесение всех церковных служб на украинской «мове», причем, конечно, предполагается, что необходимые для этого книги будут переведены с церковнославянского языка на «мову».

Рада предчувствовала, что когда вместо торжественной тысячелетней славянской речи в стенах какого-либо сельского храма впервые раздадутся слова простонародной базарной «мовы», то многие соблазняемые ею меньшие братья и сестры станут неудержимо смеяться. Поэтому на Всеукраинском церковном соборе в октябре 1921 года по ее почину осмеяние «мовы» приравнено было к хуле на Духа Святого и постановлено было карать смеявшихся отлучением от Церкви (гл. VIII, § 2 соборных постановлений). Для оживления богослужения предполагалось постепенно ввести в него внецерковные простонародные песни и обряды религиозного характера, сохранившиеся местами в Малороссии от глубокой языческой старины.

Области собственно веры Рада не касалась в своих предположениях, за исключением провозглашения Тараса Шевченко святым пророком и включения «Шевченковских дней» (рожде-

ния его и смерти — 25 и 26 февраля ст. ст.) в число церковных праздников. Затем шли всяческие поправки для духовенства: отменялось обязательное повседневное ношение ряс и разрешалось ходить в любой приличной одежде по желанию; отменялось обязательное ношение длинных волос и бород; разрешались разводы с женами, а также вторые и третьи браки с соблюдением норм большевистского законодательства; отменялись привилегии монашества, и разрешалось занятие епископских кафедр женатым лицам из белого духовенства.

С таким бедным запасом идей, нахватавшихся у большевиков, и со слепым, болезненным пристрастием к мужицкой «мове» приступила Церковная рада к организации украинских приходов. Тем временем Василий Липковский с усердием, достойным лучшей цели, спешно «перекладывал» с церковнославянского языка на «мову» тексты вечерни, повечерия, полунощницы, утрени, часов и литургии.

Для «организации украинских приходов» Церковная рада должна была прибегнуть к разнообразным приемам агитации и опереться на отбросы сел — на так называемые «комитеты незаметных» («босячнии»). Дело в том, что и после революции приходская жизнь по селам текла еще своим обычным, истари заведенным порядком. Огромное большинство сельского духовенства хотя в общении с паствой говорило «по-сильскому», то есть по-малорусски, но чуждо было «украинской идее», как это обнаружилось и на церковном соборе 1918 года. Славянское богослужение было ему привычно и мило. Затем, священники, как люди практической жизни, высоко ценили ту независимость от произвола прихожан, какую обеспечивал им епископальный строй управления и какой они лишались при переходе к управлению «радянскому» (советскому). Всякий, знающий условия сельской жизни и низкий уровень развития нравственного чувства у простонародья, легко может представить себе, какой ад создан бы для сколько-нибудь интеллигентного священника в селе, если бы осуществились в полной мере вождения украинских сектантов и священник и в своем избрании, и в ежедневном своем быте поставлен был в зависимость от усмотрения «парахвіяльної рады». Понятно, что в среде наличного духовенства Южной России церковная рада могла иметь лишь очень немногих приверженцев, у которых неистовый украинский фанатизм заглушал чувство са-

мосохранения и сознание крайней невыгодности перехода к «радянскому» строю.

Крестьянская масса не успела еще переварить последствий революции и с тупым равнодушием смотрела на возню украинских сектантов.

Церковной раде предстояло побороть сопротивление духовенства и косность прихожан, и к возможному достижению успеха в своем предприятии она пробовала подходить обыкновенно одним из двух путей: или запугивая и устрашая духовенство, или соблазняя разными приманками и посулами худшие элементы населения приходов. Объясним это на примерах.

Май 1921 года. Праздничный день. На севере Киевской губернии в сельском деревянном храме, расположенном на песчаном пригорке, совершается литургия. Дивно, захватывающе служит немолодой священник. Поют псаломщик неопределенных лет, с щетинистым небритым лицом и маленький хор из трех-четырех пожилых женщин. Среди молящихся видны почти одни женщины в темных свитках и лаптях, повязанные на головах большими красными или пестрыми платками, концы которых спускаются на плечи. Мужчины наперечет: пять-шесть, и то седые старики, тоже в темных свитках и лаптях. Духом молитвы веет в храме. В середине обедни шумно входит в церковь группа молодых людей, одетых по-городскому. Это железнодорожники с ближайшей станции, появившиеся на службе при большевиках, после того, как прежний личный состав или вымер от тифа, или был изгнан как «старорежимный». Все они — украинские большевики. В церкви не стесняются и ведут себя вызывающе развязно. Литургия кончилась. Священник выходит из алтаря служить панихиды. Железнодорожники подступают к нему и грубо начинают спрашивать на галицийской «мове», почему-де он противится Всеукраинской церковной раде и не служит по-украински. Значит, он — контрреволюционер, ибо украинское богослужение — это одно из завоеваний революции. Наиболее резкий из них вынимает из бокового кармана лист бумаги, на котором гектографически отпечатан текст протокола о присоединении священника и прихожан такого-то села (точки) к автокефальной украинской церкви. Все вместе, перебивая друг друга, настаивают на немедленном подписании протокола священником и в случае несогласия грозят ему «чрезвычайкой». Напоминают о том, что на днях на соседней станции расстреляли двух «старорежимников».

Прихожане-де подпишут потом. Священник дрожит, на глазах — слезы; проносятся мысли о семье из шести душ, которая может лишиться кормильца; тем не менее выдерживает характер и твердо заявляет, что протокола не подпишет без предварительных переговоров с прихожанами. Между тем бабы, слыша горячие пререкания, спешат поскорее оставить церковь. Задерживаются только заказавшие панихиды. Томительная пауза молчания, и раздраженные железнодорожники, размахивая руками, удаляются. Затея сорвалась. Против непокорного священника поднялись страшные гонения со стороны местных революционных организаций. Он вынужден был спасаться, перейдя на приход в глухое село, верстах в тридцати от железной дороги, где неожиданно скончался настоятель. В следующий воскресный день в другом соседнем со станцией селе явившиеся туда железнодорожники так запугали священника, что он подписал протокол.

Гораздо хуже приходилось священнику там, где среди его паствы проживали лица, прикосновенные к затеям Всеукраинской церковной рады. Параграф 4 сочиненного Радой нормального устава для организации украинских приходов давал им в руки такое орудие против священника, которого последний, при условиях советского режима, не в состоянии уже был отразить, как бы он ни был тверд в своих убеждениях. В этом параграфе сказано, что украинский приход считается организованным, если двадцать лиц рабочего возраста (старше восемнадцати лет), без различия пола, выразили согласие его образовать.

Перенесемся воображением в Южную Киевщину, в места, прославленные когда-то зверствами гайдамаков, которым так любят подражать нынешние «украинцы». В одном приходе настоятельствовал почтенный старый батюшка, пробывший на этом месте свыше сорока лет. Он имел в селе собственную усадьбу, благоустроенное хозяйство, на его глазах выросло все население прихода, за исключением глубоких стариков и старух, которых он застал юными молодоженами. Конечно, он рассчитывал окончить жизнь в своем уютном домике. Учителем в сельской школе состоял бродяга, беженец из Холмщины, завзятый «украинец», горячий сторонник Церковной рады. Он решил устранить с прихода старого священника и занять его место. Для этого он подобрал двадцать знакомых парубков и девчат из участвовавших в ; церковном хоре и уговорил их подписать протокол об организации «украинского» прихода. Благодаря агитации учителя дали

свои подписи также члены «комнезама» (комитета незаможных, то есть бедняков), олицетворявшие в себе главную большевистскую власть, и разные революционно настроенные сельские отбросы. Позиция учителя была укреплена: «украинский» приход, организованный на законном основании, находился под покровительством «власти» и имел право выбрать его настоятелем. Отныне всякая попытка старого священника и большей части прихожан защищаться от навязываемого нового порядка могла рассматриваться как контрреволюция, что в Большевии небезопасно. Между тем учитель написал к какому-то знакомому в Раде, чтобы оттуда прислали одного из киевских украинских попов отслужить в селе показательную обедню на «мове». И вот однажды в субботу с ближайшей железнодорожной станции прибыл в село стриженный «пип», имея в кармане отлитографированный текст утрени и литургии и запас всяческих советских пропусков и удостоверений для устрашения селян. Остановился он на квартире учителя. В воскресенье рано утром, пока еще не зазвонили к утрени, «пип», учитель, члены «комнезама» и целая гурьба парубков и девчат, подписавших протокол, отправились к церкви, чтобы не допустить до служения старого священника. Когда последний пришел, его заставили удалиться. Несмотря на протесты церковного старосты и некоторых пожилых прихожан, к служению приступил украинский «пип». Парубки и девчата составили хор под руководством учителя и пели если не по-украински, за недостатком книг на «мове», то с украинской «вымовой» (произношением). Так как стояла летняя страдная пора, то народу в церкви, кроме собравшихся по зову учителя, было мало, и служба прошла тускло и без подъема. Уходя из церкви, украинский «пип», вероятно по просьбе учителя, незаметно похитил и унес антиминс. Так как отправление богослужения без антиминса невозможно, то этим путем учитель рассчитывал устранить старого священника от церкви до той поры, пока он сам не успеет добиться своего избрания и рукоположения. Впоследствии эта история кончилась тем, что бродяга учитель не только сделался украинским попом, но еще, с помощью «комнезама», выгнал священника, как «буржуя», из его собственного дома, чтобы самому там поселиться. Все это произошло несмотря на то, что три четверти прихода были против учителя и против украинизации богослужения.

Годовой почти опыт (с лета 1920-го до весны 1921 года) убедил Всеукраинскую церковную раду в том, что, за немногими ис-

ключениями, она не может рассчитывать на содействие наличного южнорусского духовенства и что ей для осуществления ее планов необходимо создать новый штат священников. Но рукополагать священников имеет право только епископ, а между тем в среду Рады не вошел ни один епископ. Таким образом, остро ставился вопрос о необходимости иметь своего — «украинского радянского» епископа. Наиболее неугомонные члены церковной Рады, как, например, Чеховский и Левицкий, ломали себе голову, как этого достигнуть при крайне враждебном отношении к «украинцам» всего южнорусского епископата, выразившемся в том, что в феврале месяце 1921 года «собор епископов» лишил духовного сана всех священников, участвовавших в Раде, и отлучил от Церкви всех заседавших в ней мирян.

В конце мая 1921 года состоялся в Киеве съезд представителей сельских приходов Киевской епархии. Съезд этот был партийный, то есть к участию в нем приглашены были Радой только лица, известные ей своей приверженностью к украинству. Ввиду разрыва сношений с «собором епископов» на съезде решили сделать попытку обзавестись собственными епископами из членов Рады. Выбрали кандидатами во епископы двух вдовых священников, Стефана Орлика и Павла Погорелко, и уполномочили их ехать в Тифлис к грузинскому патриарху, который, по слухам, благоприятно относился к украинскому автокефально-сектантскому движению и согласился бы их посвятить. Однако советская власть не пустила их дальше Харькова. Тогда они направились в Полтаву к архиепископу Парфению¹³⁹, уволенному на покой по тяжелой болезни (он страдал диабетом), но призванному временно управлять Полтавской епархией вследствие отъезда за границу архиепископа Феофана¹⁴⁰. Архиепископ Парфений, в миру Памфил Андреевич Левицкий, был уроженцем села Плешивца Гадяцкого уезда Полтавской губернии. По окончании курса Киевской Духовной академии он несколько лет служил в духовно-учебном ведомстве помощником смотрителя духовного училища. Приняв монашество в 1892 году, он был ректором Вифанской духовной семинарии под Москвой, а потом викарием Московской митрополии, епископом Можайским. Самостоятельную кафедру получил он сначала в Каменец-Подольске, но не успел пробыть здесь, помнится, и двух лет, как перемещен был в Тулу. На кафедре Тульской и Белевской он был награжден саном архиепископа. В бытность в Каменец-Подольске владыка Парфений поддался было

влиянию тамошних рясоносных «украинцев», в особенности протоиерея Сицинского, и согласился на введение в местной духовной семинарии преподавания истории «Украины» и истории «украинской литературы». Это обстоятельство создало ему репутацию украинофила, каковым он в действительности не был, и послужило поводом к переводу его в Тулу. Владыка Парфений всегда любил Малороссию, да и нельзя не любить столь прекрасной родины. В молодости он занимался ее историей и написал исследование о киевском митрополите Иоасафе Кроковском. Но он любил также Москву, которой посвятил лучшие годы своего епископского служения, уважал ее набожных благотворителей, которые передавали в его распоряжение крупные пожертвования на построение храмов в Малороссии. Владыке Парфению чужд был и непонятен украинский шовинизм, относящийся к «кацапам» с какой-то звериной ненавистью. Если он, как малороссиянин, с удовольствием принял поручение Святейшего Синода проредактировать предположенный к изданию на синодальный счет перевод Евангелия на малороссийское наречие, то это не значило, что он сочувствует выделению Украинской автокефальной Церкви (да еще с сектантскими уклонами), о чем тогда и помину не было. С такой же готовностью редактировал он по поручению Святейшего Синода перевод на современный русский язык житий святых (Четых Миней), составленных его славным земляком — святым Дмитрием Ростовским (Туптало). Напрасно Церковная рада забежала вперед и распорядилась поминать за богослужением «Высокопреосвященнейшего Парфения, архиепископа Всеукраинского». Когда Стефан Орлик и Павел Погорелко явились к нему за посвящением во епископы, то он им сказал: «Поищите себе для этого кого-либо другого». В начале 1922 года владыка Парфений скончался.

Из Полтавы претенденты на епископский сан отправились разыскивать преосвященнейшего Агапита, архиепископа Екатеринославского, который был уроженцем Золотоношского уезда Полтавской губернии и обнаружил свои украинские симпатии тем, что 6 декабря ст. ст. 1918 года в Киеве на Софийской площади, у памятника Богдану Хмельницкому, приветствовал на «мове» Симона Петлюру и расцеловался с ним. Они побывали в Симферополе, но застали владыку Агапита возвратившимся в Екатеринослав. Они уговаривали его ехать с ними в Киев и возглавить собою Всеукраинскую Церковь или посвятить их. Ни на

то, ни на другое владыка Агапит не согласился. Когда в 1922 году начались гонения на религию, он был арестован советским правительством и умер в «чрезвычайке» от истязаний. Стефан Орлик и Павел Погорелко возвратились в Киев незадолго до 1/14 октября 1921 года, когда должен был открыться созванный Церковной радой партийный Всеукраинский церковный собор. Неудача их поездки страшно обозлила Раду, и последняя решила идти на крайние меры, чтобы только достигнуть цели и иметь свой украинский епископат. На собор съехалось до пятисот делегатов, все «щирые украинцы». Характерно, что собор в первом же своем постановлении выразил благодарность советскому правительству «за издание закона об отделении Церкви от государства, который гарантирует (!) свободу веры и дает возможность населению по своей воле (?) организовать церковную и религиозную жизнь». Потом было подтверждено, что собор считает себя законным, хотя в нем не принимает участия ни один епископ; что он властен разрешить все текущие вопросы, так как Украинская Церковь автокефальна; что он принимает начала управления Церковью, выработанные Церковной радой (изложены выше). Вслед за этим начались прения по вопросу об епископате. Одни полагали, что нужно посвятить собором, не обращаясь за хиротонией к епископам, одного архиепископа и вместе митрополита всея Украины, а тот уже посвятит традиционным порядком сколько понадобится епископов. В особенности за такой выход из положения ратовал бывший учитель духовного училища Н. М. Чеховский, главная умственная сила собора после В. К. Липковского. Другие, напротив, думали, что следует пригласить на собор через особую депутацию представителя патриарха Тихона в Киеве экзарха Михаила (Ермакова) и просить его посвятить двух украинских епископов из двенадцати намеченных собором кандидатов. Большинство высказалось за посылку депутации, и она была снаряжена из пятнадцати лиц с М. В. Левицким во главе. Экзарх Михаил прибыл в Софийский храм, где заседал собор, однако не только не согласился удовлетворить просьбу собора, но объявил самый собор незаконным сборищем (как это и было по существу), противным канонам. Он объяснил, что епископов в Южной России будет вполне достаточно, так как в недавнее время он посвятил и еще будет посвящать епископов в важнейшие уездные города, и после некоторых пререканий с М. В. Левицким удалился. Как и следовало ожидать, партийный Всеукраинский собор не обратил

никакого внимания на слова экзарха Михаила. Решено было так: если одиннадцать двенадцатых частей соборян письменно выскажутся за посвящение первого архиепископа и вместе митрополита собором, в таком случае приступить к выбору кандидата на этот сан. Из 294 присутствующих членов собора 284 ответили «да», 3 — «нет» и 7 воздержались вовсе от подачи записки. Таким образом, получилось количество голосов более требуемого (11/12 = 270). После этого кандидатом в митрополиты 8/21 октября 1921 года выбрали женатого протоиерея Василия Константиновича Липковского. На следующий день его провозгласили митрополитом, а в воскресенье, 15/28 октября, состоялось его посвящение.

Этот обряд сам Липковский описывает так. «В посвящении приняли участие тридцать священников и все миряне, каких только в состоянии был вместить в своих стенах Софийский храм. В момент посвящения по толпе пробежала волна энтузиазма. Члены собора и все присутствующие клали руки на плечи друг другу, пока цепи рук не дошли до священников, меня окружавших. Последние возложили свои руки на меня» (*Orientalia Christiana*. 1923. № 4, Р. 29 f 175). Ставя далее многоточие, В. К. Липковский умалчивает, что затем его подвели к почивающим в Софийском храме мощам убитого татарами в местечке Скриголо-ве 1 мая 1498 года киевского митрополита Макария и возложили на его голову мертвую руку священномученика. Вот каким путем положено было основание украинского епископата. Приведенная В. К. Липковским цифра участвовавших в его хиротонии священников — тридцать (мобилизованы были на этот случай все силы) — показывает, как численно ничтожна была та группа неистовых украинских попов, которая из-за революционных и украинско-шовинистических вождельных нарушила вековой церковный мир в Южной России и безжалостно повергла в бездну адски мучительных переживаний тысячи своих духовных собратьев, обыкновенных приходских священников.

В. К. Липковский родился 7 сентября ст. ст. 1864 года в селе Попудном Липовецкого уезда Киевской губернии в семье священника. Биограф его особенно подчеркивает, что под влиянием своих старших сестер он в возрасте семи лет зачитывался уже «Кобзарем» Шевченко и знал наизусть его стихотворение «Сон» (одно из гнусных революционных произведений пьяной музыки Шевченко, в котором он издевается, между прочим, над императрицей Александрой Феодоровной, давшей В. А. Жуковскому деньги на

выкуп его из крепостной зависимости у Энгельгардта). Удивительно, как это биограф не подчеркнул еще, что будущий украинский митрополит знал наизусть и кощунственное стихотворение Шевченко «Мария», где Мать Господа нашего Иисуса Христа изображается на основании легенды Талмуда. В. К. Липковский проходил обыкновенную духовную школу и в 1889 году окончил курс Киевской Духовной академии. После этого он два года был учителем Закона Божия в двухклассной школе в местечке Шполе и в подготовительном классе гимназии в городе Черкассах, а 20 октября ст. ст. принял священство и 11 лет пробыл настоятелем прихода в городе Липовце. В 1903 году он был назначен смотрителем Киевского училища для приготовления учителей церковноприходских школ. В 1905 году он принимал горячее участие в революционных выступлениях группы киевского городского духовенства и в связи с этим был уволен от должности смотрителя училища и определен настоятелем прихода в киевском предместье Соломенка. Живя под Киевом, В. К. Липковский сотрудничал в левых киевских газетах, как-то: «Последние новости» (Брейтмана), «Огни» (Прохаски) и в других, группировал вокруг себя кружок единомышленников, подготовлявший украинское церковное движение. Революция 1917 года дала возможность кружку В. К. Липковского обнаружить свои планы. В эпоху Центральной рады кружок этот созвал украинский церковный съезд, на котором было решено освободить «украинскую» церковь от власти Московского патриарха, объявить ее автокефальной и как можно скорее созвать Всеукраинский церковный собор. В октябре 1917 года В. К. Липковский организовал из членов своего кружка церковное братство «Воскресения Христова», которое вскоре преобразовалось в Церковную раду. По настоянию лиц, вошедших в нее, патриарх Тихон, как упомянуто выше, благословил созыв Всеукраинского собора 1918 года.

Сделавшись митрополитом «народного посвящения» («народно высвяченным»), В. К. Липковский немедленно начал посвящать епископов из своих приятелей. Первым был посвящен о. Нестор Шараевский. Когда этот нелепый батюшка был законоучителем белоцерковской гимназии, то выступал против украинцев и за это переведен был попечителем Киевского учебного округа Зиловым в одну из киевских гимназий. В Киеве Шараевский первоначально примкнул к клубу русских националистов и во время болгаро-турецкой войны выступил там с диким и бес-

смысленным докладом, в котором «восточный вопрос» выводил из библейского сказания об Агари и Измаиле (Быт. 16). После революции 1917 года он перекинулся в украинский лагерь. В промежуток времени с конца октября 1921 года по конец июля 1922 года В. К. Липковским были посвящены в епископы, кроме Нестора Шараевского, назначенного в Киев, еще 19 лиц, а именно: Иван Теодорович — в Винницу, Александр Ярошенко — в Харьков, Георгий Михновский — в Чернигов, Григорий Стороженко — в Екатеринослав, Конон Бей — в Канев, Евфимий Калишевский — в Звенигородку, Владимир Бриосневский — в Белую Церковь, Георгий Евченко — в Оквиру, Иван Павловский — в Черкассы, Николай Пивоваров — в Тарашу, Марк Грушевский — на Волынь (без определения местопребывания), Константин Мальшюкевич — в Умань, Николай Ворецкий — в Гайсин, Стефан Орлик — в Житомир, Михаил Маляревский — в Полонное, Иосиф Оксик — в Каменец-Подольск, Владимир Даховский — в Переяслав, Константин Кротович — в Полтаву и Николай Хиряй — в Нежин. К сожалению, мы не знаем биографий этих епископов-«самосвятов», как их называют в народе, но, по слухам, между ними некоторые не были даже никогда священниками, а занимались учительством, кооперацией, счетоводством, страховым делом. Нетрудно представить себе, насколько они мало соответствуют сану православного епископа. Эти «епископы» усердно занялись рукоположением священников. В конце июля 1922 года В. К. Липковский писал своему приятелю диакону Павлу Корсуновскому в Америку: «В общем мы посвятили около тысячи священников. Некоторые — холостые, но они могут жениться, как того пожелают. Почти все наши священники и даже епископы обрили себе бороды и остригли волосы, ходят в куртках или в пиджаках. Что касается меня, то я сохраняю бороду и длинные волосы, ношу рясу» (*Orientalia Christiana*. 1923. № 4. P. 35 163). Люди, которых рукополагали «самосвяты» в священники «украинской благодати» (официальный термин), были самые низкопробные — полуинтеллигентная шушера из псаломщиков, народных учителей, волостных писарей, кооператоров, бухгалтеров, ура-социалистов. Да ничего лучшего, при всем желании, и нельзя было найти в Бolineвии в 1922 году, в особенности при условии исповедания «широкого украинства», после того разгрома умственных сил страны, какой учинили иудеи за пять лет своего владычества. Шли эти люди в украинские попы не для Иисуса,

как говорили в старину, а для хлеба куса. Нужно помнить, что при большевистском режиме Южная Россия хронически голодает и обеспеченный «кус хлеба» в ней — удел счастливых. И вот тысяча голодных людей бросилась на штурм приходов, на которых годами, часто десятками лет, иногда наследственно сидели представители старого законного духовенства. Иудейская власть «пока» была на стороне штурмующих, ибо видела в прежних священниках — «буржуев». Можно легко себе представить, какой ад водворился в церковной жизни Южной России.

«Украинская вера» в начальном своем фазисе (весной 1921 года) давала уже повод к тем неприятным сценам, которые мы для примера описали с натуры. В 1922 году борьба разгорелась вокруг тысячи храмов, к доходам которых протискивались попы «украинской» благодати, организуя из хулиганствующей молодежи и сельских отбросов украинские приходы в среде существующих. На первых порах истинно православное духовенство растерялось, и во многих местах «украинцам» удавалось путем насилий, драк, ругательств, при участии «комнезамов», овладевать храмами и даже изгонять священников из их собственных домов, как это было в рассказанном выше случае. Но постепенно, хотя и с опозданием, истинно православное духовенство поняло, что с «украинцами» необходимо бороться на почве большевистского закона об отделении Церкви от государства. Составлен был нормальный устав православного прихода, согласный с требованиями этого закона, и лозунгом борьбы провозглашено было сохранение славянского богослужения. Население, несмотря на свою косность, почувствовало, что творится что-то неладное, и все лучшие элементы сел стали примыкать к старому духовенству. Таким образом, почти повсюду при оспариваемых храмах образовалось по две приходских общины: «славянская» и «украинская», каждая со своим священником и причтом. В. К. Липковский говорит об этом в упомянутом письме, но гордо добавляет: «Украинская община, очевидно, объединяет более деятельных членов, и успех почти всегда за нами». В устах лжемитрополита здесь непростительное самохвальство. Чтобы понять истинное положение вещей, нужно заменить слова «деятельные члены» словом «гайдамаки» или «хулиганы», и тогда смысл будет ясен: «украинцы» в приходах имеют успех постольку, поскольку они применяют разбойничьи приемы для изгнания законных пастырей. В другом месте письма В. К. Липковский выражается прямее: «Выгоняют

своих прежних попов и требуют священников украинской благодати» (*Orientalia Christiana*. 1923. № 4. Р. 31 159). Так злорадствует над участью своих духовных братьев человек, именующий себя высшим пастырем стада Христова, но, очевидно, исповедующий Тараса Шевченко с его клокочущей злобой, а не Иисуса Христа с Его безграничной любовью. Господь Иисус Христос завещал нам признак, по которому надлежит узнавать Его учеников: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35). Безошибочно мы можем определить на основании собственных слов В. К. Липковского, что он духом чужд учения Христова, а является одним из великих грешников, производящих «разделения и соблазны» вопреки учению Христа. Апостол Павел сказал о таких людях, что они «служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву и ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных» (Рим. 16, 18).

Медовый месяц дружеских отношений между Церковной радой и иудейской властью быстро истек. Уже в июльском письме (1922 год) В. К. Липковский не скрывал, что «правительство по отношению к украинской церкви занимает там и сям, в особенности по селам, положение подозрительное и даже враждебное», что «коммунизм борется с украинскою церковью, как вообще со всякой религией» (*Orientalia Christiana*. Р. 32 160).

Когда в Большевиизе начались гонения на христианство, особенно усилившиеся с весны 1923 года, то подверглась им и Украинская Церковь. В анонимном письме от 17 марта н. ст. 1923 года сообщаются следующие сведения о карах, постигших «украинских епископов»: Иосиф Оксик изгнан из Камень-Подольска водворен на жительство в Харьков под надзором всеукраинской «чрезвычайки», Стефан Орлик просидел три месяца в «чрезвычайке», Георгий Евченко сидит в секретной тюрьме, Григорий Стороженко провел два с половиной месяца в тюрьме, и ему воспрещен въезд в Киев. О самом «митрополите» В. К. Липковском сообщается, что по распоряжению ГПУ (Государственного политического управления, иначе — прежней «чрезвычайки») он был арестован во время объезда им «украинских» приходов Киевской губернии в местечке Богуслав, пробыл там в заключении три недели и подвергался непрерывным допросам. «Украинцы», эти церковные и политические сектанты, всегда любили ставить себя на одну доску с иудеями, глупо считая себя наравне с иудеями «преследуемой» нацией. Иудейско-украинская друж-

ба и теперь постоянно отмечается серьезной польской печатью (см., например, «Dziennik Poznański» от 24.02.1924, статья «Wśród Ukraińców»). Характерно в этом отношении заключение анонимного письма: «Самую главную деятельность в противохристианской пропаганде, наибольшую горячность в организации всевозможных козней против нашей (то есть украинской) Церкви, как и против всякой религии, проявила, разумеется, «преследуемая нация» — жидаы. Без сомнения, они делают вид, будто бы они выступают также против своих синагог, но это сказки для маленьких детей. Они оберегают свой жидовский «закон», потому что это единственный цемент, их связывающий; но они разрушают — исключительно и единственно — христианство, ибо они знают, что становятся господами того христианского народа, который остается без веры» (Orientalia Christiana. 1923. № 4. P. 89 217).

Большевия огорожена от нас китайской стеной самого изощренного в мире политического сыска, с трудом проникают оттуда запоздалые вести. Поэтому очень трудно судить о том, что там делается. Однако имеются сведения, что за последний год (с мая 1923-го по май 1924 года) «украинская» церковь потерпела в народе полный крах. Недавно нам довелось читать следующее газетное сообщение (от 1 июня н. ст. 1924 г.): «По упорно циркулирующим в Киеве и Харькове слухам, представители Украинской автокефальной Церкви (Липковского) обратились к патриарху Тихону с просьбой о выяснении тех условий, при которых Украинская автокефальная Церковь могла бы вновь вступить в каноническое единение с московским патриаршим престолом. От имени патриарха Тихона представителям Украинской Церкви было сообщено, что Православная Церковь не может рассматривать украинскую автокефальную иерархию как православную каноническую иерархию, и потому вопрос об объединении украинских автокефалистов с Российской Церковью может быть разрешен только путем принесения раскаяния и полного безусловного подчинения автокефалистов воле патриарха. Вопрос же о правах украинского языка в церковном богослужении уже давно разрешен патриархом в положительном смысле, и единственным препятствием к введению украинского языка в православное богослужение на Украине до сих пор является воля самого православного населения и духовенства».

Из этого сообщения можно заключить, что сами вожаки украинского церковного движения убедились наконец в пол-

ной его несостоятельности и ищут приличного выхода из создавшегося для них глупого положения. Им можно посоветовать единственный наилучший выход: сознать свое умственное и нравственное убожество, удалиться со сцены церковной жизни и перестать сеять «разделения и соблазны», против которых так возмущался апостол Павел.

XXVI

В то время как В. К. Липковский и его единомышленники хотели приблизиться к «самостийности» Украины через автокефалию «украинской» православной церкви, С. В. Петлюра со своей сворой, потерпев в 1920 году жестокую неудачу в открытом, совместном с Пилсудским выступлении с целью образования федеративного украинско-польского государства, решил сделать попытку подойти к разрешению той же бессмысленной и ненужной самостийнической проблемы путем организации вооруженного восстания против «советской власти» «украинских» селян. Исполнителем своих планов он выбрал в качестве «начальника повстанческого штаба» одного из атаманов, прогремевших в 1919 году, — Юрка Тютюнника. Насколько известно, Георгий Тютюнник во время мировой войны был произведен в штабс-капитаны и при Керенском проходил какие-то сокращенные курсы Академии Генерального штаба. В украинских кругах, по своему идейному убожеству отталкивающих от себя сколько-нибудь даровитых людей, Тютюнник считался чуть ли не военным гением, каким-то будущим наполеончиком. Но один офицер, проводивший два месяца в лагере Тютюнника летом 1919 года, рассказывал нам, что это человек малоспособный, лишенный каких бы то ни было идей и нравственных принципов, законченный тип лукавого и хитрого бандита, не останавливающегося ни перед чем для наживы, настоящий дикий «гайдамака» времен Уманской резни 1768 года. Если он вел удалую партизанскую борьбу с большевиками, то вовсе не из-за несогласия в идеях, а просто ради того, что ему было досадно и завидно смотреть, почему наживаются от грабежа еврейчики и комиссары из тюремных сидельцев и каторжан, а не он, Юрко Тютюнник. Украинцы теперь уверяют, будто бы Тютюнник, принимая из рук С. В. Петлюры должность «начальника повстанческого штаба», находился в то же время в теснейшей связи с украинскими большевиками Шуйским и Савицким и обменивался с ними письмами и сообщениями через некую Ирину

Левицкую, сотрудницу культурно-просветительного отдела штаба 4-й Киевской дивизии (см. газету «Дзвин» от 1 декабря 1923 года, № 36). Тютюнник будто бы хотел обмануть одновременно и большевиков, и Петлюру, чтобы самому сделаться гетманом, диктатором Украины и потом на ее границе встретить Петлюру с его сторонниками пулеметным огнем («зустринути на кордони України пулеметами», по его любимому выражению). Все это весьма возможно, как возможно и то, что Тютюнник вызвал так называемое «октябрьское» («жовтнев») восстание с намерением выдать этим способом в руки большевиков наиболее сознательных и деятельных представителей оставшейся в Большевиин националистической интеллигенции. Такой беспринципный тип, как Тютюнник, из-за каких-либо личных выгод и соображений легко мог пойти и на роль провокатора. Во всяком случае, восстание осенью 1921 года не Дало никаких осязательных результатов и кончилось тем, что Тютюнник с важнейшими из своих «прибичников» удрал в Польшу, а последний отряд из его «армии» в начале декабря месяца был окружен и захвачен в плен красноармейцами около местечка Базар Овручского уезда на Волыни. Тут разыгралась одна из тех диких, потрясающих драм, какие возможны только в Большевиин. По распоряжению киевской «чрезвычайки» пленники были заперты в церкви местечка Базар до прибытия на место председателя ее, иудея Лившица. Всех пленных оказалось 359 душ. Когда приехал знаменитый своей жестокостью Лившиц, немедленно сделано было распоряжение вырыть глубокую яму длиной 60 и шириной 30 аршин. Стоял лютый мороз. Расстояние от церкви до ямы было довольно значительное. Когда яма была готова, пленным в церкви приказывали донага раздеваться, а потом партиями по 25 человек водили их голыми по трескучему морозу до ямы, ставили рядом у края ее и расстреливали в затылок. Тела сваливались в яму. Лившиц у ямы наблюдал за порядком. Таким образом постепенно расстреляны были все пленные, и яма была засыпана землей. Так как при спешке расстрела не всякий пленный кончался сразу, то потом долго еще из ямы слышались стоны умирающих. Один недострелянный пленный, лежавший сверху, выбрался как-то из свеженасыпанной земли, убежал и спрятался в стоге сена. Сейчас же его поймали красноармейцы и пристрелили уже по-настоящему. Кроме того, в связи с восстанием в Киеве было расстреляно 189 наиболее выдающихся руководителей и организаторов украинского противобольшевистского движения.

Множество увлекающейся украинской зеленой молодежи расстреляно было «чрезвычайками» в Лубнах, Умани, Звенигородке, Сквире, Каневе, Черкассах и в других провинциальных городах.

Тютюнник поселился под чужим именем во Львове и летом 1922 года якобы писал там свои мемуары. Однако во Львове он чувствовал себя не в своей тарелке, да, кажется, у него были нелады и с польскими властями. Вследствие этого, чтобы получить возможность вернуться на родину, он пытается реабилитировать себя перед харьковской «чрезвычайкой» (по-новому — ГПУ) и вступает через третьих лиц в переговоры с председателем ее, Балицким. Первым условием Балицкий ставит выдачу всего архива, какой накопился у Тютюнника за время бытности его партизаном и начальником повстанческого штаба. Разумеется, в этом архиве Балицкий рассчитывал найти сведения о подпольных украинских противобольшевистских организациях, ускользавших от взоров всезнающей «чеки». Архив был выдан Тютюнником, и с тех пор прекратилась всякая возможность планомерных восстаний на юге России, потому что с помощью документов этого архива были раскрыты и уничтожены все комитеты и штабы, которые могли управлять восстаниями. При этом подвергнуты были массовому расстрелу благополучно спасшиеся до этого военные руководители из бывших офицеров. Но и этого Балицкому показалось мало для пропуска бывшего партизана и повстанца в Большевик). Он потребовал, чтобы Тютюнник вперед прислал в залог свою семью. И на это согласился последний: его жена и дочь в сопровождении двух адъютантов выехали из Львова через Варшаву прямо в Харьков. Когда семья Тютюнника была уже в руках чека, тогда только он сам получил разрешение прибыть в Большевик» со своим штабом через румынскую границу (Дзвин. 1.12.1923. № 36)..

Так позорно закончил свою украинскую политическую деятельность главный сотрудник Симона Васильевича Петлюры.

Сам Петлюра тем временем пребывал в Варшаве, получил польское гражданство и, по уверению генерала Грекова и атамана Струка, состоял чиновником польского генерального штаба (см. подписанное ими «Открытое письмо Центрального украинского национального комитета Симону Петлюре, члену бывшей Украинской Директории» от 26 января 1923 г. из Копенгагена // Новое время. 20. 02.1923. № 545).

Эти же лица говорят, будто бы он затевает увлечь Польшу

на новое выступление против большевиков с целью продолжительной оккупации Украины, включая Донецкий бассейн до линии Лиски — Лихая — Батайск, «с тем, что через пятнадцать лет Правобережная Украина, Херсонщина и Крым будут подвергнуты плебисциту, а левобережная ее часть оставлена оккупационной армией». Мы, конечно, не верим этим сказкам: во-первых, Петлюра достаточно дискредитировал себя в глазах польских политических деятелей, и вряд ли кто из них его послушает; во-вторых, опыт 1920 года чересчур дорого обошелся Польше, чтобы она захотела его повторить, не говоря уже о том, что люди, стоящие ныне у кормила правления Польшей, не склонны «бряцать сабельками», как Пилсудский, а предпочитают упорядочивать польские финансы и устраивать внутренний быт польского государства. Имея в своих пределах не менее шести миллионов иудеев, Польше нельзя рисковать открыто бороться с иудейской властью в России, если она не хочет поставить на карту самое свое существование. Весной 1924 года о Петлюре были газетные известия, будто бы он выехал из Варшавы с намерением посетить все европейские столицы, начиная с Бухареста и кончая Римом (в частности, Ватиканом), и попытаться сдвинуть с мертвой точки украинский вопрос. Можно предполагать, что его поездка была так же бесплодна, как двести с лишком лет тому назад не дали никаких результатов метания по тогдашним европейским дворам такого же авантюриста, как, Филиппа Орлика⁴¹, после смерти Мазепы в Бендерах избранного в гетманы казацкой эмиграцией и тщетно старавшегося с помощью иностранных держав дать реальную оболочку своей призрачной гетманской власти.

Иудейская коммунистическая партия, которая вот уже семь лет правит Россией, всегда имела и имеет свой украинский отдел. Украинские большевики — Шумский, Савицкий, Затонский, Гринько, Касьяненко, Скрынник и другие — с самого начала играли в большевизме некоторую роль. Но отношение к «украинству» центральной иудейской власти менялось в связи с обстоятельствами, не совсем для нас ясными. Сначала оно было благоприятным: большевики усвоили себе всю украинскую терминологию, Южную Россию называли «Украиной», малорусский народ — «украинским»; даже объявили Украину отдельной «Украинской Социалистической Радянской Республикой» (УСРР), в которой официальным языком признавалась «мова», и возглавили ее румынским болгарином Раковским.

В 1920 году большевики в отместку за участие Петлюры в польском наступлении беспощадно расстреливали «украинцев», но оставляли неприкосновенной вывеску «УСРР». Мир с Польшей в Риге заключала якобы не только Российская Советская Республика, но и «Украинская Радянская». Приблизительно в июне 1921 года случилось что-то такое, вследствие чего приказано было устранить «мову» из присутственных мест и заменить ее тем русским воляпюком, который употребляла советская бюрократия во всех остальных частях России. С весны 1923 года большевики опять возвратились к украинизации. В. В. Шульгин в своей интересной статье «8-е января» (Новое время. 17. 02. 1924. № 843) говорит о ней так: «Вот уже, кажется, год, как большевики украинизируют Украину по-настоящему: бюрократия обязана пользоваться галицийской тарабарщиной, чиновники зубрят ее, проклиная, но не смея послушаться, а в гимназиях и школах несчастные русские дети подвержены той же пытке» — и пробует объяснить, почему это делается. Он полагает, что украинизация вводится правящим иудейством для того, чтобы закупить ее и расположить к себе вождей украинства и таким образом удержать их от погромной проповеди. Такое объяснение неправильно. Во-первых, в распоряжении большевиков наготове имеется радикальное средство прекратить погромную проповедь любого человека — это его расстрелять. В Большевии сотни раз расстреливали за подслушанное шпионом или чекистом произнесение на улице слова «жид». Во-вторых, вожди украинства, как Грушевский, Винниченко, Петлюра, Порш, Ковалевский, Мартос и прочие, всегда были в достаточной степени закуплены и за совесть дружили с иудеями и служили им. Многие из них были с иудеями в родственных связях: у Винниченко жена иудейка, Порш родился от иудейки и т. д. Притом вожди эти не настолько влиятельны и популярны, чтобы могли побуждать к погромам или удерживать от них народные массы. Погромы стихийны, как доказывает это многотысячелетняя история иудеев, и в них всегда бывают виновны сами иудеи. Наконец, чем объяснить, что, по сведениям польских газет, с 15 июля 1924 года объявлена опять дезукраинизация: вместо «мовы» вновь вводится русский язык как официальный? Вероятно, это распоряжение имеет связь с тем стремлением большевиков к централизации управления Россией, о котором говорил недавно в публичном докладе возвратившийся из Москвы польский посол Дашинский. Нужно поэтому думать,

что и отношение к украинцам-«вождям», и смена украинизации дезукраинизацией или наоборот — вытекают из каких-то других побуждений и соображений иудейской политики, а отнюдь не из страха перед погромами. Иногда эти тайные пружины обнаруживаются. Например, сами «украинцы» признались, что Юрка Тютюнника большевики впустили к себе потому, что он выдал «архив», на основании которого «повстанчество было ликвидировано на Украине», как самодовольно отмечает ОГПУ. Михаила Грушевского большевики решили впустить, очевидно, в связи с так называемым профессорским процессом. Как-никак предназначался к ликвидации Николай Прокопьевич Василенко, известный ученый и публицист, один из столпов украинства, член Украинской Академии наук, только потому не занявший место ее президента, что его избрание не было утверждено советской властью. Как раз в это время большевики были признаны со стороны Италии и Англии законными правителями России и ожидалось подобное же признание со стороны ряда других меньших держав. Для подслеповатых глаз Европы нужно было как-то затушевать готовящееся преступление. И вот советская власть пригласила М. С. Грушевского устроить так, чтобы Украинская Академия наук вместо выражения соболезнования и сочувствия своему несчастному, обреченному на гибель сочлену обратилась с приветствием к его палачам. Бывший цесарско-королевский профессор Львовского университета, всосавший в себя начала подлой австрийской политики, пошел на такую гнусность. В «Новом времени» от 25 марта 1924 года (№ 874) появилось следующее известие: «Торжественное заседание Украинской Академии наук в Киеве с участием профессора Грушевского приняло резолюцию с выражением приветствия советской власти. Совпадение этой резолюции с предстоящим в Киеве же профессорским процессом вызывает среди населения весьма нелестное отношение к украинцам». Так отблагодарил М. С. Грушевский Н. П. Василенко за ту пространную статью в «Киевской мысли», в которой Николай Прокопьевич с пылом доказывал, что кафедра русской истории в Киевском университете после В. В. Антоновича и П. В. Голубовского должна преемственно перейти только к М. С. Грушевскому как достойнейшему из учеников В. В. Антоновича. Что касается смены украинизации дезукраинизацией или наоборот, то, по нашему мнению, она объясняется общими колебаниями правящего иудейства, которое никак не может решить, что ему выгоднее и

удобнее: управлять ли Россией, расчлененной на ряд более крупных и мелких республик, или Россией централизованной. Если население тяготится навязыванием ему тошнотворной «мовы», особенно в школе, то это весьма мало беспокоит иудеев, так как одна из основных задач их правления — делать жизнь подвластного им христианского населения как можно более невыносимой и всячески издеваться над его чувствами. Они верят в то, что применяемый ими террор всегда и везде вывезет. Поэтому в клокочущей ненависти к иудеям всей толщи населения Южной России не может быть сомнения. Но это не относится к «украинцам». Мы не раз отмечали выше, что «украинцы», как одна из социалистических сект, всегда склонны были объединяться с иудеями. Среди галицийских украинцев такое настроение существует и в настоящее время. Недавно еще автор статьи «Wśród ucraińców» («Среди украинцев») в серьезной польской газете «Dziennik Poznański» (от 24.02.1924, № 46) писал об этом явлении следующее: «Весьма знаменательно, что украинцы придают мало значения жидовской опасности, угрожающей их существованию и их народной культуре. Города и села Восточной Малопольши ожиждоливаются ужасающим образом. Жиды скупают недвижимость из рук русских и польских мужиков. Они же составляют огромный процент среди крупных землевладельцев. Все это, однако, не привлекает внимания украинцев, между тем как самые симпатии, притворно выказываемые им жидами, должны были бы вразумить украинских агитаторов и дать им понять, в чью пользу они в конце концов работают». Поясним, что Восточной Малопольшей принято теперь в польской печати называть Восточную (русскую) Галицию, и добавим, что, по газетным известиям, иудеи овладели даже такими финансовыми украинскими учреждениями в Галиции, как Земельный банк и «Защита земли». Виднейшие представители украинского движения в Галиции в данную минуту — Владимир Загайкевич, Грыц Тершаковец, Лев Бачинский и даже каноник Куницкий, — по общим отзывам, весьма благоволят к иудеям. В теперешнем польском сейме украинские послы почти постоянно блокируются с иудеями.

В Большевии «украинцы» как будто начинают отходить от напущенного на них иудеями угара и пробуют представлять себе вещи в их настоящем виде, а не в иудейском освещении. Для иных из них это прозрение кончается трагически. Был «украинец», широко известный в Киеве, Харькове и в Полтавской губер-

нии. По профессии он был адвокат и одно время состоял в Киеве юрисконсультom юго-западных железных дорог. Потом он перенес свою деятельность в Харьков. Мы говорим о Николае Ивановиче Михновском. Это был непримиримый «самостийник», считавший все русское для себя чуждым и издавна мечтавший об украинской государственности. Когда в 1917 году в Полтаве происходили выборы во Всероссийское учредительное собрание, он стоял первым кандидатом по так называемому «самостийницькому» списку № 11. Продолжительное время Н. И. Михновский укрывался от большевиков на Кавказе, но, когда началась в 1923 году «украинизация по-настоящему», он вернулся в Киев. Насмотревшись досыта на то, что сделали иудеи с ненькой-Украиной и как они проводили украинизацию, он повесился, оставив краткую предсмертную записку: «Я предпочитаю повеситься, чем быть повешенным жидами». Этими словами произнесен смертный приговор «украинской идее», которая потеряла всякую привлекательность даже для такого корифея украинства, как Мыкола Михновский, после того, как ее запачкали и огадили иудеи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы лично, родившись и проведя, по окончании образования, почти полвека сознательной практической жизни в глубине Левобережной Малороссии, да и всяк, живший в малорусской деревне и служивший на уездных должностях, требовавших ежедневного общения с малорусским сельским населением, если он не впитал в себя яда украинской ереси, — мы можем засвидетельствовать и подтвердить, что нам никогда не представлялось надобности обращаться к «мове». Мы говорили по-русски, не подражая московскому выговору, а так, как вообще в семье и в обществе говорят на юге, и селяне прекрасно нас понимали, а мы понимали селян. Никакие словари Гринченко или Уманца не были нам нужны. Школа, суд, военная служба, передвижение по железным дорогам, отхожие промыслы, газеты приучали население к общерусскому литературному языку, который постепенно вытеснял из обихода старинный малороссийский говор. Язык живет и меняется, как всякое произведение человеческого духа. За пятьдесят лет нашей сознательной жизни говор малорусской деревни коренным образом изменился, утратил всю ту польскую примесь, которая в нем, по традиции, держалась от времени вла-

дычества поляков в Малороссии, и заметно приблизился к русскому литературному языку. В Левобережной Малороссии этот процесс шел быстрее, а в Правобережной — медленнее — вследствие наличности крупных польских имений (например, графов Браницких, графов Шембеко, графов Потоцких, графов Собанских и сотен других владельцев), которые благодаря своей польской администрации являлись центрами полонизма и влияли на сохранение в малорусской народной речи польских налетов, главным образом в словаре, создавших впечатление, будто эта речь — не совсем русская. «Мова» в самых народных низах выходила из моды и теряла свои старинные особенности — становилась «археологической». Изредка на должности мирового судьи, когда приходилось иметь дело с какой-нибудь захолустной бабой, удобнее было задавать ей вопросы, подлаживаясь под ее говор, чтобы лучше добиться правды. В глазах «правовверных украинцев» мы совершали ужасное преступление: мы «вживалы звычайного огыдного русско-малоросийського жаргону» («украинцы, может быть, не догадываются, что они выражаются по-польски: *mysmy zwywali zwycajnego ohydneho rusko-malorosyjskiego żargonu*»). — Андрієвскій В. З минулого. Ч. 1. С. 48). Тем не менее так складывалась в отношении языка повседневная жизнь. Все считали себя русскими и различались только по степени развития и образования, но не по народности. В той местности, где нам суждено было родиться и работать, проживало много старообрядцев из стародубских слобод: Воронка, Елионки, Лужков. Эти типичные великорусы тоже нисколько не чувствовали себя чужими, несмотря на религиозную разницу, и прекрасно уживались и общались с основным малорусским населением.

Во время войны 1914, 1915 и 1916 годов в одном из воинских присутствий Малороссии перед нашими глазами прошли тысячи запасных, новобранцев, раненых, увечных и больных. Встречались интересные типы. Например, почти все бывшие матросы были художественно татуированы в японских портах рисунками на груди и на руках выше локтя черной, красной или синей краской. У одного большой крест спускался с шеи на массивной цепочке. У другого на руке наколол был крест, подпертый якорем. Третий имел на руке изображение могилы, увенчанной крестом. Более легкомысленные носили и на груди, и на руках фигуры голых женщин в соблазнительных позах. В одной волости попалась группа новобранцев, разучившихся говорить по-русски, так как

они несколько лет пробыли на работах в Аргентине. Все эти тысячи людей к присутствию обращались и между собою разговаривали по-русски с примесью некоторых местных отличий или отмен. Только в виде редких исключений, приметных сразу для опытного глаза, появлялись среди этих толп «свидомы украинци». Обыкновенно это были семинаристы, народные учителя, кооператоры и подобные представители сельской полуинтеллигенции, распропагандированные из Галиции.

«Украинцы» — это особый вид людей. Родившись русским, украинец не чувствует себя русским, отрицает в самом себе свою «русскость» и злобно ненавидит все русское. Он согласен, чтобы его называли кафром, готтентотом — кем угодно, но только не русским. Слова: *Русь, русский, Россия, российский* — действуют на него, как красный платок на быка. Без пены у рта он не может их слышать. Но особенно раздражают «украинца» старинные, пред-ковские названия: *Малая Русь, Малороссия, малорусский, малороссийский*. Слыша их, он бешено кричит: «Ганьба!» («Позор!» От польск. *hańba*). Это объясняется тем, что многие из «украинцев» по тупости и невежеству полагают, будто бы в этих названиях кроется что-то пренебрежительное или презрительное по отношению к населению Южной России. Нам не встречалось ни одного «украинца», который захотел бы выслушать научное объяснение этих названий и правильно усвоить себе их смысл. Между тем, как мы упоминали выше, название «Малая» в приложении к Руси или России является самым почетным, какое только можно себе представить. Оно (по терминологии, усвоенной средневековьем от древнегреческих географов) определяет, что Русь, или, по греческому выговору, Россия, собравшаяся в X веке около Киева, была первоначальной, исконной, основной Русью, прародиной русского племени.

Как же понять такой парадокс, что русские ненавидят свою «русскость» как что-то им чуждое и отвратительное? Мы полагаем, что это странное явление может быть объяснено только из учения о расах. Население Южной России в расовом отношении представляется смешанным. Русское в своей основе, оно впитало в себя кровь целого ряда племен, преимущественно тюркского происхождения. Хазары, печенег, такие мелкие народцы, как торки, берендей, ковцы, известные под общим именем черных клобуков (каратулей), половцы, татары, черкесы — все эти племена преемственно скрещивались с русскими и оставили свой

след в физических и психических особенностях южнорусского населения. Наблюдения над смешением рас показывают, что в последующих поколениях, когда скрещивание происходит уже только в пределах одного народа, тем не менее могут рождаться особи, воспроизводящие в чистом виде предка чужой крови. Знакомясь с деятелями украинского движения начиная с 1875 года не по книгам, а в живых образах, мы вынесли впечатление, что «украинцы» — это именно особи, уклонившиеся от общерусского типа в сторону воспроизведения предков чужой тюркской крови, стоявших в культурном отношении значительно ниже русской расы. Возьмем, например, таких известных «украинцев», как покойный Орест Иванович Левицкий¹⁴² (Левко Маячанец) или Владимир Николаевич Леонтович (В. Левенко). Наблюдая цвет их смуглой кожи и густо-черных волос, выражение их лица, походку, жесты, речь, вы невольно думали: вот такими, наверное, были тюрки, что поселились под Переяславом-Русским и «ратились» на русь, или берендей, основавшие Берендичев, нынешний Бердичев. Среди наблюдавшихся нами «украинцев» такие типы составляли подавляющее большинство. Так как, по убедительным для нас новейшим исследованиям немецкого антрополога Бурге-рафиллингена, известно, что в низших расах воплощаются духи тоже низших душевных качеств, то понятно, почему «украинцы» отличаются обыкновенно тупостью ума, узостью кругозора, глупым упрямством, крайней нетерпимостью, гайдамацким зверством и нравственной распущенностью. Такие свойства низшего духа в полной мере присущи были самому украинскому святому и пророку Тарасу Шевченко. Поэзия его действует на души его поклонников не возвышающим, а понижающим образом. Она не смягчает их, не облагораживает, не вызывает в них нежных, добрых чувств, а, напротив, огрубляет, развращает, озверивает.

«Украинская идея» — это гигантский шаг назад, отступление от русской культуры к тюркскому или берендейскому варварству. В древнерусской летописи часто повторяется о тюркских кочевниках, что они «заратишася» на Русь, то есть пошли на Русь ратью, войной. Возрождаясь в «украинцах», они опять идут войной на Русь — в области культурной: они хотели бы стереть всякий след «русскости» в исконной, сердцевинной, Малой (в греческом понимании) Руси. Все русское для них — предмет глубочайшей ненависти и хамского презрения. Мы неоднократно упоминали выше о том, что украинское движение с начала XX века сделалось

орудием политических интриг против России, главным образом со стороны Венского кабинета, который строил планы включить богатейшую Южную Россию под названием «Украины» в состав Придунайской монархии. Возбудителями и проводниками такой идеи являлись польские политические деятели в Галиции. Теперь роль Австро-Венгрии приняла на себя Чехо-Словакия. Воспитывая на свой счет украинских янычар в лице разных будущих педагогов, агрономов, химиков, техников, шоферов, машинистов и тому подобных «демократических» деятелей, она рассчитывает иметь в них передовую рать, которая поможет ей «украинским» коридором — через Закарпатскую Русь и Восточную Галицию — связаться с заветной областью пшеницы и сахара, угля и железа, меди и каменной соли — для сбыта произведений чешской промышленности и для получения южнорусского сырья.

Обманулась на «украинцах» Австро-Венгрия, обманется и Чехо-Словакия. С помощью отродившихся представителей низшей расы ничего прочного создать нельзя. Только духовно преобразованная, сильная Россия, объединяющая под знаменем общерусской культуры все ветви русского племени и сбросившая с плеч груз этнографической Польши, постоянно ослаблявшей русскую мощь, с доступом через Босфор и Дарданеллы к мировым торговым путям — только такая Россия обеспечит спокойствие Европы и даст возможность западным народам нормально развивать свою хозяйственную деятельность. Без восстановления России Европа вечно будет хворать. Менее всего поможет ее выздоровлению искусственно созданная социалистическая «Украина».

Комментарии

1 Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — знаменитый русский публицист, издатель и критик. С 1856 редактор журнала «Русский вестник», с 1863 — редактор газеты «Московские ведомости». Собрание его статей опубликовано в двадцати пяти томах в 1897 году.

2 Спасович Владимир Данилович (1829—1906) — русский юрист. Специалист по международному и уголовному праву. Основной труд — «Учебник уголовного права» (Т. 1, в. 1—2, 1863).

3 Кулаковский Платон Андреевич (1848—1913) — русский историк и филолог-славист. Основной труд — «Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения» (1894).

4 Дмовский Роман Валентинович (1864 — после 1917) — польский политический деятель и публицист. Окончил Варшавский университет. В 1892—1893 сидел в варшавской тюрьме по политическому делу. В 1895 переселился в Австрию. Вернувшись в русскую часть Польши, стал лидером народно-демократической партии. В 1907 году был избран во II, а затем и в III Государственную думу, где,

был председателем польского коло. В 1909 снял с себя депутатские полномочия. Автор книги «Германия, Россия и польский вопрос» (1909).

5 Бельский Мартин (1494—1575) — польский летописец, создатель первой хроники на польском языке. Дворянин, участвовавший в современных ему войнах Польши.

6 Рей Николай (ок. 1507—1569) — польский писатель, поэт. Первый из польских писателей, творивший только на польском языке. Был кальвинистом. Основные сочинения: «Зерцало, или Жизнь честного человека», сборник стихов «Зверинец».

7 Кохановский Ян (1530—1584) — польский поэт. Ученик Николая Рея. Учился в Краковском университете. Затем жил в Италии и Франции. Участвовал в войне с Москвой в 1568 году. Переводил с греческого. Автор поэм «Шахматы», «Знамя», «Сусанна», «Поход на Москву», драмы «Отпуск послов греческих».

8 Сенкевич Генрик (1846—1916) — польский писатель. Автор исторической трилогии, включающей романы «Огнем и мечом» (Т. 1-4, 1884), «Потоп» (1886), «Пан Володыевский» (Т. 1-3, 1887-1888); романов «Крестоносцы» (1897) и «*Quo vadis*» («Камо грядеши», 1894—1896) и других. Нобелевский лауреат (1905).

9 Реймонт Владислав (1867—1925) — польский писатель. Автор романов «Мужики» (Т. 1—4, 1904 — 1909), «Комедиантка» (1896), «Обетованная земля» (Т. 1—2, 1899) и исторической трилогии «1794 год» (1913—1918). Нобелевский лауреат (1924).

10 Ягеллоны — династия королей польских (1386—1572) и великих князей литовских (1377—1572), с перерывами. Династия правила также в Чехии (1471-1526) и Венгрии (1440-1444, 1490-1526). Родоначальником был Ягайло (ок. 1350—1434) — великий князь литовский в 1377—1392 (с перерывами), король польский с 1386.

11 Баторий Стефан (1533—1586) — польский король в 1575 — 1586 годах. С шестнадцати лет был на военной службе у короля венгерского и чешского Фердинанда, а затем служил у князя Трансильвании Иоанна-Сигизмунда Запольского. В 1571 был избран князем Трансильвании. В 1575 избран королем Польши. Боролся с царем Иоанном Грозным в Лифляндии и под Псковом.

12 Кленович Севастиан Фабиан (1550-1602) — польский поэт, писал как на латыни, так и на польском языке. Автор поэмы «*Roxolania*» ; (1584) — о Червонной Руси.

13 Григорий Тискиневич — гетман запорожских казаков (1610). Участвовал в походе запорожцев в Крым (1609).

14 Рогоза Михаил (ум.1599) — киевский митрополит, один из организаторов Брестской унии 1596. В 1589 был назначен польским; правительством киевским митрополитом. В 1596 он перешел в униатство и организовал гонения на православных.

15 Ипатий Поцей (1541-?) — униатский деятель, писатель. Рожденный в православной семье, сделался кальвинистом. В 1574 снова принял православие. Занимал видные должности, вплоть до каштеляна Брестского. В 1594 принял монашество и стал епископом Владимирским. Вместе с другими четырьмя западно-русскими епископами подписал сал соглашение с Римом.

16 Ордын-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (ок. 1605—1680) — русский дипломат, боярин, воевода. При государе Алексее Михайловиче был руководителем внешней политики (1667—1671). Возглавлял Посольский и другие приказы. В 1672 постригся в монахи.

17 Август II (Фридрих) Сильный (1670-1733) - курфюрст саксонский в 1694 — 1733 и с 1697 король Польский. Приняв католицизм, он был выбран шляхтой королем Польши. Воевал со шведами в Северной войне.

18 Август III (Фридрих) (1694-1763) - курфюрст саксонский в 1733—1763 и король польский. Воспитанный в протестантизме, перешел в католичество. Понес поражение в войнах с Пруссией.

19 Станислав Август Понятовский (1732-1798) - последний король Польши, правивший в 1764 — 1795. Избран при поддержке императрицы Екатерины II и прусского короля Фридриха. В его правление Польша была трижды разделена между Россией, Пруссией и Австрией.

20 Румянцев Петр Александрович (1725—1796) — граф, русский полководец и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. В 1740 участвовал в чине поручика в войне со Швецией. Участник Семилетней войны. В 1764 назначен президентом Малороссийской коллегии и генерал-губернатором Малороссии. Провел так называемую «Румянцевскую опись». В русско-турецкой войне 1768—1774 командовал 2-й армией. Одержал победы под Рябой Могилой, при Ларге и Кагуле. В начале русско-турецкой войны 1787—1791 командовал украинской армией. В 1789 отозван в Петербург. В 1794 главнокомандующий русскими войсками в Польше.

21 Грондский Самуэль (? — ок. 1672) — дипломат на службе Польши, Швеции и Трансильвании, историк. В 1655 сопровождал польского посла Любовицкого к Б. Хмельницкому с письмами от короля Карла X Густава. В 1657 вел переговоры с представителем Б. Хмельницкого от имени князя Трансильваши Дердя II Ракоци. Автор книги «История казако-польской войны».

22 Остальные пятнадцать случаев применения в русской летописи слова «украина» (оно встречается под 1271, 1480-1481, 1512-1531, 1517, 1532 и 1541 годами) относятся не к Южной Руси, а к Московской, к «великого князя украине», — к нынешней Тульской и Калужской губерниям, к Полоцку и Пскову и только в одном случае, где дело идет о приходе татар на Путивль, — к Курской губернии. Во всех семнадцати случаях слово «украина» является существительным нарицательным, а не именем собственным; иногда оно поставлено даже во множественном числе (Полное собрание русских летописей. Т. VIII. С. 279, 296). Издатели летописей вполне правильно печатают это слово с маленькой буквы, и только три раза, очевидно по недосмотру корректора, поставлена прописная «У». Все семнадцать случаев никакого отношения к позднейшей Украине не имеют. Ясно, что когда деятели украинской партии из слов летописи 1187 и 1213 годов выводят заключение, будто Киевская Русь тогда называлась Украиной, они занимаются не историческим исследованием, а игрой слов. (Справку сообщил князь А. М. Волконский.)

23 Стрыйковский Мацей (ок. 1547 — 1582) — польский историк. В 1570 окончил Краковскую академию. Был военным, затем дипломатом. Автор «Хроники польской, литовской, жмудской и всей Руси» (изложение доведен до 1572).

24 Потоцкий Ян (1761 — 1815) — польский общественный деятель, историк. Служил в министерстве иностранных дел при императоре Александре I. Автор многих тенденциозных работ по славяноведению.

25 Чацкий Тадеуш Фаддей (1765—1813) — польский общественный деятель. В 1803 назначен ревизором училищ Волынской, Подольской и Киевской губерний. Совместно с Г. Коллонтаем основал Кременецкий лицей. Покровительствовал этому лицей. Разработал училищный устав (1805), утвержденный Алек-

сандром I. Автор псевдонаучной работы «О названии «Украина» и зарождении казачества» (1801).

26 Полетика Григорий Андреевич (1725—1784) — малорусский писатель. В 1745 окончил Киевскую академию. В 1764—1773 — главный инспектор Шляхетского корпуса. Отстаивал в написанных им произведениях автономию Левобережной Малороссии и казацкие вольности. Автор «Исторического известия, на какой основе Малая Россия была под республикой Польской...» и, как полагают, «Истории русов».

27 Полетика Василий Григорьевич (1765 — 1845) — собиратель материалов по истории Малороссии. Окончил Виленский университет. До 1790 был на военной службе. По мнению А. М. Ламанского, в соавторстве со своим отцом написал «Историю русов».

28 Котляревский Иван Петрович (1769—1838) — малорусский писатель. В 1796—1808 на военной службе, участник русско-турецкой войны. Во время Отечественной войны сформировал 5-й казачий конный полк. В 1818—1821 — директор Полтавского театра. Автор сатирической поэмы «Виргилеева «Энеида», на малоросский язык переложенная...» (ок. 1794), пьес «Наталка Полтавка» (1819) и «Солдат-чародей» (1819).

29 Кулиш Пантелеймон Александрович (1819—1897) — поэт, публицист, историк, один из идеологов украинского литературного сепаратизма. Не окончил полного курса Киевского университета. Будучи членом Кирилло-Мефодиевского братства, был арестован и сослан в Тулу. В 1861 — 1862 принимал участие в украинофильском журнале «Основа». Изобрел новое правописание («кулишовка»). С 1870-х обратился к историческим разысканиям и выступал с порицанием запорожского казачества.

30 Богданович Ипполит Федорович (1743—1803) — русский поэт. В 1761 окончил Московский университет. С 1763 находился при графе П. И. Панине, а со следующего года начал службу в Иностранной коллегии. В 1766—1769 секретарь русского посольства при саксонском дворе, с 1788 по 1795 председатель Государственного архива. В 1799 переведен в Департамент герольдии. В 1795 уволен. Автор повести в стихах «Душенька» (около 1775), исторического исследования «Историческое изображение России» (1777), пьес и других сочинений.

31 Капнист Василий Васильевич (1758 или 1757—1823) — русский писатель. Был директором и генеральным судьей Полтавской губернии. Автор сатир, од и комедий в стихах.

32 Гнедич Николай Николаевич (1784—1833) — русский поэт, переводчик. Учился в Полтавской духовной семинарии, Харьковском коллегауме и в Московском университете. Перевел трагедию Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» и гомеровскую «Илиаду».

33 Квитка-Основањенко Григорий Федорович (настоящая фамилия Квитка) (1778-1843) — малорусский писатель. В 1817 — 1828 был уездным предводителем дворянства, затем председателем харьковской палаты уголовного суда. Автор «Малороссийских рассказов» (1834-1837) и романа «Пан Хаявскнй» (1840).

34 Чарторийский Адам Ежи (1770—1861) — польский и русский государственный деятель. Член Негласного комитета. В 1804—1806 министр иностранных дел. Во время польского восстания 1830—1831 был председателем Национального правительства. Эмигрировал во Францию.

35 Гощиньский Северин (1801-1876) — польский поэт. Участник польского восстания 1830-1831. С 1838 жил во Франции, с 1872 во Львове.

36 Залеский Юзеф Богдан (1802-1886) - польский поэт. Участник польского восстания 1830—1831. С 1832 жил во Франции. Тематика стихов — малороссийская история и природа.

37 Лампи-младший Иоганн Баптист (1775-1837) - австрийский исторический живописец, портретист. Приехал вместе со своим отцом Иоганном Баптистом Лампи-старшим в Петербург в 1792. За портрет профессора живописи Акимова стал академиком (1797). Прожил в России тринадцать лет, писал портреты высокопоставленных лиц. После вернулся в Вену.

38 Мицкевич Адам Бернард (1798—1855) - польский поэт. Активный участник польских тайных обществ. Жил в России до 1829. Автор поэм «Дяды» (1824-1832), «Конрад Валленрод» (1828), «Пан Тадеуш» (1834) и других.

39 Булгарин Фаддей Бенедиктович (1789-1839) — русский писатель, издатель. По национальности поляк. В 1825 — 1859 издавал газету «Северная пчела», в 1822-1828 журнал «Северный архив», в 1825-1839 - «Сын Отечества».

40 Сенковский Осип (Юлиан) Иванович (1800—1858) — русский востоковед и писатель. Окончив в 1819 году Виленский университет, совершил путешествие с исследовательскими целями по Ближнему Востоку и Африке. В 1822—1847 был профессором арабского, персидского и турецкого языка и литературы. С 1834 стал редактором журнала «Библиотека для чтения», где помешал свои повести. В 1856 — 1858 вел в «Сыне Отечества» раздел «Листок барона Брамбеуса».

41 Сошенко Иван Максимович (1807-1876) — малорусский художник. В 1834—1838 учился в Академии художеств в Петербурге. С 1839 преподавал рисование в Нежине, с 1846 — в Немирове, а с 1856 — в Киеве.

42 Мартос Иван Петрович (1754—1835) — русский скульптор. Представитель классицизма. В 1764—1773 учился в Петербургской Академии художеств. В 1773—1774 ездил в Италию как пансионер Академией художеств. Автор памятников Минину и Пожарскому в Москве (1804-1818), А. Э. Ришелье в Одессе (1826-1829), князю Потемки-Таврическому в Херсоне (1829—1835). Преподавал в Академии художеств (1779-1835), с 1794 - профессор, а с 1814 - ректор.

43 Гребенка Евгений Павлович (1812 — 1848) — малорусский писатель, поэт. С 1834 жил в Петербурге, преподавал русский язык и литературу. Автор сборник басен «Малороссийские присказки» (1834).

44 Брюллов Карл Павлович (1799—1852) — русский живописец. В 1809—1821 учился в Академии художеств. В 1823—1835 работал в Италии. В 1835 возвращается в Петербург и в 1836 становится профессором Академии художеств. С 1849 снова жил за границей. Наиболее известное произведение «Последний день Помпеи» (1830 — 1833).

45 Ишимова Александра Иосифовна (1804—1881) — детская писательница. С 1825 жила в Петербурге и содержала маленькую школу. Издавала журнал «Звездочка» для детей (1842—1863) и «Лучи» для девиц (1850—1860). Автор книг «История России в рассказах для детей» (1841), «Священная история в рассказах для маленьких детей» (1841).

46 Гулак Николай Иванович (1822—1899) — малорусский общественный деятель, педагог. В 1845—1846 вместе с Н. И. Костомаровым и В. М. Белозерским основал Кирилло-Мефодиевское общество. В 1847 был арестован и просидел в Петропавловской крепости до 1850. Затем в Перми под надзором полиции (до 1855).

47 Костомаров Николай Иванович (1817 — 1885) — историк, этнограф, писатель, критик. Профессор Киевского, а затем Петербургского университетов. Его труды изданы в собрании сочинений (Т. 1—21. СПб., 1903-1906).

48 Белозерский Василий Михайлович (1825—1899) — малорусский общественный деятель украинофильского направления. Один из организаторов Кирилло-Мефодиевского общества. В 1847 арестован и сослан в Петрозаводск. Позднее жил в Петербурге. Или его брат Белозерский Николай Михайлович (1833—1896) — малорусский этнограф, фольклорист украинофильского направления. Автор книги «Южнорусские летописи» (1856).

49 Кистяковский Александр Федорович (1833—1885) — русский историк права, криминалист. Окончил в 1857 Киевский университет. С 1864 — приват-доцент, а с 1869 — профессор уголовного права и процесса в Киевском университете. Автор книг «О пресечении обвиняемым способов уклоняться от следствия и суда» (1869), «Исследование о смертной казни» (1867), «Элементарный учебник общего уголовного права».

50 Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897) — русский историк, публицист, журналист. В 1847—1851 учился в Петербургском университете сначала на историко-филологическом, а затем на юридическом факультете. В 1851 — 1854 преподаватель словесности в 1-м и Александрийском московском морских корпусах. В 1856—1859 помощник редактора газеты «Московские ведомости», затем переехал в С.-Петербург и сотрудничал в «С.-Петербургских ведомостях» и «Отечественных записках». В 1864—1879 преподавал русскую историю будущему императору Александру III и другим членам императорской фамилии. В 1865—1884 был профессором русской истории Петербургского университета. Автор исследований «О составе русских летописей до конца XIV в.» (1868), «Русская история» (Т. 1—2, 1872 — 1885), «Письма Бестужева-Рюмина о Смутном времени» (1898), «Биографии и характеристики» (1882).

51 Антонович Владимир Бонифатьевич (Вонифатьевич) (1834 — 1908) — малорусский историк украинофильского направления. Окончил Киевский университет. С 1878 профессор русской истории Киевского университета. Автор книг «Последние времена казачества на правой стороне Днепра» (1870), «Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти Ольгерда» (1878).

52 Жемчужников Лев Михайлович (1828—1912) — русский живописец и график. В 1849—1852 учился в Петербургской Академии художеств у Карла Брюллова и А. Егорова. Издал альбом офортов «Живописная Украина» (1861 — 1862) в приложении к журналу «Основа».

53 Если бы я предполагал отдать кому-либо свое сердце, То я отдал бы его девушке из сельского дома; Стал бы отцом и сыном своего простого народа — Подвиг, достойный жизни, и жизнь, достойная подвига (польск.).

54 Чубинский Павел Платонович (1839—1884) — малорусский этнограф и фольклорист украинофильского направления. В 1862 в ссылке в Архангельске. В 1869—1870 возглавлял этнографические экспедиции по Малороссии, результатом которых явились «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край» (Т. 1—7, 1872—1879). Автор книги «Очерк народных юридических обычаев и понятий в Малороссии» (1869).

55 Житецкий Павел Игнатъевич (1836 или 1837—1911) — русский филолог. Автор книги «Очерк звуковой истории малорусского наречия» (1876) и «К истории литературной русской речи в XIII в. (1903).

56 Михальчук Константин Петрович (1840—1914) — малорусский языковед украинофильского направления. Автор книг «Наречия, поднаречия и говоры Южной России в связи с наречиями Галичины (1877) и «К южноукрапнской диалектологии» (1896).

57 Потехня Александр Афанасьевич (1835—1891) — русский филолог. Профессор Харьковского университета с 1875. Автор исследования «Из записок по русской грамматике» (Т. 1—4, 1874—1911).

58 Совинский Леонард (1831 — 1887) — польский поэт. Окончил Киевский университет. Автор драмы «Na Ukrainie» (1873), сборника стихов «O zmroku» (1885) и сочинения «Rys dziejów literatury polskiej» (Т. 1-5, 1874-1878).

59 Лебединцев Феофан Гаврилович (1828 — 1888) — русский общественный деятель. Окончил Киевскую Духовную академию. Будучи профессором этой академии, сыграл решающую роль в основании «Руководства для сельских пастырей». Редактировал издание в 1860 — 1863. В 1864 — 1882 начальник Холмской учебной дирекции. В 1882 основал журнал «Киевская старина».

60 Крыжановский Евфимий Михайлович (1831 — 1888) — русский историк. Работы разных лет по религиозным и этнографическим вопросам изданы в трех томах (1890).

61 Черкасский Владимир Александрович (1824-1878) — князь, русский государственный деятель, публицист, славянофил. Участвовал в подготовке отмены крепостного права и в крестьянской реформе 1864 года в Польше, а также городского положения (1870). Руководил гражданским управлением в Болгарии с 1877 года.

62 Милютин Николай Алексеевич (1818—1872) — русский государственный деятель, писатель. В 1859—1861 товарищ министра внутренних дел, активно участвовал в подготовке крестьянской реформы 1861 года. Руководил крестьянской реформой в Польше.

63 Решта — от немецкого слова *der Rest* — остаток; в польском обиходном языке *reszta* — сдача при денежных расчетах.

64 Коялович Михаил Осипович (1828—1891) — русский историк. Профессор Петербургской Духовной академии. Автор книг «История воссоединения западных русских униатов старых времен (до 1800)» (1873) и «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884).

65 Иванищев Николай Дмитриевич (1811 — 1874) — русский юрист и историк. Окончил Киевскую духовную семинарию и главный педагогический институт. Профессор Киевского университета с 1840. В 1844 — 1850 инспектор института благородных девиц, в 1862—1865 — ректор Киевского университета. Под его наблюдением в Киевской археографической комиссии изданы многие документы по истории Южной Руси (все тома «Архива Юго-Западной России» до 1865). С 1865 по 1867 был членом юридической комиссии в Варшаве, где выступал за введение в Польше судебных уставов Империи. Защитил докторскую диссертацию «О плате за убийство в древнерусском и других славянских законодательствах, в сравнении с германскою вирою» (1840).

66 Рудченко Иван Яковлевич (1845—1905) — малорусский писатель, критик, фольклорист. В 1860—1865 служил мелким чиновником в Гадяче и Полтаве. Далее был вольнослушателем в Киевском университете до 1867 года, когда снова поступил на службу. Под псевдонимом Билык соавтор романа «Разве ревут волы, когда ясли полны?».

67 Левицкий Иван Семенович (литературный псевдоним Нечуй-Левицкий) (1838—1918) — малорусский писатель. Преподавал в Полтавской духовной семинарии, в гимназиях Калиша, Седлица, Кишинева. После отставки жил в Киеве. Автор повести «Гетман Иван Выготский» (1899) и романа «Князь Иеремия Вышневецкий» (1897).

68 Старицкий Михаил Петрович (1840—1904) — малорусский писатель украинofilского направления. Переводил на «украинский язык» Андерсена, Лермонтова, Шекспира. Принимал активное участие в киевском литературно-артистическом обществе. Ставил пьесы на малорусские темы. Автор трилогии о Богдане Хмельницком («Перед бурей», 1894; «Буря», 1896; «У пристани», 1897), романа «Разбойник Кармелюк» (1903).

69 Филевич Иван Порфирьевич (1856—1913) — русский историк. Окончил Петербургский университет. Защитил магистерскую диссертацию «Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие» (1890). Профессор Варшавского университета по кафедре русской истории с 1890. В 1896 защитил докторскую диссертацию «История Древней Руси. Т. I. Территория и население». Автор книги «По поводу теории двух русских народностей» (1902).

70 Казимир III Великий (1310 — 1370) — польский король с 1333. Проводил мирную политику по отношению к соседям, стремясь вести внутренние преобразования. Присоединил Галицкое княжество. Основал Краковский университет (1364). Ввел единый писанный закон для Польши — Вислицкий статут (1346—1347).

71 Лозинский Владислав (1843 — после 1915) — польский писатель. Исторические повести и романы; с конца 1880-х занялся историей и археологией.

72 Гердер Иоганн Готфрид (1744—1803) — немецкий публицист, философ, поэт. Учился на богослова в Кенигсберге. Был знаком с Кантом. В 1764—1769 — проповедник и заведующий церковной школой в Риге. С 1769 путешествует по Европе. В 1771 — 1776 служит главным проповедником, суперинтендантом и членом консистории в Бюкебурге. С 1776 придворный проповедник при веймарском дворе. 73 Шашкевич Маркиан Семенович (1811 — 1843) — малорусский писатель. Возглавлял львовский кружок «Руська трійця». Был священником. Выступал против введения латинского алфавита.

74 Вагилевич Иван Николаевич (1811 — 1866) — малорусский поэт, филолог. Член «Русской тройки». Подвергался преследованиям униатов и австрийского правительства.

75 Головацкий Яков Федорович (1814 — 1888) — малорусский поэт, филолог, славянофил. Профессор Львовского университета. С 1849 ректор. Член «Русской тройки». В 1867 переехал в Россию. Автор книги «Народные песни Галицкой и Угорской Руси» (Кн. 1—4, 1878).

76 Петрушевич Антоний (1821—?) — униатский священник, каноник во Львове, историк. Писал на смеси польского, русского, малорусского и церковнославянского языков. Автор книг «История Почаевского монастыря и его типографии», «Краткого известия о Холмской епархии».

77 Зубрицкий Денис Иванович (1777 — 1862) — малорусский историк, «москвофил», этнограф. Автор книги «История древнего Галицко-Русского княжества» (Ч. 1—3, 1852 — 1855).

78 Духинский Франциск (1817—1880) — писатель, из ополяченной малороссийской семьи. После польского восстания 1830—1831 эмигрировал во Францию. Был профессором польской школы в Париже. Автор псевдонаучной теории, что «москальи» не арийского происхождения, а туранского. Исходя из этого, предлагал Западной Европе создать буфер от «москалей» из польского государства, в которое бы входили малорусы и белорусы.

79 Пильчиков Дмитрий Павлович (1821 — 1893) — малорусский общественный деятель, педагог. В 1843 окончил историко-филологический факультет Киевского университета. В 1846—1864 преподавал в Полтавском кадетском корпусе. Был

членом Кирилло-Мефодиевского братства. В 1873 оказывал материальную помощь Литературному обществу им. Шевченко во Львове. С 1876 жил в Харькове.

80 Павлик Михаил Иванович (1853—1915) — малорусский писатель украинофильского направления. Учился, но не окончил Львовский университет. Занимался революционной деятельностью в Австро-Венгрии. Вместе с Иваном Франко издавал журналы «Товариш», «Громадський друг», «Народ», газету «Хлібороб».

81 Франко Иван Яковлевич (1856—1916) — малорусский писатель, поэт, ученый украинофильского направления. Окончил Львовский университет. Подвергался за свои революционные взгляды репрессиям австрийского правительства. В 1893 защитил докторскую диссертацию в Венском университете. Романы и повести «Петрии и Довбушки» (1875-1876), «Удав» (1879), «Борислав смеется» (1880-1881), «Захар Беркут» (1883), «Перепутья» (1900), более 40 поэм. Собрание сочинений в 20 томах (Киев, 1950—1956). Автор исследования «Нарис історії українсько-руської літератури до 1890» (1910).

82 Бибииков Дмитрий Гаврилович (1792 — 1870) — русский государственный деятель, генерал от инфантерии. Участник Отечественной войны 1812 года. В 1837 — 1857 был киевским военным губернатором, киевским, подольским и Волыньским генерал-губернатором. В 1852— 1855 — министр внутренних дел.

83 Феофан (Прокопович) (1681 — 1736) — архиепископ Новгородский (с 1720). Окончив Киево-Могилянскую академию, принял унию, затем вернулся в православие и стал профессором риторики и пиитики в Киевской академии. С 1710 ее ректор. В 1716 был вызван в Петербург и стал фактически при поддержке Петра I во главе Церкви.

84 Св. Димитрий Ростовский (Туптало Даниил Саввич) (1651 — 1709) — русский митрополит, богослов. В 1668 принял монашество. Автор четырехтомной «Книги житий святых» (1689, 1695, 1700, 1705).

85 Св. Иоанн (Максимович) (1651 — 1715) — митрополит Тобольский с 1711 года, знаменитый апостол Сибири, богослов. Окончил Киевскую академию, где затем был преподавателем. В 1695 посвящен в епископы. Автор книг «Феатр нравоучительный, или Нравоучительное зеркало для царей, князей и деспотов» (1703), «Алфавит, сложенный от Св. Писаний» (1705), «Богородице Дево радуйся» (1707), «Богомыслие на пользу правоверным» (1711), «Осьм блаженств евангельских» (1709).

86 Св. Иоасаф (Горленко) (1705—1754) — епископ Белгородский с 1748 года. Автор краткой автобиографии, книги «Брань семи добродетелей с семью грехами».

87 Безбородко Александр Андреевич (1747 — 1799) — светлейший князь (1797), русский государственный деятель, дипломат. Служил с 1765 в канцелярии генерал-губернатора Малороссии П. А. Румянцева. С 1775 секретарь императрицы Екатерины II. Возглавлял Коллегию иностранных дел с 1787. В царствование императора Павла I был канцлером.

88 Гудович Иван Васильевич (1741 — 1820) — русский военный деятель, генерал-фельдмаршал. Участник трех русско-турецких войн (1768-1774, 1787-1791 и 1806-1812). При Екатерине II в 1796 подал в отставку, при Павле I назначен главнокомандующим в войне с Персией. С 1809 член Государственного совета и сенатор, с 1812 в отставке по болезни.

89 Завадовский Петр Васильевич (1739—1812) — русский государственный деятель. Во время войны 1768—1774 начальник секретной канцелярии при штабе П. А. Румянцева. С 1775 кабинет-секретарь Екатерины II. Далее управлял Дворян-

ским и Ассигнационным банками, затем был директором Пажеского корпуса. В 1802 — 1810 министр народного просвещения.

90 Кочубей Виктор Павлович (1768 — 1834) — князь, русский государственный деятель. Племянник князя А. А. Безбородко. Карьеру начал дипломатом в швейцарской миссии. В 1792 чрезвычайный посланник и полномочный министр в Константинополе. В 1797 назначен членом коллегии иностранных дел, а с 1798 вице-канцлер. С 1801 член Государственного совета и сенатор. В 1802 — 1810 и в 1819 — 1825 управлял министерством внутренних дел. С 1827 председатель Государственного совета и Комитета министров.

91 Паскевич Иван Федорович (1782—1856) - князь, русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. Участник русско-турецкой войны 1806—1812, Отечественной войны 1812 и заграничных походов 1813—1815. С 1827 управлял Кавказским краем и был главнокомандующим русскими войсками на Кавказе во время русско-персидской (1826—1828) и русско-турецкой (1828—1829) войн. В 1831 назначен командовать русскими войсками по подавлению польского восстания. Затем был наместником Царства Польского. Командовал русской армией в венгерском походе 1848 года и в начале Крымской войны 1853—1856.

92 Величко Самойло (Самуил) Васильевич (1670 — после 1728) — малорусский казачий летописец. Окончил Киевскую академию. Служил в Генеральной войсковой канцелярии. Его летопись охватывает события от 1648 по 1700 год.

93 Конисский Александр Яковлевич (1836—1900) — малорусский писатель и поэт украинофильского направления. Автор книги «Тарас Шевченко Трушівський. Хроніка його життя» (1898).

94 Коваленко Григорий Алексеевич (1868—1937) — малорусский писатель, художник, этнограф. Соредатор журнала «Рідний край» (1906).

95 Котляревский Александр Александрович (1837 — 1881) — русский славист, археолог, этнограф. Окончил Московский университет, в 1868—1872 занимал кафедру славянского и русского языкознания в Дерптском университете. В 1872—1875 за границей, затем профессор в Киевском университете. Автор книг «Сказания об Отгоне Бамбергском в отношении славянской истории и древностей» (1874), «Древности права балтийских славян» (1874), «Библиологический опыт о древней русской письменности» (1881).

96 Лазаревский Александр Матвеевич (1834—1902) — малорусский историк. Основные труды: «Малороссийские посполитые крестьяне (1648—1783)» (1908), «Описание старой Малороссии» (Т. 1—3; 1888—1902) и «Очерки, заметки и документы по истории Малороссии» (в. 1-5, 1891-1899).

97 Науменко Владимир Павлович (1852 — 7) — малорусский историк украинофильского направления. С 1893 редактор «Киевской старины». Автор книги «Обзор фонетических особенностей малорусской речи» (1889).

98 Молчановский Никандр Васильевич (1858—1906) — малорусский историк. Окончил в 1884 Киевский университет. Участвовал в революционном движении. Автор книги «Очерк известий о Подольской земле до 1434 года» (1885).

99 Скорее всего, Тарновский (Младший) Василий Васильевич (1837 — 1899) — малорусский собиратель коллекции древностей. Окончил Киевский университет. В его имении Качановке гостили И. Е. Репин, Н. Н. Ге и многие другие деятели русской культуры.

100 Равита Францишек (настоящая фамилия Гавронский) (1845 — 1930) — польский историк и писатель. Автор тенденциозных исследований «История гайдамацких движений» (1899—1901), «Богдан Хмельницкий» (1908—1909) и «Укра-

инская казатчина в Речи Посполитой» (1923). Повести «Господин гетман Мазепа» (1888) и другие.

101 Мордовцев Даниил Лукич (1830—1905) — русский писатель, поэт. Был дружен с Костомаровым. До 70-х годов писал исторические исследования, а далее перешел на исторические художественные сочинения.

102 Бадени Казимир (1846—1909) — граф, австрийский государственный деятель. В 1888—1895 наместник Галиции. Министр-президент Австро-Венгрии (1895—1897).

103 Гонта Иван (7 — 1768) — малорусский гайдамак, один из руководителей движения Коліївщины. Воспет в народном фольклоре (песни, сказания) как мученик за народное дело.

104 Винниченко Владимир Кириллович (1880 — 1951) — один из идеологов малороссийского сепаратизма, лидер украинской социал-демократической рабочей партии, писатель. В 1907—1914 в эмиграции. В 1917 один из руководителей Центральной рады Украины, председатель ее правительства — Генерального секретариата. В ноябре 1918 — феврале 1919 председатель Директории. С 1920 в эмиграции. Автор романов «Зов предков» и «На весах жизни».

105 Иоанн Вышенский (между 1545-1550 - после 1620) — русский монах, писатель. Жил в Луцке, Остроге. В 70-х годах XVI века переселился на Афон, построившись в Зографском монастыре. В 1604 — 1606 приезжал в Малороссию. Известно четыре послания против унии и католичества.

106 Иконников Владимир Степанович (1841 — 1923) — русский историк. Окончил Киевский университет в 1865. Профессор Киевского университета с 1871. Автор исследований «Скептическая школа в русской историографии и ее противники» (1871) и «Опыт русской историографии» (Т. 1-2, 1891-1908).

107 Шахматов Алексей Александрович (1864-1920) — русский филолог. Профессор Петербургского университета с 1909. Председатель отделения русского языка и словесности Петербургской АН (1906—1920). Основные труды: «К истории звуков русского языка» (1896—1903) и «Курс истории русского языка» (Ч. 1—3, 1909 — 1911).

108 Багалей Дмитрий Иванович (1857—1932) — малорусский историк. В 1883 - приват-доцент, с 1887 — профессор кафедры русской истории, в 1906 — 1910 — ректор Харьковского университета. В советское время был вице-президентом АН СССР. Автор книг «Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства» (1887), «Очерк украинской историографии» (Т. 1, в. 1—2, 1923 — 1925).

109 Сумцов Николай Федорович (1854-1922) — малорусский фольклорист, литературовед, профессор Харьковского университета с 1888. Основные сочинения: «О свадебных обрядах. Преимущественно русских» (1881), «Современная малорусская этнография» (Ч. 1 — 2, 1893-1897).

110 Дудыкевич Владимир Феофилович (7 — 1922) — галицко-русский общественный деятель. Лидер москвофильской, или старорусской, партии. Умер в Ташкенте.

111 Шептицкий Андрей (1865—1944) - глава греко-католической Церкви с 1900 года. Активный деятель отторжения Малороссии от России.

112 Левицкий Николай Васильевич (1859-1936) — малорусский общественный деятель. Окончил в 1885 Харьковский университет. В 90-х годах организовал среди крестьян земледельческие кооперативы-артели. После февральской революции деятель Центральной рады. После октябрьского переворота работал в кооперационных учреждениях УССР.

113 Корш Федор Евгеньевич (1843—1915) — русский филолог. Профессор классической филологии Московского (1877—1890 и 1892—1900), Новороссийского (1890—1892) университетов и Лазаревского института восточных языков (1892—1915). Занимался типологическим сравнением языков.

114 Мякотин Венедикт Александрович (1867 (?) — после 1954) — русский историк, публицист. Сотрудник журнала «Русское богатство». Один из организаторов «Трудовой народно-социалистической партии». С 1918 в эмиграции.

115 Вероятно, имеется в виду Корсаков Дмитрий Александрович (1843 — 1920) — русский историк. Окончил Казанский университет. Автор исследований «Меря и Ростовское княжество» (1872) и «Воцарение императрицы Анны Иоанновны» (1880).

116 Голубовский Петр Васильевич (1857—1907) — русский историк. Профессор Киевского университета. Автор книг «История Северной земли до половины XIV столетия» (1881) и «История Смоленской земли до начала XV столетия» (1895).

117 Перетц Владимир Николаевич (1870—1935) — украинский советский литературовед. В 1903—1914 профессор Киевского университета. Председатель филологической секции украинского научного общества в Киеве с 1908. Автор книг «Историко-литературные исследования и материалы» (Т. 1—3, 1900—1902) и «Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI — XVIII вв.» (1862).

118 Ягич Игнатий (Ватрослав) Викентьевич (1838—1923) — филолог-славист. По национальности хорват. Окончил Венский университет (1860). Был профессором в Новороссийском (1872—1874), Берлинском (1874—1880), Петербургском (1881—1886) и Венском (1886—1908) университетах. Автор книг «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке» (1896), «История славянской филологии» (1910).

119 Стешенко Иван Матвеевич (1873—1918) — малорусский литературовед, поэт украинофильского направления. Автор сборников «Хуторские сонеты» и «Степные мотивы».

120 Донцов Дмитрий Иванович (1883 — 1973) — идеолог украинского сепаратизма. В начале своей деятельности он, как большинство деятелей «украинства», был социал-демократ. Эмигрировал в 1908. В 1914 стал первым главой «Союза освобождения Украины», руководя во время первой мировой войны украинским бюро прессы в Берлине (1914—1916). Печатался в «Ukrainische Rundschau» («Украинское обозрение» на немецком языке). Во время правления гетмана Скоропадского был руководителем Украинского телеграфного агентства. С 1921 поселился во Львове. Издавал разные украинские журналы, печатаясь в немецкой, швейцарской и польской прессе. В 1939 году эмигрировал в Румынию, а с 1947 году переселился в Канаду, где преподавал (в Монреальском университете) «украинскую» литературу.

121 Рорбах Пауль (1867 — после 1955) — немецкий политический деятель и консервативный публицист. Один из идеологов пангерманизма.

122 Винавер Максим Моисеевич (1862 или 1863—1926) — еврейский общественный деятель, один из организаторов партии кадетов. Окончил Варшавский университет. Депутат I Государственной думы. В 1919 министр внешних сношений белогвардейского «Краевого правительства» в Крыму. В 1919 эмигрировал.

123 Львов Георгий Евгеньевич (1861 — 1925) — князь, русский общественный деятель, кадет. В 1903—1906 — председатель тульской уездной земской управы.

Депутат I Государственной думы. Во время Первой мировой войны был председателем Всероссийского земского союза. После февральской революции возглавлял Временное правительство с марта по июль 1917 года. Эмигрант.

124 Вильгельм II (1859—1941) — германский император и прусский король в 1888—1918. Один из главнейших виновников Первой мировой войны. Свергнут 9 ноября 1918. 28 ноября 1918 отрекся от престола. Бежал в Нидерланды, где и жил до своей смерти.

125 Кропивницкий Марк Лукич (1840—1910) - малорусский драматург, актер, режиссер. В 1862-г 1863 вольнослушатель юридического факультета Киевского университета. В 1861 — 1871 служил на различных канцелярских должностях. С 1871 дебютировал как актер. С 1882 актер и режиссер собственной труппы. Автор многих пьес.

126 Садовский Николай Карпович (настоящая фамилия Тобилевич) (1856—1933) — малорусский актер, писатель, режиссер. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В 1878 — 1880 учился в киевской и одесской военных школах. В 1881 демобилизовался из армии и стал актером. В 1920 эмигрировал в Польшу. Возвратился в 1926.

127 Скоропадский Иван Ильич (1646—1722) — гетман Левобережной Малороссии в 1708—1722. Был полковником Стародубского полка в 1706—1708. После измены Мазепы избран гетманом. Участвовал в Полтавском сражении.

128 Ратенау Вальтер (1867 — 1922) — германский государственный деятель, промышленник и финансист. С 1915 председатель правления Всеобщей компании электричества. В 1922 министр иностранных дел. Подписал мирный договор с советской страной. Убит членами организации «Консул».

129 Раковский Х. Г. (1873—1941) — революционный деятель, родом из Болгарии. Большевик с 1917. Председатель Совнаркома Украины (с 1918). С 1923 на дипломатической работе в Англии и Франции. Дважды был исключен из партии (1927 и 1938) как участник троцкистской оппозиции.

130 Мануильский Дмитрий Захарович (1883—1959) — советский партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1903. Участник революции 1905—1907. В 1907—1912 эмигрант во Франции. Окончил юридический факультет Сорбонны (1911). В мае 1917 вернулся в Россию. С 1918 в Малороссии. Член Временного Бюро ЦК КП(б)У. В декабре 1921 — первый секретарь ЦК КП(б)У. С 1922 работал в Коминтерне, в 1928—1943 секретарь Исполкома Коминтерна. В 1942 — 1944 работал в ЦК ВКП(б) и в Главном политическом управлении Красной Армии. В 1944-1953 — заместитель Председателя Совнаркома (с 1946 Совета Министров) УССР, одновременно в 1944 — 1952 министр иностранных дел УССР. С 1953 пенсионер.

131 Победоносцев Константин Петрович (1827 — 1907) — русский государственный деятель, юрист. Профессор Московского университета. В 1880—1905 обер-прокурор Священного Синода.

132 Пихно Дмитрий Иванович (1853—1913) — русский экономист. В 1870—1874 учился в Киевском университете. С 1877 приват-доцент Киевского университета. В 1888—1902 профессор кафедры экономических наук того же университета. Будучи с 1885 года чиновником особых поручений министерства финансов, подготавливал материалы о выкупе частных железных дорог в казну. В 1907—1913 член Государственного совета. Возглавлял киевский отдел «Союза русского народа». Автор книг «Основания политической экономии» (1890), «Закон спроса и предложения» (1886), «Политическая экономия» (1887).

133 Шульгин Василий Витальевич (1878—1976) — русский политический дея-

тель, публицист. Сотрудничал в газете «Киевлянин», будучи националистом. В 1917 член временного комитета Государственной думы. 2 марта 1917 ездил требовать отречения от Императора Николая II. Участвовал в создании Добровольческой армии. Белоэмигрант. В 1944 арестован в Югославии и приговорен в СССР к тюремному заключению. В 1956 освобожден. Автор книг «Дни» (1925), «1920-й год» (1927), «Три столицы» (1927), «Что нам в них не нравится».

134 Чернов Василий Егорович (Юрьевич) (1852—1912) — русский врач-педиатр. Окончил Медико-хирургическую академию (1874), в которой затем работал. С 1886 в Москве, а с 1889 — профессор Киевского университета. Председатель Клуба русских националистов.

135 Ян III Собеский (1629-1696) - польский король с 1674. Командовал польскими войсками в польско-турецкой войне 1672 — 1676. Победил турок у Хотина (1673). Заключил с Россией «Вечный мир» в 1686.

136 Маркович Яков Андреевич (1696—1770) — малорусский мемуарист. Окончил Киевскую академию (1713). Был наказным лубенским полковником (1721, 1723 — 1725), генеральным подскарбием (1740—1762). Вел дневник с 1717 по 1767. Наиболее полное издание дневника осуществил А. М. Лазаревский под названием «Дневник генерального подскарбия Якова Марковича» (в. 1—3, 1893—1897).

137 Максимович Михаил Александрович (1804—1873) — русский ученый-естествоиспытатель, историк, фольклорист, писатель. Окончил Московский университет (1823). С 1826 профессор ботаники Московского университета. В 1834—1835 первый ректор Киевского университета. С 1845 в отставке по болезни. Собирал песни, издавал альманахи «Денница» (1830-1834), «Киевлянин» (1840-1841, 1850X «Украинец» (1859, 1864). Автор книги «История древней русской словесности» (1839).

138 Антоний (Храповицкий) (1863—1936) — митрополит Киевский и Галицкий, знаменитый богослов. Первый глава Русской Православной Зарубежной Церкви.

139 Парфений (Левицкий) (1858-1919) - архиепископ с 1911. Окончил Киевскую Духовную академию. В 1894 пострижен в монашество. Преподавал в духовных учебных заведениях. В 1899 хиротонисан во епископа. В 1908 перемещен на Тульскую кафедру.

140 Феофан (Быстров) (1875—1940) — архиепископ Курский, богослов. Был ректором Петербургской Духовной академии. В эмиграции с 1920. Принял схиму.

141 Орлик Филипп — генеральный писарь, единомышленник Мазепы. Бежал в 1709, после Полтавского сражения, в Турцию вместе с Мазепой. После смерти Мазепы признавался беглыми казаками и шведами гетманом. Убит в Турции около 1728 года.

142 Левицкий Орест Иванович (1849 — после 1910-х годов) — историк. Окончил Киевский университет. Основные работы «Очерк внутренней истории Малороссии во 2-й половине XVII столетия» (1875), «Основные черты внутреннего строя западнорусской церкви в XVI и XVII вв.» (1884), «Внутреннее состояние западнорусской церкви в польско-литовском государстве в конце XVI столетия и уния» (1884) и «Очерки старинного быта Волыни и Украины» (1891).

СОЧИНЕННАЯ НАРОДНОСТЬ

Пан Ф. Чудовский поместил в Утре России (№ 330) некоторую продолжительную болтовню по поводу нашей статьи «Украинофильство в Москве»¹ (№ 288), озаглавивши свое произведение как «Ответ Московским Ведомостям».

Мы говорили об украинофилах, и эту речь принимает на свой счет поляк Чудовский. Это составляет действительно ответ нам и подтверждение нашей статьи. Засим же остальная часть статьи г-на Чудовского относится к кому-то другому. Так, он говорит о каких-то «доносах» «правых». Но мы ничего не доносили, так что это нас не касается. Стараются он что-то сострить насчет «польской интриги». Мы о «польской интриге» тоже не говорили, и понятно, что польские интриги поляку должны быть лучше известны. Но более всего пан Чудовский хлопочет около разных начальств. Он говорит, что должен отвечать нам «хотя бы ради тех, кто разрешил Общество славянской культуры в Москве», а при нем и украинскую секцию... Avis Avis Avis 2: разрешили, так выручайте, да хорошенько замажьте рты «правым», а то как бы и на вас не было нареkania. Даже и существование особой «украинской» национальности пан Чудовский утверждает не иначе, как на авторитете «Императорской Академии Наук с ее Августейшим Председателем»... Однако все эти прятанья польского старателя «украинства» за высокие власти нас точно так же не касаются.

Начальство перед нами защищать не требуется. Мы – люди русские, против властей ничего не говорим. Коли начальство разрешило, то, стало быть, так и нужно, ему лучше знать... Вот если бы мы сами были начальством, то, может быть, мы бы иначе потолковали с разными «польскими интригами» и поучили бы панов поляков, как следует защищать единство русской нации против ее раздробителей. Теперь же нам о начальствах толковать не приходится, и мы, воздавая Всемиловитейшему Государю нашему благодарность за дарованную русским гражданам свободу мысли и слова, просто беседуем со своими братьями о наших русских делишках. До пана Чудовского тут ничто не касается. Мы ему посоветовали бы не соваться в чужие дела и заняться лучше обособлением своих мазуров, обогатив этим славянскую культуру еще новой национальностью.

Обращаемся засим к нашим русским людям.

В конце статьи пана Чудовского есть достопримечательное место, которое лучше всего показывает, насколько нынешние поляки убедились в непроходимой глупости современных русских.

Московские Ведомости, говорит он, заканчивают свою статью словами: «Постыдное духовное падение Москвы едва ли в чем выражается более резко, чем в водворении у стен Кремля даже и этого постыднейшего отречения от родного народа». Я же (пан Чудовский) свое возражение закончу следующим: светлое возрождение Москвы превратило, наконец, это сердце великого княжества Московского в великое сердце всей России, одинаково сильно бьющееся для всех детей великого Русского государства». Вот какова щедрость панов Рады польской! Столь великую роль они предоставляют не своей Варшаве, не Кракову, а нашей Москве. У них сердца, изволите видеть, малые, способные биться только для своей национальности. А у нас сердце широкое: всю Россию, все, что создано гением ничего не понимавшего сердца великого княжества Московского, мы теперь «со щирым сердцем» добровольно отдаем «детям» отнятого у нас и у человечества государства.

Как видите, нас считают уже совсем впавшими в старческое детство. И, конечно, поляки имеют на это много оснований. Но тем более мы должны, наконец, опомниться и взяться за ум. Об этом-то и должна быть у нас речь.

Прежде всего, для того, чтобы знать, кто мы такие, нам не требуется мнения никакой Академии и даже самого г-на Бодуэна де Куртенэ. Напротив, Академия должна у нас спросить и узнать, что такое мы, великий Русский народ?

Нет никакой крупной национальности без разновидностей; есть они и у немцев, и у французов, и даже в такой малочисленной национальности, как польская. Есть они и у нас. Их даже гораздо больше, чем три основные наши ветви: великорусы, малорусы и белорусы. Но тем не менее мы жили, даже насильственно раздробляемые, одной исторической жизнью, совместно вырабатывали наш язык, литературу, миросозерцание. Совместна и наша историческая судьба. Живем вместе и погибнем вместе, если суждено нам когда-нибудь погибнуть. В этой совместности – вся основа нашей силы, внешней и внутренней.

Поэтому-то величайшими преступниками против России

являются те, которые стараются разъединить самую нашу нацию. Это без сравнения хуже, чем государственный сепаратизм.

Нет надобности объяснять, что национальность во сто миллионов имеет в десять раз больше шансов не оскудевать великими умами, деятелями литературы, науки, искусства, нежели национальность, числящая только десять миллионов. Нечего и толковать, что совместно действующая национальность огромной численности имеет больше способов развить свое общее экономическое могущество, найдет больше крупных государственных людей и т. д. И фактически мы, русские, не только жили, но и живем одной жизнью, составляя одно целое. Особенности характера, сказывающиеся в областях Русской земли, так же не мешают единству, как особенности характера братьев и сестер в семье. Напротив, мы все дополняем друг друга. Нынешний редактор Московских Ведомостей, родившийся и выросший в малорусской области (на Кубани), в детстве воспитывавшийся на малорусской песне, на преданиях героического Запорожья, так же стоит на страже русского единства, как стоял кровный великорус – Катков.

Паны Чудовские могут незнающим «втирать очки» самостоятельностью «украинского языка». Но тому, кто знает и любит этот язык, лучше, чем Академии, известно, что он есть разновидность общего русского языка.

Конечно, малорусское наречие и само имеет разновидности. Не только в Галичине и Буковине, но даже в Правобережной Украине оно очень разнится от основного, благороднейшего языка Полтавщины и нашей Кубани. Но малорусский язык – настоящий, народный, Шевченковский, живой – повсюду больше всего разнится от той малорусской «тредяковщины», создания литературных бездарностей, проникнутых не духом языка, а политиканством «мазепинского» духа, которая называется «украинским языком». Конечно, ни один чуткий к красоте и выразительности русского слова малоросс не может работать на сочинение этой «тредяковщины», как ни один малоросс, заботящийся об интересах своих земляков, не отъединится от белорусов и великорусов на почве экономической, и ни один малоросс с государственным чутьем не отъединится от великого русского племени. Во всех этих отношениях никакого опасения за наше единство мы не можем иметь.

Но стремления к нашему разъединению остаются тем не

менее преступными. Это – деяние, по мере сил подрывающее творческую способность всех ветвей Русского народа. Допускать такое деяние могут только люди бедные чувством, политическим разумом и любовью к культуре. В этом понижении мы и упрекаем тех русских, которые равнодушно допускают сочинение «украинской национальности». Особой украинской нации от этого не возникнет, но русская нация может быть ослаблена, подорвана, ее развитие может быть приостановлено. Вот в чем виноваты перед Россией те, которые занимаются игрушками «украинства» и допускают их радушный прием. И потому-то духовное падение Москвы ни в чем, даже в юдофильстве, не сказывается постыднее, чем в радушном приюте у стены Кремля организуемых поляками «украинских секций».

Мы не говорим о начальстве. Заметьте это, паны Чудовские, и оставьте свои доносы. Мы говорим о москвичах говорим, что стыдно потакать вредным для России управлениям в «сочинении украинства», стыдно даже людям, называющим себя «конституционалистами и демократами», настолько изменять интересам родной национальности. Если бы нынешняя Москва хранила тот великий государственный дух, который был в «великом княжестве Московском» и который созидал великую нацию, то разрешения или неразрешения начальства не имели бы никакого значения. Москва бы и сама сумела отвадить панов Чудовских от устройства гнезд русского национального разложения у самых гробниц созидателей русского национального и государственно-го единства.

ГОЛОС МАЛОРОССА О НЕОМАЛОРОССАХ

Есть что-то несчастное и жалкое, горькое и в конце концов глупое, бесталанное, в положении и затем в психологии «каинства», которая обнимает у нас некоторую долю «общественных деятелей». Разрыв громадного тяготения к центру не обходится даром: люди летят «к черту» и попросту в сумасшедший дом. В непомерной злобе «на Россию», - от которой, впрочем, России ничего не делается и *никогда не сделается*, - то человек набрасывается на Крылова, грубо упрекая его в обжорстве, то приравнивает «цианистому кали» поэзию и личность Тютчева, не замечая, что он, конечно, не Тютчева отталкивает от России, а сам со своими «общественными деятелями» отталкивается от Тютчева и летит куда-то «на 11-ю версту» от Петербурга, где врачи осматривают прискорбно-больных. Для оторвавшихся от России русских, полурусских и инородцев не предлежит вообще никакого пути, кроме вырождения и духовной смерти. Лично извести из себя «цивилизации» они, конечно, не могут, а старая цивилизация не координирует их шаги, и является «шаткая походка», «неверный шаг» целой биографии. Является гибель всей личности. Начавший в своем «я» судьбу Каина, ничего иного не получает, кроме трясения рук и ног, уныния, тоски и пугливого оглядывания, «не гонится ли кто за ним». Но никто за ним не «гонится», а гонит его внутренний грех и остатки своей совести.

Путь Даля и Востокова, - двух немцев и лютеран, которые настолько были преданы России, что переменили даже фамилию - на русскую (Востоков) и под конец жизни перешли из лютеранства в православие: вот путь и канон душевной жизни инородца в России. Оба, став «русскими» до такой глубины, возвеличили и имя германское, душу германскую, нравственный гений Германии. Они воистину показали всемирную перевоплощаемость и универсализм старой своей Германии. И не одна Россия держит над их головами венки особенного света, но и Германия осветилась особенным светом своей глубины, «потеряв» этих сынов. *На самом же деле* Германия, конечно, в отрекшихся от нее Дале и Остенеке (прежняя фамилия Востокова) получила в них так много, сколько не имеет в каком-нибудь «Михеле», в каком-нибудь

безвестном профессоре или этнографисте. Здесь величие - не в филологии их, а именно в красоте особой преданности и особого национального перерождения.

И можно думать, что «Даль» чувствовал себя радостнее, чем теперешние «общественные деятели», - главная «общественность» которых заключается в том, что они в каждом ресторане подходят к буфету и выпивают рюмку водки «за гибель России». Таких очень много. Такие бегают на лекции и сами читают «рефераты»... Но, воистину, все это к гибели и унынию...

Заговорить об «инородчине» меня заставило не то, что сейчас пишется об этом вопросе в печати, а одно частное письмо... Получено оно было мною от одного малоросса-дворянина, которого я знаю лет 20 в Петербурге, и всегда любовался на то, как он радостно несет свою службу здесь, а ранее нес ее в провинции. Гармоничность всей его личности, с «государственным» оттенком, с высокой мыслью - «я служу Государю и отечеству» (чиновник лесного департамента министерства земледелия), всегда удивляла меня и как-то «подавала лучшие надежды на будущее» среди всеобщего нигилизма и отрицания... Но он любит и свою Малороссию, свою полтавскую усадьбу, - особой местной любовью. Нужно заметить, что *настоящие* любители России суть непременно свои специальные губернские любители, - вообще «губернские люди»: без этого «губернского чувства» как-то холодно и отвлеченно, риторично и не окрашено и общерусское чувство. Только «симбирец» Карамзин мог стать великим «вообще русским»; только творец «Вечеров на хуторе близ Диканьки» - мог образовать в себе такую великую общерусскую тревогу... Без «своего уезда», без своей частной, *индивидуальной* родины - нет вообще *настоящего* русского. Это я давно замечал, - и захудание, захирение «родины своего детства», кажется, есть причина и общего «гражданского каинства» в России. Вот отчего так хочется *расцвета* и силы наших уездов, *поярче* - жизни туда, *побольше* *детской* и *ученической* памяти о первом, раннем своем «гнездышке». Он пишет мне:

«Простите, что я перейду к другой теме, которая меня тоже больно поразила на сих святочных днях. Это - съезд по народному образованию наших сельских учителей, и ближайшим образом та резолюция съезда об «украинском языке» в народных училищах. Я, как Малоросс (с большой буквы в письме), имею

право высказать и свое мнение относительно национализации школы в пределах Малороссии. Не признаю я прав за «украинским» языком в школе, а только за *общерусским* языком должно считаться право преподавания наук в низшей и средней школах в Малороссии. Вся ламентация украинцев о дурном влиянии великорусского языка на малорусских детей есть пустая, заведомо предательская речь. Все выходки украинцев на съезде по поводу общерусского, т.е. великорусского, языка имеют под собою почву исключительно *политическую* (подчеркнуто в письме). И надо было бы украинцам зажать прямо рот, сказав им, что они клеветают на русский язык. Я удивляюсь, как на съезде никто не сумел сразить их замечанием такого рода. Малороссы вообще люди набожные, и все те, кто несколько причастны к грамоте, чрезвычайно любят читать церковные книги, которые, как известно, печатаются у нас на *церковно-славянском языке*. Не читают же они эти книги без разумения, т.е. так, как гоголевский Петрушка читал, - следя лишь за одними буквами. А ведь церковно-славянский язык весьма близок к общерусскому и чисто малорусскому языкам. Читайте-ка: «Отче наш, Иже еси на небесех! да святится Имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя» и т.д. Или же: «От сна востав, благодарю Тя, Пресвятая Троице, яко многая ради Твоя благости и долготерпения не прогневался на мя лениваго и грешнаго, ниже погубил мя еси со беззакониями моими» и проч. Спрашиваю я вас, какое же из приведенных слов может быть непонятным для малоросса? Все слова для них ясны по смыслу, и в целом каждая молитва.

Итак, украинцы клеветают на общерусский язык; малороссы отлично его понимают, когда говорят с ними о предмете, не выходящем за пределы их понимания. Вот истину должен я сказать все, что хохломаны *выдумали* (курс, в письме) сейчас такой, якобы, малорусский язык, что я, природный малоросс, не могу и 10 строчек прочесть малороссийской газеты «Рада», чтобы «ихний» новый язык не послать к дьяволу. Ничего не могу разобрать, о чем газета толкует. Словом, «украинский» нынешний язык для истинных малороссов непонятен: это не язык Тараса Григорьевича Шевченко, Котляревского и Квитко-Основьяненко, который ясен, понятен и простому мужику, и интеллигенту, а такой, *какого еще никогда не было на свете*. Это язык нарочито придуман, дабы разъединить русских людей, т.е. расколоть их на две

половины, и чтобы, таким образом, каждая из них враждовала одна с другой. Для инородцев наших и заграничных, как-то: немцев, поляков, жидов, - ничего нет милее этой «выдумки нового украинского языка». Правительству следует стать на страже и не допускать в школе народной, в пределах Малороссии, пропагандировать этот «уродский» язык. Если же нужно дать детям начало познания грамоты на народном языке, то пусть учителя учат детей грамоте на действительно малорусском наречии и объясняются с детьми языком Шевченко и других *прежних* малорусских авторов. Нынешние же учителя в малорусских школах - это жидовские и австрийско-польские попрыгаи. Я таких учителей презираю и не позволил бы им тереться возле малорусского народа. Дорогой В.В., вступитесь вы за право русского языка в школах на моей родине. Укажите правительству, что хохлы любят церковную грамоту, а раз они понимают ее, то тем более понимают нашу общерусскую речь и грамоту. Новый же украинский язык вон гнать в шею из школы».

Не меняю ни слова в письме. «Мову» он, природный малоросс, и, повторяю, с большим чувством своего детского гнезда, считает выдумкой, и выдумкой на политической, скверной почве. Это все усилия получить себе независимость, республику, «гетманщину» и, так как все настоящие гетманы умерли, то получить в «гетманы» из Петербурга Винавера. Перспектива наиболее правдоподобная, потому что еврей, да еще адвокат, может быть, конечно, и Пушкиным, и гетманом. Евреи уже «окрылены» ко всему подобному... Ну-с, и затем начнется беспримерно пакостное существование, от которого стошнит не одних хохлов. Благородные малороссы, как мы уверены, и благороднейшие латыши, поляки, остзейские немцы, румыны на юге, татары, чухонцы, грузины, армяне равно видят поэзию своего края и личную свою биографическую поэзию в том, чтобы дать России из себя еще Шевченка или Гоголя, дать Багратиона (армянский род) или Лазарева и вообще приложить руки и сердце к созиданию все России и России, одной России и *навсегда* России, как огромной неизмеримой этнографической системы, экономической системы, как громадной политической и военной мощи. «Прикладывай руки к тому, *где башня уже строится*», а не начинай *каждый* новую свою башню; выходи и живи в городе, который уже *тысячу лет* стоит, и не начинай одной своею избой строить

новый город. Вообще, прикладывайся, став между собою и между другим «+», а не «-», связывайся, цепляйся: вот социология, культура и цивилизация. Это все евреи внули нам (незаметно) пакостные чувства; будучи сами «вразброд» и без дара строения царства, они подтачивают наше царство и советуют свое бездарное «вразброд» и нам. Но ведь у них каждого защитит всемирный кагал, а что и кто защитит хохла с «гетманом Винавером» и латыша с правдоподобным «президентом Марголиным» - трудно сказать. Совет нам разделиться и рассеяться, конечно, очень выгоден евреям, которые *природно* все невидимо соединены. И войдут в «баре» тем легче, чем скорее все инородцы войдут в самостоятельную свободу. Вот уж, поистине как о женщине, так и об еврее: «cherchez la femme», «cherchez le Juif» [«Ищите женщину», «ищите еврея» (фр.)].

Впервые опубликовано: «Новое Время». 1914.

К УКРАИНСКОМУ ВОПРОСУ
(ОТВЕТ Н. А. ГРЕДЕСКУЛУ И «УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ»)

На мою статью «Австро-германское «украинство» и русское общественное мнение», помещенную в «Биржевых Ведомостях», откликнулся Н. А. Гредескул.

Чисто случайные обстоятельства помешали мне тотчас ответить на статью почтенного автора, теперь, с разного рода полемическими, направленными против меня, комментариями, перепечатанную в только-что вышедшем № 8-10 издаваемого в Москве журнала «Украинская Жизнь».

Прежде всего, я должен протестовать против того, чтобы в этом споре об «украинстве» постоянно кивали на полицейские мероприятия, которые будто бы оправдываются и санкционируются тем пониманием т. н. украинского вопроса, которое я отстаиваю. «Украинская Жизнь» доходит даже до того, что пишет обо мне: «Как ослепленные враждой против своих врагов немецкие литераторы и публицисты готовы встать против всего мира, *Über alles*, так русский профессор с непонятным ожесточением (*sic!*) восстает против многомиллионной части России, рекомендуя по отношению к ней тот круг действий и задач, которыми проникнута политика идеологов и деятелей пангерманизма по отношению к познанским полякам». Я не знаю, чему приписать подобные «полемиические красоты», - настолько их содержание несообразно!

Во-первых, я не восстаю ни против какой-либо части русского народа, а лишь выражаю свое отрицательное отношение к известному культурно-политическому движению, к счастью, еще совершенно лишенному народного характера. А, во-вторых, прусская политика против познанских поляков характеризуется, прежде всего, тенденцией к вытеснению польского землевладения и, в частности, землевладения крестьянского. Между тем, мне не только никогда ничего подобного не приходило в голову предлагать относительно малорусских крестьян, но, наоборот, я считаю основной социально-политической задачей, которая выпадет на долю русской власти в восточной Галиции, это - расширение и укрепление землевладения местных малорусских крестьян путем

так или иначе проведенной системы «внутренней колонизации». Такая социальная политика необходима сама по себе, и в то же время она явится лучшим средством скрепления нового русского края с Российской Империей.

Возражение мне Н. А. Гредескула тоже не свободно от не идущих к делу кивков на полицейские мероприятия. Между тем, именно мои рассуждения по украинскому вопросу ставят спор на широкую культурно-историческую почву. Напрасно Гредескул думает, что в основе моих рассуждений ошибочное «смешение вопроса о культуре с вопросом о государстве».

Мне кажется, что моя постановка вопроса, напротив, ясна и с культурной, и с государственной точки зрения. (Оговорюсь сейчас же, что мой взгляд был высказан в свое время в предположении, что Галиция не входит в состав Империи. Однако, новое обстоятельство - присоединение Галиции к России в будущем и ее фактическая оккупация в настоящем - для общего «украинского» вопроса не имеет решающего значения).

Я развивал и развиваю ту мысль, что малороссийская стихия есть стихия областная или провинциальная внутри русской национальной стихии, общенациональным выражением которой служит общерусский или попросту русский язык. С этой точки зрения, каково бы ни было филологическое решение вопроса, мы должны говорить о малороссийском наречии русского языка, как о диалекте, а не как о национальном языке. Исторически, политически и культурно малороссийский (украинский) язык занимает и, с защищаемой мною точки зрения, должен и впредь занимать в России такое же положение, как в Германии *plattdeutsch* и во Франции провансальский язык. Если бы русские «украинцы» довольствовались «провансальством», никакого спора у них с такими людьми, как я, не было бы. Но их желания и притязания идут, как известно, гораздо дальше. Я же стою на точке зрения, какую до своего переселения за-границу занимал М. П. Драгоманов и какая всегда была характерна для Н. И. Костомарова. Теперешние «украинцы» ее укоротительно именуют «украинофильской». Но отсюда уже ясно, что украинская проблема в моей постановке есть проблема прежде всего культурная, и что излюбленная манера моих противников по этому вопросу полемизировать со мной так, как будто бы я решал культурную проблему полицейскими мероприятиями, есть просто дурной и ненужный прием. В уст-

ных беседах с русскими, малороссами, мне приходится сталкиваться с совершенно другого рода возражениями, которые могут быть все сведены к тому, что я безмерно преувеличиваю значение «украинского движения».

В самом деле, по моим наблюдениям, самое характерное для большинства образованных русских людей отношение к украинскому движению есть пренебрежение, доходящее до презрения. Я этого отношения к украинскому движению, как к явлению совершенно ничтожному и не заслуживающему ни внимания, ни опасений, вовсе не разделяю. При известных условиях «украинское» движение может развиваться и, так как я этому не сочувствую, то я считаю необходимым, чтобы само русское общество противодействовало этому движению, как национально-политическому движению, которое может угрожать внесением раздвоения в развитие единой русской культуры. Я лично считаю украинский вопрос так, как его ставит, например, «Украинская Жизнь», - культурным вопросом, который может быть разрешен в смысле сохранения и укрепления культурного единства не полицейскими мероприятиями, а, прежде всего, известной настроенностью русского общества. Конечно, другие могущественнейшие факторы объективного характера: огромный вес уже создавшейся русской культуры, объединяющие силы новейшего экономического развития (в частности рост городов); наконец, с 1914 года даже возросший международный престиж русской государственности, - ограждают единство русской культуры. Не случайно, конечно, что даже при свободном появлении органов периодической печати на малорусском языке издаваемая на общерусском языке «Киевская Мысль» имела в Малороссии, вероятно, раз в 50 больше подписчиков и читателей, чем малорусская «Рада»; не случайно, конечно, что странные, на мой взгляд, притязания гг. украинцев на национальное (не областное, не провинциальное) значение малороссийской стихии пропагандируются в русском образованном обществе органом, выходящим в Москве на общерусском языке.

В этих и многих других фактах весьма выразительно обнаруживается внутренняя слабость так называемого «украинского» движения, несостоятельность его притязаний на «национальное» значение. Но нельзя отрицать того, что известная часть малороссийской интеллигенции всячески стремится пре-

вратить существующее пока лишь в ее среде движение в движение народное, и было бы смешно отрицать, что конечной целью этих стремлений является замещение для малорусского племени общерусской культуры специфической, подлежащей созданию, украинской культурой. Если вопрос о сепаратизме нерусских народностей имеет почти исключительно государственный интерес, то, наоборот, украинское движение предстает пред нами как сепаратизм культурный и, с точки зрения единства, представляет угрозу и опасность не столько государственную, сколько культурную.

* * *

«Малороссийский народ» вне пределов России, в Галиции, или Галичине, развивался иначе, чем в России. Здесь есть своеобразие развития и строя, которых не следует и нельзя игнорировать. В особенности осложняющим моментом, требующим, - с русской национально-государственной точки зрения, - чрезвычайно деликатного отношения, мне представляется вероисповедная особенность галицкой части малорусского племени - его «униатство». В сущности, тут главная трудность украинской проблемы в Галиции, как части Российской Империи.

С государственной точки зрения ничто не могло бы быть столь вредно в Галиции, как усердие не по разуму в области вероисповедной политики. Нужно совершенно сознательно стремиться к тому, чтобы в Галиции «украинство» не могло отождествиться с «униатством», т. е., чтобы известные законные церковные традиции консервативного характера не явились цементом, скрепляющим слабое и наносное политическое движение, явная «австрийская ориентация» которого не могла не скомпрометировать его в глазах населения, стихийно инстинктивно почувствовавшего теперь свое родство с русской армией и с русским народом, как целым и единым организмом.

Здесь нужны спокойная твердость и благожелательная умеренность в проведении русских государственных задач, невыполнимых вне постепенного органического слияния Галиции с общерусской культурной стихией.

Но такое слияние недостижимо полицейскими мерами: для его осуществления необходимо сочетание весьма обдуманых культурных мероприятий органического характера с такими же

органическими реформами в области социально-экономических отношений.

Русское государство может очень многое принести галицко-русскому населению. И в области культуры, ибо возможность опираться на великую русскую культуру будет означать неизмеримое культурное обогащение для маленького осколка русского народа. И в области социально-экономической, ибо энергичная и благожелательная власть серьезными экономическими реформами и мероприятиями может поднять галицко-русское крестьянство на более высокую ступень. Таким образом, после завоевания оружием, для России открываются в Галицкой Руси великие возможности «нравственных завоеваний», которые заложат фундамент для подлинного воссоединения оторвавшейся русской земли с Великой Россией.

Биржевые ведомости, No 14476, 5 ноября 1914 г.

БЫТЬ ЛИ РОССИИ ВЕЛИКОЙ?

Сегодня южнорусское образованное общество чествует 50-летие со дня смерти Т. Г. Шевченко. Грустная годовщина эта дает повод озлобленным и вздорным людям к возбуждению того междурусского раздора, который в последнее время из всех сил стараются раздуть австрийские немцы и поляки. Как известно, мечтательное украинофильство тридцатых годов прошлого столетия довольно давно именно в эпоху Шевченко, начало принимать оттенок революционный. Поддерживаемая врагами России, постепенно сложилась изменническая партия среди малороссов, мечтающая о разрушении российской империи и о выделении из нее особого, совершенно «самостийного» украинского государства. По имени исторического героя этой партии — Мазепы — членов ее в последнее время зовут «мазепинцами», и они очень этим титулом гордятся. Читателям, без сомнения, известно, до каких нелепостей договаривается эта преступная партия и в коренной Малороссии, и в закордонной Руси. Никогда еще, кажется, политический психоз не развивался до такой болезненной остроты. Ни одно из инородческих племен — кроме разве поляков — не обнаруживает такой воспаленной ненависти к Великой России, как эти представители Малой Руси. Самые ярые из них отказываются от исторических имен «Россия», «русские». Они не признают себя даже малороссами, а сочинили особый национальный титул: «Украина», «украинцы». Им ненавистна простонародная близость малорусского наречия к великорусскому, и вот они сочиняют свой особый язык, возможно, более далекий от великорусского. Нужды нет, что сочиненный будто бы украинский жаргон является совершенно уродливым, как грубая фальсификация, уродливым до того, что сами малороссы не понимают этой тарабарщины, — фанатики украинского сепаратизма печатают названной тарабарщиной книги и газеты. В науку русской вообще и в частности южнорусской истории мазепинцы вносят систематические искажения и подлоги, а самые крайние психопаты этой партии провозгласили необходимость для малороссов жениться на еврейках для того, чтобы кровью и плотью как можно дальше отойти от общерусской закваски. К счастью, это бредовое состо-

яние провинциальной психологии, ударившейся в сепаратизм, охватывает далеко не всю Малороссию, и даже в австрийской Галиции оно встречает до сих пор внушительный отпор. Тем не менее нельзя забывать, что политические помешательства заразительны: в силу этого государственная власть обязана глядеть на украиноманство как на одну из злокачественнейших язв нашей внутренней жизни. Этим объясняется вполне разумное решение правительства не допускать в Киеве под предлогом годовщины смерти народного поэта революционных выступлений как со стороны австрийских мазепинцев, так и со стороны наших. Я уже не раз докладывал читателю о планах Австрии возбуждением малороссов к бунту расчленив Российскую империю, столь страшную для придунайских экспроприаторов. Уже доказано участие в украинофильской пропаганде не только флоринов, но и прусских марок.

Благодаря стародавной оплошности нашей правящей бюрократии имя Шевченко давно уже служит знаменем для южных сепаратистов. Не только в Малороссии, но и по всей России — включая Петербург — за эти пятьдесят лет сложился настоящий культ Шевченко, выражавшийся в обществах и кружках имени поэта, в ежегодных торжественных панихидах в день его смерти, в банкетах и вечерах в его память, в издании его «Кобзаря» и т.п. 'Великорусское общество, не читавшее «Кобзаря», особенно в полном его виде, с большой симпатией относится к культу южно-русского поэта. О нем судят по некоторым лирическим отрывкам («Думы мои, думы...» и т. п.), переведенным по-великорусски и понятным даже без перевода. Но тут случилось то же самое, что вы видите по всему необъятному фронту нашей государственности. Плохо подобранная, слишком барская и потому беспечная администрация наша далась в обман. Удовлетворившись поверхностным благополучием в Малороссии, она не заглянула за кулисы. А за официальными кулисами украинский вопрос совсем не тот, каким его хитрые украиноманы показывают снаружи. Для самих украиноманов и для малорусской интеллигенции «Кобзарь» издается без пропусков, то есть с крайне возмутительными выходками против российской власти и нашей имперской идеи. И правительство, и невежественное великорусское общество обрабатываются в том смысле, что Тарас Шевченко, «великий» и «гениальный» поэт, томившийся в крепостной неволе, только

за то и был сослан в солдаты, куда-то в Среднюю Азию, что осмелился воспеть свою милую родину, ее чарующую природу, ее деревенскую жизнь со всеми преданиями и безыскусной прелестью простого быта. Такова лицевая сторона шевченковского культа, а изнанка ее совсем иная. Подлинный Шевченко, если восстановить запретные места, оказывается, подобно Мицкевичу ¹[1], ослепленным ненавистью к нашей государственности и народности. Стихи, за которые Шевченко был наказан ссылкой и солдатской службой, были определены как *государственное преступление*, и таковым они в действительности и были. Если говорить без фальшивых уверток, политическая поэзия Шевченко есть возбуждение к мятежу и к разрушению государства. Украиноманы, создававшие культ Шевченко, его лирикой и романтикой прикрывали в самом деле преступную пропаганду, почин которой в этой области принадлежит именно Шевченко. Недаром яростнейший ненавистник России Михаил Грушевский ²[2], устроив Литературно-научное товарищество во Львове, назвал его именем Шевченко. Эта своего рода украиноманская академия наук была создана для научного обоснования украинского сепаратизма. Она явилась большой фабрикой для всевозможных псевдоученных фальсификаций. С чисто польской наглостью достойной какого-нибудь Духинского ³[3], г-н Грушевский в своей смехотворной истории, нашедшей покровительство в Петербурге, стал доказывать, что никаких великорусов или белорусов нет, что искони был только украинский народ как славянское племя,

1 Мицкевич Адам Бернард (1798-1855) — польский поэт. Активный участник польских тайных обществ. Жил в России до 1829. Автор поэм «Дзяды» (1824-1832), «Конрад Валленрод» (1828), «Пан Тадеуш» (1834) и других.

2 Грушевский Михаил Сергеевич (1866 — 1934) — главный идеолог украинского сепаратизма, историк. С 1894 занимал кафедру всеобщей истории Львовского университета. В 1899 организовал национально-демократическую партию в Галиции. В 1917 возглавил Центральную Раду Украины. В начале 1919 эмигрировал в Австрию. В дальнейшем после неоднократных обращений к советскому правительству ему разрешили в 1924 вернуться на Украину. В том же году стал академиком АН УССР, заведующим сектором истории Украины исторического отделения АН. В 1929 стал академиком АН СССР. Автор тенденциозных исторических трудов «История Украины-Руси» (1898 — 1936. Т. 1 — 10) и «Истории украинской литературы» (1923 — 1927. Т. 1 — 5.).

3 Духинский Франциск (1817-1880) — писатель, из ополяченной малороссийской семьи. После польского восстания 1830 — 1831 эмигрировал во Францию. Был профессором польской школы в Париже. Автор псевдонаучной теории, утверждающей, что «москальи» не арийского происхождения, а туранского. Исходя из этого, предлагал Западной Европе создать буфер от «москалей» из польского государства, в которое бы входили малорусы и белорусы.

а уже от него путем колонизации и смешения с финскими племенами образовалась ублюдочная народность, называемая русской. Государство русское создали будто бы тоже украинцы: древние киевские князья были украинские князья, а летописец Нестор — украинский летописец. Насчитав в России и в Австрии до 30 миллионов будто бы особенного украинского племени, г-н Грушевский наметил столицей будущей Украины Киев и после недавней нашей революции перенес в Киев и Товарищество имени Шевченко. Пользуясь столбняком петербургской бюрократии после военного погрома, г-н Грушевский поднял за последние годы кипучую пропаганду. Во многих городах, начиная с Киева, появились «просвиты», то есть просветительные (якобы) общества на манер польских, начали издаваться «вистныки» и открываться «кныгарни», причем как просвиты, так и вистныки и кныгарни состояли в теснейшей связи с австро-галицкими учреждениями того же имени. Правительство наше недавно закрыло киевскую «просвиту», но в других городах просвиты продолжают благоденствовать. Нашлись хохлы и даже великороссы, которые горой вступились за обиженную будто бы Малороссию, за ее политический сепаратизм, проповедуемый — как это было повсюду — через отчуждение языка и извращение истории. В сильной степени кадетствующая, полу инородческая наша Академия наук дала приют для скверной затеи г-на Грушевского. В то время как на юге работают г-да Грушевские, Левицкие и пр., на севере за тот же расовый разгром России хлопочут разные г-да Шахматовы, Чижевские и т.п. Правительство наше издает циркуляры, но... ведь циркуляры можно не выполнять, не так ли? В распоряжении мятежных стихий имеется гениальное, как яйцо Колумба, разрешение всех циркуляров. Не исполнять их — и баста...

Пятьдесят лет прошло после смерти Шевченко, и для него наступил уже беспристрастный суд истории. Пусть темпераментные южане раздражаются преступными выходками в «Кобзаре», пусть преувеличивают до смешных крайностей значение своего народного поэта. Но что такое был Шевченко в его натуральную величину? Мне кажется, значение его поэзии довольно верно определил Белинский, указавший, что «простоватость крестьянского языка и Дубоватость крестьянского ума» не составляют условий, благоприятных для великой поэзии. В самом деле, при всей чарующей задушевности некоторых дум и песен Шевчен-

ко, при всей прелести, свойственной первобытному творчеству, именно в силу первобытности это творчество не может быть великим. Как ни приятно было бы иметь еще одного великого русского поэта наряду с Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым и Фетом, в отношении Шевченко нельзя установить подобного места. Единственный поэт Украины, он остается второстепенным, как его страна, как вообще остается второстепенной провинция, хотя бы весьма богато одаренная. Шевченко — несомненный талант, но второразрядный, вроде нашего Кольцова или Никитина, вроде Майкова или Полонского, которых муза в лучших вещах достигала удивительной красоты; красоты, но не величия. Шевченко как поэта фольклора можно с восхищением читать и даже волноваться; если вы малоросс, то вместе с Основьяненко ¹[4] непременно скажете: «Хорошо, батечку, хорошо... Сердце так и иока!» Но если вы просто русский, немец, француз, вы не почувствуете тех могучих, поднимающих ввысь ощущений, какие дает великая поэзия Пушкина, Гете, Байрона, Шекспира — на какие бы языки вы ее ни перевели. Дело в том, что *гений* есть нечто державное, свойственное только великому племени, знавшему победы... Поэтический гений может явиться лишь на высоте героического, мирового подъема расы. Только на такой высоте всякое племя может сказать человечеству нечто значительное и вечное. Если данное племя недоразвилось до большой государственности, до большой культуры, если оно навсегда осталось провинцией, составною частью целого, то в нем нет психологических условий для большого творчества. Провинциалу, хотя бы очень даровитому, нечего сказать крупного, пока он находится в кругозоре своей провинции. Вспомните «Кобзаря», вспомните прелестную «Наймычку» или «Катерину» и т.п. Культурные категории, в которые укладываются эти типы и вся их драма, до того местны, до того случайны, до того первобытны, что как-то пропадают в масштабе цивилизации. Такие явления, как, например, чумачество, или крепостное право, или старая солдатчина, — они живописны, но подул новый ветер — и нет их: через пятьдесят лет необыкновенно трудно войти в психологию этих исчезнувших особенностей того быта. Даже гайдаматчина, где более героического элемента,

¹ Квитка-Основьяненко Григорий Федорович (настоящая фамилия Квитка) (1778-1843) — малорусский писатель. В 1817-1828 был уездным предводителем дворянства, далее — председателем харьковской палаты уголовного суда. Автор двухтомных «Малороссийских рассказов» (1834-1837) и романа «Пан Халявский» (1840).

по своей жалкой некультурности не могла дать материала ни для «Илиады», ни даже для «Полтавы». Шевченко был талантливый поэт и художник, художник не менее замечательный, чем поэт, но если бы он обладал гениальным талантом, как Гоголь или Мицкевич, ему пришлось бы, как этим писателям, искать родственного, более великого языка и более высокой культуры. Белорус Мицкевич сделался польским поэтом, Гоголь — русским писателем. Огромные дарования выбросили их со дна жизни. При более мелких способностях они остались бы, подобно Шевченко, краевыми, провинциальными писателями, на творчестве которых, иногда удивительном, всегда лежит печать кустарности. Ни один кустарь, как бы он ни был одарен, не достигает высоты искусства. *Искусство* есть завершение большой культуры. У Южной России (называйте ее как хотите, Украиной или Малороссией) большой культуры никогда не было, ибо не было государственности сколько-нибудь выше зачаточных форм. Ясно, что этот край, как все отдельные части великого русского племени, в состоянии проявить величие лишь в тех условиях языка и мирозерцания, какие дала общая наша история. Гоголь не прогадал, променяв, как художник, полтавскую мову на общерусскую речь. Приняв этот общий знаменатель национального духа, Гоголь стал рядом с Пушкиным, а при полтавской мове остался бы никому не известным Рудым Панько. Украиноманы мечтают о «самостийной» государственности для будто бы 30-миллионного народа украинского. Но если бы были для этого данные, то это давно была бы не мечта, а факт. Малорусское племя в течение четырех веков пробовало сложиться в особое государство, но ничего не вышло: приходилось подчиняться то татарам, то литве, то полякам, то Москве. Бывали у нас русские украины не чета Запорожской Сечи, и те не выдержали. Великий Новгород был огромной и вполне организованной республикой, но и ему, пометавшись между сильными соседями, пришлось сойти со сцены. Более умеренные украиноманы мечтают о федерации автономных славянских народностей. Но что касается русских народностей, подобная федерация уже была испытана и повела к татарскому игу. Прелести федерации можно наблюдать теперь за Карпатами. Чехия, Галиция, Хорватия, Славония и прочие пользуются автономией, но что же толку? Автономия только подчеркивает мелкое строение этих племен: за столет ни одно из них не дало, кажется, ни одного великого челове-

ка. Даже вполне «самостийные» державы, вроде Румынии, Греции, Сербии: что касается культуры, их маленькая государственность дает какие-то карликовые продукты. Провинции вообще остаются провинциями, какими бы королевскими титулами ни награждали их.

Как я уже высказывал однажды, наших яростных украинофилов нельзя считать русскими. Очевидно, в крови их проснулись те тюркские кочевники, которые когда-то терзали Южную Русь, пока не замучили ее до смерти. С бешенством племенной ненависти нельзя Морить; против господ мазепинцев потребна не идейная, а реальная государственная борьба. Но те из южнорусов, которые не отрекаются от общерусской семьи, пусть внимательно прочтут биографию своего «бацьки Тараса». Они увидят, до какой степени сердечно отнеслась Великороссия к украинскому таланту и насколько он был обязан «жестоким москалям». Как ни оплакивают ужасы крепостной неволи Шевченко, ужасы его ссылки и солдатчины — на самом деле все это было до крайности смягчено вниманием и участием к Шевченко тех великороссов, с которыми он сталкивался. Не «москаля», а свои же земляки-хохлы немилосердно секли Шевченко в школе; родной дядя сек его подряд трое суток и чуть было не заporол до смерти. Ничего свыше пастуха или маляра родная Малороссия не обещала дать поэту: так он и погиб бы чабаном. А «свинья Энгельгардт» (помещик Шевченко), как и управляющий его, заметили способности мальчика к рисованию, и тогда, в каторжное будто бы крепостное время, уважили эти способности, послали мальчика учиться живописи в Варшаву, в Петербург. В Петербурге, едва лишь были открыты способности Шевченко, — посмотрите, какое горячее участие принимают в нем такие знаменитости, как Брюллов, Григорович, Венецианов, Жуковский. Стоило крепостному парню обнаружить просто дарование, далеко не гениальное, в живописи — и вот он делается любимцем знати: за ним все ухаживают, собирают средства, выкупают из крепостной зависимости. Посмотрите, как бережно «холодный Петербург» поддержал искорку таланта, чуть было не погашенного в глуши провинции. Графиня Баранова, княжна Репнина, графиня Толстая, князь Васильчиков, граф Толстой друг перед другом наперебой хлопочут за Шевченко и облегчают ему жизненный его путь. Ну а Малороссия? Как она встретила уже прославленного на севере поэта?

С восторгом, конечно, но с каким? «Многочисленное украинское помещичье общество, — говорит один биограф (г. Яковенко), — не могло предложить своему народному поэту ничего лучшего, чем карты или пьянство». В знаменитой Мосевке, куда съезжалось до двухсот помещиков из трех губерний, в Мосевке, которую называли Версалем для Малороссии... Шевченко попал в так называемое общество «мочемордия». «Мочить морду» означало пьянствовать, а «мочемордой» признавался всякий удалой питух: неупотребление спиртных напитков называлось сухомордие или сухорылие. Члены, смотря по заслугам, носили титулы: мочемордия, высокомочемордия, пьянейшества и высокопьянейства. За усердие раздавались награды: сивалдай в петлицу, бокал на шею, большой штоф через плечо и пр., и пр. У Чужбинского читатель, если пожелает, может найти дальнейшее описание пьяных оргий. Такова была атмосфера «ридной Вкраины» в той области быта, где она пользовалась полнейшей самостоятельностью. Разве вместо безобразного пьянства (которое сделалось болезнью Шевченко и свело его в могилу), разве вместо дебошей то же общество не свободно было погружаться в науки, в искусства, в земледелие, в культурный труд? Украинomanы рисуют Шевченко как какого-то пророка и вождя — между тем втянувшийся в пьянство поэт быстро терял и талант, и то культурное развитие, которое дал ему «холодный Петербург». Украинomanы не могут забыть, что крепостного Шевченко как-то высекли. Но уже свободный и знаменитый, под пьяную руку он сам дрался и сек людей. Поссорившись как-то с шинкарем-евреем, Шевченко закричал своей компании: «А нуге, хлопцы, дайте поганому жидови хлесту!» Еврея моментально схватили и высекли. Такова была тогдашняя эпоха: насилия были в обиходе. Если уж оплакивать варварство тогдашней Великороссии, будто бы державшей Украину и ее поэта в неволе, то нелишне припомнить, какова была сама Украина и каков был сам поэт. Когда за политическое преступление Шевченко был сослан в прикаспийские степи, то у всего кацапского начальства, у всего офицерства страшных николаевских времен Шевченко-солдат встречал самое сердечное, самое уважительное отношение. Нарушая закон, то есть рискуя потерпеть тяжелое взыскание, Шевченко-солдата освобождали от службы, принимали как равного в своем обществе, ухаживали за ним, разрешали все, что ему запрещалось (писать и рисовать), всеми мерами

облегчали положение и старались выхлопотать прощение. Вопреки кричащей легенде, ссылка и заточение Шевченко (серьезно им заслуженные) почти всегда были призрачными — до такой степени великорусское общество высоко чтит талант, хотя бы и малорусский, хотя бы враждебный России... У нас, к сожалению, пустые сплетни предпочитают документальным данным. Мне кажется, фанатики украинского сепаратизма окажут себе услугу, если изучат биографию Шевченко: она должна действовать весьма охлаждающе.

Шевченко умер сорока семи лет, то есть годами старше Пушкина, но сопоставьте эти два имени — и вы почувствуете, что такое культурная Россия и что такое она захолустная, провинциальная. Что бы там ни болтали ограниченные умом политиканы, Россию издавать не нужно: она создана — и создана историей не в чигиринском или конотопском горизонте, а в очертаниях мировой державы.

ТРАГЕДИЯ УКРАИНЫ (ИЗ ПЕРЕЖИТОГО В КИЕВЕ В 1918 ГОДУ)

14 (27) января 1918 года я покинул, сдавленный тисками большевизма, Петроград, убежденный в том, что кризис, переживаемый Россией, затяжной, что из оппозиции интеллигенции и шедшей, естественно, на убыль интеллигентской стачки ровно ничего не выйдет. Убийство Шингарева и Кокошкина, разгон Учредительного собрания, стрельба по мирной манифестации интеллигенции 5 (18) января явно говорили о том, что узурпаторы власти в своем стремлении удержать эту власть в своих руках не остановятся ни перед чем, что все преступления старого режима детская сказка в сравнении с цинизмом новой тирании.

После почти трехсуточной езды в поезде, где в нашем купе, вместо 4 человек, помещалось от 12 до 14 человек, где выход был возможен только через окно, где грязь была невероятная, вследствие скученности и необходимости тут же питаться, при невозможности вымыть руки, 17 (30) января, на склоне туманного, зимнего, короткого дня, мы подъезжали к Киеву, причем поезд поминутно останавливался, так как станция Киев I не была свободна. При каждой остановке отчетливо слышны были звуки редкой канонады. Угроза большевиков украинским сепаратистам, печатно высказанная в «Правде»: «... через несколько дней мы возьмем Киев», начала фактически приводиться в исполнение.

Это были первые выстрелы по Киеву армии большевиков, под командой Ремнева. Начался первый акт трагедии Киева за многострадальный 1918 год, какого не было в истории его со времени взятия города Батыем в XIII веке.

И все же теплилась какая-то надежда. Думалось: зажиточный, замкнутый, рационалистически настроенный крестьянин-собственник, украинец или малоросс, сильно разнящийся по своей психике от своего брата «русского», устоит непременно пред соблазном «социализации» земли, объявленной не только Лениным, но и не желавшей отстать в области социологического творчества Центральной Радой, возглавлявшейся профессором

¹ Н.М. Могиланский был сотрудником Музея Императора Александра III. В эмиграции жил в Париже.

М.С. Грушевским. Увы! Одинаковые причины повели к одинаковым последствиям и в коренной России, и на Украине. (Происходя и по отцу, и по матери из южнорусских, малорусских или украинских фамилий, я считаю себя русским по культуре, отечеством своим считаю Россию, а родиной Украину, или Малороссию. В понятие «Украина» не вкладываю сепаратистских вожделений, но и не связываю его с «изменой» как необходимым, по мнению многих, атрибутом украинства. - Н. М.).

* * *

Последовали девять суток борьбы за Киев между большевиками и украинцами, девять суток почти непрерывного боя, то врукопашную, как на Щекавице, то в ружейно-пулеметную на улицах и площадях Киева, с броневиками, осыпавшими пулями особенно нижние этажи домов, причем треск ружей и пулеметов заглушался артиллерийской канонадой с уханьем далеких пушек и разрывами 3- и 6-дюймовых снарядов и шрапнелей, рвавшихся над небольшим, по занимаемой территории, городом, перенаселенным сверх всякой меры благодаря войне и последовавшей за нею революции (жил я в это время на Софиевской площади, у самой колокольни Софиевского собора – пункт очень удобный для наблюдения. Изю дня в день я вел запись всего виденного и слышанного. - Н. М.).

Систематический обстрел Киева начался с 18 (31) января вечером. С 4-го этажа дома № 22 по Б. Владимирской, из квартиры В.А. Жолткевича, в 1919 году расстрелянного большевиками, наблюдал я с друзьями трагически-эффектную картину обстрела Печерска из расположенной за Днепром Дарницы. Красноватая вспышка далекого орудия (верст около 6 по звуку) – и через некоторое время яркая звезда разрыва снаряда, на расстоянии двух верст по звуку: жуткая, незабываемая картина!

Трудно было дать себе отчет в том, кто одолевает в уличных боях. Наступление шло на Печерск и на центр с Подола одновременно, бои шли с переменным успехом, ибо в конце четвертого дня получилось впечатление, будто украинцы одолевают. Говоря вообще, самоуверенности у руководителей защиты Киева было очень много, но действия их отличались бессистемностью, разговоры – бахвальством, и в обывателе они внушали мало уверенности в завтрашнем дне. Числа 21-го или 22 января старого стиля

вошел в Киев Петлюра с тощими рядами украинских войск. На Софиевской площади я слышал произнесенную им перед войсками речь на тему об украинской непобедимости. Потом оказалось, что он просто бежал от большевиков из-под Гребенки. Канонада большевистской артиллерии не смолкала, и это обстоятельство мало давало веры в оптимизм Петлюры.

До какой степени бессмысленны были военные действия украинцев, можно показать на действиях украинской артиллерии, которые мне пришлось весьма близко наблюдать. Часов около 3 дня 22 января (4 февраля н. ст.) на Софиевскую площадь привезена была батарея артиллерии, и началась пристрельная стрельба по позициям большевиков. Во всем фасаде нашего дома, обращенном к Софиевской площади, вылетели почти все окна, ибо ближайшее орудие стояло шагах в 25-30 от подъезда дома № 22. Жутко было ждать ответного огня «неприятельской» артиллерии, ибо две колокольни Михайловского и Софиевского соборов, а также пожарная каланча Старо-Киевского участка не могли не определить с полной точностью положения батареи украинской артиллерии. Для удобства ночного обстрела предупредительно залита была электрическим светом вся Софиевская площадь: стоящие на горе колокольни, освещенные электричеством, должны были маячить на десятки верст Заднепровья.

Кто и как командовал украинской артиллерией, показывает следующий любопытный эпизод. В подъезд дома, где я жил, входит артиллерийский офицер. «Это Софиевский собор?» – спрашивает он у швейцара. «Да, это Софиевский собор», – отвечает швейцар. «Ребята! Здесь!» – обрадовался офицер и отправился размещать пушки на позициях. Вечером, после описанной пристрелки, он опять потихоньку беседовал со швейцаром: «Где тут дорога на Святошин?» – «Так ведь там, барин, большевики в Святошине», – отвечал швейцар. «А мне не все равно, где пропадать?» – сказал офицер, безнадежно махнув рукой... На другой день, еще до рассвета, солдаты-артиллеристы разыскивали офицера Х. Так его нигде и не нашли. Был ли это офицер-большевик или бедняге действительно больше улыбалось погибнуть от большевиков?! На другой день с утра большевистская артиллерия засыпала снарядами Софиевскую площадь, обстреляв ее правильным веером. В районе Софиевского собора я насчитал 13 снарядов, попавших в колокольню, главный храм и другие постройки в ограде собо-

ра; кроме того, мы нашли еще четыре неразорвавшихся снаряда в той же ограде собора.

Испуганное население нашего района бросилось в подвалы, и только немногие, сохраняя полное самообладание, не тронулись с мест. Количество снарядов, выпускавшихся по городу, было очень значительно. В один из дней я записал следующую статистику: начало бомбардировки – 7 ч. утра, конец или, вернее, значительное ее ослабление – 14. ночи – итого 17 часов непрерывной бомбардировки. Число снарядов от 6-10 в минуту. Если даже *minimum* взять за среднюю цифру, то получится в час 360 снарядов, а в 17 часов около 7 тысяч снарядов. В действительности их выпускалось, может быть, и больше.

Население страдало и от недостатка пищи, которую приходилось добывать с опасностью для жизни, и от недостатка света и воды. Кажется, никогда не было сделано попытки подсчитать количество жертв бомбардировки Киева, но они насчитывались сотнями. По ночам, с ослаблением бомбардировки, начинались другие страхи. Безобразничали солдаты – защитники Киева. У жены нашего швейцара отняли хлеб и сало. К нам по ночам систематически ломились в квартиру солдаты с угрозами. Там, где солдат впускали, – пропадали вещи, не говоря уже о превращении квартир в трудноописуемое, грязное, хаотическое состояние. Я видел, что те же солдаты ночью разграбили по соседству небольшую лавочку, взломав замки, и принесли с собой табак, шоколад, чай и сахар, и все это в количестве, превышавшем потребности данного момента. Ни энтузиазма, ни понимания цели борьбы – одно бесшабашное озорство. Никаких разумных надежд на успехи сопротивления в этих условиях быть не могло. Всю ночь на 26 января продолжалась усиленная канонада. Еще утром военный министр Украинской Республики клялся, что положение Киева устойчиво и опасаться нечего, а между 11 часами утра и 1 часом дня вся Центральная Рада, с Грушевским во главе, вместе с правительством Голубовича бежали на автомобилях в Житомир, оставив Киев и его обывателей на произвол судьбы. Около часу дня 26 января канонада стихла совершенно. О взятии города большевиками нас оповестили два солдата из красной армии Ремнева, явившиеся для осмотра квартир и поверхностного обыска. Навсегда в памяти запечатлелись эти два разных лица. Один молодой, юноша лет 18-20, с розовыми щеками и тонким, красивым

профилем, весь обвешанный оружием, убеждал нас: «Не бойтесь – теперь все уже будет хорошо». По лицу его я видел, что он искренне и глубоко верит своим словам: в его наивной, детской душе не было места злобе. Совсем другое впечатление оставлял его товарищ – рабочий Путиловского завода в Петрограде, лет 40, уроженец Новозыбковского уезда Черниговской губернии. Этот, накрест обвешанный пулеметными лентами, весь дышал злобой и мщением. Из рта его, разившего алкоголем, вырывались непрестанно угрозы: «О! Я их всех найду, я их знаю в лицо – офицеров-контрреволюционеров». При этом он выставлял вперед дуло револьвера, целясь в воображаемую жертву. «Поработаем на пользу родины, а потом домой – пахать землю!» Увы! Это не было, к сожалению, простой формальной угрозой, как мне тогда казалось, но об этом будет сказано дальше.

Пока украинские сепаратисты разговаривают с немецкими генералами в Брест-Литовске, опережая Ленина и Троцкого в измене родине и союзникам, мы можем оглянуться на прошлое и в нем поискать корни тех трагических событий, которые разыгрались в Киеве в январе 1918 года и повлекли за собой ряд новых, исторических событий.

* * *

Киев оставлен был на произвол судьбы бежавшими украинскими войсками и властями. Ворвавшиеся в город 26 января большевистские войска, тогда еще скорее похожие на банды, вскоре заставили кошмаром своей «деятельности» забыть кошмар и ужас девятидневной бомбардировки. Зеленые, изможденные голодовкой, бессонницей и пережитыми волнениями, лица обывателей исказились ужасом безумия и тупой, усталой безнадёжности.

Началась в самом прямом смысле этого слова отвратительная бойня, избиение вне всякого разбора, суда или следствия оставшегося в городе русского офицерства, не пожелавшего участвовать в борьбе против большевиков на стороне украинцев. Из гостиниц и частных квартир потащили несчастных офицеров буквально на убой в «штаб Духонина» – ироническое название Мариинского парка – излюбленное место казни, где погибли сотни офицеров русской армии. Казнили где попало: на площадке перед дворцом, по дороге на Александровском спуске, а то и про-

сто где и как попало. Так, мой двоюродный брат, полковник А.М. Речицкий, был убит на Бибикивском бульваре выстрелом в затылок при сопротивлении, оказанном им четырем красноармейцам, хотевшим сорвать с него погоны. Герой Путиловской сопки, трагедии под Сольдау, Прасныша, много раз тяжело раненный и контуженный, – он даже пред лицом верной смерти не хотел, несмотря на все убеждения, снять с себя воинскую форму: так трагически пресеклась 37-летняя молодая жизнь, полная героического исполнения долга.

Кроме офицеров, казнили всякого, кто наивно показывал красный билетик – удостоверение принадлежности к украинскому гражданству. Казнили куплетиста Сокольского, за его злые куплеты против большевиков; казнили первого встречного на улице, чтобы снять с него новые ботинки, приглянувшиеся красноармейцу. Начались повальные грабежи в домах «буржуев», обыски и вымогательства, с избиением недостаточно уступчивых и покорных судьбе. Так подвергся избиению известный городской деятель В. Демченко. Кто и когда еще расскажет о всей циничной пошлости этой разнузданной вакханалии произвола, насилия, глумления и издевательства над личностью мирного обывателя?! «Пойдем с нами щи хлебать, буржуйка! – говорит солдат-красноармеец почтенной даме в присутствии всех членов семьи, расставленных у стенки с приказанием не шевелиться во время обыска. – У! Тебе бы все шампанское лакать!..» – продолжает он, угрожая револьвером, приставленным к самому лицу несчастной жертвы надругательства.

Из обывательских квартир тащили все, что попало, сначала наиболее ценное: деньги, золото и серебро, всякого рода ценности. Богатые заведомо дома, конечно, были ограблены в первую очередь. Я зашел к старому другу, профессору К. Человек спокойный, уравновешенный, сидит в кресле совершенно подавленный, молчит и, наконец, с трудом вытягивает из себя такие слова: «Я на все смотрю равнодушно и спокойно... Кажется, если придут и скажут, что перебили всех моих детей! – я не двинусь с места». К К. заходит почтенный земский деятель, бывший полковник гвардии С. Я никогда в жизни не забуду этой безнадежности на окаменевшем лице, в глазах, из которых почти безумие глядит из опустошенного сознания.

Владелец особняка Б., ограбленный большевиками, отси-

живается в «бесте» в иностранном консульстве; его жена, больная сердечной болезнью женщина, измучена была вечными обысками и постоянной боязнью за судьбу мужа. Преследованию подвергались одинаково и русские, и евреи, и поляки, и украинцы. Среди комиссаров и других агентов большевистской «власти» доминирующая роль принадлежит великороссам, хотя были и украинские большевики, как, например, сын писателя Коцюбинский; евреи при этом не играли ни выдающейся роли, ни численно не превышали других национальностей. Справедливость требует категорически опровергнуть распространенную легенду, будто весь большевизм питается главным образом еврейскими силами. Происходит это от общей аберрации, а также от слишком обывательского стремления найти виновника обрушившихся грандиозных и невыносимых бедствий.

В городах провинциальных, маленьких, с незначительным численно населением, большевизм переживался весьма различно, в зависимости от личного характера стоявших во главе временной власти большевистских диктаторов, ибо трудно иначе назвать тех местных царьков, которые, в буквальном смысле этого слова, являлись хозяевами жизни и смерти, не говоря уже об имуществе обывателей. Так, например, г. Чернигов в этот первый приход большевиков отделался чуть ли не 50 тысячами рублей контрибуции, которых хватило для того, чтобы верховный комиссар мог день и ночь пить горькую, а наряду с этим г. Глухов пережил трудно поддающиеся описанию ужасы. В Глухове полномочным его владыкой был матрос Балтийского флота по фамилии Цыганок. Неудовлетворенный количеством вырезанных помещиков, он велел перебить и перерезать даже детей, воспитанников местной гимназии, как будущих «буржуев». Потом Цыганок случайно погиб, заряжая бомбу, которая взорвалась у него на коленях, причем, умирая, он завещал похоронить себя в склепе местной помещицы фамилии и с подобающим торжеством, для чего красноармейцы выгнали весь город для проводов погибшего диктатора. Кровавый кошмар Глухова еще ждет своего историка.

Киев стали грабить систематически. Наложена была пяти-миллионная контрибуция, моментально, до срока уплаченная тем самым обывателем, который ни одной копейки не хотел дать на защиту города от большевиков. Началась полная дезорганизация кредитных учреждений, куда назначены были безграмотные комиссары.

По городу в автомобилях и на парных роскошных извозчиках с прекрасными фаэтонами и ландо разъезжали матросы и красноармейцы, часто в нетрезвом виде; они сорили деньгами в кафе, ресторанах и игорных домах, окруженные атмосферой кутежа и всяческого дебоша.

Началось быстрое повышение цен на жизненные продукты, ибо крестьяне перестали вывозить что-либо на городской базар, вследствие риска быть ограбленными по дороге первым встречным, кому это было не лень.

Вскоре, однако, появились смутные слухи о том, что украинцы сговорились с немцами и в Киев идут немецкие войска. Слухи эти находили себе подтверждение в поведении большевиков, которые, не чувствуя под ногами почвы, вели себя как калифы на час: грабили, пировали, разоряли и веселились, хоть день, да мой!

Положение обывателя ухудшалось с каждым днем. Сорганизовались шайки грабителей, которые по ночам грабили обывателей, нападая с оружием на дома и их обитателей. Несчастный обыватель, обезоруженный большевиками, лишен был самых элементарных средств самообороны.

Только тогда, когда дня за два, за три до прихода немцев большевики, нагрузив себя всяким добром, бежали из города, в свою очередь, началась организация самообороны. Картина бегства большевиков была весьма оригинальна: казалось, полгорода обывателей уезжают или переезжают на новые квартиры. Извозчики и подводы, груженные всяким домашним скарбом, подушками, самоварами, перинами, стульями.... и все это мчалось второпях, под охраной одного-двух солдат красной армии, вооруженных винтовками.

Ни одного случая сопротивления. У всех, казалось, была одна мысль: бери все – только убирайся поскорее с глаз!

Начало появляться оружие, которым снабжали обывателя. Кто, где и почему его раздавал, мне узнать так и не удалось. Я лично видел только гимназистов, бежавших таинственно на Печерск и тащивших оттуда новые винтовки, патроны, всякого рода военное снаряжение. Матери знакомых семей были в отчаянии, что мальчишки 12-15-летнего возраста превратили свои комнаты не то в музеи, не то в арсеналы; зато восхищение молодежи не знало пределов – каждый чувствовал себя воином, готовым вы-

держат любую атаку и отстоять свое дело и своих близких. Очевидно, растаскивали какие-то цейхгаузы, оставленные без охраны и без присмотра. Грабежи участились в невероятной пропорции. В борьбе с вооруженными налетами отличалась энергией грузинская вольная дружина, которая по первому же вызову по телефону выезжала на помощь с автомобилем, наполненным вооруженными людьми. Грузинам на помощь явились добровольцы из киевской интеллигенции, и обыватель, замученный и затравленный, вздохнул немного свободнее. Все это происходило около половины февраля 1918 года – 11-17 февраля старого стиля (24 февраля – 2 марта нового стиля). Трудно поддается описанию горькое существование обывателя Киева в это совершенно кошмарное время. В одну из последних, перед приходом в Киев немцев, ночей зарегистрировано было 176 нападений на квартиры обывателей. Трудно давалась организация защиты. Избраны были домовые комитеты, которые, раздобыв оружие, занялись организацией самообороны. И вот люди, в жизни своей не носившие ружья, иногда почтенные, убеленные сединами киевляне стали чистить и чинить ружья и обсуждать стратегические методы защиты домов и усадеб от нападения разбойников. Кое-где начали появляться уцелевшие офицеры, взявшие, естественно, на себя организацию защиты и команду над домовыми военными дружинами. Все это было бы смешно, если бы не было в существовании весьма трагично. Дружиной дома № 22 командовал у нас храбрый и энергичный кадровый офицер, Защитник Порт-Артура и заслуженный герой великой войны, П.Г. Сахновский, летом 1919 года тоже расстрелянный в Киеве большевиками. Наш дом стал быстро центром защиты ряда объединенных домов нашего участка, появился полевой телефон, объединявший шесть окрестных дружин, обязанных являться по первому вызову в угрожаемое место.

Защита давала реальные результаты. Припоминаю одно нападение, сделанное по всем правилам военного искусства. С наблюдательного пункта дали знать, что из-за памятника Богдану Хмельницкому на Софиевской площади идет наступление. Подбежав к окну, я увидел, что из-за фонтана на площади ползком движутся цепью вооруженные люди по направлению к нашему подъезду. Началась перестрелка и атака нашего дома. Дверь парадного подъезда, забаррикадированная на ночь дровами, устояла перед напором врага; суматоха в доме была неопишная, к

счастьем для нас, вызванная грузинская дружина прибыла очень быстро, через 10-15 минут сражение было кончено. У нас даже обошлось без потерь; говорили, что нападавшие, которых число определялось в 30 человек, унесли трех раненых. Но это лишь слухи... хотя я видел лично падающих людей.

Много мыслей проносилось в голове моей в бессонные ночи, когда, стоя у забора, отделявшего наш двор от сквера вокруг Софиевского собора, с задачей – стрелять по всякому, кто будет лезть через забор, я отстаивал двухчасовое дежурство в холодные звездные февральские ночи. Часто я задавал себе вопросы: что я буду делать, если действительно кто-нибудь полезет через забор? Ведь допустимо, что это будет человек, который будет спасаться от преследования, а не нападающий враг. К счастью для меня, вопрос этот не был поставлен, а остался лишь в теории... Тяжелые воспоминания! От трагизма создавшегося положения до комизма некоторых житейских переживаний и сцен было очень небольшое расстояние, и тяжкие думы, и настроения разрешались часто иронизированием и насмешкой над самим собой. Это все же скрашивало горькие минуты нервных напряжений. Часто, при свете огарка, где-нибудь в подъезде или подвале пили чай и играли в дурачка. Плакали и смеялись, смеялись и плакали поочередно: кошмарное было время даже в воспоминании!

* * *

Придя в Киев, немцы прежде всего вычистили невероятно загаженный при большевиках вокзал. Вычистили, убрали, декорировали и пригласили вечером на танцы тех торговек, что по принуждению помогали в уборке вокзала. За украинскими войсками, вошедшими под предводительством нового военного министра Центральной Рады Жуковского, численно возросшими, благодаря привезенным из германского плена, с иголки одетым в синие жупаны, новые сапоги и высокие серые папахи, из поддельного барашка, с огромными кокардами украинских цветов, вошли на другой день немцы под командой Линзингена. Продефилировав по городу с музыкой, немцы устроили парад на Софиевской площади и начали устраиваться с обычной немецкой аккуратной педантичностью, порядливостью и неторопливой систематичностью.

В шлемах, при строгой немецкой выправке, размеренным

походным шагом враскачку, двигалась зелено-серая масса пехоты в виде не то какого-то чудовища Tarasc'a, как описывал его А. Доде, не то липкой страшной массы гусениц. Тяжкое чувство испытывал я, глядя на низкорослый ландвер, солдата – уже не того исключительного вида schneidiger Militär, который поражал когда-то своими разводами и парадами на Unter den Linden или у гауптвахты возле Brandenburger Tor. Землистые, усталые лица, обношенное, серое, стального цвета платье, много ленточек Железного креста на груди солдат и офицеров – все это указывало на то, что это уже не первой очереди кадровые войска – гордость Вильгельма, что это же также побывавшие в переделках войска, счастливые теперь своим отдыхом на Украине от ужасов продолжавшейся на Западном фронте бойни. Они явились сюда (на Украину) друзьями, а не врагами: здесь можно будет и отдохнуть, и подкормиться. Лица сосредоточенные, дисциплина образцовая, спокойная приветливость и сознание собственного достоинства.

Как же встретил немцев киевский обыватель? Помню, как очень неодобрительно смотрела с балкона на идущих в стройной колонне немцев наша кухарка Поля (я жил у моего друга присяжного поверенного Евгения Ивановича Фиалковского, в доме № 22 по Владимирской улице, т. е. на Софиевской площади. – Н. М.), героически бегавшая под пулями и шрапнелью ежедневно во все время обстрела Киева. Она сказала с чувством упрека, указывая на рослых, здоровенных, усарых украинцев и низкорослых, невзрачных немцев: «Ось що буває за дурною головою...», тяжело при этом вздохнув. Зажиточный обыватель, так называемый «буржуй», немцев встречал хотя и радостно, но без всякой экспансивности; радость избавления была хотя и искренняя, но без энтузиазма: некоторые дамы совали застенчиво букеты цветов немецким офицерам, но ни подъема, ни восторга мне видеть не приходилось – слишком все устали, да и будущее рисовалось в формах если и не столь ужасных, как только что пережитые, кошмарные дни большевизма, то все же и много неизвестного таило оно в себе. Если найдется кто-нибудь, кто бросит слово осуждения по поводу той радости, которая светилась на отдельных лицах киевских обывательниц больше, чем обывателей, то право на это осуждение принадлежит лишь тем, кто на себе самом испытал прелести соприкосновения с большевиками и все же не пал духом

до желания найти во враге, шедшем на помощь, поддержку против врага, угрожавшего жизни и имуществу обывателя ежеминутно и непрестанно. Нет, по совести, не могу найти слов осуждения органическому, властному зову жизни перед лицом небытия, палача-мучителя с занесенным ножом, с кривой усмешкой циничного, наглого бесстыдства. Не дай Бог пережить эти чувства тем, кто их не пережил, а те, кто их пережил, не забудут никогда!

С появлением немцев, как по мановению волшебного жезла, без всяких угроз или угрожающих объявлений, исчезли всякие грабежи и насилия. Обыватель вздохнул свободно. Даже поздней ночью стало совершенно безопасно гулять по улицам. Открылись театры, синема, рестораны, жизнь заиграла быстрым темпом свою вечную суетливую музыку.

Украинцы-патриоты позволили себе роскошь некоторых диких эксцессов, причем, сколько мне было известно, пострадал один студент-еврей, убитый на Подоле при совершенно неясных обстоятельствах. Во всяком случае, не было тех ужасных картин убийств и казней, какими отличался период большевистского владычества, когда, выходя гулять на Владимирскую горку, я каждый день натыкался на новые трупы, на разбросанные по дорожкам горки свежие человеческие мозги, свежие лужи крови у стен Михайловского монастыря и на спуске между монастырем и водопроводной башней, по дорожкам, покрывающим горку сквера.

Немцы, изголодавшиеся дома, висели толпами над витринами магазинов с съестными припасами, где выставлены были жареные поросята, гуси, утки, куры, сало, масло, сахар и разные сладости и где все это можно было приобрести без карточек и по сравнительно тогда еще весьма дешевым ценам. На базарах по утрам немцы особенно охотно покупали сало. Они с жадностью жевали огромные куски вкусного малороссийского сала: велика была, очевидно, потребность организма в жирах, от недостатка которых давно уже страдала вся Германия.

Деятельность немцев, особенно в первый период, проявилась в прокладывании по всему городу телефонного сообщения для своих военно-полевых надобностей.

С утра до ночи лазали они с кошками на ногах по телеграфным столбам, все опутывая своими сетями – ни дать ни взять пауки ткали свои тенета для ловли жирных украинских мух.

Порядок в городе сохранялся образцовый, немецкая каска

внушала страх перед той силой, которая, чувствовалось, стояла за ней...

Что же делали оставшиеся у власти украинцы – социалисты, чем проявили они свое творчество в момент, когда руки у них были развязаны, под охраной немецких штыков, быстро угнавших свирепых большевиков за пределы украинской территории? Небольшие отряды немцев проникли к концу марта даже в Крым и создали там правительство из местных русских элементов под председательством генерала Сулькевича. Немцы нигде не встретили никаких сопротивлений. Для мирной оккупации огромнейшей территории им понадобилось всего только около 350-400 тысяч человек.

Как, наконец, сложились отношения между немцами и украинцами? На эти вопросы необходимо дать краткий ответ, чтобы понять дальнейшую цепь событий.

* * *

Я сильно сомневаюсь в том, чтобы сами немцы придавали серьезное значение статьям Брестского договора с Украиной, а потом с Россией Ленина и Троцкого. Для дальновидных людей уже, кажется, не было сомнений в том, что почти не оставалось разумной, обоснованной надежды на окончательную, решительную победу немецкого оружия.

Мне передавали, что известный немецкий генерал выразился так, отвечая на вопрос о положении Германии в связи с войной: «Unsere Lage ist glänzend, aber... hoffnungslos». Если немецкий генерал и не говорил этого, то все же в немецком происхождении этого Witz'a сомнения быть не могло и сущность положения Германии он передавал точно и ясно.

Наиболее соблазнительной для немцев частью договора с украинскими социалистами, подписанного в Бресте, были пункты, по которым Украина обязывалась дать немцам 60 миллионов пудов хлеба (муки) и право каждого солдата, несущего службу на Украине, отправлять на родину ежедневно посылку в 12 фунтов весом. Конечно, были у немцев и другие намерения, и они взялись за их выполнение настойчиво и интенсивно. Первая задача была воспользоваться огромными складами военного имущества, и сюда немцы направили много внимания и энергии. Вторая заключалась в широком грюндерстве, которое должно было

опутать прочной стальной паутиной немецкого капитала экономическую жизнь богатейшего края. Такие умные социалисты, как Wiedfeld, знали, что и как делать. Становилось страшно при одной мысли, что этим планам суждено осуществиться.

Но хлеба! Прежде всего: хлеба! С этим Leitmotiv'ом немцы явились в Киев и на Украину вообще. И на этой почве немцы рассорились с кабинетом Голубовича и Центральной Радой, то есть с социалистической сепаратистской властью и украинским «парламентом», страх за хлеб привел к ликвидации немцами и министерства Голубовича, и Центральной Рады. Ибо весьма скоро немцы сообразили, что при хозяйничанье гг. Голубовича и К^о с Центральной Радой во главе – хлеба-то именно они и рискуют не увидеть вовсе. Они сразу поняли, что при сохранении в силе универсала о социализации земли, при заготовленных еще заботами «селянского министра» Чернова земельных комитетах, крестьяне, вместо того чтобы пахать и сеять, будут делить землю. А немцам нужен прежде всего хлеб, а никак не социализация земли. Наконец, хлеб нужно закупить, вывезти и доставить по железной дороге. Дезорганизация же, внесенная Центральной Радой и ее министерством во все области управления, в том числе, конечно, и в железнодорожное хозяйство, угрожала в корне подорвать то жизненное начало и дело, из-за которого только и стоило лишить себя 300-тысячной армии, столь необходимой Германии на ее западном фронте. Резервы Германии быстро таяли от непрерывных боев на территории Франции.

Наконец, и это играло не меньшую роль в охлаждении немцев к сепаратистам «самостийникам», немцы, которым нельзя отказать в том, что они внимательно изучали общественную среду и обстановку, прозрели в Киеве насчет «украинизации». В теории, дома, в концентрационных лагерях, – это было одно, в Киеве, на реальной украинской почве, они нашли нечто совершенно другое; они увидели то, что их самих привело в немалое изумление. «Russland – das verstehe ich, Ukraina – das verstehe ich nicht», – повторял убитый позже в Киеве фельдмаршал Эйхгорн, заменивший вскоре Линзингена. Но об этом я скажу далее, теперь же нужно дать себе отчет в том, кто такие были вновь оказавшиеся у власти украинцы, каковы были их силы и творческие способности, каковы были результаты их деятельности и социального строительства.

Совершенно подобно тому, как Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов являлся самопроизвольным парламентом, да еще облеченным исполнительной властью, державшим в плену Временное правительство, так и Центральная Рада состояла исключительно из левых элементов, украинских с.-р. и с.-д. главным образом, избранных с теми же гарантиями и при тех же технических условиях, что и с.-р. и с.-д. в Петрограде. Отличие было лишь в том, что «министерство» вполне отвечало «парламенту» и в психике, и в мировоззрении – оно, правда, и исходило из недр Центральной Рады. До чрезвычайности типично, что с необычайной быстротой устранены были от дел наиболее почтенные и заслуженные деятели украинской идеи, как, например, ее ветеран, глубоко всеми почитаемый педагог, ученый и литературный деятель В. П. Науменко (Владимир Павлович Науменко был расстрелян большевиками, когда они вторично овладели Киевом весной 1919 года. - Н. М.), назначенный Временным правительством попечителем Киевского учебного округа. Другой почтенный украинец, Н.П. Василенко, был в это время товарищем министра народного просвещения при министерстве акад. С.Ф. Ольденбурга. В.П. Науменко, серьезный ученый-филолог и талантливый преподаватель, годами и десятилетиями отстаивавший в своем журнале «Киевская старина» право украинского народа на культурное развитие, заставивший уважать себя даже таких самодуров центральной власти, каким был жандармский генерал Новицкий; человек, который приобрел для украинцев симпатии таких выдающихся деятелей академической жизни в России, как покойные академики А.Н. Пыпин, А.А. Шахматов, и О.Е. Корш, и ныне здравствующий С.Ф. Ольденбург. И вот этот человек, живой памятник 50-летия киевской культуры, оказался не ко двору у молодой Украины.

Во главе движения стал профессор Львовского университета, ученик В.Б. Антоновича, русский украинец М.С. Грушевский. Антонович – двуликий Янус, с кафедры университета проповедовавший одно и бывший в дружбе даже с Новицким, у себя дома, в кружке избранной молодежи, проповедовавший другое: ненависть к России.

М.С. Грушевский был последователем Антоновича – домашнего учителя ненавистника России (эти сведения я получил от другого ученика профессора Антоновича, известного педагога

в Киеве, летом 1918 г.). Плодовитый писатель, посредственный ученый, привыкший к Австрии и ее конституционному укладу, он примкнул к левым по мотивам непонятным и неизвестным, скорее всего, желая не утратить некоторой своей популярности. А по всему своему существу он был и остается добрым буржуа в буквальном смысле этого слова, любящим комфорт и уединение своей ценной библиотеки.

Дом профессора Грушевского в Киеве, огромное шестиэтажное здание на Паньковской улице, погиб в огне, зажженный снарядами артиллерии Ремнева; в нем, кроме очень ценной библиотеки М.С. Грушевского, погибло тоже ценнейшее собрание украинских этнографических предметов художника-архитектора Кричевского. Пожар дома Грушевского и пожар огромного дома Багрова на Бибиковском бульваре составили одну из грандиознейших картин эпохи бомбардировки Киева, редкой, полной трагизма красоты этого стихийного бедствия. Трудно допустить, чтобы практичный ум М.С. Грушевского разделял увлечения зеленой украинской молодежи в области ее социологических и социалистических экспериментов. Проще допустить, что, дорожа популярностью, он плыл по течению, бессильный оказать ему серьезное идейное сопротивление.

За Грушевским идут три влиятельные в национальных кругах Украины фигуры: В. Винниченко, С. Петлюра и Н. Порш, все приблизительно одного возраста – за 40 лет, все социалисты *de nomine* и совершенно не схожие друг с другом ни по складу ума, ни по темпераменту. Общее у них одно: сепаратистские стремления, исходящие несомненно из очень различных источников их природы. Винниченко – писатель не без воображения и значительно дарования и таланта, наименее их всех национален, по своей сущности, как украинец. По своей страстности и импульсивности это скорее семит, по мистической сложности своей психики это типичный великоросс, где к идеализму славянина подмешан мистицизм финского знахаря, беспокойный Пэр-Гинт с рефлексией Макса Норда, сложное *mixtum compositum* кухни современного европеизма. Человек импульсивный, страстный и опасный, ибо у него нет слабой стороны в виде задерживающих центров. Ему приписывают формулу: «Украина не хочет самостийности. Тем хуже для нее – пусть пройдет через чистилище большевизма, если это необходимый путь к самостийности». И он действительно, не смущаясь, шел на соглашение с большевиками.

Симон Петлюра – трагический символ современной Украины, гораздо более национален; это упрямый «хохол», несколько тупой, хитрый, недоучка и самоучка, но человек с настойчивостью, характером и огромным честолюбием, отравленный ядом случайно свалившейся в руки власти. Не теоретик и не мыслитель, он один умеет организовать и действовать. Черты гайдаматчины живы в нем, и немцы знали, кто им может пригодиться в соответствующий момент, ибо Петлюра искусно ориентируется в трудных положениях, умеет влиять на людей и организовать их. Самый умный, рассудительный, расчетливый, наиболее теоретически и политически подготовленный, наиболее дальновидный, скрытный и по-крестьянски себе на уме, хотя и не из крестьянской среды, часто остающийся в меньшинстве и замыкающийся в сознании своей правоты и превосходства, Н.В. Порш раньше других уловил необходимость ориентации самостийников на Антанту, хотя раньше был убежденным германофилом. Другие фигуры украинских самостийников менее яркие и определенные, поэтому они и менее определялись в практической политике и деятельности. Интереснее других А. Мациевич, образованный агроном, В. Леонтович (не социалист), писатель-беллетрист и украинец-индивидуалист, С. Ефремов, публицист и историк литературы, трудолюбивый работник и постоянно шедший вперед мыслитель.

В общем, у власти оказалась молодежь социалистически настроенная: Д. Антонович – прямолинейный националист, способный, но ленивый, А. Шульгин – работающий и способный молодой сепаратист, Ткаченко – украинец англозированной внешности и слабой мысли, Голубович, о котором речь еще впереди, и другие еще менее известные своей деятельностью фигуры и лица.

Из военных сколько-нибудь выдавался, как политически воспитанный, украинец по симпатиям, генерал Оберучев, но это был умеренный с.-р. и не шовинист, и его смысла, так же как и В.П. Науменко, волна левизны и крайнего национализма.

Какие же в этих условиях могли быть плоды мирной работы, общественного строительства? Рассчитанные на успех звонкие фразы, где поносился русский (московский) централизм, – на них делал свою карьеру М.С. Грушевский. Универсал о самостоятельности Украины как плод усилий закулисной деятельности В. Винниченко и его компании. Универсал о социализации земли как легкий и дешевый продукт коллективного творчества. В

практической сфере деятельности все это сводилось к жалкой борьбе с безобидными вывесками, которые перекрашивались в национальные цвета – синий и желтый – и переводились на украинский язык. Много и долго возились с красивым, ампирным двуглавым орлом на здании Педагогического музея на Большой Владимирской улице, выстроенном С. Могилевцевым и захваченном Центральной Радой вопреки всякому закону. К зданию в стиле ампира никак не подходил новый украинский государственный герб, так называемый знак Владимира Святого – в виде трезубца: сделали несколько проб и, по счастью, бросили это бесплодное усилие. В существе своем все начинания сводились лишь к крикливым декларациям, выбрасыванию известных флагов, лозунгов, в области же практики и реальных житейских отношений, возьмем ли мы область управления, суда, землеустройства, ровно ничего не было сделано, кроме введения украинского языка в делопроизводство.

Так же, как и в коренной России, социализация земли кончилась грабежом имений, насилиями, издевательствами, иногда убийством помещиков. Так, например, в Черниговском уезде была зверски убита целая семья помещиков Комаровских из 12 человек. Когда тяжело раненные, недобитые несчастные умоляли дать воды, убийцы отвечали: «Подохнешь и так»... В семи верстах от Чернигова убиты были мои родственники, отец и сын Дзвонкевичи. Моему двоюродному деду, старику, было 93 года, а его сыну за 60 лет, причем этот последний более 30 лет своими руками обрабатывал свою землю, пахал, косил, вставал с восходом солнца, словом, целиком жил обычной жизнью заправского крестьянина.

Людей убивали, усадьбы горели и разорялись, а социализация оставалась пустым звуком. Украинские крестьяне, собственники земли, особенно зажиточные, а таких на Украине было весьма много, были поголовно против опасных затей социализации, так же как и против земельных комитетов, но, боясь мести, молчали и не возражали против создаваемого озорства и безобразий: раздела скота, хлеба, помещичьих экономий и пр. Когда мне лично приходилось беседовать с теми из них, кого я знал с детства, они потихоньку признавались: «Мы бы вам всех их выдали, смутьянов и грабителей, только на одном условии: чтобы они больше к нам не вернулись». Боязнь мести определяла весьма многое в отношении к происходившей кругом анархии.

По моему глубокому убеждению, украинские социалисты во всей области законодательства обнаружили не больше творчества, чем их товарищи большевики в период их сидения в Смольном институте. У них не хватило храбрости быть последовательными до конца на манер большевиков, но все же к чести их нужно сказать, что они не действовали террором, пыткой и расстрелами. Бессильные прекратить анархию, которую они сами вызвали своим наивным «законодательством», они – и в этом их огромное отличие от большевиков – не обагрjali еще тогда рук своих ни поощрением, ни одобрением, ни моральным участием в кровопролитии. Но в украинской интеллигенции сказалась общая черта с русской интеллигенцией: партийное доктринерство вытравило всякое представление о реальных жизненных взаимоотношениях явлений, и, упрямо губя свою родину и свое собственное будущее, украинцы, как и русские, создали себе кумиров из сухих формул и лишенных внутреннего содержания форм и трафаретов.

Пользуются ли национально настроенные украинцы доверием широких масс населения, во имя которых они действуют и именем которых так часто злоупотребляют? Пользуется ли «украинизация» симпатиями широких масс населения Украины? Нужно раз хотя бы высказать ту истину, что в той исторической стадии, в какой жило тогда население Украины, оно было более чем равнодушно ко всяким попыткам и затеям украинизации. Украинцы слишком много лгали на эту тему. Городская демократия к украинизации школы, например, относилась просто отрицательно. Как показали грустные события и переживания Киева, Харькова, Одессы, население городов везде имеет явную склонность к большевизму, а деревня везде жаждала одного: земли!

Тот, кто обещал землю, и являлся властителем деревни. И впредь проблема власти остается открытой в той же плоскости: только тот создаст власть и на Украине, и в России, кто укрепит право на землю за крестьянством и создаст гарантию от социализации и всяких видов экспроприации.

Украинские эсеры, составлявшие большинство в той массе интеллигенции, или, лучше сказать, полуинтеллигенции, которая служит в земствах, кооперативах, чиновниками в разного рода правительственных учреждениях и т. п., обещали всю землю крестьянам. Это единственное действительное средство получить голоса деревни. И это нужно иметь в виду для понимания дальнейших развернувшихся событий.

Если еще нужно беспристрастное свидетельство полного провала идеи украинизации и сепаратизма, то следует обратиться к вполне надежному и беспристрастному свидетельству немцев, которые были заинтересованы углублением украинизации для успеха расчленения России. Через два месяца пребывания в Киеве немцы и австрийцы, занимавшие Одессу, посылали обстоятельный доклад в Берлин и Вену в совершенно тождественной редакции. Немецкое высшее военное командование, составившее этот доклад (я имел его в руках только на 1/2 часа и имел возможность лишь бегло просмотреть этот обстоятельный и интересный документ), доносило, что из всех учреждений на Украине единственно стоящее на высоте задачи и имеющее авторитет среди населения – это суд и его деятели, все же остальное далеко не на высоте задачи. Если немного усовершенствовать устаревшие в некоторых областях законы, то, опираясь на суд и военную силу, можно управлять страной. Далее доклад красноречиво доказывал, что существующее правительство не в состоянии водворить в стране необходимый порядок, что из украинизации практически ничего не выходит, ибо население стремится к русской школе и всякий украинец, поступающий на службу, хотя бы сторожем на железную дорогу, стремится и говорить, и читать по-русски, а не по-украински. Общий же вывод был тот, что желательно объявить открыто и легально оккупацию края немецкой военной силой. Это было в 20-х числах апреля 1918 года.

Да и в практике своей немцы мало внимания и уважения уделили украинскому языку: люди практики, они видели, что все население прекрасно понимает русский язык, а потому объявления свои они печатали на русском языке, если учились, то учились русскому, а не украинскому языку и т. д. Пробежав вышеупомянутый документ, я понял, что дни Центральной Рады и министерства Голубовича сочтены.

* * *

Вокруг генерала Павла Петровича Скоропадского сгруппировались все антисоциалистические элементы Украины, начиная от крупных помещиков и кончая мелкими земельными собственниками – крестьянами-«хлеборобами», все политические партии правее социалистов, начиная от кадетов. Это был достаточно сплоченный антисоциалистический блок без партийных разно-

мысли и без национальной розни. За ним пошли и русские, и евреи, и украинцы, и поляки, и кадеты, и октябристы. Но что бы ни говорили враги Скоропадского, в основе организации «хлебоборов», которая на съезде 29 апреля объявила генерала Скоропадского Гетманом всея Украины, была сильная группа настоящих крестьян-собственников, для которых смертельной угрозой был универсал о социализации земли. Переворот от народной Украинской республики к гетманству мог совершиться, конечно, только при содействии и с согласия немецкой власти, так как какими-либо собственными реальными силами генерал Скоропадский не располагал. Сделано все было чрезвычайно аляповато и грубо: немцы даже не соблюли *desogut'a* нейтралитета. Дело с внешней стороны обошлось так. В теплый, благоуханный апрельский день, около трех часов пополудни, к зданию, где заседала Центральная Рада, т. е. к Педагогическому музею на Владимирской улице, направились небольшие отряды немецких солдат. Двумя шеренгами солдат, поставленными поперек широкой улицы, отгородили участок против Педагогического музея – первый со стороны Фундуклеевской улицы, второй – от Бибиковского бульвара: подходы к зданию, где заседала Центральная Рада, были отрезаны. Небольшой отряд немецких солдат под командой офицера вошел в здание Центральной Рады. Через час или *maximum* 1 1/2 из здания Рады был выведен арестованным премьер Голубович и увезен в карете вниз по Фундуклеевской улице. Я наблюдал за этими наружными операциями, стоя на углу Фундуклеевской и Владимирской улиц, в рядах небольшой группы лиц, случайных прохожих и выбежавших из кафе отеля «Метрополь» с противоположного угла по диагонали. Было около четырех часов дня, послеобеденное для киевлян время. Ко мне подошел присяжный поверенный В., бывший очевидцем того, что произошло внутри здания Центральной Рады, так как мой знакомый был в числе публики, присутствовавшей на открытом заседании Рады. Вот рассказ очевидца, постороннего наблюдателя:

«Маленький отряд вооруженных немецких солдат вошел в зал заседания Рады, оставив стражу у всех выходов залы. «Руки вверх!» – скомандовал немецкий офицер. Все подняли руки, кроме профессора М.С. Грушевского, который, смущенный, остался сидеть на председательском кресле. Выпустили сначала публику, проверяя документы, потом членов Рады, задержали только некоторых членов правительства» .

Потом я узнал некоторые подробности. Не обошлось без издевательства. Так, министра иностранных дел – 20-летнего юношу, студента 2-го или 3-го курса, – поставили лицом в угол и велели не двигаться. Был произведен обыск, выемка документов, причем обыску подвергся и стол председателя Рады, профессора М.С. Грушевского.

После увоза немцами премьера Голубовича я поднялся вверх по Владимирской на Софиевскую площадь. Туда скоро хлынула с Крещатика по Софиевской улице значительная толпа народу и скоро подъехал в автомобиле генерал П.П. Скоропадский, только что прокламированный «хлеборобами» гетманом. Он был в черной черкеске с Георгиевским крестом на груди. Его стройная, красивая фигура и красивый, римский профиль производили свой эффект. На площади перед колокольной Софиевского собора отслужен был молебен. Картина была очень красивая при мягких лучах на закат стоящего весеннего солнца. Голубое небо, свежая весенняя зелень... серьезный и торжественный звон колоколов...

Долго не расходились толпы любопытных городских обывателей, среди которых выделялись группы серьезных, настоящих крестьян – «хлеборобов». В настоящих, бытовых своих костюмах, с «вышиваными сорочками» и в «чемирках», они долго еще служили предметом всеобщего внимания.

К ним подходили, их расспрашивали, говорили они настоящим народным, образным, часто полным юмора, украинским языком. Такими же были, наверное, и их переяславские предки, заключившие договор с Россией. Много уравниловности, спокойствия, привычки к невзгодам и упорному труду выражали эти настоящие хозяева Украины.

* * *

Так чисто и гладко, без единого выстрела с чьей бы то ни было стороны, ликвидирована была Центральная Рада, к общему удовольствию особенно киевлян, которые относились к украинскому парламенту с нескрываемым недружелюбием, ничего путного от него не ожидая. Переворот произошел мирно и без пролития крови. Украинские социалисты бросились к всемогущему, умному генералу Гренеру, умоляя его оставить им власть. Мне пришлось слышать, категорически утверждать этого не берусь,

что украинцы вели себя без всякого достоинства, приносили в жертву свою программу, особенно земельную, но генерал Гренер остался неумолим и отвечал украинцам: «Zu spat!»

Переворот, как мы видели выше, вовсе не нуждался в военной организации, об этой стороне дела, почти не требовавшей усилий, позаботились немцы.

Но гражданские силы заговора собирались так открыто и свободно, что у нас в квартале об этом, что называется, щебетали «воробьи на крышах».

Организация власти не давалась в руки неопытным абсолютно в политической жизни провинциальным профессорам, ученым, земцам и разного рода чиновникам.

Долго еще возились на «конспиративной» квартире д-ра Ю.В. Любинского с составлением «министерства».

Наскоро объявленного председателем Совета министров доброго и симпатичного любителя лошадей Н.Н. Сахно-Устиновича (он был потом расстрелян большевиками) сменил скоро временный премьер профессор Н.П. Василенко, а тем временем послали гонцов разыскивать намеченного в постоянные премьеры известного земского деятеля Федора Андреевича Лизогуба, который очень медлил со своим приездом в Киев. Нескоро, однако, кабинет окончательно сконструировался (первый кабинет был в таком составе: председатель Совета министров и министр внутренних дел Ф.А. Лизогуб, министр юстиции – М.П. Чубинский, министр народного просвещения – Н.П. Василенко, министр финансов – А.К. Ржепецкий, министр земледелия и продовольствия – Ю.Ю. Соколовский, министр промышленности и торговли – С.М. Гутник, министр труда – Ю.Н. Вагнер, министр здравоохранения – Ю.В. Любинский, Государственный секретарь – И.А. Кистяковский, военный министр – генерал Рагоза, министр иностранных дел – Д.И. Дорошенко, министр путей сообщения – инженер А.И. Бутенко, министр исповеданий – В.В. Зеньковский. – Н. М.) и приступил к своей работе.

* * *

События развивались с такой фееричной быстротой, что за ними трудно было поспевать мысли и психике неподвижного и не привыкшего к политическому мышлению обывателя, а жизнь требовала решения на каждом шагу.

Как смотреть на *coup d'état*, в центре которого стояла фигура генерала П.П. Скоропадского? Идти или не идти работать в создавшихся условиях?

«Немецкий ставленник!», «Изменник России!», «Изменник Антанты!». Не было, кажется, достаточно сильно клеймящих эпитетов в устах непримиримых, прямолинейных российских патриотов. В. В. Шульгин и его единомышленники покинули Киев и уехали на Дон.

Менее прямолинейные подходили к вопросу спокойнее, стараясь оценить объективно сложившиеся обстоятельства и создавшуюся общую обстановку и в них искать выхода в будущее. Рассуждали приблизительно так:

1) Не мы виновны в появлении немцев. Но немецкая оккупация Украины – объективный факт, которого никак не выкинешь из истории Киевской Руси.

2) Немцы согласны на образование местного правительства из умеренных элементов. Они берутся своими силами обеспечить порядок внутри, не допустив разлития большевизма и оградив Украину от его проникновения извне.

3) В случае отказа в сотрудничестве немцы, очевидно, объявят Украину легально оккупированной страной. Мы не в состоянии, совершенно бессильны оказать какое-либо сопротивление иноземной силе. Немцы, как это было в Бельгии и в Польше, вывезут все, что только можно: и в первую голову хлеб и все огромные запасы и склады военного материала и имущества, которым набиты были интендантские склады Украины. И это последнее едва ли в интересах края и будущей России, вера в которую не покидала, едва ли это также в интересах Антанты и незаконченной еще войны, ибо борьба самая ожесточенная и тяжкая на западном фронте еще продолжалась.

Сомнения, как известно, громадным большинством разрешены были положительно, то есть в сторону сотрудничества и поддержки генерала П.П. Скоропадского.

* * *

В каких чертах рисуется нам образ генерала П.П. Скоропадского? Постараюсь в общих, объективных чертах изобразить его портрет, хотя всякий поймет трудность такой задачи.

Потомок стародубского полковника Скоропадского, быв-

шего гетманом Украины с 1708-го по 1722 год, крупный помещик Черниговской и Полтавской губерний, женатый на дочери генерала П.П. Дурново, воспитанник Пажеского Е. И. В. корпуса – Павел Петрович Скоропадский и по рождению, и по воспитанию, и по службе, и по связям принадлежит целиком придворной русской аристократии, той части русского или украинского дворянства, которая делала карьеру при дворе.

Состояние Скоропадского хотя и уступало по размерам состоянию Сумароковых-Эльстонов, Белашевых, Строгановых, но все же стояло в ряду первых мест, далеко уступая, однако, крупным состояниям известных американских миллиардеров. Несмотря на богатство и знатность рода, П.П. Скоропадский может быть причислен к демократам по взглядам и убеждению: это человек, искренне и глубоко любящий украинское крестьянство, среди которого он вырос, где выросло и окрепло его самосознание как украинца.

Если прибавить к этому его доброту, постоянное и искреннее желание прийти на помощь, приветливость и подкупающую наружность, то станет весьма понятной способность его привлекать сердца и симпатии окружающих людей. Человек личной храбрости, хотя и нервный, это в то же время человек риска и фаталист – таким сделало его, вероятно, военное ремесло.

Нечего, конечно, и говорить о том, что к той роли, какую ему навязал слепой каприз истории, П.П. Скоропадский ни в каком отношении подготовлен не был и уже, конечно, не мечтал о воскрешении из прошлого и отжившего – исторической археологии – гетманства, когда после развала фронта в 1917 году осенью с трудом добрался до Киева. Был лишь один момент, определявший будущее: порученная ему центром украинизация корпуса свела его в украинскую среду, в круг офицерства, националистически настроенного.

Эти сильные переживания были последними впечатлениями, увезенными им с рассыпавшегося фронта.

С другой стороны, тянули связи, привычные отношения с придворной знатью и петербургской аристократией.

Мягкий до бесхарактерности, доброжелательный до легкомыслия, он всем хотел сделать добро и приятное, а потому в жизненных, глубоких противоречиях не умел выдержать строгую и определенную линию поведения.

Если прибавить к этому весьма сложную политическую конъюнктуру, в которой родилась Народная Украинская Республика, вспомнить, что восприемницей гетманства была Германия, то из сказанного ясны будут все те исключительные трудности, какие предстояло урегулировать Гетману «Всея Украины». Тут нужен был исключительной проницательности и широкого политического кругозора ум и специальные дарования, которых не доставало Скоропадскому.

Окруженный льстецами и часто ничтожными людьми, он, привыкши к этой атмосфере, не замечал ее исключительной неуместности в переживавшийся тяжкий момент. И все же всегда и везде он оставался тем, чем был, т. е. совершенным джентльменом в английском понимании этого слова. В не столь сложное, ответственное время он был бы, думается, неплохим конституционным правителем. Если мотивы самолюбия и честолюбия могли играть роль в той исторической драме, где центральной фигурой был П.П. Скоропадский, то мы, конечно, не должны забывать, что покупалось все это недешевой ценой. Не у всех даже хватало и не у многих хватило бы храбрости возложить на свои плечи бремя гетманской власти.

Нельзя поэтому не одобрить тех, кто решил разделить с П.П. Скоропадским бремя этой власти.

Первым за себя и положительно решил этот вопрос профессор Киевского университета Н.П. Василенко, бывший товарищ министра народного просвещения при Временном правительстве в Петербурге, принадлежавший к партии кадетов и умеренный националист-украинец.

Человек в высшей степени честный, спокойный и добросовестный, он много труда положил на формирование первого кабинета министров Скоропадского, куда и вошел министром народного просвещения и временно премьер-министром и министром иностранных дел. Впоследствии председатель Сената, он пользовался все время большим влиянием у Скоропадского и значительным авторитетом в Совете министров.

Человек чистый, лично ничего не искавший, культурный украинец и друг России, он, к сожалению, мало импонировал немцам, не находил достаточно твердости в сношениях с ними. Работал он чрезвычайно интенсивно, спокойно, стараясь создать мирные отношения между украинцами и русскими.

Федор Андреевич Лизогуб, сразу намеченный в премьер-министры, происходил из старой украинской фамилии Черниговской губернии. Земец-октябрист, хорошо знавший земское дело, русский человек до мозга костей, он оказался слабым в руководстве работами кабинета и недостаточно дипломатом для чрезвычайно запутанного и ответственного момента в положении Украины, в ее чрезвычайно деликатных и сложных отношениях с Германией, Антантой и, главное, с Россией. Под его председательством Совет министров больше похож был на земское собрание. Заседали чуть не ежедневно с 9 часов вечера до 2-3, иногда до 5-6 часов утра, тратили много времени на решение элементарных вопросов, но не было никакого плана законодательной работы, как не существовало и определенной, стройной, выдержанной политики ни в области экономической, ни в области внутреннего управления. Каждое ведомство работало по-своему, не считаясь со смежными, законодательствовали случайно, *au jour le jour*, и, когда накладывали законодательную заплатку на какую-нибудь случайную дыру законодательного кафтана, непрочная ткань его расплзлась по соседству.

Так, например, министр юстиции М.П. Чубинский все свое внимание сосредоточил на создании Сената. Сенат и был действительно создан чуть ли не из 3/4 бывшего Сената Российской империи, что для Украины, жившей под иностранной оккупацией, было ненужной роскошью, а на местах не было судебных следователей, и преступность росла и развивалась благодаря безнаказанности преступления.

Целый ряд обвинений сформулирован был Министерством промышленности и торговли против Министерства путей сообщения, которое, по словам доклада В.А. Ауэрбаха, «организацию – первое требование железнодорожного хозяйства – заменило украинизацией» – намек на крайности в этом направлении, практиковавшиеся в ведомстве вопреки серьезным интересам дела. В другом ведомстве, наоборот, хорошим тоном были насмешки над «украинской мовой» (языком). Словом, примеров отсутствия плана и единства в действиях можно было бы набрать сколько угодно.

Если подвести итоги деятельности первого министерства гетмана Скоропадского с мая до половины октября, т. е. за период времени около полугода, то министерство это выступает перед нами со следующими чертами:

1. Министерство это не было сепаратистским или антирусским. Оно жило надеждой на возрождение России и всеми силами хотело помочь России на пути к этому возрождению. (См., например, такой документ, как записка 10 министров от 10 октября 1918 г.) В работе этого министерства принимали участие между многими другими лицами русского происхождения и направления: С.Н. Гербель, Г.Б. Афанасьев, Г.Г. Лерхе, сенатор С.В. Завадский, Сементовский-Курилло, фон Замен, обвинение которых в измене России не только фактически не может быть обосновано, но и просто неумно.

2. Министерство это всеми своими силами старалось поддерживать Украину в ее борьбе с анархией и дать простор развитию ее культурных сил. И вместе с тем оно отнюдь не было антиукраинским, в чем его обвиняли с другой стороны. Не следует придирааться к частностям. Вообще же было дано много доказательств уважения к украинскому языку и слову. Много доверия было оказано украинским силам, и не вина гетмана Скоропадского и его министров, если Украина оказалась очень бедной культурными силами, необходимыми для созидательной работы. Для ответственной работы требовалось много специальных технических знаний, а потому для занятия некоторых видных и важных постов приходилось по необходимости обращаться к неукраинским элементам. Виновата в этом вся предшествующая история, а никоим образом не Скоропадский.

3. В основе своей направление гетмана Скоропадского и его министерства было либерально-демократическое. Преследовались цели, принимались меры, имевшие в виду благо всей массы населения, всех его слоев и классов. Правда, Министерство внутренних дел иногда прибегало к мерам репрессивного характера, но время было такое, что всякая мягкость (а ее со времени революции было проявлено слишком много, а последствия ее оказались совершенно фатальными) принималась за признак слабости власти и поднимала настроение у тех элементов, которые противопоставляли себя власти. Так, например, демагогические, а не демократические в своей основе городские думы тяжелым камнем фатально, быть может сами того не замечая и не отдавая себе в этом отчета, тянули в пучину большевизма. Обвинения в недемократичности, реакционности, империализме и т. п. у нас распространяются с легкостью паразитической и вместе с легко-

мыслием, которое в своей наивности было бы еще простительно, если бы часто не было совершенно преступно.

У нас вообще в моде всякого рода обвинения и малообоснованные, огульные суждения. Сколько самых злостных выпадов, обвинений, малообоснованных и часто вовсе недобросовестных, было высказано в печати по адресу генерала П.П. Скоропадского! Я пишу эти строки, отнюдь не имея в виду апологии генерала Скоропадского, сделавшего ряд больших промахов и огромных ошибок, но я предложил бы его обвинителям задать себе следующий вопрос: что приобретал генерал Скоропадский, идя в совершенно исключительно тяжких условиях на роль гетмана? Удовлетворение честолюбивых замыслов? Но это покупалось слишком дорогой ценой.

«Жизнь моя личная была сплошным адом в период гетманства», – писал мне П.П. Скоропадский в начале 1920 года из Швейцарии.

И те, кто видел и действительно умел наблюдать условия жизни в Киеве, скажут, что в этих простых словах нет преувеличения. Скоропадский пошел на шаг, на который другие не рискнули. В этом шаге, что бы ни говорили, был элемент сознательной жертвы.

Рисковать ежеминутно своей жизнью – этому могла научить генерала Скоропадского только 3-летняя война, активным участником которой он был в самых ответственных местах фронта. Обстановка, повторяю, была исключительно трудная.

«Если бы мне пришлось повторить опять всю историю, я, по совести, не мог бы поступить иначе, чем я поступил», – писал мне в другом письме П.П. Скоропадский.

При личном, более близком знакомстве с П.П. Скоропадским, которое относится к концу 1919-го и началу 1920 года, я нашел в нем человека, который:

- 1) совершенно искренне ненавидел старый режим;
- 2) проводил идею децентрализации, а не сепаратизма (с тех пор П.П. Скоропадский, к сожалению, эволюционировал сильно в сторону сепаратистских симпатий. – Н. М.);
- 3) считал совершенно необходимым создать условия для свободного развития украинского народа, ибо он верит в существование, даже в настоящий момент, культурных сил на Украине.

П.П. Скоропадский утверждает, что он все свое личное влияние употребил на радикальное решение аграрного вопроса в пользу крестьян, и он всегда с горечью говорит о тех элементах на Украине, которые оказали оппозицию и противодействие проведению на Украине аграрной реформы в интересах широких масс крестьянства.

Не забудем и того, что период гетманства был временем полной национальной терпимости и признания равноправия национальностей.

Не были ли приняты все меры, чтобы приютить всех бежавших из коренной России от террора большевиков, спасти их имущество и жизнь, сохранить, по возможности, больше культурных сил России?

В Киеве происходило формирование так называемой Южной армии для борьбы с большевиками, поддержанной затем, после соглашения с генералом П.Н. Красновым, и оружием, и деньгами

Наконец, гетманский период не знал вовсе еврейского вопроса, как такового, со всеми его отвратительными чертами: не было ни еврейских погромов, ни каких-либо иных преследований на религиозно-национальной почве. Некоторые дикие выходы украинской прессы гасли в атмосфере, неблагоприятной для культа национальной розни. Наоборот, защита интересов евреев, как равноправных граждан Украины, велась определенно и в очень настойчивых выражениях перед лицом австрийского военного командования, где иногда обнаруживались тенденции к средневековым мерам по отношению к еврейскому населению (в архиве Державной Канцелярии должны были сохраниться по этому вопросу весьма интересные документы. - Н. М.).

Да, Скоропадский взялся за задачу, которая требовала и более сильной воли, и более ясного творческого понимания, и совершенно исключительной твердости в борьбе с малосознательными элементами населения. Не он создал события, а события создали его.

Справедливы ли поэтому упреки, адресуемые Скоропадскому? Этот упрек в равной мере падает на все антибольшевистское движение и все белые фронты одинаково. Внутренняя логика событий, процесс социальный – в ходе русской революции были бесконечно сильнее как усилий отдельных лиц, именами кото-

рых возглавлялись местные попытки реакции против большевизма, так и всей идеологии интеллигентной России, которая с негодными средствами пыталась бороться со стихией. Этой стихией владели и овладели одни только большевики, и это потому, что они сразу же влились в ее мощный, разрушительный поток и пошли по течению за стихией и далее, накладывая свой штемпель там, где им того вовсе и не хотелось. Таков, например, Брест-Литовский мир.

Украина и украинский народ слишком мало отличались от России по культурным условиям, а потому так же фатально, как Россия, Украина сделалась добычей большевиков.

Раньше других генерал Скоропадский стал жертвой исторической неизбежности. Часто колеблющийся, неустойчивый, он все же, хотя и разбитый, не заслуживает того морального осуждения, которое на него так охотно возлагают. *Primus inter pares* в несчастье и неудаче. Ответственность за эту неудачу ложится морально и на всех нас. Последствия ее, как крест свой, мы несем тоже, как и те, кто временно сиял наверху.

В положении Украины были черты, которые не позволяли питать особого оптимизма насчет будущего. В Киеве остался написанный мною в июле 1918 года литературный документ, предназначенный для французской прессы, известный группе моих друзей, где на основании анализа положения «самостийной» Украины я предсказывал скорую трагическую развязку и приурочивал ее определенно к моменту победы союзников над немцами на Западном фронте. Отнюдь не с целью подчеркнуть здесь свою прозорливость, упоминая я об этом, а исключительно для того, чтобы подчеркнуть основную и роковую ошибку в оценке положения деятелями гетманского периода на Украине. Даже такие несомненно умные люди, как И.А. Кистяковский и др., были убеждены непоколебимо в торжестве немецкого оружия. «Немцы в августе возьмут Париж, я в этом убежден», – говорил Кистяковский. И это убеждение, к сожалению, разделялось почти всеми.

Не этой ли атмосферой объясняются известные заявления П.Н. Милюкова, сделанные им в Киеве. А если такой опытный политический деятель и глубокий знаток международных отношений мог ошибиться в оценке политической конъюнктуры, то насколько это простительнее людям менее широкого опыта и кругозора.

Я чувствовал себя глубоко одиноким в своем непоколебимом убеждении в близком, конечном разгроме немцев. И для этого убеждения были несомненно не одни теоретические соображения и выкладки, а и более реальные, объективные признаки. Я внимательно и пристально следил за немцами, их психикой, тем, что и как они делают и что они говорят. Я раньше имел много случаев наблюдать немцев, и теперь я сравнивал то прежнее, что я знал о них, с тем, что я видел в то время в Киеве. Я ясно и отчетливо наблюдал их усталость и какое-то едва уловимое смущение. Даже когда они веселились, с них не сходил какой-то налет глубокой грусти. Если вы долго, серьезно и спокойно развивали им мысль о безнадежности затеи мирового господства, с их уст срывались тонкие фразы: «Unsere innere Lage ist sehr schwer». Мне казалось, что я верно оценивал значение ее: неудачи на фронте (о которых ничего не было известно в Киеве) вызвали опасения за внутреннюю устойчивость империи.

Из указанной выше основной ошибки русских политических деятелей на Украине проистекали ошибочные выводы: 1) Украина может рассчитывать на немецкие войска до формирования своей, новой армии; 2) Украине предстоит длительный период самостоятельного существования, ибо таково направление берлинской политики.

Это иллюзорное сознание обеспеченного спокойствия за немецкими штыками заставляло не торопиться с выработкой сеймового закона. По этой же причине не торопились и с аграрным вопросом и аграрными законами. Оттого тянули скучную канитель мирных переговоров с большевистской мирной делегацией, возглавлявшейся Г.Х. Раковским.

* * *

Каково же было внутреннее положение страны, наводившее меня на самые грустные выводы уже с конца июня месяца?

Прежде всего необходимо констатировать тот факт, что аппарат власти был вконец разрушен на Украине, как и в коренной России. Новый аппарат создавался в невероятно тяжелых условиях. Из элементов, которые всю жизнь свою были в оппозиции правительству и вовсе не были воспитаны к власти, трудно было ее конструировать: они вносили лишь разложение и раздражение, дискредитируя самую власть, как таковую. Новые предста-

вители власти не умели, часто при лучших намерениях, подойти вплотную и авторитетно к новому для них делу. Старые же деятели, часто вновь призванные к власти, применяли слишком старые и ненавистные приемы управления.

Такие губернияльные старосты (губернаторы), как, например, А.В. Десницкий (в Мелитополе) из старых земцев, Пищевич (в Херсоне), сразу выдвинувшиеся своей деловой распорядительностью, были большой редкостью.

Выше мы уже упоминали о крайнем недостатке следственных властей и о расстройстве судебных функций. Как курьез можно привести случай, когда ревизия камеры мирового судьи установила такой факт: мировой судья (из новых, назначенных при Ц. Р.) разобрал всего лишь одно дело: о своем собственном разводе со своей супругой.

Анархия сдерживалась одной силой – немецким оружием. Как же держали себя немцы в украинской деревне? Все зависело, конечно, от личного командного состава. Мне пришлось лично наблюдать немцев, бывших на постах в деревне Каневского уезда, Киевской губернии, которые не вызвали раздражения у населения и не оставили по себе дурных чувств. За все те продукты, которые они брали у населения, они исправно платили и ничем население не обижали.

В других же местах – я читал об этом ряд подробных донесений и следственных протоколов – шел прямой, бесстыдный и циничный грабёж. Были случаи во многих местах, когда помещики пользовались немецкой силой для восстановления своих прав и в особенности возврата своего ограбленного имущества (движимости). Это приводило иногда к таким конфликтам, что немцам приходилось пускать в ход артиллерию.

В общем же население подчинялось насилию в сознании своего бессилия.

«Что делать, барин? – говорили явившиеся из деревни крестьяне. – Немцы требуют сено по 1 рублю за пуд, а стоит оно по 8 рублей; берут сало и платят по 1 рублю за фунт, а в городе Чернигове цена пять рублей. Как тут, скажете, быть? Давать или не давать?» Я отвечал: «Вы же знаете, что наши солдаты, в том числе и ваши односельчане, бросили фронт и, несмотря на все убеждения и предупреждения, решили прекратить войну. Немецкие же солдаты пришли вооруженные, они слушаются своих офицеров и

команды; если вы им добром не уступите, они возьмут то, что им надо, силой и уже тогда ничего не заплатят. А не будет немцев – придут большевики: те уже, конечно, платить не будут, а возьмут все даром. Когда у нас опять будет армия, которая захочет слушать офицеров, тогда можно будет оказать сопротивление немцам. А без армии мы, конечно, терпим и вперед будем терпеть обиды».

Крестьяне стояли в раздумье, почесывая затылки, – видно, рассуждение это было настолько элементарно и понятно, что возражений не последовало.

Австрийцы были хуже немцев, у них конфликты с населением были чаще, чем у немцев, чаще были и жестокие репрессии, вызывавшие глубокую анархию и разложение деревенской жизни. Но там действовала иноземная сила.

Но еще хуже, разлагающе действовали появившиеся местами добровольческие карательные отряды (офицерские?). 29-30 июня я лично имел случай наблюдать возникновение крупных беспорядков, вызванных действиями карателей, в Каневском уезде Киевской губернии. В селе Б. Букрине в помещичьей усадьбе жила моя семья. Вечером 29 июня я приехал в Букрин и застал свою 15-летнюю дочь страшно взволнованной. Дело заключалось в том, что накануне, за два-три дня, в усадьбу нагрянуло несколько людей в военной форме (офицеров?), арестовали нескольких крестьян, на которых падало подозрение в грабеже имущества экономии (имевшее место в период господства Центральной Рады), арестованных крестьян связали, били и истязали. Вели себя военные люди чрезвычайно нагло и грубо. Требовали пищи, пили и ели и, конечно, ничего за принесенные им продукты не платили. Со слезами на глазах рассказывала дочь, как на ее глазах офицер (?) побил девочку лет 12, которая принесла ему хлеб и приветливо, с поклоном подала ему.

Офицеры (?) скоро уехали, а в соседнем селе М. Букрине крестьяне, узнав об экзекуции в Б. Букрине, взялись за оружие и образовали вооруженную банду, которая начала свои агрессивные действия против жившей в своей усадьбе семьи помещика Д. Напуганные обитатели убежали в соседний лес, где и провели в страхе всю ночь. На другой день крестьяне того же Букрина, с которыми Д. был всегда в самых хороших отношениях, помогли им, забрав кое-что из имущества, выехать на подводах на паромную пристань.

Ожидая возможных осложнений и в Б. Букрине, я выехал утром 30 июня на лошадях в Ходоров к паровой пристани, но туда добраться уже было невозможно, ибо Ходоров оказался в районе военных действий между прибывшим из Канева небольшим военным отрядом с уездным старостой (прежний исправник) во главе и восставшими крестьянами, которых оказалось уже к этому времени около 1000 человек. Шла пулеметная и ружейная перестрелка. Во время этих военных операций был тяжело ранен уездный староста, отряд его был разбит и на лодках бежал за Днепр в Полтавскую губернию. Ходоров был занят повстанцами. Пришлось нам возвращаться обратно и ехать на Переяслав, что и удалось без всяких осложнений.

Обо всем мною виденном и слышанном в связи с этой историей мною был представлен немедленно подробный письменный доклад министру внутренних дел Ф.А. Лизогубу. Мне неизвестно, чтобы были предприняты какие-либо меры для обуздания карателей и против карательных экспедиций вообще. Известно стало, что для усмирения разросшегося восстания вызваны были немцы, а их методы действий в этих случаях бывали решительные, однако едва ли способные внести успокоение в деревню, ибо усмирение это совершалось далеко не мерами убеждения и кротости.

Я передавал свои наблюдения молодому помещику Полтавской губернии К., возмущаясь карателями и бездействием по отношению к ним власти.

«Ничего! Так им и надо... немцы миндальничать не будут, а за грабежи тоже не мешает проучить...»

Я просто остолбенел от такого ужасного непонимания обстановки и грозных перспектив. Увы! Такой случай отношения не являлся далеко единичным или изолированным. Эгоизм, корыстолюбие, желание использовать обстановку в своих личных целях и выгодах были слишком заурядным явлением у помещиков.

Так возникали беспорядки в совершенно мирных уголках. Там, где восставшие брали верх над слабыми отрядами карателей или где восставшим попадали в плен офицеры, даже не принимавшие участия в карательных действиях, повстанцы распоряжались с ужасающей жестокостью, напоминающей гайдаматчину. У нас были донесения, что штопорами вытягивали кишки у несчастных жертв народной ненависти и жестокого самосуда разъяренной толпы.

Я глубоко убежден в том, что, не будь тогда налицо немецкой силы, гетманская власть была бы легко сметена еще в июне – августе 1918 года.

Трудно, конечно, поддается определению роль социалистической пропаганды в организации восстаний, конечно, отрицать совершенно (как многие это делают) ее значения нельзя, но я указал выше на реальные факты и причины крупных волнений и беспорядков, возникавших в весьма мирной обстановке, вне всякой идейной пропаганды.

Я уже упоминал, что мне неизвестно, какие меры принимались против действий карательных отрядов и вообще принимались ли таковые, я упоминал также о легкомысленном, открытом одобрении действий карателей некоторыми помещиками, но я уверенно думаю, что власть не имела достаточной силы и авторитета, чтобы бороться с этим явлением. К непрекращавшимся волнениям деревни в конце августа присоединилась еще железнодорожная забастовка, поддержанная, а быть может, даже и организованная на огромные денежные средства, затраченные большевиками. Городская демократия повела атаку на правительство, а национальный украинский блок начал оказывать большое и успешное давление на терявших под ногами почву немцев.

Совет министров гетмана являл в ту пору картину полной неработоспособности. Голоса в Совете неизменно делились ровно пополам, было очевидно, что две половины Совета расходятся между собой в самых основных пунктах и принципах. Положение было катастрофическое. К внутренней неурядице присоединилась напряженная и успешная пропаганда большевиков.

Министром внутренних дел был в этот период уже не безвольный Ф.А. Лизогуб, а И.А. Кистяковский, наиболее яркая фигура во всем министерстве гетмана, умный, талантливый и чрезвычайной работоспособности человек. Он из сил выбивался, стараясь укрепить власть, что отчасти, особенно в провинции, ему и удавалось, но объединить кабинет на единственно спасительной в тот момент политике твердой власти было невозможно, и такие влиятельные министры, как, например, Н.П. Василенко, деловой С.М. Гутник, симпатичный и гуманный В.В. Зеньковский, шли определенно против Кистяковского, увлекая за собой ровно половину Совета министров. Повторялась трагедия власти Временного правительства в Петрограде, и, несмотря на предупре-

дительный, яркий опыт истории, люди упорно держались пути политической маниловщины и невозмутимого прекраснотушия.

Но весьма понятно, что в создавшихся условиях работа министерства не была и не могла быть продуктивной.

В самом начале своей деятельности на боевом посту министра внутренних дел Кистяковский все свои усилия употреблял на привлечение к практической, созидательной деятельности местных национальных украинских деятелей. Но, к сожалению, на этом пути он потерпел почти полную неудачу, ибо все это были в большинстве своем люди, привыкшие к беспочвенной оппозиции и они, за весьма редкими исключениями, оказались неспособными к простой, деловой работе. Как я уже выше упоминал, особенно трудно было наладить аппарат местной власти: с фатальной неизбежностью приходилось возвращать к власти и вербовать для кадров новой власти людей опыта старого времени, которые были к тому же настроены очень озлобленно всеми предыдущими событиями. И люди начинали действовать по-старому, забывая, что изменилась не только обстановка, в которой приходилось работать, но и, самое главное, обывательская психика. Не будучи вовсе реакционером, И.А. Кистяковский быстро создал себе репутацию крайнего реакционера, чем восстановил против себя как русские либеральные элементы, так и украинских националистов. И причина здесь лежала не в существе дела, а в крайней распушенности языка и резкости слов, которыми И.А. Кистяковский кстати и некстати, т. е. без всякой к тому нужды, раздражал имевших с ним дело лиц и целые общественные группы. (Для примера можно привести такой эпизод. После речи Кистяковского в Одессе ему кто-то сказал: «Что же, это возврат к временам Плеве?» – «Передо мной и Плеве, и Сипягин скоро окажутся мальчишками», – не моргнув глазом, ответил Кистяковский. - Н. М.)

Справедливость требует сказать, что словесные злоупотребления были в моде в этот период и их позволяли себе деятели весьма почтенные и уважаемые.

Большой заслугой Кистяковского была прямая, открытая борьба, объявленная им большевикам, причем он храбро брал на себя весь odium за прямые и откровенные средства этой борьбы. Несчастье заключалось в том, что он не умел отфильтровывать чистый большевизм, не сумел создать условия, при которых за

ним пошли бы для этой борьбы левые, небольшевистские фракции и партии оппозиции.

Но легко ставить это в вину и во сколько раз труднее практическая работа в данном направлении при условии, о котором я упоминал уже и выше, а именно: теоретики демократии, больше следившие за чистотой своих партийных формул, чем за кричащими, неотложными потребностями дня, а иногда и минуты, левые группы, к сожалению, не могли создать ничего положительного ни в сфере устройства практической жизни – для этого достаточно посмотреть на результаты практической деятельности Киевского и Одесского городских управлений, бывших почти целиком в руках левых дум, ни тем более в сфере организации трудной борьбы с большевизмом. Большевики, не связанные, в сущности, ничем, даже собственными формулами и обещаниями, и действовавшие с грубой, циничной откровенностью, легко брали верх над всякими социал-демократами и социалистами-революционерами.

Их взаимоотношения напоминали больше всего известную сказку Салтыкова-Щедрина «Карась-идеалист». Дело кончалось неизменно по одному, хорошо заранее известному трафарету: все и вся попадало в щучье хайло.

Повторяю, И.А. Кистяковский, оставаясь на немецкой формуле «самостийной Украины», вел совершенно добросовестно борьбу с большевизмом, как интернациональным, возглавляемым Кремлем, так и с большевизмом национальным, возглавляемым Петлюрой и его революционным штабом. Первый, международный большевизм имел своим представителем в Киеве Г.Х. Раковского, стоявшего во главе мирной делегации и занятого совсем не мирными делами. На наиболее вредных деятелей из этой группы и были направлены удары Кистяковского.

Если я говорю о большевизме национальном, то здесь нужна некоторая оговорка. Среди национального союза были настоящие большевики-украинцы, и от них первым был украинский писатель, талантливый и страстного темперамента агитатор В.К. Винниченко. С.В. Петлюра хотя и не был большевиком, но работа его агентов по подготовке восстания против гетманской власти равносильна была отдаче Украины во власть большевиков, что и подтвердили блестяще события ближайших месяцев.

Препятствием, ставшим на пути гетманской власти, в этой

борьбе ее с большевиками, стали немцы. Это необходимо особенно подчеркнуть, ибо украинская эпопея была лишь частностью общей картины. Немцы импортировали большевиков в Россию, поддерживали их в течение 1918 года всюду: в Москве, Киеве, Одессе – безразлично. Вспомним, как снисходительно отнеслись немцы к убийству графа Мирбаха в Москве. Немецкий посол на Украине фон Мумм очень нервничал, видя, сколь мало реагировала центральная власть на убийство Мирбаха.

В распоряжении украинского Министерства внутренних дел были материалы, содержавшие неопровержимые доказательства, показывавшие, что члены большевистской мирной делегации ведут усиленную пропаганду большевизма на Украине, не жалеют миллионов «керенок» на организацию железнодорожной забастовки и на организацию вооруженного восстания. В начале октября 1918 года И.А. Кистяковский докладывал Совету министров, что немцы препятствуют ему арестовать известных своей преступной деятельностью опасных большевиков и требуют освобождения других (в архиве Госуд. Канцелярии должен был сохраниться документ – проект заявления Совета министров немецкому главному командованию, написанный мною в самом заседании Совета. И.А. Кистяковский предпочел вести устные переговоры. – Н. М.). И.А. Кистяковский тогда же сделал заявление, что в создавшихся условиях он слагает с себя ответственность за безопасность и спокойствие Киева.

В то же время немцы потребовали освобождения арестованного Петлюры. У меня имеются точные доказательства, что С.В. Петлюра был освобожден гетманом Скоропадским по настойчивому требованию немцев. У меня имеется письмо ко мне П.П. Скоропадского, где на прямой вопрос мой об этом (по поводу письма, опубликованного С.К. Моркотуном в «Cause Commune» осенью 1919 года) П.П. Скоропадский ответил, что он вынужден был освободить Петлюру по настоянию немцев, угрожавших в противном случае освободить его силой.

Есть данные о деятельности С.В. Петлюры еще в качестве председателя земской управы, когда в огромном здании земской управы на Владимирской улице открыто съезжался и работал по организации антигетманской пропаганды весь штаб украинских социалистов-революционеров, штаб будущего восстания Петлюры.

В письмах ко мне П.П. Скоропадский сетует на то, что полиция не могла дать ему в руки материала, достаточно уличающего Петлюру.

Я же весьма склонен думать, что, останься на посту министра юстиции А.А. Романов, материала для обвинения С.В. Петлюры нашлось бы достаточно, даже несмотря на защиту его немцами.

Мне представляется, что вся политика немцев на Украине сводилась к тому, чтобы поддерживать в стране состояние неустойчивого равновесия, для того чтобы в любой момент чашка весов, на которую немцы положили бы гирю своего влияния, могла наклонить весы истории туда, куда, по тем или иным соображениям, это желательно было бы немцам. Достаточно в этом смысле обратить внимание на следующую оригинальную, чтобы не сказать более, комбинацию: немцы не только поддерживали материально, но и помогали формированию офицерских отрядов, так называемой Южной армии,^[32] и в то же время немецкие офицеры-инструкторы находились в большевистских отрядах, дравшихся против офицеров русской армии.

Немцы как бы сознательно поставили себе цель – уничтожение русского офицерства, и взятие Киева большевиками в 1918 году имело непосредственным результатом избиение русского офицерства. Невольно задаешь себе вопрос: не мозг ли немецкого штаба руководит рукой большевиков в русско-украинской войне начала 1918 года?

Необходимо еще напомнить, что те же немцы постоянно и намеренно путали карты при переговорах Украины с Крымом, чтобы и здесь, как-нибудь невзначай, не было достигнуто какого-нибудь соглашения. *Divide et impera* было их лозунгом. А русские Украины и Крыма, серьезно вообразив себя двумя государствами, вели таможенную войну между собой, будто кому-то было полезно, чтобы в Крыму гнили продукты, когда в Киеве на них стояли безумные цены. Позорная страница!

Когда немцы стали нажимать на генерала Скоропадского, настаивая на создании левого кабинета с преобладанием националистических элементов, для меня стало совершенно ясно, что немцы, не чувствуя за собой силы удержать далее Украину в сфере своего исключительного влияния, возвращаются к общей своей политике разложения России, ибо сомнения не могло быть в ре-

зультате работы левых элементов. Этот результат был фатально неизбежен, и резюмировался он кратко: Украина должна быть большевистской. Не могло быть сомнения и в том, что в соответствующий момент немцы предадут и «Гетмана Всея Украины». Если и сомневался, быть может, то не хотел этому верить сам гетман.

* * *

Вообще же немцы играли с Украиной так, как кошка играет с мышью: то придавит, то даст побегать и насладиться иллюзией свободы, зорко следя в то же время, чтобы добыча не ушла от стола хищника-победителя.

В сфере промышленно-экономической и финансовой они все держали в своих цепких руках, опутывая на будущее время Украину густой сетью, расставленной немецким промышленным капиталом с его активным грюндерством, агентом которого был в Киеве небезызвестный Г. Добрый.

Напрасно выбивался из сил, стараясь отстаивать свою финансовую независимость, добросовестный и честный А. К. Ржепецкий. Немцы, конечно, оставались *maitres de la position* и в душе, конечно, смеялись, когда гетманское правительство заключало самостоятельные договоры с Румынией, недостижимой в то время Данией и т. п. Теперь документы и материалы, характеризующие промышленные и экономические взаимоотношения Украины с немцами, уже доступны для научного исследования, которое восстановит нам картину этих отношений и пределы самостоятельности Украины в этой основной сфере жизнедеятельности страны, я же здесь ограничиваюсь лишь характеристикой положения.

Другой, дорого обходившейся Украине иллюзией, было создание украинской армии. Наивно увлеченный этой идеей, П.П. Скоропадский из-за этого миража делал такие шаги, как, например, его путешествие в Германию и его свидание с императором Вильгельмом, Гинденбургом и Людендорфом. А между тем путешествие это, хотя бы и вовсе безобидное по своим результатам и содержанию, крайне повредило П.П. Скоропадскому в общественном мнении как кругов Антанты, так и России.

Я никогда не разделял искренней и серьезной веры П.П. Скоропадского в возможность создания серьезной военной силы

на Украине. Начать с того, что немцы никогда бы не потерпели создания сколько-нибудь значительной военной силы на Украине, так как фатально и неизбежно она сделалась бы угрозой им самим. Едва ли можно допустить, чтобы немцы не давали себе в этом отчета.

Но, даже допустив на минуту эту мало в общем вероятную возможность, я задаю вопрос: из каких элементов можно было надеяться создать это войско?

Среди офицеров были украинские националисты, среди южнорусского офицерства, даже высших рангов, были федералисты, которые, не будучи ни врагами, ни сепаратистами, тем не менее определенно не сочувствовали и относились отрицательно к восстановлению единой, централизованной России. Значительное число таких офицеров после падения гетмана очутились в Польше: они не захотели пойти за Петлюрой, как завзятым врагом России, но, с другой стороны, они отказались и от вступления в ряды деникинской Добровольческой армии, на знамени которой они не видели даже автономии Украины. Нужно только немного воображения, чтобы представить себе душевную драму этих несчастных жертв капризов истории. В такой бесконечно тяжелой обстановке пришлось им решать вопрос своей совести!

Наконец, на службу в гетманские войска пошли многие русские офицеры для борьбы с большевиками, и недостатка предложений услуг для ролей командиров корпусов, начальников штабов, центральных установлений военного ведомства никогда не было.

Недоставало одного, но зато весьма существенного: солдат. И главная беда была в этом: неоткуда было взять надежных солдат. Призывная молодежь украинская уже побывала в тылах действующей армии, развратилась от безделья и большевистской пропаганды на сходках и митингах, но главное – бездельем тыловой службы и связанного с нею времяпровождения. Создать военные части из этих элементов, или даже из свежих элементов совершенно распущенной деревенской молодежи, было, мне кажется, совершенно невозможно. Куда направлены были мысли и каково было настроение солдат, побывавших в действующей армии, было наглядно продемонстрировано «синими жупанами», о которых мы уже говорили выше.

Надежного войска, особенно при ненадежных командирах,

как показала история полковника Болбочана, генерала Гутора и многих других, взять было неоткуда. Я делился этими мыслями с военным министром генерала Скоропадского, глубоко честным и симпатичным, добрым и мягким генералом Рогозой, который разделял мои опасения.

Находившаяся в состоянии анархии деревня, где, как мы выше видели, часто беззастенчиво и жестоко хозяйничали немцы, конечно, легко делалась жертвой пропаганды агентов Петлюры, не вследствие того сомнительного соблазна, который обещала украинизация, а просто потому, что петлюровцы обещали свободу полного ограбления помещиков в пользу крестьян и не противились прямому грабежу всякого добра в помещичьих хозяйствах.

Как только, под давлением немцев, Скоропадский создал новое министерство с преобладанием левых элементов – стало ясно, что дни Украины сочтены.

* * *

Да и как бы оно могло быть иначе? Должен был прийти тот, кто теперь имел негласную поддержку немцев: он и являлся, по существу, хозяином положения. Это были большевики.

События, достаточно последовательно развивавшиеся затем, были лишь медленной агонией, временем, потребным для искусного машиниста, чтобы переменить декорацию при открытом занавесе. Самые попытки генерала Скоропадского изменить лозунги и иначе ориентировать внутреннюю и внешнюю политику ускоряли логическое развитие событий.

Когда гетман передал власть новому министерству под председательством С.Н. Гербея, в украинских кругах называемого «министерством русских монархистов», – это целиком развязало руки украинцам-националистам. Они прямо объявили войну гетману как изменнику Украины: 15 ноября они образуют тайную Директорию, где главная роль принадлежит В. К. Винниченко, но в ней фигурирует также и будущий «генералиссимус» С.В. Петлюра.

Небольшие отряды русских офицеров не могли устоять долго под ударами коалиции открыто воюющих украинцев, тайно наступавших с севера большевиков, при весьма подозрительном «нейтралитете» немцев. Вся эта «война» потребовала лишь од-

ного неполного месяца. Отрекшийся от власти гетман П.П. Скоропадский, брошенный всеми, увезен был в Берлин под видом раненого немецкого офицера, благодаря заботам о нем одного германского врача. Только это спасло ему жизнь.

Войска Директории вошли в Киев 14 декабря. Торжество украинцев было, впрочем, недолгое: всего через шесть недель они должны были бежать из Киева, уступив его большевикам.

Об этом событии вовсе умалчивает брошюра, изданная в Париже под заглавием: «Chronologie des principaux evenements en Ukraine de 1917 a 1919». В этой брошюре будущий историк найдет немало интересных деталей событий, относящихся к началу 1919 года, а также некоторые документы, относящиеся к 6-му и 12 февраля и даже марту 1919 года.

Своими собственными руками растерзали живое тело своей «неньки» (матери) Украины гг. Винниченко, Петлюра и их менее знаменитые товарищи, ибо живой и здоровой они хотят видеть ее только «самостийною». Есть, правда, и такой вид патриотизма, о котором поэт Украины Т. Г. Шевченко писал:

...та отечество так любить,
так за ним бідкуэ,
та так з нього сердешного кровь,
як воду точить...

Кровью и слезами залили всю Украину Винниченко, Петлюра и прочие украинские патриоты. Объявив в 1917 году ее полную независимость, они исполнили задание немцев, по указке которых Ленин провоцировал украинцев известным уже постановлением Совета рабочих и солдатских депутатов, цитированным мною вначале: они вызвали бомбардировку и взятие Киева большевистскими войсками под командой Ремнева и Муравьева. Брест-Литовским договором они отдали Украину на разграбление немцам и австрийцам. Восстанием против гетмана они вконец разорили Украину, отдав ее вторично в руки большевиков. На этот раз дело осложнилось еще такими аксессуарами, как деятельность разбойничьих банд Махно, Григорьева и других «атаманов» и грандиозными еврейскими погромами, которые затмили собою все, что ставилось в вину царскому правительству России с 80-х годов прошлого столетия и до 1906 года включительно, когда, например, Кишиневский погром 1903 года заставил весь мир содрогнуться от негодования.

Какими детскими сказками представляются теперь кишиневские события в сравнении с деяниями петлюровцев, жертвы которых достигают по неточным еще данным до 100 тысяч человек.

С тех пор до нашего времени страна не выходит из состояния анархии. Страсти, искусственно разожженные в Гражданской войне, вызвали наружу все худшее в человеческой природе, и не видно конца испытанию огнем и мечом, где, кроме жертв человеческой жестокости, сотни и тысячи людей гибнут от голода, холода и развившихся на этой почве страшных эпидемий тифа, холеры, дизентерии и др. И не видно конца этой трудноописуемой трагедии, без исхода, видимого впереди, и без всякого про света надежды на будущее.

Кто передаст словами то, что пережили города Южной России? Киев, Харьков, Одесса, Херсон, Екатеринослав, если мы вспомним лишь крупные центры. Перенаселенные города, куда от деревенского террора бежало все могущее бежать из деревень население, переполненные к тому же беженцами военного времени из Царства Польского и прибалтийского края, беженцами от большевистского террора из Центральной России, по несколько раз переходили из рук в руки, платили контрибуции не только деньгами и имуществом, но и жизнью обывателей, разграбляемых то большевиками, то махновцами, иногда на протяжении нескольких дней. Все это ждет еще своего историка. В этой вакханалии произвола, насилия, разнузданного и утонченного издевательства над человеческой личностью многие впали в мистическое равнодушие ко всему окружающему, другие потеряли рассудок.

Если бы гг. Петлюра, Винниченко и другие господа украинские националисты действительно ценили свою родину и любили ее не через призму своего упрямого, узкого шовинизма, они не пошли бы на восстание против гетмана, ибо после опыта января 1918 года у них не могло быть никаких сомнений в исходе той борьбы, которую они начинали. Будь они не завистники власти, а настоящие патриоты, они всеми своими силами должны были бы поддержать гетманскую Украину, даже в том случае, если не все стороны гетманского режима одобрялись и принимались ими. Как в известном случае Соломонова суда, они бы скорее оставили любимого ребенка живым и целым в чужих руках, чем в сво-

их окровавленных народной кровью в преступной, навязанной народу борьбе. Ибо трудно найти для них другое наименование – они явились несомненно губителями Украины, и как таковые войдут они в историю.

Изменники России, ненавистники всего русского, они надолго засорили дорогу для спокойного, разумного решения украинского вопроса. Многие из тех русских прогрессивных деятелей, которые с симпатией относились к стремлениям культурного украинства, к развитию украинского языка, литературы и национального творчества во всех областях жизни, теперь с ужасом отшатнулись от своих прежних симпатий, увидев бездну человеческого страдания, принесенного в качестве жертвы на алтарь национальной обособленности и розни.

И если Россия будущего, черты которой не вырисовываются еще даже в виде силуэтов, превратится когда-нибудь в федеративное государство типа Северо-Американских Соединенных Штатов, то после пережитых ужасов петлюровщины почва для соглашения страшно засорена и загрязнена. Страсти раскалены добела, и трудно хладнокровно подойти к решению и без того сложной государственно-национальной проблемы.

Трагедия Украины, как и всей России, еще не закончена. Мы видим для Украины единственный разумный выход в мирном соглашении с Россией.

Русские же люди, мы верим, вдумаются в переживаемую трагедию и в опыте ужасных событий современности почерпнут указания для разумной, справедливой политики будущего.

М.Г. ДРОЗОВСКИЙ

«УКРАИНЦЫ – К НИМ ОДНО ПРЕЗРЕНИЕ...»

Из дневника 1918 г.

...В этой беспощадной борьбе за жизнь я стану вровень с этим страшным звериным законом — с волками жить...

И пусть культурное сердце сжимается иногда произвольно — жребий брошен, и в этом пути пойдем бесстрастно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови. Такая жизнь... Сегодня ты, а завтра я. Кругом враги... Мы, как водою остров, окружены большевиками, австро-германцами и украинцами. Огрызаясь на одних, ведя политику налево и направо, идешь по пути крови и коварства к одному светлому лучу, к одной правой вере, но путь так далек, так тернист...

13 марта

Странные отношения у нас с немцами: точно признанные союзники, содействие, строгая корректность, в столкновениях с украинцами — всегда на нашей стороне, безусловное уважение. Один между тем высказывал: враги те офицеры, что не признали нашего мира. Очевидно, немцы не понимают нашего вынужденного союзничества против большевиков, не угадывают наших скрытых целей или считают невозможным их выполнение. Мы платим строгой корректностью. Один немец говорил: «Мы всячески содействуем русским офицерам, сочувствуем им, а от нас сторонятся, чуждаются».

С украинцами, напротив, отношения отвратительные: приставанье снять погоны, бояться только драться — разнузданная банда, старающаяся задеть. Не признают дележа, принципа военной добычи, признаваемого немцами. Начальство отдает строгие приказы не задевать — не слушают. Некоторые были побиты, тогда успокоились: хамы, рабы. Когда мы ушли, вокзальный флаг, (даже не строго национальный) сорвали, изорвали, истоптали ногами...

Немцы — враги, но мы их уважаем, хотя и ненавидим... Украинцы — к ним одно презрение, как к ренегатам и разнузданным бандам.

Немцы к украинцам — нескрываемое презрение, трети-

рование, понукание. Называют бандой, сбродом; при попытке украинцев захватить наш автомобиль на вокзале присутствовал немецкий комендант, кричал на украинского офицера: «Чтобы у меня это больше не повторялось». Разница отношения к нам, скрытым врагам, и к украинцам, союзникам, невероятная.

Один из офицеров проходящего украинского эшелона говорил немцу: надо бы их, то есть нас, обезоружить, и получил ответ: они также борются с большевиками, нам не враждебны, преследуют одни с нами цели, и у него язык не повернулся бы сказать такое, считает непорядочным... Украинец отскочил...

Украинцы платят такой же ненавистью.

Они действительно банда, неуважение к своим начальникам, неповиновение, разнузданность — те же хамы.

Украинские офицеры больше половины враждебны украинской идее, в настоящем виде и по составу не больше трети не украинцы — некуда было деваться... При тяжелых обстоятельствах бросят их ряды.

Кругом вопли о помощи.

7 апреля

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК БЕЖЕНЦА

II. НА УКРАИНЕ

От пребывания на Украине у меня осталось впечатление тяжкого сна. Точно вся та действительность, которую я наблюдал, была не подлинною былью, а калейдоскопической сменой фантастических видений, которые быстро появлялись и столь же быстро улетучивались. Каких только народов я не видал в южной России: и немцев, и австрийцев, и румын, и французов, и греков. Все мелькали и исчезали как призраки. Призраками оказались и народы и все те государственные образования, которые они насаждали; призрачною была самая государственная жизнь и не только наша русская, а государственная жизнь всех народов Европы. Но не призрачным, реальным был тот хаос, который грозит похитить всякую государственность в мире, а с нею вместе и все то, что до селе называлось «цивилизацией». Не призрачно еще что то другое, высшее, сверхгосударственное, что предохраняет народы от полного и окончательного падения.

Первое, что меня поразило на Украине, это неестественное кошмарное видение германской государственности в русской обстановке. Порою бывало испытываешь впечатление, словно Украина стала уголком Германии. Всюду по дорогам немецкие столбы с {143} надписями, с точным обозначением направлений и расстояний - путь на вокзал, в город, в комендатуру, «10 минут ходьбы» и т. п. А в городах, особенно в Киеве, - все полно германской культурой: и немецкий театр, и немецкий книжный магазин, и немецкий походный книжный магазин, и гастролирующие немецкие актеры, да музыканты. В концертных залах раздавались победные звуки музыки Вагнера. На улицах немецкий говор, множество немок приехавших с голодающей родины покушать хлеба да сахара во вновь завоеванных землях. Носились тревожные слухи о том, что отныне Крым станет немецким уголком, потому что он немцам раз навсегда понравился и они решили не отдавать его назад «русским варварам».

Казалось, все это здание немецкого владычества построенно так прочно, как умеют только немцы. Впечатление прочности

производили и войска, когда они маршировали: маршировка, смена караулов, вообще военная обрядность у немца носит характер священнодействия. Но вдруг какая-то неуловимая черта вам выдавала, что все это не настоящее, неподлинное, что весь этот внушительный парад чем то глубоко изнутри подточен. Такое впечатление я испытывал, когда видел немецкое взяточничество и воровство. Тот русский мужик, который смеялся в бороду, глядя на эти сценки, видимо, радовался, что серьезный и солидный немец вдруг обрусел и стал совсем на него похожим. Такое впечатление приходится испытывать в известной оперетке, когда на сцену являются Ахиллес, Аякс, Агамемнон, но вдруг торжественные жесты классических героев сбиваются на канкан.

Когда в дни немецкой революции канкан стал явным и открытым, радость русского мужика перешла в ликование. Я видел в Киеве бесподобную картинку. Двое немецких солдат курили на часах. А над ними сиял с улыбкой во весь рот бородач извозчик, бывший русский солдат: «господа, господа, - говорил он наставительным тоном, - как нехорошо, на часах курите; вот нас бывало в русской армии за это расстреливали». А немцы, словно понимавшие, тоже смеялись: пришла их очередь смеяться над порядком и дисциплиной. В те дни описанный Щедриным спор мальчика в штанах и мальчика без штанов разрешился в пользу последнего. И испарилась как дым немецкая «героическая мечта». Что осталось теперь от немецкого театра в Киеве, от немецкой «Feldbuchhandlung» (военный книжный магазин) и от немецкого Крыма. Германия в Россия была только призраком. Была трагическая минута, когда она казалась призраком даже у себя дома. «Поздравляю, вы возвращаетесь в отечество», сказал один знакомый киевлянин немецкому солдату после революции, а тот ответил: «es gibt ja kein Vaterland mehr, es bleibt nur Heimat» (нет больше отечества, осталась только родина).

Были рядом с этими другие призраки русского происхождения, тоже обреченные на быстрое и еще более позорное исчезновение. Призраком из призраков была выдуманная ради немцев, {144} изобретенная озлобленными русскими интеллигентами украинская национальность, о которой сами немцы острили, что это народность без языка и без головы, и без рук. - Рядом с надписями немецкими были другие, еще более оскорблявшие глаз, написанные на каком-то странном языке, непонятном местному

малорусскому населению, надписи на провинциальном галицком наречии, выдававшим себя за «украинское». Русские люди тщетно силились говорить на этом языке, выдавая его за свой родной, бесплодно пытались перевести на этот захолустный крестьянский диалект сложные понятия современной государственной жизни. При министрах состояли особые чиновники, которые переводили по украински официальные протоколы их заседаний. И министры не могли проверить этой работы, потому что не понимали своего «родного языка»... Это не мешало Скоропадскому и Лизогубу говорить речи о том, как «двести лет стонала Украина под русским игом». И эти речи свидетельствовали о той, увы, непризрачной действительности, которая в угоду немцам создавала и поддерживала фикции, о характерном для русского человека отсутствии чувства собственного достоинства.

То была маленькая доморощенная мечта об украинском гетманском величии, которая примазалась к великодержавной немецкой мечте о «срединной империи». Я видел яркие выражения этого провинциального отражения славы Вильгельма. В Киеве, на углу Крещатика и Лютеранской, была фотография, предательски обнажавшая тайные пружины украинского политического мира. Приехав в Киев в конце сентября, я видел там в витрине разнообразные портреты гетмана. Один с пером в руке, поднятым над бумагой, с вдохновенным взглядом и морщиной на бессмысленном челе: это гетман в тиши своего кабинета «творит жизнь», пытаюсь придать тусклому взору выражение государственной мысли. На другом портрете стоит сам Вильгельм, с руками в карманах, а перед ним, как робкий молодой солдат перед начальством, тянется, держа руки по швам, тот же великий гетман Украины. А на третьем - опять гетман, сияющий и довольный между Гинденбургом и Людендорфом.

Прошло два месяца, немцы были разбиты. После заключения перемирия гетман объявил «русскую ориентацию» и попытался задобрить союзников. Тогда в витрине фотографии тоже произошла перемена ориентации. Исчезли и Вильгельм, и Гинденбург, и Людендорф, остался на время гетман наедине со своей государственной мыслью. А с ним рядом - Пуанкарэ, Фош и другие именитые французы с надписью: «добро пожаловать». На этом я и расстался с Киевом. Хотелось мне хоть одним глазком заглянуть в витрину фотографии, посмотреть, кем из совдепов

заменен был гетман и какая мысль бродила на челе этих вновь пришедших.

Было в Киеве и другое яркое символическое изображение гетманского режима - гетманский дворец. Не всякому киевлянину выпадало на долю счастье к нему приближаться: для этого нужно было иметь пропуск от немецких властей; постоянный пропуск был снабжен фотографическом карточкой его обладателя. Снаружи дворец был окружен двумя цепями караульных. Целый прилегающий к нему квартал был отгорожен немецкими заставами, которые пропускали лишь по предъявлении пропуска. Далее самый дворец был окружен стражей из украинских казаков и сечевиков. Публике позволялось ходить лишь по противоположной стороне улицы. Случайно мне удалось проникнуть в самую глубь дворца, в его жилые помещения, куда я ходил навещать одного знакомого - родственника гетмана. К величайшему моему удивлению я увидел там еще третью цепь. Я проходил через длинный коридор со множеством дверей и перед каждой дверью стояли часовые с винтовками - украинцы попеременно с немцами. «Немного похоже на тюрьму», говорит мне мой знакомый, «но ничего не смущайтесь». Сходство было действительно жуткое. Сочетание двух национальностей было подсказано недоверием: гетман видимо не полагался на своих и, безопасности ради, перемешал их с немцами. Он имел на это основания. Когда после франко-германского перемирия осовдепившиеся немцы отказались караулить гетманский дворец и на Киев стал двигаться Петлюра, среди украинской стражи дворца возник заговор, - попытка убить гетмана. В конце концов все три железные цепи, окружавшие и ограждавшие верховного блюстителя Украины, оказались призрачными. Как только немцы перестали ему покровительствовать, он упал как зрелый плод и Украина подпала под другую, тоже фиктивную власть Петлюры, которая через несколько недель была вынуждена уступить свое место власти большевиков.

Интересна та общественная атмосфера, которая дала жизнь призрачному гетманскому владычеству. В кругах, наиболее сочувствующих гетманской власти, господствовало настроение, которое может быть точно охарактеризовано как интернационализм справа. Это были испуганные обыватели, которые чувствовали себя гораздо ближе к немецкому буржуа, чем к русской демократии, и в сущности вдохновлялись лозунгом: «буржуи всех стран

соединяйтесь». Я знаю лиц, которые откровенно в этом признавались. Их страх перед революцией был куда сильнее их русско-го национального чувства, а их украинский «национализм» был лишь последствием упадка их русского патриотизма. Этот интернационализм, переряженный в синий жупан, был просто на просто ставкой на немца и ничем другим. Если бы дело происходило в другом месте, где немцам нужно было бы насаждать другие национальности, те же люди с такой же легкостью признали бы себя грузинами, финляндцами или еще чем-нибудь другим.

И в Киеве, и в Одессе среди высокопоставленных «бывших людей» я часто наблюдал эту гнетущую атмосферу буржуазной деморализации. Эти люди драпировались красивым и с виду соблазнительным лозунгом «борьба против большевиков во что бы то ни стало» и при этом подразумевали, что она должна вестись какою угодно ценою, если нужно, ценой единой России. Упадок духа, безграничное неверие в Россию было тут преобладающим настроением. Перепуганные и уставшие они решили, что Россия все равно погибла, каковы бы ни были усилия для ее восстановления. Остается стало быть спасти порядок, жизнь и имущество. Если нужно, можно пожертвовать для этого Россией, ставшей «Совдепией». Отсюда сделка с немцами, спасавшими порядок в отдельных русских областях ценою расчленения России, да уни-зительный украинский маскарад Скоропадского и Лизогуба.

Не малочисленные и бессильные «украинцы» создали Украину, а русские люди, цеплявшиеся за немцев, как утопающее за соломинку. Эти несчастные, малодушно отрекавшиеся от родины, не чувствовали глубины этого мирового провала, куда вслед за Россией должна была быть втянута Германия. Только после перемирия, непосредственно перед уходом германских войск обнаружилось все невероятное легкомыслие этой ставки на немцев. Когда началось наступление Петлюры на Киев, оказалось, что для его защиты гетман располагает двумя тысячами добровольцев при одном оружии. С величайшим трудом удалось раздобыть у немцев еще двенадцать орудий. А всего на украинскую державу числилось не более 15.000 «сечевиков», которые к тому же перешли почти целиком на сторону Петлюры. Оно и не удивительно: маскарада ради Скоропадский и его министры подбирали в эти войска офицеров с «украинской ориентацией»; в угоду немцам офицеры с «русской ориентацией» на службу не

принимались. И вот в тот день, когда в угоду союзникам тот же Скоропадский был вынужден высказаться за «единую и неделимую Россию», он был жестоко наказан собственными ставленниками. Он был побежден ничтожеством Петлюры, потому что сам он оказался еще ничтожнее.

В минуту опасности обнаружилась беспредельная бездарность да нравственное убожество гетмана и его окружающих. Все спрашивали, где же его войска, что делало в течение стольких месяцев военное министерство. На заседании совета государственного объединения я слышал из уст министра внутренних дел И. А. Кистяковского, что военный министр был явный изменник, что вместо организации военных сил он занимался организацией бесчисленных штабов, да переводом командных возгласов с русского на украинский язык. Это преступное бездействие оправдывалось «препятствиями со стороны немцев». Но от одного из немногих порядочных членов украинского правительства я слышал определенное заявление и по этому поводу: по его словам немцы действительно вставляли палки в колеса, но непреодолимых препятствий все таки не делали; армию было вполне можно и должно набрать и обучить за этот срок.

Как бы то ни было, армии в нужную минуту не оказалось. Защита Киева и гетмана была волею судеб вверена немногочисленным добровольческим отрядам, по отношению к которым, к тому же, Скоропадский играл двусмысленную роль. Штаб генерала гр. Келлера имел в руках положительные доказательства, что через головы армии из гетманского дворца велись какие-то тайные переговоры с Петлюрой. Была еще характерная для облика Скоропадского подробность. Защитники Киева терпели недостаток в автомобилях; а в это время на дворе гетманского дворца действовали три автомобиля, приготовленные на всякий случай на предмет возможного бегства гетмана и его семьи. В эти критические минуты его «государственная мысль» не поднималась выше забот о самосохранении.

Выросшая на почве буржуазной деморализации, гетманская власть сама стала источником деморализации. Когда гетман отстранил от командования войсками генерала графа Келлера только потому, что этот прямой и честный человек был ему неудобен, когда разнеслась в рядах весть о тайных переговорах Скоропадского с Петлюрой, добровольцы стали задаваться вопро-

сом, для кого и для чего они жертвуют жизнью - ради России или ради гетмана, который, быть может, их предаст. Иные говорили: да, стоит ли сражаться при таких условиях. Было и начало заговора; среди офицеров была партия, которая требовала низвержения Скоропадского и передачи полноты власти графу Келлеру.

Возможно, что слухи были преувеличены. В чем заключались переговоры гетмана с Петлюрой, мы не знаем и обвинения в «предательстве» остаются недоказанными. Но какое доверие мог внушить человек, который сначала в угоду немцам заявлял, что Украина двести лет стонала под «русским игом», а потом в угоду французам вздумал выступить в роли вождя в борьбе за единую Россию. Неудивительно, что дело окончилось катастрофой. Рухнул украинский маскарад русской буржуазии: немцы, предавшие Киев Петлюре, наглядно показали, что значила ставка на немцев.

Это предательство положило начало новому маскараду. Раньше в синий жупан облекались «буржуи», теперь под именем «петлюровцев» и украинцев явились в Киев русские большевики. Один знакомый мне публицист, застигнутый в Киеве вторжением банд Петлюры, был поражен чисто русским говором его солдат. На вопрос: «как это вас так скоро успели сформировать», - солдат отвечал: «да мы давно сформированы». «Где?». - «В Курске». - «А кто вас формировал?» - «Да, Троцкий».

Французский генеральный консул в Одессе - Энно, - знавший этот и многие другие аналогичные факты, показывал мне свой рапорт Пишону, где прямо говорилось, что не петлюровцы голова, а большевики хвост и что ближайшее будущее принадлежит большевикам, а не Петлюре.

Так думал не один Энно. Украинская маска петлюровского движения обманула только немногих ограниченных фанатиков украинства и в том числе самого Петлюру. Народные массы просто не понимали украинской вывески движения и сочувствовали Петлюре только потому, что он обещал сломить господство буржуазии, наказать помещиков, с помощью немцев «обобравших» крестьян, и отдать крестьянам землю. В последние дни гетмановщины крестьяне говорили: «мы все за Петлюру, вот он придет и господ лишит власти». А на вопрос: «так, значит, вы хотите разделить Украину от России», те же люди отвечали: «ну, это вздор, должен быть Петлюра, но должна быть и единая Россия». Успехам Петлюры способствовали и непонимание народных масс и утомление междоусобицей, жажда мира во что бы то ни стало.

Помню типическую сценку на киевском рынке на Бессарабке. Я покупал сливочное масло и слышал кругом оханье, да крикание людей, жаловавшихся на цены, непомерно увеличившиеся во время блокады Киева повстанцами. Вдруг мужичек радостно возвестил: «да теперь цены скоро опять будут божеские. Разве не знаете, мир заключен, мир с Петлюрой. Я сам видел на Крещатике огромный белый флаг, на котором об этом написано». Я поинтересовался узнать, что это за белый флаг и пошел на указанное рассказчиком место. Действительно там висел в воздух протянутый с одной стороны Крещатика на другую гигантский белый флаг с надписью: «покупайте газету «Мир». Это была чудовищная реклама о предстоящем выходе новой гетманской газеты.

III. ПОЛИТИКИ, ПОЛИТИКА И СВЕРХПОЛИТИЧЕСКОЕ.

Бывают такие болезни, в особенности эпидемические, против которых никакие рецепты не помогают. Как там ни лечи, болезнь возьмет свое, пройдет весь положенный ей срок закономерного течения. В этих случаях попытки лечить людей обнаруживают бессилие врачей, а попытки лечить народы - столь же роковое бессилие политиков.

Я думаю, что Украина могла бы управляться умнее и искуснее, чем она в действительности управлялась, что многие ошибки гетмана и его министров могли быть и не сделаны, но все-таки конечный результат был бы по всей вероятности тот же. Украина должна была переболеть большевизмом. чтобы окончательно от него освободиться. Если бы, например, гетман поменьше полагался на немцев и постарался обзавестись собственной армией, он мог бы дольше бороться с движением Петлюры и даже, пожалуй, справиться с ним, но основной болезни - большевизма - он все-таки не преодолел бы. При том настроении народных масс, какое господствовало на Украине в 1918 году, всякое собранное там войско было обречено на более или менее быструю большевизацию. Если бы гетманское правительство вело то, что называется «разумной политикой», процесс пошел бы в затяжку, но рано или поздно большевизм все-таки взял бы верх. И, кто знает, может быть теперь, летом 1919 года, когда сила большевиков в Союдепии надломлена, эта вспышка большевизма на Украине была бы еще опаснее для России, потому что в критическую минуту

она дала бы в руки Троцкого и Ленина совершенно свежую, нетронутую разложением силу.

Бессилие рецептов и политиков - вообще одно из самых ярких моих наблюдений за зиму и весну 1918-1919 года. В такие дни повторяется все тот же парадокс, который неизменно сопровождает всякие эпидемические болезни. Всякий знает, что корь или оспу лечить нельзя. Но не лечить дорогого и близкого человека нравственно невозможно. И вот вопреки очевидности больного корью лечат, изощряют ум на изобретении способов, которые не приводят к цели.

В политике бывает еще хуже. Когда болен народ, попытки лечения составляют не только непреодолимую нравственную потребность лечащих; они сплошь и рядом внушаются той наивной верой в рецепты, над которой уже давным-давно возвысилась медицина. Каких только рецептов не приходилось читать и слушать. Были правые, были левые, были явно наивные, были и такие, которые казались умными. Но в конце концов все были непригодны. Болезнь обманула все расчеты, ниспровергла всю нашу обиходную рецептуру.

Кристально чистый граф Келлер, исчезнувший ныне тип генерала доброго времени, говорил мне недели за две до своего трагического конца: «Вся суть в том, что у нас каждый берется не за свое дело, забывая о прямых своих обязанностях. Вот, хотя бы Деникин, мой прежний подчиненный. Я ему поставил вопрос: скажите мне, наконец, ваше превосходительство, кто вы и что вы такое». Он сконфузился и отвечал: «я монархист» и поспешно добавил: «я конституционный монархист». «Ваше Превосходительство, сказал я ему, я думаю, что я не глупее вас, но полагаю, что это не нашего с вами ума дело. Мы военные должны стоять вне политики; для нас должно быть только одно: воля Государя Императора и единая Россия. А о конституции рассуждать нам не приходится. Захочет Государь Император, будет вам и конституция или хотя бы даже федерация, не захочет Его Величество, не будет ни того, ни другого. А мы с вами должны исполнять его волю, а не политиканствовать». - «Граф, заметил я моему собеседнику, ведь это тоже политика, хотя политика правая и монархическая», но тотчас понял, что попытки убедить в этом старика были совершенно бесполезны. Он просто разводил руками и не понимал, повторяя:

«Государь Император и Россия, да какая же это политика».

Позднее в Одессе меня поразило сходство с этими речами бесед французского генерала д'Ансельма, столь же прямолинейного в своих республиканских убеждениях:

«Nous autres militaires, nous ne nous melons pas de politique, nous sommes au dehors des parties, mais pourvu qu'on ne soit pas trop reactionnaire. Oh, ces diables de monarchistes dans l'armee des volontaires! Ils n'ont rien oublie et rien appris» (Мы военные не вмешиваемся в политику, мы вне партий. Однако, не следует быть слишком реакционными. Ох, уж эти монархисты в Добровольческой армии. Они ничего не забыли и ничему не научились.).

Было совершенно так же бесполезно убеждать д'Ансельма, что ратую за республику и за участи социалистических имен в управлении югом России, он делает партийную политику. De la politique ca, je vous demande bien pardon и уверял, что республика вне партии.

Политические рецепты колебались между этими двумя противоположными полюсами. Были правые, которые говорили, что надо открыто объявить себя монархистами. По их словам только монархический лозунг в состоянии удовлетворить разочаровавшиеся в большевизме народные массы севера и воодушевить монархически настроенную добровольческую армию. Были и доктринеры слева, которые полагали, что только решительное исповедание республики с левой социальной программой может отшатнуть от большевизма народные массы, которые больше всего на свете боятся реакции. Но были одинаково неправы как те, так и другие; провозглашать монархический идеал в неизжившей большевизма Украине было, конечно, безумием. Но по той же причине непригодны были лозунги левые, республиканские, демократические и социалистические: при наличии стихийного влечения масс к большевизму эти лозунги удовлетворить не могли: они оказывались всего только промежуточными ступенями, на которых народное движение даже не задерживалось.

Так же несостоятельны были рецепты, исходившие из «ориентации» немецкой или французской, потому что ни та, ни другая не могла совершить самого главного для спасения России дела - исцелить южную Россию от заразившей ее и еще не изжитой ею болезни.

Когда я приехал на Украину - немецкая ориентация дожи-

вала свои последние дни. Сторонники единой России от нее отшатнулись в виду обнаруженного немцами бессилия и их предательской политики в Москве. П. Н. Милюков, коего я застал в Киеве, в то время от нее решительно отказывался. Но у немцев еще оставались приверженцы среди тех изверившихся в России и деморализованных русских, которые связали свою судьбу с мыслью об Украине. Они приходили в панический ужас при мысли, что возможный уход немцев тотчас сделает неизбежным торжество большевизма на Украине. Я уже говорил о том, как поражение немцев и их уход опровергли эти возлагавшиеся на них надежды.

Тогда все надежды устремились в сторону союзников. А. В. Кривошеин, высказывавшийся раньше за допустимость при наличии известных условий «немецкой ориентации», отправился вместе с П. Н. Милюковым для переговоров с союзниками в Яссы. Разговор мой с А. В. перед его отъездом из Киева ясно показывает, до чего преувеличены были тогда надежды «государственно-мыслящих» русских людей на англичан и французов. Я выразил надежду, что мы вернемся в Москву к осени 1919 г. «Нет, сказал мне А. В., после только что совершившихся событий, мы можем вернуться туда гораздо раньше, я думаю, примерно к Рождеству». Если у государственно мыслящих были преувеличенные надежды, то, наоборот, у большевицки настроенных масс явились преувеличенные опасения.

Крестьяне, доселе дрожавшие перед немцами, не на шутку испугались прихода «тех, что победили немца». По деревням говорили: «плохо, братцы, будет, вот мы союзникам изменили, а они придут в деревню, да спросят, кто в семнадцатом году бежал с фронта. Иван, да Сидор. Подать сюда Ивана да Сидора. Всех разыщут да расстреляют». И бывшие солдаты начали в панике массами выправлять себе по волостям фальшивые свидетельства, где значилось: «уволены с фронта по болезни». Как бесконечно далеки мы были в то время от мысли, что победа союзников не ускорит, а наоборот задержит освобождение России от большевиков. Союзники в то время казались каким-то всемогущим земным божеством, которое может карать и миловать и непременно будет спасать.

Были, конечно, и скептики, которые сомневались, указывая на «утомление» союзников, но их тотчас приводили к молчанию. «Разве вы забыли угрозы англичан большевикам за тяжкое оскор-

бление английского посольства в Петрограде и за дерзкое убийство там английского офицера? Неужели вы думаете, что англичане могут проглотить такое наглое издевательство над Англией? Возможно ли допустить, что англо-французы не понимают международной опасности открытого очага большевицкой заразы, который заразит весь мир?»

И политическая мысль продолжала работать в расчете на иноземную помощь.

Сколько было потрачено времени на бесплодные заседания из-за этого ошибочного расчета. Помнится, вся зима 1917-1918 года в Москве ушла на бесплодные, бесконечные споры об ориентациях. Споры эти иногда переходили в ссоры, инакомыслящие заподозривались в отсутствии патриотизма. В Москве две близкие по духу организации «национальный центр» и «правый центр» раскололись совершенно понапрасну, из-за того только, что последний признавал допустимыми и желательными не какие-либо соглашения с немцами, а хотя бы переговоры с ними с целью уяснить их планы относительно России, тогда как национальный центр считал всякие выяснения безусловно непозволительными. И после того, как отношения были совершенно понапрасну порваны, переговоры правого центра с немцами не только не привели к немецкой ориентации, но лишний раз убедительно доказали ее полную нежелательность в виду недоброжелательного отношения господствующего в Германии направления к мысли о единой России.

Потом на Украине, когда все колебавшиеся и все разочаровавшиеся перешли на сторону «союзнической ориентации», последняя послужила темой для новых столь же многочисленных и бесплодных заседаний. Бесплодность их происходила от того, что они покоились на двух ошибочных предположениях: 1) что Россия не может возродиться и освободиться от большевиков собственными силами и 2) что поэтому единственная надежда на спасение России военная ей помощь, деятельное вмешательство держав согласия в русские дела.

Из этих предположений исходили все те общественные группы, которые мне приходилось наблюдать в Киеве. Также и впоследствии в Одессе все строилось на предположении, что союзники окажут деятельную помощь. Все было направлено к тому, чтобы во что бы то ни стало получить эту драгоценную помощь,

уладить отношения между союзниками и добровольческой армией, все время очень шероховатые. Так как в конце концов французы внезапно бросили Одессу и Крым на произвол судьбы, у меня осталось впечатление огромного усилия, потраченного совершенно даром.

А между тем, сколько времени, сколько сил было израсходовано. За эти две зимы в Москве и на юге России меня поражала болезненная страсть русских общественных деятелей к заседаниям. Бывали дни и недели, когда приходилось заседать по два, по три раза в день и на это уходило все время, так что не было возможности заняться чем-либо другим. Всегда уходя из заседания испытываешь гнетущее впечатление, что мы ни на шаг не подвинулись вперед. Получая новую повестку, бывало думаешь: «не пропустить ли, ведь не непременно именно на этом заседании спасут». И в конце концов идешь из опасения, как бы какое-нибудь случайно составившееся большинство не постановило чего-либо несуразного. Поразительная черта этих заседаний в том, что большая часть времени в них уходила на взаимную «информацию». Засим в виду безысходности положения после томительной болтовни организация или вовсе не приходила к определенному решению или принимала такое решение, которое только обнаруживало ее бессилие: составить меморандум для отсылки в Париж, послать депутацию к французам или в Екатеринодар. Меморандум посылался, но исчезал бесследно. Оставалось неизвестным, прочтен он или не прочтен, кем следует, и даже получен ли он по назначению. Отправлялась депутация, но она или не оказывала никакого действия на ход событий или оказывала слабое действие, которое затем легко уничтожалось противоположными влияниями.

Хроническая неудача общественной деятельности вызывала нервное настроение. Люди горячились, ссорились, обижались, обвиняли друг друга в неумении, в бездействии, в политической бездарности, но на другой же день снова собирались и снова без конца рассуждали. По-видимому, эта черта свойственна безысходным положениям.

Брат мой Григорий (Кн. Гр. Ник. Трубецкой, бывший русский посланник в Сербии.) рассказывал мне, что та же несчастная страсть к заседаниям поражала наблюдателей во время войны в Сербии, в дни непосредственно предшествовавшие ее эвакуации. Потребность заседать является в таких случаях у людей, которые

не хотят или не могут отдать себе отчета в неизбежности надвигающейся катастрофы или в безысходности положения. Они стараются обмануть себя надеждой, что общими усилиями какой-то выход будет найден. Типическим примером такой психологии является для меня М. В. Родзянко, зимою 1918-1919 года неуклонно повторявший всякому встречному и поперечному, что для спасения России требуется немедленный созыв государственного совещания из бывших членов государственных дум. Несчастный, ему еще не осточертели совещания и он продолжал в них верить в то время, когда было столько доказательств их бесплодности.

Потребность в таком самообмане особенно сильна среди беженцев. В больших городах скопляется великое множество выбитых из колеи общественных и государственных деятелей, которым решительно нечего делать. А между тем живут они в гнетущей обстановке, в тесноте, без денег. Многие вдали от своих семейств, в тягостном сознании катастрофы, длящейся и развивающейся. Катастрофа напоминает о себе каждый час, каждую минуту, на каждом шагу повседневной жизни. Дома водопровод зачастую не работает, звонки не звонят, электричество периодически не светится, на улицах трамваи не ходят, на рынке цены непомерно растут, а с севера тревожные или катастрофические вести о России, об участии близких. При этом все живут с уложенными чемоданами в непрекращающемся страхе нового нашествия большевиков и в приготовлениях к новому бегству. Как в этой общей беде не собраться и не обсудить, что делать. И вот на этой почве рождаются бесчисленные собрания и обсуждения, которые готовят новые разочарования.

Помнится, в Киеве мы ежедневно несколько раз заседали почти в одном и том же составе, но под разными наименованиями. То мы назывались «совещанием членов законодательных учреждений», то «совещанием городских гласных». Конечно, были варианты; на каждом новом совещании не было одних деятелей, но за то являлись другие, раньше не встречавшиеся. В общем же лица до такой степени повторялись, что я иногда забывал, кто мы сегодня, горожане, земцы, члены законодательных учреждений или еще кто-нибудь. В этих случаях бывало толкнешь соседа и спрашиваешь: «как мы сегодня называемся». Собирались кроме перечисленных организаций еще промышленники, члены союза земельных собственников, члены церковного собора, сенаторы,

банкиры, профессора. Всех организаций я даже не берусь вспомнить. Наконец, общественные деятели напали на счастливую, казалось, мысль, объединить все эти организации русской буржуазии в одно целое, составить из них нечто вроде союза союзов.

Так и было поступлено. Все названные и неназванные буржуазные организации составили вместе единый «Совет Государственного Объединения», куда были выбраны представители каждой из групп. Совет в свою очередь выбрал Бюро с председателем бароном В. В. Меллером-Закомельским во главе. В совет вошли видные государственные и общественные деятели: А. В. Кривошеин, В. И. Гурко, (см. - В. И. Гурко «Царь и Царица» Изд. «Возрождение», Париж - 1927 г.; ldn-knigi) С. Н. Маслов, П. Н. Милюков, Ф. И. Родичев, П. И. Новгородцев, графы А. А. и В. А. Бобринские, С. Е. Крыжановский и многие другие. Казалось, все обещало блестящую будущность этому представительному учреждению, объединявшему все собранные в Киеве, а затем и в Одессе вершины русской буржуазии. При этом совет работал чрезвычайно много; не проходило дня без заседаний его бюро, которое по мере надобности созывало общее собрание. И, однако, как член совета и бюро, я должен по совести сказать, что результаты деятельности совета за зиму 1918-1919 года равны нулю.

Кто в этом виноват? Многие из нас, к сожалению, искали виновников, обвиняя то председателя, то бюро в его целом. Напрасные обвинения: виноваты были решительно все. Председатель и бюро строили всю свою деятельность на тех самых ошибочных предположениях, из которых исходила в то время вся антибольшевицкая часть русского общества. Когда началась деятельность совета, никто не верил в возможность спасения России ее собственными силами. Положение, что не может быть спасения без военного вмешательства союзников, всем казалось аксиоматическим. И вот жизнь опровергла эту мнимую аксиому.

Казалось, Совет дебютировал блестяще: ясская конференция была по преимуществу делом его рук. Когда его делегаты П. Н. Милюков, А. В. Кривошеин, Шебеко, Гурко, барон Меллер-Закомельский и другие явились в Яссы, оказалось, что союзники были далеки от намерения вмешиваться в наши дела. Утомленные великой европейской войной, они не особенно заботились о России, полагая, что ее спасение должно быть ее собственным делом. Делегатам Совета государственного объединения, наци-

онального центра и союза возрождения пришлось потратить не мало усилий, чтобы сдвинуть англичан и французов с этой точки зрения. И однако это удалось, причем блестящая речь наших делегатов - Гурко и Милюкова сыграли большую роль в этом деле. Французский десант в Одессе явился прямым последствием яской конференции. До конференции он вовсе не имелся в виду. Казалось, стало быть, что первый шаг Совета государственного объединения был большой заслугой перед родиной. И однако последующие события показали, что заслуга была мнимой. Это обнаружилось, когда волею судеб деятельность совета перенеслась из Киева в Одессу. К этой теме придется вернуться, когда дойдет очередь до одесского периода моих скитаний. Заканчивая этот отдел о пребывании в Киеве, мне хочется сказать два слова о том подлинном, не призрачном, что я там наблюдал.

Это подлинное было только в церкви и в ее окружении. Блуждая в дебрях политики, русские общественные деятели или постыдно забывали о России, приобретая ценою этого забвения помощь немцев, или же тщетно искали, но не находили пути к ее воссозданию. В политике мысль об единой России была только мечтою, в минуты тяжкого сомнения могло казаться даже, что это мечта утопическая, неосуществимая. Наоборот, в области сверхполитической она была реальностью.

Утраченная в миру единая Россия сохранилась в церкви. Попытки привить к ней украинство сразу и безнадежно провалились. Заседавший в Киеве всеукраинский собор решительно и резко высказался против автокефалии, к которой в целях украинизации стремилось гетманское правительство. Всего два-три члена собора - сторонники автокефалии, пытались произносить речи на украинском наречии. Во время одной такой речи крестьянин хохол спросил соседа - архимандрита, о чем говорит оратор, ибо он его не понимал; а сосед оказался чистым великороссом, по происхождению тамбовским уроженцем. Собор вообще не понимал ни слова, ни тем более духа этих речей. Он горячо стоял за единение со всей православной Россией. К всероссийскому патриарху он относился с глубоким сочувствием и сыновней почтительностью. Благодаря этому весь тот мир призраков, которым жило государство, оказался совершенно чуждым церкви.

Бывало, слыша немецкую речь на улицах и читая раздражающие украинские надписи - «поштова скринька» вместо почто-

вый ящик или «спилка» вместо союз, чувствуешь себя словно на чужбине. На каждом шагу мучительные напоминания об утрате родины, наглые издевательства над русским национальным чувством. Приходишь в церковь и сразу чувствуешь себя успокоенным, удовлетворенным. Церкви удалось сохранить в полной неприкосновенности единый для всей православной России богослужебный церковно-славянский язык. Попытка ввести в церковную службу уродливую украинскую «мову» успеха не имела. Другое яркое напоминание о национальном единстве - поминовение Тихона - патриарха московского и всея Руси во время литургии. Чувствовалось, что это не буква, а жизнь.

В украинских храмах мы русские люди были у себя дома и это необычайно повышало ощущение нашей непосредственной близости к церкви. Приятно и новшество, которого не было в богослужении во времена дореволюционные. «Верую» и «Отче наш» теперь исполняются в храмах не одним клиром или хором певчих, а всем собором молящихся. В этой новой бытовой подробности отразилось то оживление соборного начала, которое составляет характерную черту церковной жизни в нашу смутную эпоху. Богослужение тем самым приобретает недостававшую ему раньше жизненность. Именно в минуты этого соборного пения молящихся охватывает и поднимает чувство ожившей в церкви родины.

В такие эпохи, как наша, становится ясным, какую силу приобретает в церкви и через церковь вера в Россию. Мирское общество во всех слоях своих деморализовано; русские люди в большинстве своем променяли родину на низкую корысть, забыли о ней ради классовых интересов. А рядом с этим в церкви величайший подвиг бескорыстия и самоотвержения - героизм и мученичество.

За оградой Киево-Печерской лавры, на печерском крепостном валу стоит крест, напоминающий о мученической кончине митрополита Владимира, убитого большевиками на этом самом месте. В течение нескольких часов убийцы, явившиеся в келью святителя, требовали от него, чтобы он освободил монахов от монастырского послушания и преобразовал монастырь на началах коммунистического равенства. Но митрополит оказался непоколебимо твердым до конца и по долгу пастырской совести отвечал на эти домогательства решительным отказом. Тогда его вывели за монастырскую ограду и расстреляли.

Тут перед нами один из самых изумительных парадоксов нашей действительности. С одной стороны в жизни все носит подобие смерти, все свидетельствует об общественном разложении и гниении, о смертельной болезни России. С другой стороны крест на месте кончины митрополита-мученика, да кресты на могилах безвременно погибших офицеров-мучеников - яркие свидетельства о неумирающей жизни России. Не все в ней погибло. Есть {156} в ней великие непобедимые духовные силы, есть люди неспособные капитулировать перед злом и умирающие за правду. Вот о чем нам говорят эти кресты. Это духовный точки опоры для нашей веры в родину. Вспоминая этих дорогих отошедших, проникаешься чувством неизъяснимой бодрости. И становится очевидным, что своею смертью эти люди сделали для России бесконечно больше, чем может сделать для нее человек всею своею жизнью. Они пробудили ту веру, которая горы передвигает и тем самым совершили то величайшее дело, от которого зависит наше спасение. Чтобы спасти Россию, надо, прежде всего, поверить в правду Божию и в нее, как поборницу этой правды. Политика, искавшая спасения России не в ней самой, а в иноземной помощи, не спасала именно потому, что не верила или недостаточно верила.

ОБРАЩЕНИЕ К НАСЕЛЕНИЮ МАЛОРОССИИ

Доблестью и кровью армий одна за другой освобождаются русские области от ига безумцев и предателей, давших обманутому народу рабство вместо счастья и свободы.

К древнему Киеву, «матери городов русских», приближаются полки в неудержимом стремлении вернуть русскому народу утраченное им единство. То единство, без которого великий русский народ, обессиленный и раздробленный, теряя молодые поколения в братоубийственных междоусобиях, не в силах был отстоять свою независимость. То единство, без которого немыслима полная и правильная хозяйственная жизнь, когда север и юг, восток и запад обширной державы в свободном обмене несут друг другу все, чем богат каждый край, каждая область. То единство, без которого не создалась бы мощная русская речь, в равной доле сотканная вековыми усилиями Киева, Москвы и Петрограда.

Желая обессилить русское государство прежде, чем объявить ему войну, немцы задолго до 1914 года стремились разрушить выкованное в тяжелой борьбе единство русского племени.

С этой целью ими поддерживалось и раздувалось на юге России движение, поставившее себе целью отделение от России ее девяти губерний, под именем «Украинской Державы». Стремление отторгнуть от России малорусскую ветвь русского народа не оставлено и поныне. Былые ставленники немцев – Петлюра и его соратники, положившие начало расчленению России, продолжают и теперь совершать свое злое дело создания самостоятельной «Украинской Державы» и борьбы против возрождения Единой России.

Однако же, от изменнического движения, направленного к разделу России, необходимо совершенно отличать деятельность, внушенную любовью к родному краю, к его особенностям, к его местной старине и его местному народному языку.

В виду сего, в основу устройства областей Юга России и будет положено начало самоуправления и децентрализации при непременном уважении к жизненным особенностям местного быта.

Объявляя государственным языком на всем пространстве

России язык русский, считаю совершенно недопустимым и за-
прещаю преследование малорусского народного языка. Каждый
может говорить в местных учреждениях, земских, присутствен-
ных местах и суде – по малорусски. Частные школы, содержимые
на частные средства, могут вести преподавание на каком угодно
языке. В казенных школах, если найдутся желающие, могут быть
учреждаемы уроки малорусского народного языка в его класси-
ческих образцах. В первые годы обучения в начальной школе мо-
жет быть допущено употребление малорусского языка для облег-
чения учащимся усвоения первых зачатков знания.

Равным образом не будет никаких ограничений в отноше-
нии малорусского языка в печати.

Промыслом Божиим областям Юга России предугазаны
высокая честь и великая ответственность стать опорой и источ-
ником для армий, самоотверженно идущих на подвиг восстанов-
ления Единой России.

В борьбе за Единую и Неделимую Россию я призываю всех
верных сынов Родины к деятельной поддержке армии, несущей
исстрадавшемуся народу избавление от большевистского ига.

Пусть все, кому дороги счастье и величие Родины и успех
наших армий в их неудержном порыве к сердцу России - Москве,
неустанно работают над созданием и укреплением в ближайшем
и дальнем тылу прочной опоры для бойцов, сражающихся на
фронте за величие и единство России.

Таганрог, 12 августа 1919 года

*Главнокомандующий вооруженными силами на юге России
генерал-лейтенант ДЕНИКИН
(Составлено при участии проф. П. И. Новгородцева)*

УКРАИНА - «САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ДЕРЖАВА»

Если прислушаешься немного и разберешься в претензиях самостийников и обидах, учиненных якобы, Украине Россией, то начинаешь недоумевать и просто теряешься: да о нашей ли Украине и о нашем ли народе и порабощении его они толкуют?

Я родился в малороссийской семье в Украине, вырос там, учился, окончив включительно и высшее уч. заведете, служил на государственной службе и совершенно не знал, не чувствовал и не подозревал даже, что я был неравноправным гражданином Российской Империи и что я был каким-то бесправным иноплеменником порабощенного народа, о чем усиленно твердят наши самостийники.

Будучи хорошо знаком с основными законоположениями Империи, я не знал ни одного закона или распоряжения, которое ограничивало бы в основа права малороссийского населения. Если малороссийское население страдало от каких-либо «неправд» правительственной бюрократы, то одинаково страдало с ним и остальное население государства.

До татарского владычества исторг не знала ни великороссов, ни малороссов, ни белоруссов, а был один русский народ, который и объяснялся на одном славянском языке. «А славянский язык и русский одно есть» — так писал летописец Нестор о тогдашнем языке.

Общность наречие обще-русского народа в своих наиболее старых формах неоспоримо доказано учеными лингвистами (патриарх славянской филолог Ягич, академ. Ламанский, Карпинский, проф. чеш. акад. Низерле, проф. Венск. унив. Вондрак, фр. славяновед А. Мейле, пр. Волков).

Характерно для наших самостийников: они доказывая самостоятельность украинского языка и отстаивая его цельность для блага своего народа, как только захватили во время революции власть, сейчас же начали учить свой народ новому языку, так называемой «мове» и совершенно не признавать язык Шевченко — родное наперчие малороссов. «Мова непонятна совершенно для малороссов, искусственно создана по заданию врагов России в наше уже время, большими интриганями и сребренниками,

австрийскими подданными Шептицким и Грушевским с целью совершенно обособить малороссов от великороссов и придать больший оттенок их самостоятельности.

Абсурдность, никчемность и даже вред в жизни Украины языка пана Грушевского обнаружилась особенно ярко когда, вновь созданный гетм. Скоропадским Народный Украинский университет должен был вести научные работы на этом языке, не имевшем технических выражений ни по одной отрасли науки. И профессора, прежде чем приступить к чтению своих лекций, принуждены были изобретать новые украинские слова.

Подтвержден общности нашего обще-русского языка мы находим в древних реликвиях и печатниках в самой цитадели украинского самостийничества — в наследие Даниила Галицкого. Во Львовской Ставропигии на всевозможных памятниках старины, в могильных крестах в послании униатских митрополитов, в надписях на стенах старого Львовского собора св. Георгия мы не находим почти никакого отличия от обще-русского языка, который, таким образом, почитался литературным языком русского населения Галиции.

Разве русская культура не одинаково создавалась и Пушкиным великороссом, и Гоголем малороссом, Репиным и Боровиковским, Левицким и Шевченко, Чайковским и Глинкой, канц. Безбородко и граф. Румянцевым, и миллионами великороссов и малороссов, в литературе и творчестве которых мы находим только одно подтверждение, что мы все принадлежим к одной обще-русской семье с нисколько своеобразным укладом жизни и исторически выработавшимся наречем.

Самозванные украинские наши представители за границей доказывают, что они говорят от нашего украинского народа и выражают их сепаратистические мысли и стремления. — Ложь. Вот, что говорить народ.

В 1917 г., ввремя революции, когда свобода волеизъявления народа не только не преследовалась, но, наоборот, поддерживалась властями, власть над Украиной перешла в руки Укр. Центральной Рады. Несмотря на то, что вдохновителями и руководителями ее были австрийские агенты, самостийники Винниченко и Грушевский, на съезде 18 мая большинством голосов, понятно — настоящими жителями Украины, она постановляет: «...Сообща с другими народностями России установить федеральный строй

Российской республики, в который Украина вошла бы составной частью».

В 1-м универсале Укр. Цент. Рады от 9 червня 17 г. мы читаем: «Не отделяясь от всей России, не разрывая с Государством Российским, пусть народ украинский на своей земле имеет право сам распоряжаться своей жизнью. Все законы, которые должны дать порядок у нас, на Украине, должны быть издаваемы нашими Украинскими собраниями, те же законы, что должны дать порядок по всей России, должны издаваться во Всероссийском парламенте. 3 липня 17 г. Цент. Рада, обсуждая снова вопрос об устройстве своей державы, постановляет «Мы, Цент. Рада, всегда стояли за то, чтобы не отделять Украину от России, чтобы соединиться со всеми народами, работая над развитием благосостояния всей России и единства всех ее демократических сил».

И вот, наконец, большевицкий переворот в России; Цент. Рада, далеко не исповедуя их идеологию, беря на себя инициативу созыва Укр. Учредительного собрания повторяет: «В выполнении воли украинского народа, во имя созданы порядка на Украине и спасены всей России... не отделяясь от Российской республики и охраняя единство ее, мы твердо станем на нашей земле, чтобы нашими силами помочь всей России, чтобы вся Российская республика стала федераций равных и вольных народов».

Наконец, (9 сичня 18 года, под угрозой большевицкого нашествия, Ц.Р. в 4 универсале провозглашает Украину самостоятельной республикой и добавляет: «Этот верховный наш орган (Учр. Собр.) должен решить о федеральной связи с народными республиками бывшей империи.

Итак, где здесь воля народа, поддерживающего идеологию самостийников, именем которой они так бесчестно злоупотребляют и тем вводят в заблуждение молодое поколение?

Как характерно, что малороссийские деятели всех эпох, за исключением последних самостийников, себя называли русскими, а страну свою — землею русскою. Украинский сепаратизм, созданный, недавно сравнительно, небольшой группой людей — явление крайне парадоксальное и противоестественное, не пустил глубоких корней в народной массе. С ним едва ли пришлось бы считаться, если бы он не имел поддержки извне и не направлялся оттуда опытной рукой.

Родоначальниками сепаратического движения являются

митр. Шептицкий и проф. Грушевский по происхождению славяне галичане австрийские подданные. Жили и служили они в Австрии и, казалось бы, ничего не имели общего ни с нашей страной, ни с нашим народом, а между тем они повели борьбу за освобожден именно нас от России, а не своих галичан от немецкого владычества, что было бы и логично, и естественно

После заняты русскими войсками в 1914 г. г. Львова, в митрополичьем доме Шептицкого были найдены замурованными в стенах документы, полностью обличающие шпионскую деятельность Шептицкого, Грушевского в пользу герман. генер. штаба. Только благородство и высшая гуманность Русского правительства спасла этих господ от виселицы — они были освобождены и отправлены в глубь России. Нравственный облик Шептицкого и Грушевского ярко обрисовывается в следующих их поступках.

По прибыли в Россию, Шептицкий отправил Императору Николаю II послание с поздравлением по поводу победы русской армии, с выражением своей глубокой радости, что Червонная Русь, наконец, воссоединилась с остальной Россией и с уверением в своей верности русским идеалам. Деликатный и доверчивый Император не мог не возмутиться лицемерием и низостью этого, явно разоблаченного шпиона и верного слуги Берлина, и положил резолюцию на его послании «Аспид».

Характерный случай произошел и с другим «вызволителем». Прибыв в первый период революции в Киев, Грушевский начал проводить самую бесшабашную проповедь во всей Украине о необходимости отделены ее от России и о немедленном заключены сепаратного мира с Германией и Австрией. Образовавшая в это время в Киеве совет рабочих и солдатских депутатов из украинцев, потребовал от него объяснений о его сепаратической деятельности. Трусливый и жалкий «вызволитель», почувствовав недоброе, выступил с разъяснением, что его, мол, не так поняли, что он и не мыслит об отделены Украины от России и что связь его с Германией есть клевета русских reactionеров. Совет удовлетворился этим разъяснением, но последний не остановился на этом и только тщательно законспирировал свою работу от освобождаемого им народа. В дальнейшей работе в Центр. Раде они придерживались двух программ — одна официальная, основанная на принципе широкого самоуправления и федерации с Россией и другая — тайная, цель которой образование, при содействии Германии, самостоятельного украинского государства.

Допустим на минуту, что Украина сделалась самостоятельной державой. Положение получилось бы, пожалуй, еще хуже, чем до присоединения ее в 1654 г. к Великороссии, так как к прежним врагам ее, но более могущественная, прибавится еще и Россия. Никогда Россия не примирится с отторжением от нее с таким трудом отвоеванного ею у Турции побережья Черного и частью Азовского морей с их богатейшими портами, Донецкого угольного бассейна и Криворожских железных рудников, на которые претендует Украина и без которых ни она, ни Россия существовать не смогут. Следовательно, войны между ними неминуемы.

Вступая на путь самостоятельного существования, сможет ли ограбленная и поработенная интернациональным капиталом Украина с абсолютно обнищавшим населением, без помощи извне, подняться на ту высоту в хозяйственном, промышленном и военном отношениях, которая гарантировала бы ее, как говорят и хотят самостийники: «жить на своей земле по своей воле». Нет, без богатого покровителя не обойтись и вряд ли тогда сохранит самостоятельная Украина и «волю и землю». Еще нет земли, разве только на карте самостийников, а чужая воля властвует уже.

По последним советским статистическим данным, Украину населяет 27 мил. жителей, из которых 20 проц. неукраинских меньшинств. Городское население в подавляющем большинстве русское и только 9,4 проц. украинцев. Следовательно, с отделением от России Украины, самый деятельный класс является иностранцы — русские и поляки, и строительство и развитие державы волей-неволей попадет в их руки.

Разделенные на два лагеря два братских народа не сделаются ли и в будущем легкой добычей тех друзей и приятелей, которых мы уже имели в Великую войну и, жертвой которых, мы уже пали. Оставаясь честными и верными в выполнении своих союзнических обязательств и изнывая в борьбе за общее дело сначала с Германией, а затем с ее союзниками большевиками, мы слезно молили о взаимной союзнической помощи. И что нам ответили на это союзники? 28 окт. 1919 г. подписали договор об отторжении от нас Бессарабии и присоединении ее к Румынии. Когда же спросили Пуанкарэ, почему не спросили согласия России, тот в парламенте ответил вопросом — «А почему Россия изменила Франции»? Ответ на это гнусное обвинение мы находим в воспоминаниях Тирпица, который в своих записках объясняет,

какой мир предполагала Германия предложить России, если бы она действительно изменила союзникам. Но Россия оказалась верной до конца.

А запрещение союзниками вновь народившемуся после войны Болгарскому пр-ву отправить 100 тыс. армию на помощь добровольческой армии для спасения России, о котором пишет в болгарских газетах живой свидетель того времени, генерал Бендерев, не есть ли акт действий исключительного и далеко неслучайного характера?

Так вот, после всего этого, можем ли мы, путем долгих испытаний, исторически поднявшееся до созданы единой общерусской наши, не имеющие абсолютно никаких оснований к борьбе и ненависти друг к другу, нарушать это единство и искать каких-то новых друзей и союзников. Наперед можно сказать — путь губительный для обеих и, в первую очередь, для нашей Украины, как ближе лежащей к западным «друзьям» и легче уязвимой с Черного моря.

Самостоятельная, а может быть и враждебная внешняя политика Украины, совершенно не допустима для России. Желая сохранить свою самостоятельность, России, в собственных интересах, никогда не допустит отделения от нее Украины.

Нет ничего более безумного и отвратительного в наших заграничных самостийниках, как их ненависть ко всему русскому, возведенная ими в систему своей пропаганды, как это вечное копание в старых болячках и грехах правителей России. Упрекая в шовинизме бывшее правительство России, сами они, поборники самого крайнего шовинизма, нетерпимы и жестоки к инакомыслящим. Не может великорусский народ отвечать за ошибки своей бюрократии, которых бесспорно было очень много и который довели одинаково все племена России до настоящего бедственного положения. Также неповинно малороссийское население, поклявшееся в 1564 г. в верности своему северному брату, в изменах их честолюбивых главарей: Выговского в 1658 г., возвращавшая Малороссию снова под власть Польши, Дорошенко в 1669 г., бросившая свой народ под власть Турецкая султана, Мазепы и Орлика в 1709 г., заключивших договор с Карлом Шведским и, наконец, Петлюры, по собственному произволу уступившая часть земель Украины Польше. Все эти вожди самостийности, культивировавшие ненависть и разъединены в своем народе, как и последние

главари Грушевский и Винниченко, в конце концов, - принуждены были бежать от гнева и расправы восставшего против них малорос. народа).

Какой же желательный будущий строй нашего государства? На этот вопрос ответил уже наш народ на съездах в Киеве в 1917 г.: «установить федеративный строй Российского государства, в который Украина вошла бы составною частью. Народ ясно сознает, что независима и сильна Украина может быть только в единстве с другими народами Российского государства. Общность религии, языка, нравов, обычаев, национальных стремлений культуры, заинтересованность в одних и тех же минеральных богатствах страны, водных путях, незаселенных еще колоссальных пространствах Сибири и пр.пр., вот что служило основанием создания истории всего русского народа в прошлом и служит мотивом единства его в настоящем. «Общие интересы достигаются соединенными усилиями порознь слабых, вместе сильных объединяющихся народов». (Торквиль)

Галлиполийский вестник, №43-45

ДЕКЛАРАЦИЯ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА (1937 г.)

Единство русского народа в его трех ветвях: в первородстве, языке, религии, культуре и пр. — неоспоримо и неопровержимо. Только злой умысел и корыстные цели могут заставить людей доказывать обратное и вести пагубную для всего русского племени борьбу за разделение его и дробление на мелкие самостоятельные державы.

Мы, сыны древней Киевской Руси, ныне Украины, несколько обособленные в укладе жизни и языке, стоим за единство Российского Государства, созданного совместными усилиями лучших сынов его.

Украинское Национальное Казачество в лихую пору в 17 в., под водительством гетмана Богдана Хмельницкого, освободило Украину от польского ига и заключило вечный союз со своим северным братом. В настоящее время Украина вновь попала, совместно со всеми народами России под небывалое до сих пор иго интернациональной власти.

Украинское национальное казачество, следуя заветам своих славных предков, казаков, о ненарушимости единства Российского Государства, будет защищать свой народ, веру, свободу, право и землю его и бороться против III интернационала и всех, идущих с ним, разрушителей нашей Родины.

Мы заявляем всем государственно-мыслящим русским людям, что пропаганда «Самостийной Украины» не встречает сочувствия в широкой массе украинского народа. Не будет и стремлений к сепаратизму, если сами русские своею непримиримостью не будут создавать для этого благоприятной почвы.

С 1917 г. украинский народ, хотя и под игом III интернационала, но живет своею особой национальной государственной жизнью, в союзе с другими народами Российского Государства. Всякое посягательство на лишение или умаление старинных и вновь приобретенных прав на такую его жизнь, приведет не к объединению всего русского племени, а к вражде, разделу и кровавым междоусобицам.

Укр. Нац. казачество, поставив себе конечною целью освобождение своих братьев от большевицкого ига и воссоздание Российского Государства, будет стремиться к созданию общего

противо-большевицкого фронта со всеми аналогичными по духу и цели организациями.

От имени Укр. Нац. казачества:

Атаман Гулай

Генерального Штаба полковник Алексеев

Генерального Штаба полковник Петренко

Журнал «Вестник Галлиполийцев» № 43 от 15 января 1937 г.

РЕЗОЛЮЦИИ БЕЛОГО СЪЕЗДА

(Подлинный текст некоторых резолюций, принятых на Съезде Белых Организаций, имевшем место в Румынии в августе—сентябре 1938 г.)

ОБ УКРАИНЕ

Украина признается наиболее угрожаемою частью России в смысле отделения и завоевания. Украинский сепаратизм есть явление искусственное, лишенное реальных оснований. Он возник из честолюбия вожаков и международной завоевательной интриги. Малороссы суть ветвь единого, славянорусского народа. Эта ветвь не имеет причин враждовать с другими ветвями того же народа и отделяться в отдельное государство. Отделившись, это государство предаст само себя на завоевание и разграбление иностранцам. Малороссия и Великороссия связаны воедино верой, племенем, исторической судьбой, географическим положением, хозяйством, культурой и политикой. Иностранцы, подготовляющие расчленение, должны помнить, что они объявляют этим всей России вековую борьбу. Не будет мира и хозяйственного расцвета на востоке при таком расчленении. Россия превратится в источник гражданских и международных войн на века. Расчленяющая держава станет ненавистнейшим из врагов национальной России.

В борьбе с нею будут пущены в ход все союзы и всякие средства. Россия переложит свой центр на Урал, соберет все свои огромные силы, разовьет свою технику, найдет себе могучих союзников и будет бороться до тех пор, пока не подорвет в конец и навсегда мощь расчленяющей державы. Национальная Россия не ищет ничьей гибели, но она сумеет ответить своевременно на всякую попытку расчленения и будет бороться до конца. Всякой державе выгодней иметь Россию другом, а не врагом. История еще не сказала своего последнего слова.

** Текст резолюций написан проф. И.А. Ильным*

Что сулит миру расчленение России?

1. Беседуя с иностранцами о России, каждый верный русский патриот должен разъяснять им, что Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно сложенный «механизм» «областей», но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально-младшими братьями — духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейски-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия. Расчленение его явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена.

Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения, брожения, гниения и всеобщего заражения. И в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся вселенная. Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. Это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейские, азиатские и американские) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчеты в нововозникшие малые государства; они будут соперничать друг с другом, добиваться преобладания и «опорных пунктов»; мало того, выступают империалистические соседи, которые будут покушаться на прямое или скрытое «аннексирование» неустроенных и незащищенных новообразований (Германия двинется на Украину и Прибалтику, Англия покусится на Кавказ и на Среднюю Азию, Япония на дальневосточные берега и т. д.). Россия превратится в гигантские «Балканы», в вечный источник

войн, в великий рассадник смут. Она станет мировым бродилом, в которое будут вливаться социальные и моральные отбросы всех стран («инфильтранты», «оккупанты», «агитаторы», «разведчики», революционные спекулянты и «миссионеры»), все уголовные, политические и конфессиональные авантюристы вселенной. Расчлененная Россия станет неизлечимую язвою мира.

2. Установим сразу же, что подготовляемое международною закулисою расчленение России не имеет за себя ни малейших оснований, никаких духовных или реально политических соображений, кроме революционной демагогии, нелепого страха перед единой Россией и застарелой вражды к русской монархии и к Восточному Православию. Мы знаем, что западные народы не понимают и не терпят русского своеобразия. Они испытывают единое русское государство, как плотину для их торгового, языкового и завоевательного распространения. Они собираются разделить всеединый российский «веник» на прутики, переломать эти прутики поодиночке и разжечь ими меркнущий огонь своей цивилизации. Им надо расчленив Россию, чтобы провести ее через западное уравнивание и развязание и тем погубить ее: план ненависти и властолюбия.

3. Напрасно они ссылаются при этом на великий принцип «свободы»: «национальная свобода» требует-де «политической самостоятельности». Никогда и нигде племенное деление народов не совпадало с государственным. Вся история дает тому живые и убедительные доказательства. Всегда были малые народы и племена, неспособные к государственному самостоянию. Проследите тысячелетнюю историю армян, народа темпераментного и культурно самобытного, но не государственного; и далее спросите: где самостоятельные государства фламандцев (4,2 млн. в Бельгии, 1 млн. в Голландии), или валлонов (4 млн.), почему не суверенны уэльские кимры и шотландские гэлы (0,6 млн.), где государства кроатов (3 млн.), словенцев (1,26 млн.), словаков (2,4 млн.), вендов (65 тыс.), французских басков (170 тыс.), испанских басков (450 тыс.), цыган (до 5 млн.), швейцарских лодинов (45 тыс.), испанских каталонцев (6 млн.), испанских галлегосов (2,2 млн.), курдов (свыше 2 млн.) и многого множества других азиатских, африканских, австралийских и американских племен?

Итак, племенные «швы» Европы и других материков совершенно не совпадают с государственными границами. Многие

малые племена только тем и спаслись в истории, что примыкали к более крупносыльным народам, государственным и толерантным: отделить эти малые племена значило бы — или передать их новым завоевателям и тем окончательно повредить их самобытную культурную жизнь, или погубить их совсем, что было бы духовно разрушительно, хозяйственно разорительно и государственно нелепо. Вспомним историю древней Римской империи — это множество народов, «включенных», получивших права римского гражданства, самобытных и огражденных от варваров. А современная Великобританская империя? И вот именно таково же культуртрегерское задание единой России.

Ни история, ни современное правосознание не знают такого правила: «сколько племен, столько государств». Это есть новоизобретенная, нелепая и гибельная доктрина; и ныне она выдвигается именно для того, чтобы расчленить единую Россию и погубить ее самобытную духовную культуру.

4. Далее, пусть не говорят нам о том, что «национальные меньшинства» России стояли под гнетом русского большинства и его государей. Это вздорная и ложная фантазия. Императорская Россия никогда не денационализировала свои малые народы, в отличие хотя бы от германцев в Западной Европе.

Дайте себе труд заглянуть в историческую карту Европы эпохи Карла Великого и первых Каролингов (768—843 по Р. Х.). Вы увидите, что почти от самой Дании, по Эльбе и за Эльбой (славянская «Лаба»), через Эрфурт к Регенсбургу и по Дунаю сидели славянские племена: абодриты, лютичи, линоны, гевелы, редарии, укры, поморяне, сорбы и много других. Где они все? Что от них осталось? Они подверглись завоеванию, искоренению или полной денационализации со стороны германцев. Тактика завоевателя была такова: после военной победы в стан германцев вызывался ведущий слой побежденного народа; эта аристократия вырезывалась на месте; затем обезглавленный народ подвергался принудительному крещению в католицизм, несогласные убивались тысячами; оставшиеся принудительно и безропотно германизировались. «Обезглавление» побежденного народа есть старый общегерманский прием, который был позднее применен и к чехам, а в наши дни опять к чехам, полякам и русским (для чего и внедрены были в Россию большевики с их террором).

Видано ли, слыхано ли что-нибудь подобное в истории Рос-

сии? Никогда и нигде! Сколько малых племен Россия получила в истории, столько она и соблюла. Она выделяла, правда, верхние слои присоединенных племен, но лишь для того, чтобы включить их в свой имперский верхний слой. Ни принудительным крещением, ни искоренением, ни всеуравняющим обрусением она никогда не занималась. Насильственная денационализация и коммунистическая уравниловка появились только при большевиках.

И вот доказательство: население Германии, поглотившей столько племен, доведено посредством беспощадной денационализации до всегерманской однородности, а в России общие переписи установили сначала свыше ста, а потом до ста шестидесяти различных языковых племен; и до тридцати различных исповеданий. И господа расчленители забывают, что племенной состав для затеваемого ими политического расчленения соблюла именно императорская Россия.

Вспомним хотя бы историю немецких колонистов в России. Подверглись ли они за 150 лет денационализации? Они переселились на Волгу и в южную Россию во второй половине XVIII века и позже (1765—1809) — в числе 40—50 тысяч. К началу XX века это был богатейший слой российского крестьянства, числом около 1,2 млн. человек. Все соблюли свой язык, свои исповедания, свои обычаи. И когда, доведенные экспроприацией большевиков до отчаяния, они хлынули назад в Германию, то немцы с изумлением услышали в их устах исконные — голштинские, вюртембергские и иные диалекты. Все сообщения о принудительной русификации были этим опровергнуты и посрамлены.

Но политическая пропаганда не останавливается и перед явной ложью.

5. Далее, надо установить, что самое расчленение России представляет задачу территориально неразрешимую. Императорская Россия не смотрела на свои племена, как на дрова, подлежащие перебросу с места на место; она никогда не гоняла их по стране произвольно. Расселение их в России было делом истории и свободного оседания: это был процесс иррациональный, не сводимый ни на какие географические размежевания; это был процесс колонизации, ухода, переселения, рассеяния, смешения, уподобления, размножения и вымирания. Откройте дореволюционную этнографическую карту России (1900—1910), и вы уви-

дите необычайную пестроту: вся территория наша была испещрена маленькими национальными «островками», «ответвлениями», «окружениями», племенными «заливами», «проливами», «каналами» и «озерами». Всмотритесь в это племенное смешение и учтите следующие оговорки: 1) все эти цветовые обозначения условны, ибо никто не мешал грузинам жить в Киеве или Петербурге, армянам в Бессарабии или Владивостоке, латышам в Архангельске или же на Кавказе, черкесам в Эстонии, великороссам повсюду и т. д.; 2) поэтому все эти краски на карте обозначают не «исключительную», а только «преимущественную» племенную заселенность; 3) все эти племена за последние столетия вступали друг с другом в кровное смешение, причем дети от смешанных браков вступали в новые и новые племенные смешения; 4) учтите еще дар русского духа и русской природы непринудительно и незаметно обрусевать людей иной крови, что и передается в южнорусской поговорке «папа — турок, мама — грек, а я русский человек»; 5) распространите этот процесс на всю русскую территорию — от Аракса до Варангерской губы и от Петербурга до Якутска, — и вы поймете, почему провалилась большевистская попытка показным образом размежевать Россию на национальные «республики».

Большевикам не удалось отвести каждому племени его особую территорию потому, что все племена России разбросаны и рассеяны, кровно смешаны и географически перемешаны друг с другом.

Политически обособляясь, каждое племя претендует, конечно, на течение «своих» рек и каналов, на плодородную почву, на подземные богатства, на удобные пастбища, на выгодные торговые пути и на стратегические оборонительные границы, не говоря уже о главном «массиве» своего племени, как бы малочислен ни был этот «массив». И вот если мы отвлечемся от малых и рассеянных племен, как-то: вотяки, пермяки, зыряне, воргулы, остяки, черемисы, мордва, чуваша, ижора, талышинцы, крызцы, долгане, чуванцы, алеуты, лаки, табасарцы, удины и другие, — и взглянем только в национальную гущу Кавказа и Средней Азии, то мы увидим следующее.

Расселение более крупных и значительных племен в России таково, что каждое отдельное «государствице» должно было отдать свои «меньшинства» соседям и включить в свой состав

обильные чужие «меньшинства». Так обстояло в начале революции в Средней Азии с узбеками, таджиками, киргиз-кайсаками и туркменами: здесь попытки политического размежевания вызвали только ожесточенное соперничество, ненависть и неповиновение. Так же обстояло и на Кавказе. Застарелая национальная вражда между азербайджанскими татарами и армянами требовала строгого территориального раздела, а этот раздел оказался совершенно неосуществимым: обнаружались большие территориальные узлы со смешанным населением, и только присутствие советских войск предотвращало взаимную резню. Подобные же большие узлы образовались при размежевании Грузии и Армении уже в силу одного того, что в Тифлисе, главном городе Грузии, армяне составляли почти половину населения, и притом наиболее зажиточную половину.

Понятно, что большевики, желавшие под видом «национальной самостоятельности» изолировать, денационализировать и интернационализировать российские племена, разрешали все эти задачи диктаториальным произволом, за которым скрывались партийно-марксистские соображения, и силою красноармейского оружия.

Так, национально-территориальное размежевание народов было делом искони безнадежным.

6. Ко всему сказанному надо добавить, что целый ряд российских племен живет доньше в состоянии духовной и государственно-политической малокультурности: среди них есть такие, что пребывают религиозно в самом примитивном шаманстве; вся «культура» сводится у многих к кустарным ремеслам; кочевничество далеко еще не изжито; не имея ни естественных границ своей территории, ни главных городов, ни своих письменных знаков, ни своей средней и высшей школы, ни своей национальной интеллигенции, ни национального самосознания, ни государственного правосознания, они (как это было известно русскому императорскому правительству и как это подтвердилось при большевиках) неспособны к самой элементарной политической жизни, не говоря уже о разрешении сложных задач судопроизводства, народного представительства, техники, дипломатии и стратегии. В руках большевиков они оказались политическими «куклами», надетыми на «пальцы» большевистской диктатуры: двигались эти пальцы, и несчастные «куклы» шевелились, кла-

нялись, покорно разводили руками и лепетали партийно-марксистские пошлости. Демагогия и обман, экспроприация и террор, разрушение религии и быта выдавались за «национальный расцвет» российских меньшинств, а на западе находились глупцы и продажные корреспонденты, которые воспевали это «освобождение народов».

Неизбежен вопрос: после отчленения этих племен от России кто завладеет ими? Какая иностранная держава будет разыгрывать их и тянуть из них жизненные соки?..

7. С тех пор протекли десятилетия большевистского произвола, голода и террора. С тех пор пронесся ураган Второй мировой войны и была проведена послевоенная «национальная чистка». Вот уже 33 года, как большевики убивают или вымаривают голодом непокорные слои населения и перебрасывают людей всех российских племен и наций массами в концлагеря, в новые города и на фабрики. Вторая мировая война сдвинула с места всю западную половину Европейской России, уводя одних («украинцев», немецких колонистов, евреев) на восток к Уралу и за Урал, а других на запад в качестве пленных «остарбайтеров» или беженцев (в том числе добровольно ушли в Германию целую массу калмыки). Немцы заняли тогда русскую территорию с населением около 85 миллионов людей, массами расстреливали заложников и истребили около полутора миллионов евреев. Этот режим расстрелов и передвижений продолжался затем при большевиках после обратного занятия ими отвоеванных у них территорий. Потом начались расправы с национальными меньшинствами: надо считать почти погубленными немцев-колонистов, крымских татар, карачаев, чеченцев и ингушей, а ныне расправа продолжается в Эстонии, Латвии и Литве. Представители УНРА исчислили погибших жителей Белоруссии в 2,2 миллиона, а на Украине — в 7—9 миллионов. Помимо этого нам достоверно известно, что выбывающее население Украины, Белоруссии и Прибалтики пополняется населением из центральных губерний, с иными национальными традициями и тяготениями.

Все это означает, что процесс вымирания, национальной перетасовки и племенного смешения достиг в России за время революции небывалых размеров. Целые племена исчезли совсем или сведены к ничтожеству; целые губернии и области очнутся после революции с новым составом населения; целые уезды ока-

жуются запустевшими. Все прежние планы и расчеты господ-расчленителей окажутся беспочвенными и несостоятельными. Если же советская революция закончится третьей мировой войной, то в племенном и территориальном составе русского населения произойдут такие изменения, после которых сама идея национально-политического расчленения России может оказаться совершенно нежизненной химерой, планом не только изменническим, но просто глупым и неосуществимым.

8. И тем не менее мы должны быть готовы к тому, что расчленители России попытаются провести свой враждебный и нелепый опыт даже и в послебольшевистском хаосе, обманно выдавая его за высшее торжество «свободы», «демократии» и «федерализма»: российским народам и племенам на гибель, авантюристам, жаждущим политической карьеры, на «процветание», врагам России на торжество. Мы должны быть готовы к этому, во-первых, потому, что германская пропаганда вложила слишком много денег и усилий в украинский (а может быть, и не только в украинский) сепаратизм; во-вторых, потому, что психоз мнимой «демократии» и мнимого «федерализма» охватил широкие круги пореволюционных честолюбцев и карьеристов; в-третьих, потому, что мировая закулиса, решившая расчленить Россию, отступит от своего решения только тогда, когда ее планы потерпят полное крушение.

9. И вот, когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг: «Народы бывшей России, расчленяйтесь!» — то откроются две возможности: или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои крепкие руки «бразды правления», погасит этот гибельный лозунг и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране; или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмищений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия.

Тогда Россия будет охвачена анархией и выдаст себя с головой своим национальным, военным, политическим и вероисповедным врагам. В ней сложится тот водоворот погромов и смуты, тот «Мальстрем нечисти», на который мы указали в пункте 1; тогда отдельные части ее начнут искать спасения в «бытии о себе», т. е. в расчленении.

Само собой разумеется, что этим состоянием анархии захотят воспользоваться все наши «добрые люди»; начнутся всевозможные военные вмешательства под предлогом «самоограждения», «замирения», «водворения порядка» и т. д. Вспомним 1917—1919 годы, когда только ленивый не брал плохо лежащее русское добро; когда Англия топила союзно-русские корабли под предлогом, что они стали «революционно опасными», а Германия захватила Украину и докатилась до Дона и Волги. И вот «добрые соседи» снова пустят в ход все виды интервенции: дипломатическую угрозу, военную оккупацию, захват сырья, присвоение «концессий», расхищение военных запасов, одиночный, партийный и массовый подкуп, организацию наемных сепаратистских банд (под названием «национально-федеративных армий»), создание марионеточных правительств, разжигание и углубление гражданских войн по китайскому образцу. А новая Лига Наций попытается установить «новый порядок» посредством заочных (парижских, берлинских или женеvских) резолюций, направленных на подавление и расчленение национальной России.

Допустим на момент, что все эти «свободолюбивые и демократические» усилия временно увенчаются успехом и Россия будет расчленена. Что же даст этот опыт российским народам и соседним державам?

10. При самом скромном подсчете, — до двадцати отдельных «государств», не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армий, ни бесспорно национального населения. До двадцати пустых названий. Но природа не терпит пустоты. И в эти образовавшиеся политические ямы, в эти водовороты сепаратистской анархии хлынет человеческая порочность: во-первых, вышколенные революцией авантюристы под новыми фамилиями; во-вторых, наймиты соседних держав (из русской эмиграции); в-третьих, иностранные искатели приключений, кондотьеры, спекулянты и «миссионеры» (перечитайте «Бориса Годунова» Пушкина и исторические хроники Шекспира). Все это будет заинтересовано в затягивании хаоса, в противорусской агитации и пропаганде, в политической и религиозной коррупции.

Медленно, десятилетиями будут слагаться новые, отпавшие или отчлененные государства. Каждое поведет с каждым соседним длительную борьбу за территорию и за население, что

будет равносильно бесконечным гражданским войнам в пределах России.

Будут появляться все новые жадные, жестокие и бессовестные «псевдогенералы», добывать себе «субсидии» за границей и начинать новую резню. Двадцать государств будут содержать 20 министерств (2010, по меньшей мере, 200 министров), двадцать парламентов (20200, минимум 4000 парламентариев), двадцать армий, двадцать штабов, двадцать военных промышленности, двадцать разведок и контрразведок, двадцать полиций, двадцать таможенных и запретительных систем и двадцать всемирно разбросанных дипломатических и консульских представительств. Двадцать расстроенных бюджетных и монетных единиц потребуют бесчисленных валютных займов; займы будут даваться «державами» под гарантии «демократического», «концессионного», «торгово-промышленного» и «военного» рода. Новые государства окажутся через несколько лет сателлитами соседних держав, иностранными колониями или «протекторатами». Известная нам из истории федеративная неспособность русского населения и столь же исторически доказанная тяга его к «самостоятельному фигурированию» довершат дело: о федерации никто и не вспомнит, а взаимное ожесточение российских соседей заставит их предпочитать иноземное рабство всерусскому единению.

11. Чтобы наглядно вообразить Россию в состоянии этого длительного безумия, достаточно представить себе судьбу «самостийности Украины».

Этому «государству» придется прежде всего создать новую оборонительную линию от Овруча до Курска и далее через Харьков на Бахмут и Мариуполь. Соответственно, должны будут «ощетиниться» фронтон против Украины и Великороссия, и Донское Войско. Оба соседних государства будут знать, что Украина опирается на Германию и является ее сателлитом и что в случае новой войны между Германией и Россией немецкое наступление пойдет с самого начала от Курска на Москву, от Харькова на Волгу и от Бахмута и Мариуполя на Кавказ. Это будет новая стратегическая ситуация, в которой пункты максимального доньше продвижения германцев окажутся их исходными пунктами.

Нетрудно представить себе и то, как к этой новой стратегической ситуации отнесутся Польша, Франция, Англия и Соединенные Штаты; они быстро сообразят, что признать само-

стейную Украину — значит отдать ее германцам (т. е. признать Первую и Вторую мировые войны проигранными!) и снабдить их не только южнорусским хлебом, углем и железом, но и уступить им Кавказ, Волгу и Урал.

На этом может начаться отрезвление Западной Европы от «федеративного» угара и от общерусского расчленения.

12. Из всего этого явствует, что план расчленения России имеет свой предел в реальных интересах России и всего человечества.

Доколе ведутся отвлеченные разговоры, доколе политические доктринеры выдвигают «соблазнительные» лозунги, делают ставку на русских изменников и забывают империалистическую похоть предприимчивых соседей; доколе они считают Россию конченною и похороненною, а потому беззащитною, дело ее расчленения может представляться решенным и легким. Но однажды великие державы реализуют в воображении неизбежные последствия этого расчленения и однажды Россия очнется и заговорит; тогда решенное окажется проблематичным и легкое трудным.

Россия, как добыча, брошенная на расхищение, есть величина, которую никто не осилит, на которой все перессорятся, которая вызовет к жизни невероятные и неприемлемые опасности для всего человечества. Мировое хозяйство, и без того выведенное из равновесия утратой здорового производства России, увидит себя перед закреплением этого бесплодия на десятки лет. Мировое равновесие, и без того ставшее шатким, как никогда, окажется обреченным на новые невиданные испытания. Расчленение России не даст ничего далеким державам и невероятно укрепит ближайших соседей-империалистов. Трудно придумать меру, более выгодную для Германии, как именно провозглашение русской «псевдофедерации»: это значило бы «списать со счета» Первую мировую войну, весь междувоенный период (1918—1939) и всю Вторую мировую войну — и открыть Германии путь к мировой гегемонии. Самостийная Украина только и может быть «трамплином», ведущим немцев к мировому водительству.

Именно Германия, восприняв старую мечту Густава Адольфа, силится отбросить Россию до «Московской эпохи». При этом она, рассматривая русский народ как предназначенный для нее исторический «навоз», совершенно неспособна понять, что Рос-

сия не погибнет от расчленения, но начнет воспроизведение всего хода своей истории заново: она, как великий «организм», снова примется собирать свои «члены», продвигаться по рекам к морям, к горам, к углю, к хлебу, к нефти, к урану.

Легкомысленно и неумно поступают враги России, «впрыскивая» российским племенам политически безумную идею расчленения. Эта идея расчленения европейских держав была однажды выдвинута на Версальском конгрессе (1918). Тогда она была принята и осуществлена. И что же? В Европе появился ряд небольших и в самоотставании слабосильных государств: Эстония, Латвия и Литва; многоземельная, но неудобозащитимая Польша; стратегически безнадежная, ибо всюду удобопроломимая и внутренне разъединенная Чехословакия; маленькая и разоруженная Австрия; урезанная, обиженная и обессиленная Венгрия; до смешного раздувшаяся и стратегически ничего не стоящая Румыния; и не по-прежнему обширная, но по-новому оскорбленная, мечтающая о реванше Германия. С тех пор прошло тридцать лет, и когда мы теперь оглядываемся на ход событий, то невольно спрашиваем себя: может быть, версальские политики хотели приготовить для воинственной Германии обильную и незащищенную добычу — от Нарвы до Варны и от Брегенца до Барановичей? Ведь они превратили всю эту европейскую область в какой-то «детский сад» и оставили этих беззащитных «красных шапочек» наедине с голодным и обозленным волком... Были ли они столь наивны, что надеялись на французскую «гувернантку», которая «воспитает» волка? Или они недооценили жизненную энергию и горделивые замыслы немцев? Или они думали, что Россия по-прежнему спасет европейское равновесие, ибо воображали и уверяли себя, что Советское государство и есть Россия? Что ни вопрос, то нелепость...

Трудно теперь сказать, о чем именно эти господа тогда думали и о чем не думали. Ясно только, что приготовленное ими расчленение Европы, заключенной между германским и советским империализмом, было величайшей глупостью двадцатого века. К сожалению, эта глупость их ничему не научила и рецепт расчленения опять извлечен из дипломатических портфелей.

Но для нас поучительно, что европейские политики заговорили одновременно — о паневропейском объединении и о всероссийском расчленении! Мы давно прислушиваемся к этим

голосам. Еще в 1920-х годах в Праге видные социалисты-революционеры публично проболтались об этом замысле, избегая слова «Россия» и заменяя его описательным выражением «страны, расположенные к востоку от линии Керзона». Мы тогда же отметили эту многообещающую и, в сущности, изменническую терминологию и сделали соответствующий вывод: мировая закулиса хоронит единую национальную Россию...

Не умно это. Не дальновидно. Торопливо в ненависти и безнадежно на века. Россия не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по собственности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно! Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!

УКРАИНСКАЯ АВТОКЕФАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ - ЛИПКОВЩИНА ИЛИ «САМОСВЯТСТВО»

Возникновение в Малороссии, называемой ныне Украиной, украинской церкви совпадает с периодом советского НЭП'а на Украине от 1921 г. по 1930 г. Исполнителем программы «украинского НЭП'а» является кандидат в члены Всесоюзного ЦИК'а — и секретарь Украинского ЦИК'а Скрыпник. Он как истый украинский патриот и националист, украинизировал учреждения Малороссии, учебные заведения и главное свое внимание обратил на «украинизацию» Православной Церкви, которая в то время была едина и сильна и составляла одно цельное с Российской Церковью.

Создание украинской церкви, названной ее организаторами «Украинской Автокефальной Православной Церковью» интересовало Советское правительство по двум причинам:

1) этим разбивалось единство Российской Церкви и подрывались религиозно нравственные устои населения Малороссии. В центре России Советское правительство к этому времени способствовало возникновению «Живой церкви» и «Обновленчества» с той же самой целью уничтожения Православной Церкви;

2) При помощи украинской церкви произвести учет возникшего при Украинском правительстве, в 1918-19 г. г. по городам украинского сепаратистического элемента, разсосавшегося среди народных масс.

Советской властью была предоставлена свобода украинским общественным деятелям по созданию «национальной украинской церкви». В половине 1921 г. под председательством Михаила Морозова и секретарством Ивана Тарасенка возникла в Киеве «Всеукраинская Православная Церковная Рада» сокращение — «ВПЦР»). «Рада» (по-русски «Совет») получила в свое ведение соборы в Киеве, отбираемые Советской властью от православных. Так, раньше всего им был передан Софийский собор в Киеве. Ни один православный епископ не вошел в состав «Рады» и не поддерживал фаворизируемого Советами украинского церковного движения. Нашлось только несколько священников, которые надеялись создать себе карьеру в поощряемой гражданской

властью новой церковной организации, и охотно вошли в состав организаторов украинской церкви. Это духовенство возглавлял запрещенный в служении православным епископом — протоиерей Василий Липковский. Последний был известен, как крайний сторонник независимости Украины от Москвы, и не только в церковном, но и политическом отношении.

«ВПЦР» получила директивы от советской власти организовать независимую или автокефальную украинскую церковь с собственным епископатом. «ВПЦР» созвала из своих сторонников осенью 1921 г. собор, который носил название «Всеукраинский Собор Православной Церкви». Нужно заметить, что украинские церковные организаторы от начала и до сего дня подчеркивают на каждом месте, что они и их церковные организации «православные», не взирая на то, что ими нарушены св. Каноны Православной Вселенской Церкви. Украинский собор открыл свои заседания 1-го октября 1921 г. в соборе Св. Софии в Киеве. Не смотря на просьбы «радников» ни один из православных епископов не явился на этот собор. Посему на соборе были поставлены вопросы: 1) считает-ли себя собор «каноническим собором украинской автокефальной православной церкви» из-за отсутствия епископов, или обыкновенным совещанием? 2) о епископате; 3) об организации «украинской автокефальной православной церкви» и др.

По этому поводу первым выступил прот. Василий Липковский со своими тезисами: 1) «все верные прибывшие на собор, не частные лица, а избранные и представители приходов (прим. автора: — каждому известны выборы в советских условиях) и потому голос их на соборе является голосом всей той церкви, которая их избрала, т. е. голосом всей украинской церкви; 2) все члены Собора собрались во имя Христова с целью решения дел о жизни Христовой церкви среди украинского народа, и посему среди них, согласно Его слову, присутствует Христос (прим. автора - такое мнение при данном положении является не православным); 3) все члены собора преисполнены верой, что украинской церковью управляет Дух святой и что «благодать святого Духа нас здесь избрала» (прим. автора: такое мнение о соборе без епископа является еретическим); 4) потому наш собор имеет в себе все условия к тому, чтобы быть каноническим, юридическим собором всей церкви; 5) каждый член церкви становится членом Собора не потому, какое он занимает положение или служение в церкви,

а потому — является ли он избранным от церкви на Собор, независимо от того, есть ли он епископ, или священник, или мирянин, ибо в церкви перед Христом все равны (прим. автора: — мнение схоже с протестантским); б) потому, если епископы не прибыли на собор, то потому, что они не считают себя членами нашей церкви, или же не считают себя избранныками Церкви, или же еще потому, что считают себя высшими над другими верными в церкви, желают господствовать на соборе. В первых двух случаях они были бы лишними на соборе, а в последнем даже вредными, ибо ничто так не отделяет Христа от Собора, не отводит благодать Св. Духа, как пыха гордости, господство над братьями. Когда же Всеукраинская Православная Церковная Рада просила епископов персонально стать членами Собора, а они не захотели явиться, то для них совсем подходят слова Христа о званых на вечерю. Богатые и знатные не хотели придти, но потому не была отложена вечеря, а наоборот еще больше гостей собрано, хотя бедных, слепых, нагих, но Божья трапеза наполнилась гостями; Собор у Бога отбылся и без тех, которые считали себя авторитетными и великими»¹ (прим. автора: — осуждение православных епископов без всяких оснований и предложение стать на неканонический соборный путь — без епископа).

По дискуссиях по поводу приведенных выше тезисов Липковского, «Собор признал себя каноническим и юридически уполномоченным голосом всей Украинской Церкви».²

«Всеукраинский собор» решил, таким образом, отказаться от Св. Канонов Православной Церкви относительно «хиротонии епископа не менее, чем двумя епископами» и рукоположил себе епископат по собственному обряду. Собор избрал своим митрополитом прот. Василия Липковского и за литургией, совершаемой 30-ю священниками и 12 диаконами, при участии всех членов собора и присутствующих в храме мирян, было произведено рукоположение украинского автокефального митрополита. В момент рукоположения все присутствующие в храме стали возлагать руки на плечи другому впереди стоящему от входа храма до солеи и на стоящих на солеи членов собора-мирян, последние

1 Митрополит Василь Липкивский: «История Украинської Православної Церкви» 1930 р., стр. 18—19. Эта рукопись была привезена в 1944 г. в Варшаву и переписана на машинке, Липковський в советских условиях не мог ее издать книгой, а, между тем, она многих бы, пребывающих в «украинской автокефалии» убедила бы в противоположном.

2 Там же.

на диаконов, диаконы на священников, а священники на ставленника. Новопоставленный «митрополит» Василий Липковский немедленно рукоположил во епископа священника Нестора Шараевского и священ. Иоанна Теодоровича. «Автокефальная иерархия продолжала рукополагать новых епископов, и перед 1926 г. их насчитывалось не менее 28 человек.

Помещенная в «украинском журнале «Пу-Гу» иллюстрация иерархов «украинской автокефальной церкви» изображает 28 епископов и называет их «борцами за украинску церкву».¹ На иллюстрации они представлены в прекрасных предреволюционных архиерейских облачениях, видимо, заграбленных из ризниц православных архиерейских храмов во время томления православных епископов в советских тюрьмах. Сшить подобные облачения во время революционной Российской разрухи и по закрытии большевиками монастырей не было возможности, и посему остается заключить, что эти богатые облачения попали в руки украинских автокефалистов путем грабежа. На головах этих лже-епископов возложены прекрасной работы митры, на грудях — богатые и роскошные панагии и кресты, а в руках их — художественной формы жезлы — все собственность православных архиереев. Так Советская власть одела своих архиереев для Украины.

Киевский «Всеукраинский Собор» изменил также Св. Каноны Православной Церкви относительно кандидатов во епископы. В Православной Церкви допускается кандидат во епископа тогда если он неженатый или вдов и принял монашество, а «всеукраинский собор» допустил епископат женатый и свое новаторство занес отдельным пунктом в «Деяния собора». Кроме этого, собором, заседавшим от 14 по 30 октября 1921 г., были уложены и другие каноны. Все деяния и каноны украинцы издали отдельной книгой. В прошлом 1946 г., поклонники покойного Липковского переиздали эти «Деяния и каноны Всеукраинского православного собора» 1921 г. в Германии, опустив те пункты, которые восхваляют и протезируют Советскую власть. Из содержания этих «деяний» вытекает, что «украинские автокефалисты» избрали новое устройство для своей церкви, основанное на, так называемой, «соборноправности», т. е., что все члены церкви, как духовные, так и миряне, в церковных делах имеют равноправные голоса.

¹ Журнал «Пу-Гу» издается в Баварии в Аугсбурге (Американская зона) и упомянутая иллюстрация «автокефальных украинских епископов» помещена в № 21 от 27/VII 1947 г.

Для проведения «соборноправности» в жизнь собор изменил все административное церковное устройство, до сего времени практикуемое в Православной Церкви. Возглавление всеукраинской церкви, управление епархией, благочинническим округом и приходом передавалось в ведение, так называемых «церковных рад» (церковных советов), модных по тому времени, и председателями их являлись светские лица.

Нельзя не заметить, что во время заседаний «ВПЦР» и «Всеукраинского Собора Православной Церкви» в храме св. Софии в Киеве, на дверях его вывешивались все новые плакаты на украинском языке, в содержании которых Советская власть восхвалялась и оценивались ее заслуги перед «украинской церковью», а православный епископат на Украине осуждался.

В 1922 году с благословения Патриарха Тихона, состоялся законный Собор Православных Епископов Украины под председательством митрополита Киевского Михаила (Ермакова). Но самозванная лже-иерархия созданной большевиками «украинской православной автокефальной церкви» (в сокращении она называлась «УПАЦ»), этого Собора не признала и выступила против него. Собор епископов разослал Архипастырское послание к православному населению Украины, в котором все эти действия «автокефалистов» назвал «домашним действием двух лиц: Шараевский посвятил Липковского, а последний — Шараевского» и посему народ стал называть их «самосвяты» или «самогонщики», каковое название сохранилось среди православных масс до последних дней.

Из рукописи В. Липковского вытекает, что «УПАЦ» явилась помощницей Советской власти в проведении украинского НЭП'а и посему ее развитие и существование тесно связано с этим НЭП'ом. В этот период, — пишет Липковский, — пришлось его духовенству быть на услугах ЧЕК и ГПУ, а с окончанием украинского НЭП'а всех их постигла та же участь, что и верных, вошедших в его церковь. После НЭП'а остались в живых из липковского духовенства отдельные лица, как светские скрывшиеся среди населения или перешедшие в «Обновленчество». Обновленческая церковь, по приказу Советской власти, стала развивать свою деятельность в Малороссии, спустя два года по возникновении «УПАЦ». По прекращении существования «УПАЦ» после НЭП'а «обновленческая церковь» стала развивать широко свою деятельность и как бы собой заменила «УПАЦ». В народном мнении

«УПАЦ» сохранилось как отрицательное явление, ибо народ считал ее духовенство сотрудниками Советов по чистке населения на Украине, тесно связанными с ГПУ. Это мнение народа можно было слышать на Украине во время немецкой оккупации.

В конце своей рукописи В. Липковский откровенно признается, что их дело в Советском Союзе закончено и одна надежда на возрождение и расцвет его церкви почивает на епископе Поликарпе (Сикорском) в Польше.

Германо-советская война 1941 г. застала на Украине: обновленческие церкви, приходы Московского митрополита Сергия, местоблюстителя заместителя Патриаршего Престола, Катакомбную Церковь, верных которой на Украине называли Тихоновцами и можно было встретить еще отдельных лиц светских и даже духовных последователей липковщины.

Архиепископ Иоанн Теодорович, во время эмигрировавший из Советов и ныне проживающий в Филадельфии США, является единственным епископом липковской иерархии из Киева. В 1947 г. в Регенсбурге (Бавария) была переиздана его книга: «Благодатность иерархии УПАЦ». Теперь он сам отрекается от изложенных в ней доказательств и признает неканоничность своего посвящения.

По рижскому трактату 1921 г. в территорию возрожденной Польши вошли на востоке земли с православным населением, достигавшим 5 миллионов. Вначале это население считалось русским, но Польское правительство решило ликвидировать в его душе «москофильский дух» и, по примеру Габсбургского двора в Вене, задумало сперва его «украинизировать»¹, а позже «полонизировать». Православное население на территории Полесья (на юг от реки Припяти), Волини и бывшей Холмской Руси стало считаться поляками за украинцев, а на север от р. Припяти было зачислено к белоруссам. Таких православных украинцев насчитывалось около 65 % всего православного населения в Польше. До смерти маршала И. Пилсудского, большого русофоба, Польское правительство проводило «украинизацию» этого населения

¹ Известно, что с концом 19-го века Австро-Венгерский двор, под влиянием и по совету римо-католических кругов, стал готовить среди Галичан, исповедующих униатство, особую интеллигенцию для Малороссии, находящейся в России. Название «Малороссия» было заменено термином «Украина» и во всех Галичан впаивали, что они украинцы и должны стремиться к созданию независимой Украины. Об этом особенно подробно пишет польский ученый Ст. Смолька в книге: «*Les Ruthènes et les problèmes religieux du monde russe*». Берн, 1917 г. Смолька писал книгу свою на основании источников, использованных в Архиве Австрийского двора.

и вышибало «московский дух», что длилось до 1936 г., а далее перешли к полонизации.

Для проведения «украинизации православных» поляки решили использовать Православную Церковь, иерархия которой находилась на услугах правительства от момента объявления независимости Православной Церкви в Польше (от 1925 г.)¹. Поляки приказали православному епископату хиротонисать викария-украинца для Волынской епархии. Кандидатом в викарии был выставлен бывший чиновник Украинского правительства с 1919 г. Поликарп Сикорский, который в то время уже был в сане архимандрита и состоял настоятелем Загаецкого монастыря на Волыни при Советской границе. Его хиротония состоялась 10/IV 1932 г. с получением титула «епископа Луцкого».

С этого момента наступила травля против церковно-славянского языка в богослужениях, против проповедей на русском языке, против маститых священников и даже против епископа Симона (Ивановского), популярного среди всех Волыняков своей твердостью, что не отступал и продолжал далее служить на церковно-славянском языке и говорить проповеди по-русски. Дух «украинизации» среди городской и местечковой интеллигенции, оставшейся на местах после независимой Украины 1919 г., поддерживался двумя влияниями: 1) польским правительством, за деньги которого в Луцке был основан украинский еженедельник «Украинская Нива», атаковавший все русское, и 2) Советскими украинскими кругами из Киева. Почти до 1928 г. польские украинцы свободно поддерживали связь с Киевскими украинцами. Оживленную переписку вел сам митрополит Василий Липковский с украинскими церковными кругами в Польше. Все это еще более убеждало последних в правоте своего дела и они были проникнуты идеей «автокефалии украинской церкви» в Советах. Возможно, что и сам настоятель Загаецкого монастыря архимандрит Поликарп (Сикорский) находился под большим влиянием В. Липковского.

Вскоре после хиротонии епископа Поликарпа, в Луцке было заложено украинское церковное братство им. Петра Могилы под

¹ Вилянковский – профессор канонического права Виленского Университета – упомянул в своих лекциях, что Польскому правительству получение автокефалии для православной церкви в Польше обошлось в 3.000.000 злотых, уплаченных в Константинополе, согласно записи в Архиве Министерства Иностранных Дел в Варшаве, - скрипт: «Pravo Koscielne», Wilno, 1931г. Автокефалия Православной Церкви в Польше не была признана Матерью-Церковью.

протекторатом Волынского воеводы-поляка Юзевского. Члены этого братства в «Украинской Ниве» осуждали священников, отказавшихся проводить украинизацию богослужения и называли их «изменниками своему народу». Некоторые далее подвергались преследованию со стороны административной власти за стойкость. Такое положение длилось до 1938 г. т. е. до момента перемены курса политики поляков по отношению к православным. Поляки стали неожиданно полонизировать православных и при помощи полиции насильно переводить в римо-католическую веру. Православных тысячами польская полиция гнала под охраной в римо-католический костел и здесь их священник (ксендз) присоединял к своей вере через причащение. В 1938-39 г.г. было разрушено около 150 православных храмов. Одновременно польское правительство заставляло митрополита Дионисия (Валединского) утверждать за границей о благоденствии Православной Церкви в Польше.

Польско-немецкая война 1939 г. закончилась разделом Польши по реке Буг (по линии Керзона) между Советским Союзом и Германией. Земли с православным населением, кроме Холмской Руси, отошли к Советскому Союзу. На запад от реки Буга Гитлер организовал г. наз. Генерал-Губернаторство, на территории которого остались два православных иерарха: митрополит Дионисий и епископ Тимофей (Шретер).

Вначале произошел конфликт у митр. Дионисия с немецкой администрацией в Варшаве и он письменно просил Берлинского митр. Серафима принять от него управление церковью в Ген.-Губернаторстве, сам же выехал в собственную виллу в Отвоцке, как-бы, под домашний арест. Предварительно заручившись согласием св. Синода Русской Зарубежной Церкви, митрополит Серафим прибыл в Варшаву и принял от митроп. Дионисия управление церковью в Генерал-Губернаторстве. Но здесь он долго не оставался.

При генерал-губернаторе Франке в Кракове организовался большой Украинский Комитет, состоящий исключительно из Галичан. По всему было видно, что Франк подготавливает кадры из украинцев для будущей независимой Украины. Хотя члены этого Комитета являлись униатами и в церковной политике были зависимы от своего униатского митрополита Андрея Шептицкого, однако они оказались «корректными» и не забыли о Православной Церкви в свободной Украине. Комитет решил, возможно,

под влиянием своих церковных кругов, приготовить для Украины православную иерархию на территории Г.-Губернаторства. Комитет подал Франку двух кандидатов: 1) близко стоящего к униатским кругам проф. Ивана Ивановича Огиенко¹ и 2) приятеля его архимандрита Палладия (Выдыбиду-Руденко²). Вызванный к Франку митроп. Серафим категорически отказался хиротонисать новую иерархию для Г.-Губернаторства и посему немедленно должен был оставить его территорию. Заранее согласившийся на эту хиротонию митр. Дионисий теперь возвратился на свою кафедру и приступил управлять т. наз. «Автокефальной Православной Церковью в Генерал-Губернаторстве», предварительно сложив присягу в верности Франку в Кракове, (перемены эти происходили в сентябре 1940 г.).

Хиротонию украинских епископов совершили три иерарха: 1) митрополит Дионисий, 2) архиепископ Пражский Савватий, приглашенный на хиротонию из Праги, и 3) епископ Тимофей. Профес. Ивана Огиенко наименовали Илларионом, — архиепископом Холмским и Подляским, а архимандрита Палладия — архиепископом Краковским. Таким образом в Генерал-Губернаторстве был организован «Собор Епископов Автокефальной Православной Церкви в Ген.-Губ.».

Будучи посвящен в план Гитлера, Франк знал о предстоящей войне с Советским Союзом и, возможно, надеялся получить в свое управление весь Восток. Исходя из этого, он даже представил свой план управления Российскими землями своему фюреру. В своем плане не мог опустить такого важного вопроса, как возглавление Православной Церкви в России. Своим кандидатом на этот пост главы церкви Франк наметил митроп. Дионисия, которому в беседе намекнул о его кандидатуре в России. Тем собственно и можно объяснить распоряжение митроп. Дионисия отпечатать в синодальной типографии канцелярские бланки с титулом: «Смирный Дионисий Патриарх Московский и всея Руси». Эти отпечатанные бланки лежали в неразпечатанных из типографии

1 Проф. И. Огиенко состоял министром Просвещения в Украинском правительстве С. Цетлюры и ректором Каменец-Подольского Университета. Во время Польши издавал украинские журналы: «Ридна Мова» и «Наша культура», печатанные в униатской типографии в Жовкве. В бытность его архиепископом в Холме, о нем распространялось письмо одного униатского ксендза, который слышал в близстоящих кругах к митрополиту униатскому А. Шептицкому, о переговорах последнего с архиеп. Илларионом о возможностях унии украинской православной церкви с униатской - галицкой.

2 Бывший вице-министр финансов Украинского правительства Петлюры.

пакетах в канцелярии Варшавской Консistorии осенью 1941 года. Как известно, план колонизации России был принят не Франка, а Розенберга и кандидатура митроп. Дионисия отпала.

На польских же землях, отошедших к Советскому Союзу, православная церковь получила из Москвы патриаршего экзарха в лице епископа Николая (Ярушевича), позже митрополита Киевского и Галицкого, а в настоящее время митроп. Крутицкого. Епископ Николай посетил всех иерархов, оставшихся после раздела Польши, а именно: 1) архиепископа Алексия (Громадского) 2) архиепископа Александра (Иноземцева), 3) епископа Поликарпа (Сикорского), епископа Симона (Ивановского), епископа Антония (Марценко) и от всех получил письменное заявление о принятии в юрисдикцию Московской патриархии. Епископ Поликарп неоднократно сослужил митроп. Николаю и вместе с ним хиротонисал в Луцком соборе во епископа Вениамина (Новицкого), секретаря Духовного Собора Почаевской Лавры.

Московская патриархия вызвала к себе в Москву в одиночку: архиеп. Алексия, епископа Симона, епископа Антония и наместника Почаевской Лавры архимандрита Пантелеймона (Рудыка), которого в Москве хиротонисали во епископа. По возвращении из Москвы Владыки не рассказывали о приеме их в Москве, только некоторые из них высказались: — благодарите Бога, что вы не епископ. Отказавшийся было под предлогом болезни, поехать в Московскую патриархию архиепископ Александр (Иноземцев) был зачислен в заштат митрополитом Сергием,

На отошедшей к Советам польской: территории вопрос об украинизации церкви больше не поднимался до Советско-Германской войны 1941 г. и богослужение на церковно-славянском языке совершал даже епископ Поликарп.

Германо-Советская война застала Московского Экзарха для западной Украины и Белоруссии митроп. Николая на востоке, далеко за пределами его экзархата. Оставшаяся на местах православная иерархия, после оккупации Украины немцами, во главе с Волынским архиепископом Алексием (Громадским), организовала летом 1941 г. Украинскую Православную Церковь на автономных правах, основываясь на распоряжении Патриарха Тихона от 1920 г.¹

¹ Известно, что советская власть в самом начале лишила Православную Церковь и объявила своей основной целью борьбу с религией и Церковью, поставив Патриарха Тихона и органы церковной власти в такое положение, при котором всякое нормальное церковное управление оказалось невозможным не только за красным

Собор Епископов Украинской Автономной Церкви благословил совершать богослужения на украинском языке, если того пожелают прихожане. К этой церкви присоединились верующие «Катакомбной» Церкви т. наз. тихоновцы, верующие из юрисдикции Московского митрополита Сергия, присоединились и многие верующие и духовенство из «обновленчества». Верующие видели в лице Автономной Украинской Церкви свободную Православную Церковь, о которой они мечтали давно под игом безбожной власти. С иерархией Автономной Церкви слились оставшиеся после ухода большевиков православные епископы. Так, большим авторитетом в этой Церкви пользовался соединившийся с автономной иерархией схиархиепископ Антоний в Киеве, почивший перед отступлением немецких войск.

Собор Автономных Епископов Украины от 18/VK 1941 г. поднес епископу Алексию (Громадскому) титул митрополита и Экзарха Украины. В Соборе Епископов не принимал участия Поликарп (Сикорский), приславший письмо со своими пожеланиями, и архиепископ Александр (Иноземцев), с которым было трудно завязать корреспонденцию в то время.

Как упоминалось выше, Гитлер передал административное правление Россией Розенбергу, творцу «Мифа 20-го века». Последний в помощь призвал к жизни специальное «Восточное министерство». Министерство Розенберга не разрешало въезд на территорию своего гебита лицам, проживающим на западе от линии Керзона. Несмотря на меморандум и старания митроп. Дионисия, это министерство не допустило его к управлению Церковью на востоке. Таким образом, недвусмысленные намеки Франка об управлении митроп. Дионисия Церковью в России теперь остались пустым звуком. Не смотря на это, митроп. Дионисий старался при помощи посланцев завязать сношения с иерархами за линией Керзона, которые перед войной были в составе православной иерархии в Польше. Митроп. Дионисию не понравились действия митроп. Алексия (Громадского) на Волыни и организа-

фронтом, но даже внутри советского союза. При таких обстоятельствах последовало историческое постановление св. Патриарха, Св. Синода и Высшего церковного Совета от 7/20 ноября 1920 г. На основании этого постановления, если епархия окажется оторванной от Патриархии из-за всяких неожиданных причин, Епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседними на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, но впоследствии все мероприятия, в случае восстановления центральной церковной власти, должны быть представлены на утверждение.

ция «Автономной Церкви» и посему он вошел в сношения с епископом Поликарпом в Луцке и архиеп. Александром в Пинске.

Руководители украинской политической жизни, состоящие преимущественно из галичан, были неудовлетворены тем, что Православная Церковь на Украине имеет только права автономной, а не «автокефальной» церкви, а следовательно остается в зависимости от своей Матери-Церкви в Москве. Центр политического украинского руководства находился тогда на Волыни под возглавлением галичанина Бендеры, и его друзей, перекочевавших из Галиции на Волынь неофициальным путем. На протяжении долгих лет Бендера находился на услугах Германского штаба и проявлял свою деятельность еще в Польше. Как украинская пресса, так и украинские агенты все твердили в одно, что стоит только стать немецкому солдату ногой на землю Украины, как там народ охотно встретит избавителей от «московского ярма» и дружно примется за организацию независимой Украины. Но генеральный немецкий штаб, вступив на Украину, должен был разочароваться, ибо не встретил ни одного человека, который бы не только мечтал, но и понимал, что такое «украинский сепаратизм»? Фаворизм к Бендере скоро выветрился у немцев и Бендера с друзьями ушел в подполье, организуя партизанщину на Волыни. На Волыни возникли и другие украинские партизанки: «бульбовцы» и «мельникивцы». Эти партизанки возникли с момента перемены отношений немцев к украинскому движению. Вначале партизанки уничтожали немцев, но когда немцы взамен слали уничтожать целые украинские села вместе с населением, партизанки оставили в покое немцев и уничтожали польские села и всех тех, кто шел против них из местного населения. В этом отношений самыми сильными террористами оказались «бендеровцы».

Епископ Поликарп находился в близких отношениях с украинскими политическими деятелями на Волыни и они совместно решили организовать, а скорее возобновить «Украинскую Автокефальную Православную Церковь». Посланец принес от митроп. Дионисия из Варшавы назначение епископу Поликарпу «Временным Администратором православной автокефальной церкви на освобожденных землях Украины» с возведением в сан архиепископа. Это вмешательство митр. Дионисия, при наличии организовавшей Украинской Автономной Церкви на Украине, в церковные дела Украины не имело за собой никаких канониче-

ских оснований и противоречило Томасу Константинопольского Патриарха от 13/XI 1924 г., который получил митроп. Дионисий при организации автокефалии православной церкви в Польше. В письме своем митроп. Дионисий советовал епископу Поликарпу поддерживать близкие отношения с архиеп. Александром в Пинске, и вместе заняться рукоположением новых иерархов для своей церкви. Еще тогда действие митроп. Дионисия по вмешательству во внутреннюю церковную жизнь Украины осудил схииерхiepиcкoп Антоний в письме к митр. Алексею следующими словами: «Митрополит Дионисий этим вмешательством всадил нож в спину нашей Церкви».

Под председательством архиеп. Александра в Пинске состоялся 8-10 февр. 1942 г. собор «автокефальных украинских епископов» состоявший из председателя и арх. Поликарпа. Они хвротонисали 9-10 февр. во епископов прот. Никанора Абрамовича, прот. Ивана Губу и архимандр. Георгия (Кореностова). Кроме того собор вынес постановление: «считаясь с 68 правилом. Св. Апостолов, запрещающим епископу, пресвитеру или диакону от кого бы то ни было принимать вторичное рукоположение, и имея ввиду 52 правило св. Апостолов о принятии кающихся, — принимать священников и диаконов (епископов не осталось) Украинской Автокефальной Церкви, рукоположенных иерархией 1921 г. в «сущем сане».¹

Следовательно, Пинский собор 1942 г. признал за благодатное все духовенство Липковского, рукоположенное не епископами, а светскими лицами и посему принимал его в «сущем сане».

Постановление Пинского собора нашло живой отзвук среди православного населения на территориях бывших подсоветских, где стали называть новую автокефальную иерархию и духовенство: «нео-автокефалистами», «нео-липковцами», «нео-самосвятами».

Немецкий райхскомиссар на Украину официально признал 4/V 1942 г. новосозданную «украинскую автокефальную православную церковь».

¹ Текст этот приведен в книге — Сенекс: «Українська Православна Церква в часи другої світової війни 1939-1945». Мюнхен. Року Божого 1946. Напечатана на ротаторе стр. 25. Автор книги скрылся под псевдонимом, но в церковных украинских кругах убеждены, что эту книгу составил Власовский, секретарь архиепископа Михаила (Хорошего, из украинской автокефальной иерархии). Твердят, что Власовскому доступны все акты Украинской автокефальной церкви и посему он мог написать эту книгу, основанную на документах. Власовский является кандидатом богословия Киевской Духовной Академии и в Польше принимал участие в украинском церковном братстве им. Петра Могилы в Луцке.

Автокефальная иерархия немедленно стала продолжать хиротонии новых епископов. Первым во епископа был рукоположен Фотий Тимошук. Он явился в Польшу из Совдепии в 1932 г. и выдал себя за священника, бежавшего от большевиков, был назначен митроп. Дионисием настоятелем прихода. Но вскоре польские власти установили, что он является советским шпионом и при переходе границы убил польского пограничника. Был засужен на 10 лет, но при занятии Галиции, где он отбывал наказание, советскими войсками в 1939 г., был освобожден. На этом основании Св. Синод Православной Церкви в Польше признал его не священником. Между другими были рукоположены во епископы четыре женатых священника: 1) Михаил Хороший, 2) Сильвестр Гаевский, 3) Григорий Огийчук и 4) Владимир Малець. Рукоположение некоторых епископов происходило в сослужении «епископа Фотия Тимошука».¹

О деятельности и развитии автокефальной иерархии на Украине, архиепископ Поликарп аккуратно высылал пространные отчеты митропол. Дионисию в Варшаву.

Православное население на бывшей подсоветской территории не пошло за нео-автокефальными иерархами, прибывшими к ним. Встреченные холодно населением, автокефальные епископы во многих местах охотно встречались немецкими гебиткомиссарами, которые отбирали от православных храмы и отдавали в их распоряжение. Так например, в Днепропетровске прибывший туда автокефальный епископ Геннадий Шиприкевич был любезно принят гебиткомиссаром и последний на площади при стечении народа торжественно вручил прибывшему архиерейский жезл, а бургомистру города ключи города. Позже тот же гебиткомиссар передал епископу Геннадию отобранный от православных храм.

Совсем другая картина представлялась на территории бывшей Польши, на Волыни и Полесьи, где православному населению не были известны плоды деятельности липковщины и где развилась украинская партизанщина всех оттенков. Доминирующую роль играли «бендеровцы», обхватившие территорию 5-ти уездов: Ровенский Здолбуновский, Дубенский, Кременецкий и

¹ Собор Епископов Автономной Православной Церкви Украины от 30/ИИИИ 1942 г. постановил разослать к чадам своей Церкви Архипастырское Послание. В этом Послании было написано, что украинских новообразованных автокефалистов нужно считать, как «секту липковцев» и все ими рукоположенное духовенство нужно признать лишенным благодати.

Луцкий. Бендеровский центр, находившийся в селе Дермани, поддерживал тесную связь с автокефальной иерархией, заключающуюся на взаимном исполнении всяких поручений и декретов. Непосредственно был связан с бендеровским центром в Дермани автокефальный епископ в Ровно Платон Артемюк, два раза ездивший в их штаб и два раза торжественно встреченный ими, проходил между двух рядов по-гестаповски одетых бендеровских молодцов и возседал вместе с ними за столом. Здесь в центре было постановлено убить возглавителя Украинской Автономной Православной Церкви митрополита Алексия (Громадского) и постановление было приведено в исполнение 7/V 1943 г. Равно бендеровцы убили другого иерарха Автономной Церкви епископа Мануила (Тарнавского), взятого из квартиры ночью во Владимир-Волынской и повешенного в лесу.¹ Не желавших изменить присяге и приступить к украинской автокефалии священников старших бендеровцы беспощадно ликвидировали, а младших до полусмерти избивали и выгоняли из прихода. Посему погибло старших священников, стоявших на страже Православия, много, приняв мученическую смерть. К примеру можно сказать о мученической кончине старца-прот. Мелетия Рыжковского в с. Малой Мощанке, Дубенского у., который не согласился служить богослужения на украинском языке. Прибыли бендеровцы к нему на дом, стали его бить, потом ножами колоть и еще полуживым бросили головой в колодезь.

Епископ Платон Артемюк в своем Ровенском округе беспощадно рассчитывался с непослушными священниками и везде по приходам заводил т. наз. «церковные рады», возглавляемые светскими лицами. Иначе говоря, Платон Артемюк стал проводить в жизнь «соборноправность», установленную в деяниях собора «УПАЦ» 1921 г. в Киеве. Его примеру следовали и другие «новолипковцы», но только не с такой энергией и не с таким насилием, ибо меньше прибегали к помощи бендеровцев. Украинизацию богослужения епископ Платон проводил в непослушных селах при помощи тоже бендеровцев, которые по ночам являлись в село и по порядку хат заходили и избивали хозяев, внушая им забросить церковно-славянский язык и стать украинцами.

«Православная Русь», №№5-6, 1948 г.

¹ По поводу казни епископа Мануила бендеровцы издали партизанский листок, в котором написали, что казнили епископа Мануила за измену своему народу.

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ УКРАИНЦЕВ И ВЕЛИКОРОССОВ
В СВЕТЕ СЕПАРАТИСТСКОЙ НАУКИ**

Если такие украинофилы прошлого столетия, как Максимович, Метелинский, да тот же Драгоманов, никогда не проводили национальной разницы между северной и южной ветвями русской народности, отмечая между ними наличие лишь областных этнографических особенностей, если Костомаров рассматривал малорусов и великорусов, как две русские народности (русские!), если сам Грушевский признает, что конечно, в IX-X в.в. не существовало украинской народности, в ее вполне сформировавшемся виде, как не существовало в XII-XIV т.н. великорусской и украинской народности как мы ее сейчас представляем, то современные жрецы украинской исторической науки, объявляют малороссов не только в национальном, но и в расовом отношении отличными от русских.

1

Краеугольным камнем современной украинской доктрины является тезис о полной обособленности малороссов от великорусов. Малороссы объявлены народом, отличным от москалей с самого сотворения мира.

Если такие украинофилы прошлого столетия, как Максимович, Метелинский, да тот же Драгоманов, никогда не проводили национальной разницы между северной и южной ветвями русской народности, отмечая между ними наличие лишь областных этнографических особенностей, если Костомаров рассматривал малорусов и великорусов, как две русские народности (русские!), если сам Грушевский признает, что конечно, в IX-X в.в. не существовало украинской народности, в ее вполне сформировавшемся виде, как не существовало в XII-XIV т.н. великорусской и украинской народности как мы ее сейчас представляем, то современные жрецы украинской исторической науки, объявляют малороссов

¹ Николай Иванович Ульянов (23 декабря 1904 (5 января 1905), Санкт-Петербург — 7 марта 1985, Нью-Хейвен) — русский историк и писатель. В 1936-1941 гг. — узник ГУЛАГа. В годы Второй мировой войны угнан в Германию. По окончании войн перебрался в США.

не только в национальном, но и в расовом отношении отличными от русских.

Грешил этим и Грушевский, любивший распространяться о великорусах, как неполноценных представителях славянского начала, ввиду своего сильного смешения с финнами. Приняв в себя множество финской крови, они приобрели ряд отрицательных качеств — дикость, вялость, отсутствие инициативы, покорность насилию и другие особенности низшей породы людей, тогда как носителями чистоты и благородных черт славянства остались южнорусы, сиречь украинцы.

Но, несмотря на задор и петушинный гонор, старая школа не решалась отрицать первоначальную единую русско-славянскую основу, как для юга, так и для севера России. Совсем иначе теперь. Речь идет уже не о презренных финских примесях, а о первозданном расовом отличии великороссов и малороссов, выражающемся в форме черепа, состава крови, психических и умственных качествах.

Если москали — потомки тех звероподобных племен, что, охотясь на мамонтов, медленно подвигались к северу вслед за отступающим ледником, то украинцы пришли на освободившиеся места из передней Азии, принеся с собой развитую культуру, усовершенствованное земледелие и, в частности, — сошник, волов и стодолю, как специфические признаки украинского земледельческого быта.

Эти выходцы из передней Азии принадлежали к прогрессивной и развитой круглоголовой расе. Они заселили все Причерноморье, охватив территорию ни больше, ни меньше, как в границах, на которые претендуют современные украинские сепаратисты, т.е. не только Галичину, Волынь, Подолье, Киевщину, Полтавщину и прочие старые малороссийские губернии, но также Херсонщину, Крым, Кубань и Таманский полуостров.

От них повела свое начало культура в этих местах, особенно земледелие. Круглоголовая раса превратила бы юг России в цветущую область, если бы не свирепые кочевники киммерийцы, постом скифы, потом сарматы, потом все прочие степняки вплоть до гуннов, половцев и татар, мешавших на протяжении тысячелетий прекрасным намерениям круглоголовых и загнавших этих культуртрегеров в лесистые области теперешней северной Украины, где их в VI столетии до Р.Х. с трудом различает глаз Геродота.

Эта точка зрения, встречающаяся во множестве произведений, наиболее полно выражена в брошюре проф. Щербакивского Формации украинской нации, изданной в Праге в 1940 г. Тут совершается окончательная расправа с москалями, которых лишают отныне всякого права считаться славянами.

Сделано это следующим образом. Во времена Грушевского великорусов, как известно, считали происшедшими от смешения финнов с древнерусским племенем вятичей. Но вот Щербакивскому стало доподлинно известно, что вятичи отнюдь не русское, не славянское, а тоже финское племя, только подвергшееся когда-то и где-то славянизации. Другое племя, кривичей, принявшее участие в образовании великорусской народности и тоже считавшееся со времен начального летописца славянским племенем, оказывается не славянским, а литовским. Оно также когда-то и кем-то славянизировано.

С финнами слились, таким образом, вовсе не славяне, а финны же или литовцы, только слегка амальгамированные. Уничтожив кацапов и решительно втолкнув их в финский мир, Щербакивский с тем большей легкостью сочиняет блистательную родословную украинцам.

Происходя от круглоголовой культурной расы, они и, впредь на всем протяжении истории остаются безупречными в смысле представительства высших и благородных черт арийства. В этом отношении чрезвычайно интересна предпринятая Щербакивским интерпретация этнографической картины, которую дает для юга Россия отец истории Геродот.

Известно, что в то время, как запад Европы оставался еще покрытым густым мраком, в котором исследователь вынужден руководствоваться лишь археологическими данными, — территория нашей родины оказалась в довольно ярком свете письменных источников, среди которых первое место принадлежит Геродоту, посвятившему Скифии (юг России) целую книгу.

Он приводит обильный, полный глубокого интереса, материал о скифах — древних насельниках нашего юга. Данные его о них признаны правдивыми и заслуживающими доверия, за исключением некоторьк, явно сказочных эпизодов. Современная наука все более склоняется к тому, чтобы видеть в геродотовых скифах этническую праоснову не только русской народности (как южной, так и северной), но и всех прочих народов, населяющих европейскую, а частью и азиатскую Россию.

9-ую книгу Геродота мы ныне рассматриваем, как древнейший источник по истории России. Совсем иной подход к Геродоту у Щербакивского. В скифах он не желает видеть ничего общего с позднейшими малорусами; они, по его мнению, — кочевники, скотоводы, разбойники и, видимо, в силу этих качеств, не могут считаться предками культурных земледельцев-украинцев. Этих предков автор ищет среди других племен, помещенных Геродотом к северу от скифов и не относящихся, по словам галикарнасца, к скифскому миру.

Каждый, кто читал Геродота, знает, что его представления об этих племенах самые смутные. Насколько он хорошо знал географию, быт, нравы и племенные деления скифов, настолько все, лежащее к северу от них, подернуто туманом неизвестности и фантастики. В большинстве случаев, кроме названий обитавших там народов, он ничего не сможет о них сказать, за исключением небылиц, вроде того, что невры раз в году превращаются в волков, аримаспы имеют всего один глаз, а аргипай родятся плешивыми.

Сделать какое-нибудь заключение о культуре, тем более о расовых особенностях этих племен, по Геродоту, совершенно невозможно, и ни один строгий исследователь не решался на это. Но Щербакивскому туман геродотова повествования пришелся вполне по вкусу; он так свободно в нем разбирается, что среди всех этих исседонов, гелонов, меланхленов, агифирсов — легко и безошибочно отыскивает любезных своих земляков — украинцев. Осведомленность его на предмет того, кто из них предки малороссов — поразительна.

Не всем выпадает столь высокая честь. Плешивые аргипай и одноглазые аримасы, разумеется, деликатно устранены. Андрофаги, как людоеды, способные испортить биографию безупречно культурного народа, тоже обойдены молчанием. Будины почему-то (видимо, из чувства такта) объявлены литовцами. Зато все остальные не вызывают сомнения ни в переднеазиатском происхождении, ни в круглоглобности, ни, следовательно, в украинстве.

Острый глаз Щербакивского способен отличать среди них полтавчан от черниговцев и винницких от каменец-подольских. Относительно агафирсов он клянется всеми богами, что это воляныне. Только деления на повиты (уезды) пока еще не дается нашему автору, но зато компенсируется другим крупным успехом:

Щербакивскому удалось найти высших носителей украинизма, народ, явившийся как бы душой древнеукраинских племен и источавший, подобно афинянам, лучи культуры на всю землю. Это — гипербореи.

Наивный читатель, безусловно, всплеснет руками, ибо все, что ему известно из Геродота о гипербореях, абсолютно не мирится с такой их трактовкой. У Геродота читатель вычитал только то, что гипербореи — самое счастливое племя на свете, что жизнь их — сплошной праздник и протекает в полном довольствии и веселии. Смерть над ними не властна и наступает лишь в результате самоубийства: утомленные продолжительной жизнью и непрерывным счастьем, гипербореи во время танца бросаются со скалы в воду и блаженно умирают.

Ничего другого старый галикарнасец Геродот не пишет о гипербореях: ни об их круглой голове, ни об их высокой культуре, ни о волах, ни о земледелии. К тому же, у Геродота и у прочих древних авторов местоположение гипербореев определяется вне Европы — за Рифейскими горами, т.е. за Уралом, и все досужие толкователи Геродота относили их, обычно, к Алтаю. Но это нисколько не смущает Щербакивского, как не смущает его явно поэтический вымысел этой части повествования Геродота, писавшего о гипербореях по не дошедшим до нас поэмам Аристея.

Собственно говоря, геродотовские гипербореи глубоко безразличны и не нужны Щербакивскому; он создает своих собственных гипербореев, наделяя их качествами, которых у Геродота и в помине нет. Он выдумывает какую-то гиперборейскую культуру и гиперборейскую группу народов, являя, таким образом, изумленному миру апофеоз украинизма в середине первого тысячелетия до Р.Х. Впрочем, это еще не апофеоз. Для апофеоза припасено другое — культурное единение ни больше, ни меньше, как с самой Элладой.

Мы и раньше кое-что знали о греческом влиянии на юге России, о существовании там многочисленных колоний, вроде Ольвии, Херсонеса, Пантикопеи, Танаиса и т.п., о находках роскошных античных ваз, оружия и ювелирных изделий в скифских курганах, знаем о существовании во времена Геродота целых скифских племен, подвергшихся эллинизации.

Но Щербакивскому этого недостаточно. Сведения эти относятся к скифам — дикому кочевому народу, который поэтому не

может иметь ничего общего с гиперборейской группой, а, кроме того, подобного рода культурные связи напоминают взаимоотношения между белыми и краснокожими в первые века колонизации Америки. Щербакивский доискивается более достойных взаимоотношений.

У Геродота есть рассказ, как две девушки Гипероха и Лаодика, из племени скифов-земледельцев, совершили паломничество под охраной пяти мужчин на о. Делос к святилищу Артемиды. Есть упоминание и о другой паре Арге и Опиге, ходившей на Гелос. Если это известие правдиво и не представляет чего-нибудь сказочно-поэтического, как это часто бывает у Геродота, то лучшего свидетельства о религиозных культовых связях древнего Приднепровья с Грецией трудно представить. Надо только устранить сомнение о правдивости рассказа. Но сомнение — удел жалких москальских душ — для Щербакивского не существует.

Только одну поправку к Геродоту вносит он; она касается племени, из которого происходили девушки. Профессор не может согласиться с их скифским происхождением, но он прощает Геродоту его заблуждение: старик мог и не знать, что скифы-земледельцы вовсе не скифы, а те же гипербореи, и девушки были гиперборейские, да и хлопцы — гарни козаки...

Щербакивскому, видимо, не без жестокой внутренней борьбы удалось отказаться от описания картины прибытия на Гелос украинских красавиц в ярких плахах, в сопровождении пятых Грыщей с бандурами, под восторженные крики эллинов: Хай живе незалежна Украина!

Итак, в то время, как москали вкупе с самоедами добывали последнего мамонта на берегах Неглинной, украинцы водили компанию с греками, купались в лучах эллинской культуры и сами источали культуру на все окрестные племена. Кто же посмеет назвать их единым народом с великороссами?

Труды, подобные книжке Щербакивского, могут выходить только за границей, в странах, где научная корпорация глубоко равнодушна к русской истории и вполне невежественна в ней, а власти всячески поощряют антирусские сепаратистские выступления, и где, следовательно, к подобным трудам не предъявляется никаких элементарных академических требований. Только при таких условиях человек, носящий звание профессора, может

заламывать шарлатанские теории, мыслимые в каком-нибудь 17-м веке, но совершенно невозможные в эру господства научных методов исследования.

Полемизировать с Щербакивским, возражать ему нет ни малейшей возможности по той причине, что ни одно из его положений не аргументировано и не подкреплено ссылкой на источники и труды.

Кем и когда доказано тождество украинцев с круглоголовой переднеазиатской расой?

Спрашивать об этом нашего автора бесполезно. Почему из всех фантастических и полуфантастических народов Геродота предками украинцев избраны именно гипербореи, а не кто иной? Почему, вопреки Геродоту, устранено деление скифов на кочевников и оседлых земледельцев, и этому самому многочисленному и развитому народу древности оставлена только роль диких номадов?

На все это вы не найдете ответа. Точно так же напрасно будете добиваться оснований, по которым кривичи и вятичи зачислены в разряд финских и литовских племен. Заключение о литовском происхождении кривичей основаны, по-видимому, на сходстве их имени с Криве-Кривейто, легендарным жрецом и блюстителем святынь у древних литовцев. Если бы такое лицо действительно существовало, то и тогда заключать на основании созвучия имен об этнической природе кривичей — больше, чем смело. Но современные исследователи не находят у литовцев в древности ни малейшего следа существования жреца Криве-Кривейто. Легенда о нем развенчана и признана плодом сравнительно недавнего времени.

Мысль о неславянской природе вятичей пришла на ум Щербакивскому, кажется, на основании трудов знаменитого русского археолога А.А. Спицына. Изучая курганы вятичей, Спицын нашел в них присутствие предметов финского происхождения — факт сам по себе вовсе не означающий финского происхождения вятичей, как не означает присутствие древнегреческих предметов в скифских погребениях принадлежности скифов к эллинам.

Спицын и не делает на этом основании таких выводов, как Щербакивский. Но то, что недопустимо для осторожного и добросовестного исследователя, вполне приемлемо для ученого, подобного нашему автору. Не говорим уже о том, что археология в

наши дни не настолько еще совершенна, чтобы на ее основе можно было делать столь смелые выводы.

Несмотря на постоянное усовершенствование методов исследования, на обилие накопленного материала, она все еще пребывает в такой стадии развития, когда всякого рода обобщения допустимы лишь в минимальной степени и когда попытка строить на основании археологических данных широкие полотна и картины напоминают нередко ученые заключения археолога из комедии Лабиша. Когда этот археолог раскопал яму с черепками посуды, разбитой незадачливым лакеем г-на Кабусса, — он принимает это за остатки римского лагеря Фабия Кунктатора.

Чем дальше в глубь веков, чем скуднее материал, тем осторожнее обобщения. Этот принцип, являющийся аксиомой для всякого подлинного ученого, — абсолютно не существует для Щербакивского. Его утверждения относительно вятичей и кривичей означают целый переворот в науке и требуют, казалось бы, солидных обоснований. Читатель вправе ждать большой и тонко разработанной аргументации, груды материала, сотен разрытых курганов, тщательного пересмотра лингвистических данных и т.п. Ничего этого нет. Просто голые постулаты.

Поэтому ни один ученый не может всерьез принимать книжки Щербакивского, и если мы здесь уделили ей известное внимание, то исключительно, как документу, характеризующему приемы и методы украинской сепаратистской науки.

Формации украинской нации еще раз блестяще подтверждают мнение, согласно которому главнейшие положения украинской националистической доктрины созданы не самими украинцами, а их заботливыми опекунами. В 19-м веке это были поляки во главе с Духинским, в наше время это немецкие национал-социалисты. Щербакивский не может отрицать, что задолго до появления его столь замечательного труда, идея расового отличия малороссов от великороссов пропагандировалась в немецких учебниках истории, в исследовательских статьях, популярных брошюрах и речах. Взяв под свое крыло украинский сепаратизм, немцы позаботились создать ему и теорию. Рабская зависимость от чужой мысли — исконное явление среди украинских националистов. Еще Шевченко иронизировал:

Добре, брате!

Що ж ти таке?

Нехай скаже німець,
Мы не знаем!

От немца всегда ждали откровения и просветительного слова.

Колись будем
І по своєму глаголать,
Як німець покаже,
А до того й історію
Нашу нам розкаже,
Отоді ми заходимось!

Национал-социалистический расизм с его учением о высших и низших народах, о неизменных и постоянных национальных особенностях пришелся до того по вкусу нашим гипербореям, что пылкостью фантазии и оригинальностью построений, в этом отношении, они превзошли самих немцев, удивив их к тому же неслыханной, поистине рабской, услужливостью. Сколько восторгов выражено по поводу того, что предкам украинцев, в далеком прошлом, сподобилось неоднократно побывать под властью германцев! Готское государство рисуется, как самый светлый период в истории Украины. А чего стоит знаменитое пришествие варягов? Варяги выглядят отнюдь не горсточкой быстро растворившейся в покоренном славянском населении и уже во втором-третьем поколении утратившей свою этническую особенность; они не являют собою также начала более грубого и варварского по сравнению с славянами, как это теперь выясняется. Нет, сепаратистские историки отводят им высшую организаторскую и культуртрегерскую роль. Все тот же автор Истории України з ілюстраціями очень красноречиво распространяется на тему, как древние варяги, подобно теперешним немцам, любили порядок, твердую власть и приучали славян к этим добродетелям. Они завели на Украине войско, строили города, брали с собой славян в далекие походы, учили их плавать, строить корабли, учили вийсковой оправи, дисциплінованності, притягали до боротьбы и небеспек. Для славян погрязших в обломовщине, це була тяжка школа, но, під проводом варягів, наши предки багато чого навчилися.

Щербакивському, однако, и этой картины германского влияния на Украине мало; он хочет подготовить тезис, согласно которому германцы, как раса главенствующая, созданная для

управления всякого рода круглоголовыми, с незапамятных времен присутствовала на Украине. Об этом свидетельствует с несомненностью какое-то, кажется сидячее, погребение в Полтавщине, какие-то продолговатые черепа, сохранившиеся в других частях Украины. Это не гиперборейские отложения, это остатки господствовавшего при гиперборейях слоя чуждой расы завоевателей, по-видимому, фраков. Фраки, казалось бы, не немцы, но что-то вроде немцев; они, конечно, не такие откровенные германцы, как готы и варяги, но они тоже индо-германской расы и, где-то, в чем-то, смыкаются с германцами. В глухой геродотовский период, они могут сойти, если не за чисто-кровных германцев, то за Ersatz германизма. Без германизма никак невозможно.

Пронизав свою историю расизмом, сепаратисты довели ее до абсурда, до горячечного бреда, образцом чего может служить творчество проф. Юрия Русова. По его мнению, вся история Украины представляет борьбу благородных расовых элементов со всякого рода остийскими, т.е. восточными примесями, оказывавшими роковое влияние на судьбы страны. Светлые расовые начала представлены нордийцами, динарцами и медитериянцами. Нордийці воюють, динарці орють, медитериянці творять ту буржуазію, яка, не хапаючи зірок з неба, доробляється маєтків і тим збагачує не лише себе, але і державу. Пока господствуют эти расовые начала, Украина процветает. Коли панують расові ознаки: нордійська войовничість, динарська конструктивність і медитеранський хист, коли Україною кермують осібняки, що мають у собі первні цих рас — держава посилюється, просперує, прикрашається і має князів мудрих и мужних, бояр благородних і чесних, народ працьовитий і богобоязливий. Але ми мусимо не забувати, ще про первень остийск-алтайской раси з усіми його ознаками. Как только эти ознаки берут верх, наблюдается упадок Украины и т.д.

Можно было бы привести не мало других перлов гитлеровской идеологии в применении к истории Украины. И везде ученики оказались ревностнее своих учителей. Положение со времен Шевченко, если и изменилось, то только в сторону сгущения красок.

Добре заходились,
По німецькому показу
І заговорили

Так що и німець не второпа
Учитель великий,
А не то щоб прості люди,
А гвалту! А крику!

2

Это верно, что мы, великорусы, несем в себе известную примесь финской крови. Исчезнувшие племена Чудь, Мери, Веси, Муромы, упоминаемые нашей начальной летописью, были, видимо, поглощены и ассимилированы нами. Процесс ассимиляции с инородцами наблюдался на всем протяжении существования России, наблюдается и сейчас. Мы это хорошо знаем и, тем не менее, не собираемся кончать самоубийством, по той же причине, по какой не кончают самоубийством пруссаки, например. Больше половины славянской и литовской крови, текущей в их жилах, не мешает им считать себя германцами и даже высшими представителями германизма. Мы не кончаем самоубийствам, т.к. знаем, что в Европе нет чистых в расовом отношении народов, равно как высших и низших народов. В частности, нам очень хотелось бы знать причину, по которой украинцы усвоили себе право свысока смотреть на финнов. Уж не забыли ли они о существовании Финляндии, создавшей у себя такую культуру, до которой далеко не только нашим бандуристам, но и многим более цивилизованным европейским народам? Не забыли ли они о существовании эстонцев, стоящих по развитию тоже выше круглоголовых гипербореев?

Итак, нам не приходится стыдиться, если бы мы оказались вовсе финнами, как это хочется украинским историкам. Национальная гордость и национальный позор заключаются не в плоскости их расовой чистоты. Мы уже видели, что расовый момент не имеет значения в понятии национальности, да его не так легко я установить. Этнология накопила богатый материал о скрещении племен, родов, целых народов на самых ранних ступенях развития, исключаяющий всякую возможность разобраться в их первоначальной антропологической основе. Первобытные народы относились чрезвычайно просто к восприятию чуждой крови. Даже родовое объединение, основанное на кровном родстве, принимало в свой состав пришельцев. В состав же племени принимался всякий, кто соглашался чтить его святыни, обряды и

участвовал в его военной и экономической жизни. Североамериканские индейцы охотно принимали к себе белолицых. Очень часто принимали врагов, взятых в плен на войне. Человек ценился не по составу крови, а за свои качества члена общества, главным образом, как охотник и воин. Нехарактерный для низших общественных образований (рода и племени) расовый принцип тем менее пригоден в качестве критерия при рассмотрении такого сложного явления, как народ, нация.

Пусть кто-нибудь разберется в расовом составе древних римлян, этого величайшего сплава кровей, какой только знает европейская история, и, вместе с тем, пусть найдется человек, способный отрицать ярко выраженное своеобразие и громадную всемирно историческую роль римского народа. Тоже с определением народности отдельных лиц. Франция вряд ли имела лучшего француза, чем Наполеон, а Польша лучшего поляка, чем Шопен; между тем, они были иноземного происхождения. И, как знать, не в этой ли способности ассимиляции заключается одно из достоинств и прогрессивных качеств того или иного народа?

Мы, русские, обладаем этой способностью в высокой мере; у нас богатый опыт ассимиляции не только первобытных племен, но и цивилизованных европейцев. Всем известно, какие прекрасные русские выходили из обрусевших немцев, французов, поляков, шведов, и как они, эмигрировав и попав на родину своих предков, продолжали гордо носить русское имя, не приняв даже подданства приютившей их страны. Не вправе ли мы гордиться такими сынами больше, чем чистокровными русскими?

Не заботясь о чистоте крови, мы зато всегда заботились о чистоте языка, религии, обычаев, культуры, нравов и всего того, что создает лицо нации. Находясь триста лет под татарским игом, мы не татаризировались, не в пример некоторым гиперборейам, прожившим под поляками и утратившим свой древний язык, свою культуру, веру, набравшихся всего чужого и превратившихся в каких-то национальных гибридов.

Вернемся, однако, к нашему смешению с финнами. Так ли уж оно было велико, как об этом пишут украинские ученые?

Большинство финских племен, притом самых многочисленных, осталось неассимилированными, и до сих пор здравствует на своих территориях — мордва, чуваша, черемисы, вотяки, пермяки, зыряне, самоеды, лопари, карелы, а также прибалтий-

ские финны. Из известных нам в древности племен поглощенными оказались только Весь, Меря, Мурома, Мещера и частично Чудь. Не исключена возможность, что эта участь постигла и тех, чьи имена не дошли до нас.

Как многочисленны были исчезающие племена? Об этом ничего не известно, но, принимая во внимание редкость населения современных финнов и их численную ничтожность в сравнении с русскими, трудно допустить, чтобы в древности было иное соотношение. Кроме того, надо помнить, что освоение нами финских территорий не всегда происходило мирным путем: летопись полна указаний на войны с Чудью, мы занимали эти земли огнем и мечом, и трудно сказать чего было больше — ассимиляции или простого истребления?

Славянская основа великорусов разжижена посторонними примесями ничуть не больше, чем у всех других народов.

Обратимся теперь к малороссам. В какой степени они могут считаться носителями чистоты и незапятнанности славянского расового начала?

Юг Россия с незапамятных времен служил большой дорогой народов и величайшим тиглем человеческих сплавов. Трудно допустить, чтобы, живя здесь, можно было сохранить расовую невинность, тем более, что подвизались тут необузданные насильники, создававшие громадные империи, простиравшиеся на всю русскую равнину. Таковы готы, гунны, авары, хазары. Времена их господства отмечены перетасовками и передвижениями народов. Особенно сильный вихрь произвел Атилл. Но судьбы наших народов в те времена покрыты густым мраком. Не желая следовать методу Щербаковского, возводящего в пустом пространстве фантастические построения, мы займемся более поздними временами, достаточно освещенными многочисленными источниками.

И вот оказывается, что если москаль, упорный в своей привязанности, сожительствовал, главным образом, с финнами, то украинская красавица рассыпала ласки всем прохожим. И, ныне, мы должны огорчить ее сынов, начав амурный список мамыши с тех же самых презренных финнов. Финские племена занимали в древности не только северную, но и южную Россию — теперешнюю Украину. Обильный материал об их поселениях там собран такими всемирно известными финнологами, как Кастрен, Шегрен, Аспелин, Европеус, Аלקвист, Вихман и другие. Не только

археология, топонимика, но даже фольклор свидетельствуют о пребывании финского элемента на юге. Так, по общему признанию, в нашей былине о Соловье-Разбойнике, засевшем дорогу прямоезжую от Муромы на Киев, нашел отражение факт существования незамиринного финского племени к северо-востоку от Киева⁴. Слово соловей, в данном случае, происходит не от названия птицы, а от финского *solowejo*, что значит разбойник.

Давно обращено также внимание на тождество имени былинного героя Самсона Колывановича с героем финского эпоса — Сампой Коливайненом. Вообще, финского влияния в наших древних былинах очень много. Гораздо более значительный факт сообщает нам начальная летопись, из которого видно, что племя древлян (украинское — по словам сепаратистов) носило следы изрядной финнизации. В рассказе об Ольгиной мести, древлянские мужи требуют, чтобы их вместе с лодкой подняли из воды и внесли во двор к княгине. Они же сидяще в великих сустугех гордящиеся. Исследователи долго не могли понять слова сустуг. Было высказано множество догадок, подчас очень оригинальных, вроде Карамзина, полагавшего, что сустуги означали кривляния. Раскрыли смысл сустуга этнографы второй половины 19-го века. Оказалось — это металлическое нагрудное украшение, которое до последнего времени носили финские племена, в частности мордва. Как могли финский предмет обихода и его финское название войти в быт древлян? Только в результате тесного общения и, вероятно, смешения с финнами.

Даже на религии древних южнорусов чувствуется печать финского элемента. Когда Владимир поставил в Киеве своих знаменитых идолов во главе с Перунам, в числе их находилась Мокошь — божество явно финское, по мнению многих исследователей. В литературе неоднократно высказывалась мысль, что Киев в незапамятные времена был финским городом и носил другое имя. Это его древнее имя сохранил нам Константин Багрянородный: Киев назывался Самбатас.

Глоттогоническая природа этого слова давно стала предметом изучения и поисков, но наибольший вес приобрела версия финно-угорская, производящая Самбатас от *Sampoteso*, что значит пограничный камень или межевой камень. Полагают, что это название соответствует положению Киева, стоявшего на границе леса и степи. Финно-угорский элемент на юге России был

гораздо значительнее, чем это думали раньше. Загадочные орды утургуров, кутургуров, сабаягуров, упоминаемые у Прокопия Кесарийского и у Иордана, признаются ныне финно-угорскими, и имена их, доселе необъяснимые, легко объясняются из финских языков: Черная Югра, Собачья Югра, Шубная Югра и т.д. Печенеги или Пацинаки (сосновые люди) тоже, по мнению некоторых финнологов (Европеус), — угрофинны, а не турки, как их обычно трактуют. Что же касается угров (мадьяров), то о крупной роли их в Причерноморье свидетельствует как наша начальная летопись, так и византийские писатели. Тот же Константин Багрянородный утверждает, что около 830 года по Р.Х. они занимали территорию от среднего Донца до реки Ингула, и страна эта называлась Лебедней по имени предводителя их Лебеда. По мнению проф. Дорошенко, бродячие угорские орды прошли мимо, не оставив заметного следа в населении Киевской Руси. Это неверно. Смещение имело место, и очень значительное. Если правильно предположение М.С. Грушевского, то в 9-м веке Киев находился, известное время, в угорских руках, и знаменитые Аскольд и Дир были не варягами, а предводителями угорских дружин. Один из пригородов Киева носил название Угорское. Следы оседания угров на Юге встречаются еще в 11-м веке. Так, отрок Георгий, служивший св. кн. Борису и пострадавший с ним вместе, был родом угрин, окаянный Горасер, зарезавший св. Глеба, тоже был нерусского происхождения, судя по имени.

Оседание кочевников шло иной раз большими группами. Сохранилось указание, как при Владимире Святом печенежский князь Кучюг пришел со своим народом в Киев и, крестившись, остался служить Владимиру. Еще раньше, в 979 году, придет печенежский князь Ильдея и бил челом Ярополку в службу; Ярополк же приютит его и даде ему и грады и власти и имеше его в чести велицей.

Но поразительно, как это украинские историки забыли о присущей им значительной доле той самой чудской крови, за которую они так презирают москалей. Имеем в виду не участие Чуди в походах Олега, Игоря, Святослава, Владимира, сопровождавшееся, безусловно, оседанием многих из них на юге; даже не факт пребывания в среде киевской знати таких людей, как боярин Чудин и брат его Туки, — речь идет о массовом переселении чудского племени на территорию нынешней Украины. Летопись

сохранила известие о крупном мероприятии св. Владимира по укреплению южных границ своего государства. Им была построена, начиная с 988 года, цепь городов-крепостей, для заселения которых выведено большое количество людей с севера. И нача ставити города, — сообщает летописец, — по Десне, и по Востри, и по Трубежови, и по Суле, и по Сгугне, и нача нарубати мужи лучшие от Словен, и от Кривич, и от Чуди, и от Вятичъ, и от сих на-сели города.⁵ Таким образом, благородная круглоголовая раса, еще тысячу лет тому назад, осквернена была москальскими и чудскими примесями.

Но опустим завесу милосердия на ее финно-угорское грехопадение и обратимся к смешению с народами именуемыми, обычно, тюркскими. Известно какое море кочевников и полукочевников бурлило на южных окраинах Киевского государства, как это море часто захлестывало большие куски нашей территории, как, нередко, мы сами вдавались в степь, шаг за шагом усмиряя буйную стихию, и как, в итоге, поглотили ее и ассимилировали. Кровь добрых двух десятков этих народов течет в жилах современных южнорусов. Известен факт переселения в Поднепровье огромного числа ясов и кософов, принятого кн. Святославом после разгрома хазарского царства. Некоторые исследователи полагают, будто и до Святослава значительная часть ясов осела на Днепре, будучи вытесненной с реки Берды печенегами. В летописи часто упоминается народ берендеев, живший в непосредственном соседстве, а потом в границах Киевского государства, сотрудничавший с его князьями, и под конец слившийся с русскими. Город Бердичев (Берендичев), по-видимому, ведет свое название от них. Берендеи имели города по р. Роси, и в 1156 г. просили у Мстислава Изяславича еще один город, обещая за это оставить сторону его соперника Изяслава Давидовича. Под 1177 годом опять упоминаются их города, взятые половцами. Аналогичную роль играли черные клобуки, тоже часто упоминаемые в летописях. Находясь в вассальных отношениях к киевским князьям, участвуя с ними в походах, они представляли настолько крупную силу, что однажды, в 1192 году, поход кн. Святослава не состоялся из-за того, что черные клобуки не восхотели ехать на Днепр. Близко к ним стоят торки.

С начала 11-го века, — говорит Н.И. Костомаров, — торки, берендеи, печенеги начали входить в русскую жизнь и составили

часть южнорусского населения. В 1054 и 1060 г.г. они являются во враждебном отношении к русским. Под последним годом говорится об их изгнании, но через 20 лет они являются на правой стороне города, называемого их именем — Торческ, стоявшем у устья р. Роси. Новый прилив этого населения совершился в 1116 г., при Владимире Мономахе, когда жившие на Дону соплеменники торков, прежде пришедшие на Русь, были разбиты и изгнаны половцами. Торки тогда, вместе с печенегами, явились на Русь. С тех пор эти три народности, разделенные на три отрасли — турки, печенеги и берендеи составляли народонаселение р. Роси и участвовали в междоусобицах князей.

Существует упоминание о ковуях, каепичах, турлеях — тюркских народах, также вошедших в состав южнорусского населения. Наши князья привлекали их целыми племенами и охотно набирали себе отряды из этих степных головорезов. Яркую картину в этом смысле дает Слово о полку Игореве, описывая боевую мощь кн. Ярослава, с черниговскими былями, с могуты и с татраны, и с шельбиры, и с топчаки, и с ревуцы, и с ольбиры. Тыи бо без щитов, с засапожники кликом полки побеждают.

Все это — профессионалы войны, грабежа, налетов и хищничества. В серьезных битвах, решающих участь народов, эта легкая кавалерия, с одними засапожными ножами, едва ли представляла весомую силу, но для усобиц, для внезапных воровских нападений, для кунштштюков войны, степная выучка ее была чрезвычайно кстати. И не от них ли повело свое начало запорожское и донское казачество, как о том неоднократно высказывалось мнение в литературе?

Едва ли не самую большую волну тюркской крови принесли с собой половцы (куманы). Еще в период ожесточенной борьбы с ними, русские охотно принимали выходцев из Орды; летопись часто упоминает о крещении половцев. Об обращении в православие больших масс пленников половецких. Нередко были и браки между русскими и половцами. Женат же был кн. Святослав Киевский на дочери хана Тугоркана, женат Мстислав Галицкий на дочери хана Котяна, и таких княжеских браков было очень много. Не отставали, надо думать, от князей бояре и простые дружинники. Во всяком случае, если не жен, то наложниц, из числа пленных половчанок, было достаточно в древней Руси. Когда же Субутай, полководец Чингизхана, нанес половцам свой знамени-

тый удар в степях Северного Кавказа, они саранчей устремились на Русь. Котян, со всем своим народом и богатством прибежал к зятю - Мстиславу Мстиславичу, прося у него приюта и защиты. Испытав общее с русскими поражение на Калке, половцы кончают свое историческое существование и сливаются с соседними народами. Множество их оседает на Руси, другие, в количестве до 40 тысяч семейств, устремляются в Венгрию, откуда позднее значительная часть их переселяется в Поднепровье.

Не чужды украинцы и откровенных монгольских примесей. На территории юга России, после Батыева завоевания, расположились крупные татарские гнезда с темниками во главе, назначением которых было удержание края под ханской властью. Постепенно, эти чисто военные поселения пустили корни, вросли в местную среду, и в 14 веке представляли своего рода княжества среди южнорусской стихии. Особенно значительны были такого рода поселения на Подолии.

Но вот, в 1362 г., Ольгерд разбил подольских татарских князей и прекратил их независимое существование. Часть татар, после погрома, ушла в Крым и за Дунай, но очень значительная масса признала над собой власть литовско-русского князя и осталась служить ему на прежних территориях. С этих пор начинают служить татары в литовско-русском государстве, которые, с течением времени, настолько сливаются с местным населением, что растворяются в нем совершенно.

Можно было бы значительно увеличить количество материала в подкрепление развиваемого здесь положения, но в этом, к счастью, нет необходимости. Всем серьезным и добросовестным людям он давно известен. Сошлемся на лицо, безусловно авторитетное для каждого украинца, на известного М.А. Максимовича, одного из первых ревнителей и собирателей украинской старины. Вот что пишет он в предисловии к своему сборнику малороссийских песен: Массу ее (Малороссии) составляли не одни племена славянские, но и другие европейцы, а еще более, кажется, азиатцы. Они, по его словам, наложили печать на самый характер и облик украинца. Отвага в набегах, буйная забывчивость в весельи и беспечная лень в мире; это черты диких азиатцев — жителей Кавказа, которых невольно вспомните и теперь, глядя на малороссиянина в его костюме, с его привычками.

Если все приведенное здесь означает стопроцентную чисто-

ту благородной славянской крови, дающую право спесиво задирать нос перед великоросами, то что же называется смешением, сболтнем и т.д.?

Уж лучше бы господам Щербакивским не касаться этой темы. Затеянное при явно безнадежной для них ситуации расовое словоблудие привело к тому, что мы теперь, если бы вздумали следовать их собственному методу, имели бы полное основание кое-какие качества их степных прародителей — нелюбовь к труду, анархизм, алчность, вороватость, назойливость — перенести на них самих. Мы далеки, однако, от подобных приемов, и если вынуждены были слегка коснуться генеалогического древа южной части нашей народности, то — только для того, чтобы павлиньи перья совлечь с сепаратистских ворон, напомнив им слова все того же Шевченка:

Чого ж вы чванитеся, вы —
Сини сердешної Украйни?

Какой контраст с нашей древней письменностью, для которой единство северной и южной частей русской народности не подлежало сомнению, не только в эпоху цельного Киевского государства, но и в эпоху раздробленности! У южнорусов, живших под литовской и польской властью, постоянно теплилось сознание их общности с северо-восточными братьями, обитавшими в Московском государстве.

Захария Копыстенский, прославляя в 1621 г. в своей Палинодии мужество народу российского, северная часть которого покорила Казань и Астрахань, а другая часть, яфето-росского поколения, в Малой России, выходячи... татары и места турецкие на море чолном воюют. Даже для такого врага Москвы, как Павел Тетеря, будущего правобережного гетмана, единство обеих ветвей народа не подлежиг сомнению. Отправленный в 1656 году послом в Москву, он в торжественной речи говорил Алексею Михайловичу: От Господа бысть се и есть дивно во очию нашею воистинно соединение Малые России и прицепление оная к великодержавному преоветлейшего вашего царского величества скипетру, яко естественной ветви к приличному корени. - Ваше царское величество вящшия сподобися благодати, егда отгорженную ветвь — Малую Россию приобретете.

Другой, не мене упорный враг Москвы, Иннокентий Гизель, издал в 1672 году в Киеве свой Синописис, где окончательно

утвердил понятие о едином народе российском и о частях его государства — Великой и Малой России.

Но если в прежние времена считали возможным вражду к политическому единству соединять с уважением к истине, с признанием единства этнического, национального, то зачем современным сепаратистам понадобилось грубое искажение истины, вопиющая антинаучная теория о расовой разобщенности двух частей русского племени?

Литература

• Проф. Мих. Грушевский — Очерки истории украинского народа. Изд. 2-е, СПб. 1906.

• М.К. Любавский — Лекции по истории Литовско-Русского государства.

• Душа народу и дух нации. Газета Америка 12 жовтня 1946. Филаделфья

• Из жития Бориса и Глеба видно, что дорога из Мурома на Киев лежала, действительно, не по прямой линии, а под углом, через Смоленск. Только Владимир Мономах и Юрий Долгорукий могли в свои северо-восточные владения ходить дорогой прямоезжей. Но это были военные экспедиции. Прохождение этого пути считалось подвигом.

Летопись совершенно разрушает точку зрения, культивируемую украинскими историками, согласно которой, насильственное переселение людей из одних частей государства, в другие — явление специфически московское и отражает деспотическую политику московских государей не имеющую, якобы, прецедента в истории других стран. Не обращаясь к прошлому Зап. Европы, богатому подобными фактами (Карл Великий, Генрих Лев, курфюрсты Бранденбургские), мы в древней Киевской Руси найдем множество случаев подобной практики. Деятельность Владимира не является единичным фактом в этом отношении. Потомки его неоднократно предпринимали массовое переселение, как иноземцев пленных, так и коренных обитателей русских земель. Ярополк Владимирович с двоюродным братом Давидом Святославовичем взяли, в 1116 г., Дрютеск и вывели оттуда множество народа, поселив его в новом городе Жельни. В том же году князя, по приказу Мономаха, ходили на Дан, пленили три города, население которых (неизвестно, русское или половецкое) было выведено в Южную Русь. В 1128 г. кн. Мстислав вывел много народа из Велорусии, а через два года качал сажать своих мужей-посадников и простой люд в землях кривичей. Москва явилась, в этом отношении, достойной преемницей Киева.

• Н.И. Костомаров. Черты народной южно-русской истории. Известно, что поражение Игоря началось с бегства кочев. Как глубоко азиатская степная стихия проникала в древнюю Киевскую жизнь можно судить по большому количеству княжеских приближенных, носивших явно степные имена. У черниговских Святославичей был боярин по имени Торчин, у Святополка Изяславича — Козарин, у него же овчар именем Торчин, у Мономаха упоминается отрок Бяндук, а у Давида Волынского отроки — Кульней, Улан, Колчка.

• Малороссийские песни собр. М.А. Максимовичем. Москва. 1827.

УКРАИНА – РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Эту статью написал д-р В.Ю. Яворский, галичанин, сын известного научного и литературно-политического деятеля. Мы помещаем ее, прежде всего, для «великоросов», не знакомых с настроениями своих южно-русских братьев и обманываемых пропагандой украинских самостийников и сепаратистов, выдающих свои преступные и бредовые авантюры за идеалы и чаяния народа.

Наши предки после татарского разорения долгие века жили идеей воссоединения всей русской земли. Мы же, теперешние поколения русской нации, должны жить мыслью о том, чтобы сохранить навеки единство русского народа и русской земли. Никакие временные политические моды, которыми заражен одурелый современный Запад и особенно англосаксонский мир, не должны сбить нас с народного пути.

* * *

Борьба против русского народа, создавшего на протяжении своей тысячелетней истории великую культуру, просвещенную светом Христовой истины, утвердившего могучую государственность, ставшую оплотом международного порядка, велась на широком фронте всеми врагами, всеми способами, мерами и средствами, по разным поводам и причинам многие века. Злые страсти, политические интриги и планы, национальный и религиозный фанатизм, династические и империалистические посягательства, хищные экономические расчеты, даже безумные личные честолюбивые поползновения - все эти низменные вожделения сплетались в порочный узел и неутомимо, упорно нагнетали враждебную изобретательность в неукротимой борьбе против русского народа, его государственности и всей русской земли. Все средства, даже самые подлые и возмутительные, применялись для того, чтобы ослабить богатырский русский народ, чтобы злостно использовать допущенную им неосторожность, временную слабость, всенародное несчастье или добродушное доверие. Многочисленные примеры истории наглядно свидетельствуют об этом. Но пока русский народ оставался единым

в своей внутренней национальной целостности, преданным вековым народным верованиям и традициям, единодушным в своем государственном бытии и деятельности, все эти и подобные внешние угрозы, опасности и открытые враждебные действия дружно отражались могучими общенародными силами, иногда даже с крайним напряжением и огромными жертвами. Завистливых, жадных и нечестных врагов, не только внешних, но иногда и внутренних, всегда было много, но русский народ тоже всегда находил в себе достаточно сил, чтобы отразить любое покушение на свою национальную и государственную безопасность. Сурово поражаемые враги после многих безуспешных попыток убеждались, что пока русский народ единодушен в своей самозащите, он непобедим.

Действия враждебных сил изменились и устремились на подрыв его единодушия. Явные и тайные злонамеренные влияния начали отравлять здоровье народного организма. Медленно, скрытно и упорно они всячески старались оторвать русский народ от вековых народных устоев, расшатать народные традиции, ослабить религиозные верования, внести национальную смуту и политическую борьбу - и особенно - враждебно разобщить единую русскую национальность. Общее усилие, в конце концов, привело к огромному всенародному революционному несчастью во время изнурительной войны, наибольшей государственной слабости накануне победы. Русский народ зашатался и рухнул с высоты своего богатырского роста, и от тяжести его падения не только рухнули многие государства, но зашатался и весь мир. Слепые враги русского народа, однако, забыли вечную истину - подлинное величие народа проявляется в том, что после даже самого глубокого падения он находит в себе силы подняться.

На протяжении своего тысячелетнего исторического существования русский народ пережил многие падения. Не будем их перечислять и напоминать причины, их вызывавшие, - это хорошо известно. Отметим только самое важное - после всех таких всенародных несчастий он восстанавливал свое народное величие и в еще большем достоинстве. Так происходит и на этот раз. Спасительный закон возрождения великого народа производит свое благотворное действие. После страшных испытаний и бесчисленных невосполнимых народных жертв русский народ постепенно подымается во всей своей значимости. Он еще слаб, многие яды отравляют еще его силы и сознание, многие раны

остаются незалеченными и еще долгое время будут болезненно ощущаться, многие трудные задачи ждут еще своего решения. Но все эти сложности будут, несомненно, преодолены в творческом национальном и государственном созидании.

Одним из таких ядов, которые отравляют и ослабляют силы русского народа, является так называемое украинское самостийничество и сепаратизм. Он достиг уже опасного развития и, как от прилипшей, но не излеченной заразы, может превратиться в затяжную болезнь. Об этом движении известно уже много неблагоприятного. Оно, задуманное внешними врагами, культивируется продолжительное время в темных углах соседних и даже отдаленных государств для осуществления посредством политической интриги национального разложения русского народа. Развиваемый всяческими и всегда недобросовестными методами и средствами, утверждаемый на большой лжи и коварном обмане, щедро оплачиваемый и распространяемый низкой и недостойной пропагандой, вызывающей зоологическую ненависть к единокровным братьям и приводящий к массовым кровавым преступлениям, соблазняющий и увлекающий не только малоосведомленных, но и образованных, даже талантливых людей, захлестнутых шумным и грязным потоком злонамеренной лжи, извращенных или неправильно понимаемых исторических сведений, - украинский сепаратизм и самостийничество упорно стремятся заманить русский народ на ложные пути и увлечь к опасным и ложным целям.

Однако, несмотря на фанатически ожесточенную энергию, вкладываемую в сепаратистскую пропаганду, основная масса населения Юго-Западной Руси остается устойчивой и непоколебимо верной своей всерусской национальности, не откликаясь на призывы к отделению и не пользуясь никакими удобными для этого политическими возможностями. Русский народ терпеливый и выносливый. Он перетерпит и вынесет и эту прививку братоненавистнического яда. Но долгая и недобрая память останется в нем о тех своих людях, которые предали врагам и, сворачивая его на темные пути, ведущие в гибель, сами стали его врагами.

За все исторически известное существование русского народа, начиная с глубокой древности до недавнего времени, украинского сепаратистского движения в нем не было. В течение всего этого многовекового периода и до сего дня был, есть и будет единый русский народ, населявший вначале, главным образом,

все то пространство, которое теперь именуется Украиной. Затем, постепенно расселяясь по Восточно-Европейской равнине и развиваясь во всем своем национальном своеобразии, распространил государственные пределы на одну шестую часть земной поверхности. Так свидетельствует вся русская история.

Что же касается населения именно современной Украины, то все добросовестные исследования этого вопроса русскими и иностранными историками на основании летописных первоисточников и всей последующей исторической документации с полной несомненностью устанавливают подлинность его русской национальности. Не ссылаясь на бесспорные исторические труды самых крупных и беспристрастных ученых, упомянем, что еще совсем недавно, а именно после присоединения к Австрии в 1773г. Галичины и Буковины - самых отдаленных западных русских украин, пребывавших самое продолжительное время отторгнутыми от русского государства, - австрийская императрица Мария Тереза поручила немецкому историку Энгелю подробно и точно изучить новоприобретенный край. В результате обследования на основании исторического материала и своего личного ознакомления на месте Энгель сообщил австрийскому правительству свое убеждение, что на всем этом пространстве, от Вислока до Збруча и пределов Молдавии, все население, исчисляемое в 2,7 млн человек, крестьяне и горожане, даже католического вероисповедания, и духовенство говорит по-русски и что весь этот край принадлежал Киевской Руси. К такому же выводу пришел и другой немецкий историк Гоппе, издавший свой труд на 6 лет позже, в 1802 г. Многие историки разных национальностей, в частности и уроженцы Галицкой Руси, пришли к такому же заключению. Впрочем, объективные и добросовестные ученые и не могут сделать иного вывода - коренное население Юго-Западной Руси было, есть и будет для каждого беспристрастного исследователя вполне очевидно русским.

При этом нужно отметить важную подробность - выводы всех историков того времени делались вполне объективно, без приспособления к каким-нибудь политическим интересам, правительственным указаниям или цензурным давлениям потому, что тогда не был еще изобретен позднейший политический замысел отторжения Юго-Западной Руси от России под предлогом существования украинской нации.

Слово Украина в прямом и первоначальном смысле обозна-

чает окраину русской государственности. В толковом словаре В. И. Даля приводится следующее объяснение: украина, украинный и украиный - значат - крайний, у края, на краю, на краю чего-либо находящийся; дальний, пограничный, порубежный, что на крайних пределах государства. В старых государственных актах значится: А город Соловецкой место украиное, На берег от крымские украинны. Сибирские города встарь назывались украинными, также и города, далеко выдвинутые на юг, в Дикое поле, назывались украинные. То же значение имеет слово украй, или что то же украина - область с краю государства или украиная. Например, Латины взяша украинны неколико псковских сел, На украине, на студеном море, Даже до украинны нашей страны молдавской. Дикое поле, которое постепенно заселялось русским народом, стали называть Слободской украиной. Далее в словаре Даля приводятся слова украек и украинка, которые значат полоса на краю чего-либо, кромка, остаток. Указывается также глагол украиться, что значит стать, поселиться с краю, придти к концу, кончить что-либо. Из этих нескольких примеров, взятых из старинных актов, видно, что слово украина и производные от него имели широкое употребление и вполне определенное значение отдаленных областей русского государства, которые соответственно назывались северными, сибирскими, южными и западными украинами. В толковом словаре дается также справка, что ныне Украиной называют Малую Русь.

Нельзя более ясно определить понятия украина и украинец, как это сделали донские казаки в своем письме к вождям войск, осаждавшим Азов: А если бы на то его государское повеление было и восхотел бы он, великий государь, ваших басурманских кровей розлития и градом вашим басурманским разорения за ваше басурманское к нему, великому государю, неисправление, хотя бы он, великий государь наш, на вас на всех басурман велел быть войною одной своей украине, которые люди живут в украинских городех по валу от рубежа крымского и нагайского, и тут бы собралось его государевых русских людей с одной только украинны больше легиона тысяч. Да такие его государевы люди руския украинцы, что они жестоки на вас будут и алчны, аки львы яростные и неукротимые и хотя поясти вашу живую плоть басурманскую... (Повесть об Азовском осажденном сидении донских казаков. Н. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе, с.370)

Для более правильного и точного понимания слова украина

следует напомнить, что оно стало применяться для обозначения географического положения далеких русских областей, главным образом после опустошительных татарских нашествий, когда Киевская Русь была полностью разрушена и новый русский государственный центр начал постепенно образовываться в Московской Руси. До татарских нашествий вся область, называемая теперь Украиной, именовалась общим словом Русь, к которому по разным причинам присоединялись дополнительные пояснения чисто местного, но не национального значения, как например: Киевская, Червонная или Галицкая, Белая, Суздальская или Залесская, Черная, Холмская, Карпатская, Угорская и т.п. Древнее русское государство со стольным городом Киевом, современная Украина, было центром объединения всего русского народа и всех русских земель, а не украиной, и потому носило общенациональное имя Русь.

Слово Украина и все производные от него никогда не включали в объем своего содержания не только значения, но даже призрака какой-нибудь национальной особенности. Все русские Украины были заселены русским народом и только потому давали право называть их украинцами-украинцами, даже если они входили в состав соседних государств и налагали тяжелую государственную обязанность вести упорную многовековую борьбу за освобождение и присоединение их к русскому государству. Как известно, основной государственной идеей московских князей на протяжении нескольких столетий было собирание русских земель, захваченных соседними государствами на севере, на западе, на юге и на востоке после падения Киевской Руси в XII столетии, что и было завершено после многовековой борьбы, и то еще не полностью, только в 1945г.

Известный английский историк Арнольд Тойнби в своей нашумевшей книге Мир и Запад пишет следующее: Отчуждение началось в XIII веке после того, как Россия попала под татарскую власть; владычество татар над Россией было, однако временным, потому что татары были степные кочевники, которые никак не могли себя чувствовать дома среди русских полей и лесов; длительные потери России как результат этого временного завоевания ее татарами вызваны отнюдь не ее татарскими завоевателями, а ее западными соседями. Потому что это они воспользовались выгодой, когда Россия лежала распростертой в бессилии, чтобы урезать ее владения и присоединить к Западу западные окраины

в лице Белоруссии и западной части Украины. И только лишь в 1945г. Россия восстановила свое право на владение последним куском тех громадных территорий, которые были отняты у нее державами Запада в XIII и XIV вв.

Ко времени выпуска третьего дополненного издания Толкового словаря В. И. Даля в 1909г. Южная Русь, называемая также Украиной, не включала в содержание этого названия никакой национальной характеристики ее населения. В то, еще такое недавнее время все знали, что Украина, - это только название одной из древних русских областей, в которой живет, как и во всех русских областях, русский народ и что тот неверный национальный смысл, который придают современные сепаратисты слову Украина и производным от него, был тогда совсем неизвестным русскому народу, включая и население самой Украины, и, следовательно, составителям Толкового словаря. Ясный смысл слова Украина начал постепенно затемняться злостной пропагандой украинского сепаратизма и только в первой четверти XX столетия вошел в употребление в нынешнем смысле в некотором, очень узком круге русского общества, когда пропаганда начала проявляться в открытой и агрессивной форме при широкой материальной поддержке австрийского, польского и германского империализма. Такое новое толкование слова Украина совсем недавнего происхождения и, несмотря на упорные усилия и даже насильственные действия, ограничивается только влиянием на личные взгляды отдельных людей, так как украинский сепаратизм, основанный на заведомо ложной теории существования украинской нации, не может быть предметом научного исторического знания. Каждый человек волен отказаться от своей национальности, но изменить своего происхождения все-таки не может. Что же касается народа, из которого происходит такой человек, даже если таких индивидуумов имеется и больше, то народ не обязан разделять их взгляды. Наоборот, обычно те народы, в которых начинается процесс национального разложения, особенно преданно и жертвенно борются за свою национальность, когда сознают, что основная народная ценность подвергается опасности. Характерный пример такого народного поведения представляет собой история многовековой героической борьбы населения Галичины, Карпатской Руси и Буковины за свою русскую национальность.

Нужно отметить, что у сепаратистов обычно накапливается более или менее объемистая литературная, публицистическая

и так называемая научная продукция. Что касается первых двух видов индивидуального творчества, то, хотя они относятся к области субъективных переживаний и являются выражением только личных настроений и взглядов их авторов, тем не менее ими часто пользуются для политической демагогии. Что же касается так называемой научной литературы, относящейся к изучению украинского вопроса с сепаратистской точки зрения, то при критическом ознакомлении она обычно оказывается лишенной объективного анализа исторических первоисточников и документальных материалов и как следствие этого правильных научных выводов. Тенденциозные теории, заведомо ложные исследования или рассуждения принимаются как объективное познание и их авторам придается неверное значение авторитетов. К этому нужно прибавить, что не только вожди сепаратистского движения, но и менее заметные его деятели слишком легко награждаются их сторонниками и иностранными покровителями разными громкими титулами, научными званиями и другими подобными отличиями, не соответствующими ни их действительному значению, ни их личным качествам. Все это делается главным образом по политическим соображениям, а со стороны иностранных кругов часто по незнанию так называемого украинского вопроса или по наивному доверию тенденциозной информации. Что же касается самих сепаратистов, то они действуют с простым расчетом ввести обманной рекомендацией неподготовленных к критическому восприятию читателей в преднамеренное заблуждение относительно научной ценности их публикаций. Так поступают недобросовестные торговцы, старающиеся сбыть недоброкачественный товар под прикрытием соблазнительной упаковки.

Чтобы обосновать свои фантастические теории, даже только для оправдания своих личных взглядов, сепаратисты неизбежно должны унижаться до явных искажений и даже прямой фальсификации подлинной истории. Но такая мнимая база не может скрыть зияющей под ней научной пустоты. Поэтому у всех сепаратистов всегда наличествует сознание неуверенности и даже виновности. Это особенно характерно для тех из них, которые знают, что врут, но по низменным расчетам и другим мелким человеческим негодностям и слабостям или же из-за слепого упрямства и даже ложной гордости не находят в себе нужного мужества, чтобы честно признать свою ошибку. Другие, безнадежно обманутые и ослепленные соответствующей пропагандой,

остаются фанатически уверенными в правильности своих национальных взглядов и так им преданными, что не могут спокойно ни слушать, ни даже понимать никаких возражений. Но в обоих случаях внимательные наблюдатели уже отметили, что для всех сепаратистов характерно чувство неполноценности. Если к этому присоединяется патологическая ненависть к родному общенациональному окружению, доходящая до смертоубийств, даже массового характера, как это проявляется по отношению ко всему русскому народу в некоторых кругах украинских сепаратистов, даже к их родным землякам, живущим испокон веков на той же земле, на которой родились и они сами, в тех же городах и селениях, даже в ближайшем соседстве, с которыми они с детских лет вместе росли и учились, только из-за того, что те не разделяют их сепаратистских взглядов, то такое явление следует отнести к болезненным состояниям, определяемым обычно общим термином шизофрения.

Обычно все сепаратистские движения имеют очень ограниченный круг последователей, главным образом среди малообразованных людей, легче всех поддающихся политическим влияниям, имеющим весьма поверхностное воздействие на основную массу населения. Так именно обстоит дело с украинским сепаратизмом: подавляющая масса населения Украины в силу органического национального русского самосознания и своего народного достоинства остается не только вполне равнодушной, но в критические дни своего исторического существования определенно враждебной к сепаратистской пропаганде. Это обстоятельство является очень многозначительным: население Южной Руси ни одного раза не поддержало фанатические попытки сепаратистов образовать самостоятельное украинское государство, несмотря на чрезвычайно удобные для такой акции политические условия и сильную внешнюю поддержку. Причина такого положения объясняется тем, что идея украинского сепаратизма является продуктом вздорных политических бумажных спекуляций и не имеет никакого основания в живой действительности. Население Малой Руси знает, что украинский сепаратизм угрожает ему отрывом от большинства русского народа и с этой целью поддерживается внешними врагами под прикрытием лицемерных заверений якобы великодушной и бескорыстной помощи якобы угнетенной нации.

Украинское сепаратистское движение возникло сравни-

тельно недавно, только в конце XIX столетия. Первые признаки его начали проявляться в Прикарпатской Руси в 1860-х гг., когда незначительная группа галицких общественных деятелей начала искать какого-нибудь спасительного выхода из безнадежного положения национального угнетения русского народа грубым самоуправством австрийской и польской администрации. Такой выход намечался, по указке Вены и Рима, только в отказе от русской национальности и замене ее сначала рутенской. Австрийские, польские и венгерские правящие круги, убедившись, что им не удастся ни окатоличить, ни ополячить, ни мадьяризировать или германизировать русское население, надеялись путем национального разделения обезопасить себя от пугающей их возможности в каком-то недалеком будущем неудержимого присоединения к России всех остающихся еще под их господством областей Юго-Западной Руси.

Со своей стороны некоторая часть галицких общественных деятелей в надежде облегчить общее тяжелое положение склонилась к такому лукавому компромиссу, но при условии частичного отказа, а именно только от Великороссии, но не Малороссии. Так обе стороны попытались обмануть друг друга - одна, чтобы как можно дольше и при любых условиях продолжить свое незаконное господство над Прикарпатской Русью, а другая, чтобы тоже при любых условиях, но как можно скорее добиться национального признания и вытекающих из этого национальных прав, а также и личных выгод, затем при подходящих условиях и полного освобождения через присоединение к Малороссии.

Кроме того, австрийские и польские государственные деятели того времени и папский Рим рассчитывали в будущем оторвать от России при помощи украинских сепаратистов всю Южную Русь, окатоличить ее и, если не присоединить к себе, то во всяком случае удержать новообразованное украинское государство под своим покровительством и решающим влиянием.

Так хитря и обманывая друг друга, обе стороны, увлекаясь каждая соответственно своим вождением, политической выдумкой украинской нации, забывали о самом главном - существовании самого народа и его отношении к придуманной комбинации. Не только дальнейшее развитие украинского сепаратизма, но уже первые его проявления не вызвали никакого сочувствия, а затем началось возмущенное отрицание его в широких кругах населения Южной Руси, особенно в Галичине, Карпатской Руси

и Буковине, которые еще томились под властью Австрии, Польши и Венгрии, где сепаратистов сразу же заклеили порочащей кличкой мазепинцы, все их движение мазепинством по имени печальной памяти честолюбивого интригана, своекорыстного и вероломного гетмана Мазепы. Чтобы правильнее уяснить постыдный смысл этих прозвищ, нужно вспомнить, как сурово осуждала народная совесть населения Юго-Западной Руси, то есть Украины, политическую, общественную и административную деятельность Мазепы и его сообщников. Для примера уместно привести содержание послания православных жителей города Львова царю Петру и его брату Иоанну еще в то время, когда за их малолетством Московским государством управляла царевна Софья, предупреждавших их не только о казнокрадстве Мазепы, но и о его участии в дворцовом заговоре против Петра и Иоанна. Самого Петра заговорщики намеревались убить, а Иоанна покинуть в забвение. Историк С. Соловьев в своем труде История России в эпоху преобразований приводит нижеследующий текст: Мы все в благочестии живущие в сторонах польских, благочестивым монархам доносим и остерегаем, дабы наше прибежище и оборона (так авторы послания называли Петра и Иоанна) не была разорена от злого и прелестного Мазепы, который людей ваших Подольских, Русских (Галицких) и Волынских басурманом (Турции) продавал, из церквей туркам серебро продавал вместе с образами; после отдавши господина своего в вечное бесславие (гет. Самойловича?) имение его забрал и сестре своей в наших краях имения искупил и покупает, наконец, подговоривши Голицина, приехал в Москву, чтобы благочестивого царя Петра Алексеевича не только с престола, но и со света изгнать, а брата твоего Иоанна Алексеевича покинуть в забвение. Другие осуждены, а Мазепу, источник и начаток вашей царской пагубы, до сих пор вы держите на таком месте, на котором, если первого своего намерения не исполнит, то отдаст Малороссию в Польскую сторону...

По-видимому, царь Петр ничего не знал об этом послании, так как все последующее время продолжал доверять Мазепе, несмотря на аналогичное предупреждение и со стороны Кочубея. Только во время Полтавской битвы, когда решалась судьба России, предательство Мазепы раскрылось явно и правдивое послание верных русских галичан подтвердилось полностью. Судя по дальнейшей истории этого послания, следует предположить, что враги Петра, может быть из окружения царевны Софии, а может

быть даже сами заговорщики, скрыли его от Петра и переслали его самому Мазепе, по-видимому для того, чтобы он уничтожил авторов. Мазепа воспользовался случаем и жестоко расправился с князем Юрием Четвертинским, Григорием Полуботком и другими.

Осужденный за свои преступления историей и в совести всего русского народа, особенно на Украине, после поражения Карла XII в Полтавской битве Мазепа случайно спасся бегством и бесславно окончил свою жизнь на чужбине. Вот как об этом повествуется и шеститомной львовской Сводной летописи А. С. Петрушевича под 1709 годом: Шведский король, по имени Кароль, Львов место през зраду добыл и збурыл, великие скарбы з костелов и церквей и купцей побрал с которыми был на Украину поехал из войсками многими. Там же за Полтавою побежден от царя Петра Московского. Войска ему убил много тысячей, а он с малой дружиной из Мазепой гетманом заднепровским, который ся ему был яко здройца поддал, до Волох утекал: там же Мазепа отруил и здох...

Прозвище мазепинцы, данное украинским сепаратистам в юго-западной русской уkraine - в Галичине, Карпатской Руси и Буковине, - имело ругательный смысл и в полной мере отражало отношение населения к их движению. Именно там, в Прикарпатской Руси, население, умудренное тяжелым опытом долгого сожительства с врагами русского народа и постоянной борьбой за свои национальные права, правильно поняло опасное назначение украинского сепаратизма. Мазепинская постановка национального вопроса не только возмущала по своему ложному смыслу, но и оскорбляла народное достоинство тем, что вся многовековая национальная борьба, весь жертвенный подвиг всего народа для защиты своей русской национальности превращались в какую-то всеобщую ошибку, и святое для всех понятие Руси, которое объединяло и вдохновляло жить и бороться, несмотря на все тяготы, вдруг начало подвергаться сомнению и даже отрицанию. Здоровая и ясная народная мудрость не могла примириться с таким надругательством над самой заветной своей святыней - русской национальностью. В народной памяти жили светлые образы предков, которые никогда не колебались в своих русских национальных убеждениях, всегда призывали к защите русского народа, сами показывали высокие примеры самоабвенного труда и жертв для народной пользы, и это не могло быть забыто. На-

род отлично сознавал, что его предки в своей героической борьбе за Русь не ошибались и что ничтожная горсточка оторвавшихся от него хитрящих и готовых на низкую измену потомков не смеет отрицать правды и извращать великое народное прошлое - прочную основу его настоящего и будущего.

Огромное, подавляющее большинство населения юго-западной русской украины - в Галичине, Карпатской Руси и в Буковине - интеллигенция, униатское и православное духовенство, от высших иерархов до приходских священников в глухих и далеких галицких деревушках, со всем церковным причтом и прихожанами, и многочисленные городские жители - купцы, чиновники, ремесленники - все вообще представители русского местного общества согласно выражали свой протест против украинского сепаратизма в печати, на народных собраниях, демонстрациях, в официальных обращениях в правительственные учреждения от имени многих светских и духовных обществ и организаций и протестов русских депутатов в австрийском и позднее в чешском парламенте. По этому вопросу создавалась обширная литература научного, духовного, художественного и публицистического характера и целый ряд исторических документов, в которых ясно и неопровержимо свидетельствуется, что мазебинство было населению Южной Руси совершенно органически чуждо и совсем им не воспринималось как во время своего возникновения, так и до наших дней.

Перед всеми заговорщиками украинской интриги стояла изуверская задача - изуродовать по политическим планам национальное самосознание многих миллионов сознательных русских людей, сделать русских не русскими, а украинцами. И такое мракобесие нужно было обосновать как можно более убедительно. В этом были заинтересованы все враги русского народа и России в Вене, в Риме и в Берлине и даже некоторые международные политические партии и организации, каждый из них по-своему, но все одинаково злобно. Украинский сепаратизм казался верным оружием, более сильным, чем военные механизмы и армии, и чтобы придать его действию наибольшую разрушительную силу, не стеснялись никакими средствами.

Основная деятельность украинских сепаратистов и их вдохновителей по понятным причинам сосредоточилась на Галицкой Руси - единственной беззащитной русской территории, на которой тогда можно было безнаказанно производить подобный

опыт. Действия украинских сепаратистов устремились в первую очередь против основных национальных устоев - против русско-го литературного языка и против Православной Церкви.

Население Прикарпатской Руси, как вообще всей юго-западной окраины, с незапамятных времен всегда называло свой язык русским, каким он в действительности и является и благодаря которому оно оставалось неразрывно связанным со всем остальным русским народом. Вместе с народом православное и униатское духовенство всегда сознавало себя русским и употребляло русский разговорный язык, южнорусское наречие, несмотря на то, что еще в 1664г. униатский епископ Иосиф Шумлянский приказал духовенству усвоить польский язык. Тем не менее, метрические книги в Галичине, а также различные записи и заметки, собранные впоследствии А. Петрушевичем в Сводную летопись, велись на русском языке. Русские, живущие в Галичине и на Закарпатье, называли себя русинами (древнерусским термином) и руснаками. Прилагательное же от русин и руснак было только русский. Народность свою они называли русской, язык - русским. Даже церковь свою, униатскую ли, православную ли, они называли, в отличие от папской, русской церковью. Немецкие ученые, литераторы называли население присоединенных к Австрии русских областей руссен. Все это было совершенно верно исторически, лингвистически и территориально. И главное, живая связь с русским литературным языком, никогда не прекращавшаяся и неизменная, была тем могучим источником сил, которые поддерживали национальную жизнь народа. Желая оборвать эту главную жизненную артерию, связывающую в единый национальный организм весь русский народ, украинские сепаратисты по приказу Вены принялись за выработку искусственного украинского литературного языка, чтобы, нагромоздив лингвистическую преграду, легче оторвать население Юго-Западной Руси от России. Следуя примитивному методу, обычно применяемому всеми сепаратистами, украинские сепаратисты начали переделывать грамматику русского языка. Вздорно придираясь даже к отдельным буквам, они начали заменять их другими, сокращать или наоборот, вводить дополнительные, особенно в те слова, которые сохраняли одинаковое начертание и звучание во всех русских наречиях, а особенно в общерусском литературном языке. Именно такие общие слова - живые и наглядные свидетельства

общерусского кровного родства - с сознательной злостью подвергались неуклюжим переделкам или заменялись заимствованиями из других славянских языков, в первую очередь из польского или даже из иностранных, или, наконец, просто изобретались совсем новые с единственной целью, как можно резче и грубее отделить малорусское наречие от общерусского литературного языка и создать видимость, очевидно недобросовестную и неубедительную, но все-таки видимость наличия украинского языка. Законы рождения и жизни слов грубо и злобно ими попирались и в их усилиях откровенно раскрывался политический замысел, которым они воспалились и которому служат. Изобретенные ими слова остаются в стороне от народной жизни, их не употребляют в разговорной речи и многие из них сохраняются в словарях для специального назначения. Но народ их не принимает и не пользуется ими. Сравнивая не только тексты старой письменности, но и всей последующей, до второй половины XIX столетия включительно, то есть до того времени, пока еще не началась разлагающая деятельность украинских сепаратистов и особенно живой современный южнорусский говор с так называемым украинским литературным языком, можно наглядно убедиться, как безобразно изуродовано в нем прекрасное, певучее, красочное малорусское наречие.

Одновременно с этим по всей Галицкой Руси началось открытое гонение на русский язык. Во всех начальных школах, которые начали появляться только в 1791г., преподавание велось по букварю, изданному в Вене в 1790г. До тех пор русское население пользовалось букварями, получаемыми в частном порядке из Москвы. В средних учебных заведениях преподавание шло на польском, немецком, венгерском и румынском языках в зависимости от того, к какой стране административно относилась данная русская область. Во Львовском университете долгое время не было кафедры русского языка и истории. Во всех учреждениях делопроизводство велось по-польски, -венгерски, -румынски или -немецки. Русский язык искоренялся из употребления всеми мерами и за пользование им русских людей преследовали, считая их неблагонадежными, а в некоторых случаях это приравнивалось к государственной измене, каралось тюремным заключением и даже осуждением на смерть. Во время войны 1914-17гг. достаточно было найти в доме русского человека русскую книгу, чтобы это послужило причиной ареста, жестоких истязаний, сурового

тюремного заключения или даже убийства на месте. Такое возмутительное попираание национальных и просто человеческих прав русского населения Юго-Западной Руси производилось совсем открыто, постепенно, начиная с XIV века и все более усиливаясь, сначала католической Польшей, а затем, после присоединения Галицкой Руси к Австрии, до середины XX века, с разной степенью ожесточенности достигнув крайней степени во время первой мировой войны, и только для того, чтобы истребить в населении русских областей сознание и преданность русской национальности.

Упорная, настойчивая разлагающая работа украинских сепаратистов над выработкой украинского языка достигла некоторых результатов благодаря широкой и щедрой поддержке всех врагов национального единства русского народа, вначале австро-польской администрации, а затем уже коммунистической власти России. Украинский язык уже как-то составлен, на нем пишут разные произведения литературного и научного характера и печатают, его преподают в школах. Но какова его жизнеспособность, покажет только будущее. Чтобы внедрить его в употребление, как в самом начале, так и теперь, необходимо прилагать насилие. На территории всей Южной и Юго-Западной Руси введено принудительное обучение на нем в школах, в средних учебных заведениях и в университетах, а также принудительная публикация всех видов научного и литературного творчества. Это входит в общий план насильственной украинизации обширного края и многочисленного населения. Начало всенародной украинизации отразилось даже в насмешливом, и как всегда метком народном выражении: когда мы украинизировались. С полной уверенностью можно предвидеть, что с прекращением насильственных мер, украинизация сама собой остановится и отпадет, как сыпь после выздоровления от заразной болезни.

В настоящее время, вместе с присоединением к России почти всей Прикарпатской Руси, за исключением Лемковской и Пряшевской, которые несомненно должны быть тоже присоединены в будущем для завершения полного объединения всего русского народа, преступное гонение на русский язык приняло партийно-государственные формы. Но хотя общерусский литературный язык уже восстановлен в своем достоинстве общегосударственного языка и возвышенном послании всенародного просвещения и объединения русского народа, злокачественная украинская ин-

трига продолжает действовать, несмотря на то, что ее изобретателей давно и след простыл и что цели, которым она должна была служить, тоже давно стали беспредметными. Однако единственным полномочным и законным судьей в этом вопросе является сам русский народ. Пока что он терпеливо переносит производимый над ним насильственный опыт украинизации и молча хранит тяжелые думы. Когда он станет свободным, мы верим, он прекратит этот грязный опыт, производимый над его телом и душой врагами русской земли.

Одним из основных факторов, формирующих национальность, часто оказываются религиозные верования. Это бывает обычно в тех случаях, когда вероисповедание данного народа отличается от соседних народов. После того, когда большие религии объединили многие народы, религиозные верования перестали быть национальным признаком, но все-таки сохранили некоторые национальные особенности. Даже божественное учение Иисуса Христа у разных народов окрасилось в национальные оттенки церковной обрядности во второстепенных национальных праздниках, в церковной архитектуре и религиозном искусстве. Особенно сильное влияние на национальное обособление церквей, в частности христианских, произвели догматические разногласия, вызвавшие даже враждебное разделение и причинившие несчастья народам. Так, Православная Церковь в юго-западных русских укрainaх на протяжении многих столетий подвергалась жестокому преследованию со стороны воинствующего католицизма и в связи с этим приобрела определенное национальное значение и даже название русской Церкви.

Значение и послание Православной Церкви в Юго-Западной Руси не ограничивалось только духовным окормлением русского населения, но простиралось и на защиту его национальности. Православная Церковь переживала вместе со всем русским народом все национальные бедствия многовекового гнета враждебного католического окружения и являлось не только хранительницей векового народного вероисповедания, но и живой духовной связью со всем единоверным и единокровным православным русским народом. Так например, митрополит Киевский Кирилл II (1250-1280) в эпоху, когда русский народ был разорван на две части татарским нашествием, был другом Галицкого князя Даниила и Новгородского князя Александра Невского. Оба князя были единомышленниками в светских и духовных делах

и митрополит Кирилл объединял своей личной дружбой с ним Северную, Южную и Юго-Западную Русь. В 1299г. Киевский митрополит Максим, спасаясь от постоянных татарских насилий, ушел вслед за населением на север и поселился во Владимире на Клязьме. Оттуда он совершал частые поездки в южнорусские области, более всех нуждавшиеся в пастырских заботах. Преемник Максима, митрополит Петр, продолжая деятельность своего предшественника, по пути в юго-западные области часто останавливался в Москве, где он подружился с московским князем Иваном Калитой. Владыка Петр, уроженец Волыни, скончался в Москве в 1326г., нося титул Митрополита Московского и всея Руси. Он отличался высокой духовной жизнью и много потрудился для Православной Церкви и всего русского народа. Тесные живые связи между двумя частями разобщенного татарами русского народа - Северной и Южной Руси - постоянно поддерживались и развивались, особенно благодаря Православной Церкви, и только потому далеко выдвинутые на запад русские украинцы, оторванные от русского государства, смогли легче и крепче сохранить твердое сознание своей русской национальности. Именно в Галицкой, Карпатской и Буковинской Руси и в некоторых других далеких русских областях Православная Церковь, даже омраченная насильственной унией с католической церковью, оставалась в течение долгого порабощения Польшей, а затем Австро-Венгрией единственной верной и неустрашимой защитницей беззащитного народа.

Положение Православной Церкви ввиду ее особенного двойного послания - духовного окормления и национальной защиты - в Польско-Литовском и затем Австро-Венгерском государствах было очень трудным, как и вообще положение всех слоев православного русского населения. Это касалось как высших дворянских кругов, так особенно православного духовенства и крестьянства. И православная дворянская знать, и православное духовенство, и крестьянство изнемогали от бесправного положения в общественном, социальном и экономическом отношениях. Так, например, уже в 1413г. на Городельском сейме, подтвердившем объединение Литовско-Русского государства с Польшей, было принято постановление не допускать православных людей на государственные и общественные должности - грубое ущемление гражданских прав православного русского населения. Такие должности предоставлялись только литовским боярам, приняв-

шим католичество. Русское и литовское православное дворянство не могло примириться с таким неравноправием. Привилегированное положение окатоличившейся литовской знати перед православной принудило присоединенные к Литве русские области восстать в 1430г. против литовского владычества. Русские бояре завоевали себе права литовских вельмож, но они были узаконены только в 1447г., когда польский король Казимир легально уравнил православную знать с католической, польско-литовской.

В особенно тяжком положении находилось православное духовенство, мещане и ремесленники, которых беспощадно эксплуатировали польские помещики, католическое духовенство и их помощники - приказчики и евреи. Последние, как правило, не только содержали в деревнях корчмы, в которых спаивали крестьян и все более захватывали в свои руки торговлю, но в некоторых случаях брали в аренду даже православные храмы. Унижение и угнетение Православной Церкви доходило до того, что еврей-арендаторы держали у себя церковные ключи и открывали храмы для совершения православных богослужений и выполнения треб только за определенную плату.

Православное духовенство по своему социальному и общественному положению ничем не отличалось от крепостных крестьян - самого угнетенного класса русского населения Юго-Западной Руси. Священники обрабатывали землю и выполняли все сельскохозяйственные работы для добывания средств пропитания и отработывали панщину-барщину - даровой подневольный земледельческий труд в пользу польского помещика и католического ксендза даже и в праздничные дни. Католические священники, и даже каноники, протоиереи, называли православных русских собаками, православный обряд собачьим, священников - шизматиками. Умерших, отпеваемых православными священниками, католические ксендзы отказывались хоронить на кладбищах. Латинники мешали совершать православные обряды, не позволяли звонить в колокола даже во время Светлого Воскресения Христова, если оно не совпадало с католической Пасхой и всячески издевались над верующими православного обряда. В 1436г. соответствующими учреждениями в Польше было принято постановление, запрещающее православным как еретикам строить и даже исправлять православные храмы. Русским предписывалось совершать праздники по латинскому обряду, православные храмы отнимались от русских и превращались в костелы.

Был издан закон, по которому католикам запрещалось вступать в брак с православными, если последние не примут католичества.

Чтобы облегчить такое возмутительно бесправное положение православных людей в соединенном Польско-Литовском государстве, необходимо было как-нибудь сговориться с представителями католической церкви, оказывавшими решающее влияние на внутреннюю и внешнюю политику польского правительства. Такой сговор намечался только при единственном условии, что православные вступят в унию с католической церковью, к чему начали склоняться некоторые православные иерархи и представители высшего и низшего дворянства. Продолжительные колебания и сомнения православного общества постепенно преодолевались целеустремленной пропагандой иезуитов в пользу унии, как например известным трактатом Петра Скарги «О единстве церкви Божией под единым пастырем и о греческом от оного единства отступлении», в котором проводилась мысль, что для русской Церкви нет спасения, как только под покровительством папы римского. Для того чтобы эта угроза приобрела более устрашающее действие, Православная Церковь подвергалась все большему гнету и унижению. Трактат Петра Скарги был издан в 1577г. в Вильно и в течение последующих двух десятилетий часть православной иерархии и общественности, раздираемая внутренним нестроением и внешним угнетением, в конце концов склонилась к принятию унии.

На Брестском соборе в 1596г. была принята уния, которая немедленно враждебно разделила русских людей на православных и униатов. Это разделение обострилось еще и тем, что православное церковное общество перестало считаться законной церковью, признаваемой польским правительством, в то время как униатская церковь приобрела значение легальной и униаты начали пользоваться некоторыми политическими и экономическими выгодами и привилегиями. Впрочем, и униатская Церковь не спаслась от угнетения, так как сама по себе уния не удовлетворяла католические круги: они стремились к полному окатоличению всего православного населения.

Постепенно православная знать и русско-литовское дворянство в своем большинстве приняли унию и одновременно с этим стали посылать своих детей в иезуитские школы, которые в то время считались самыми лучшими и привилегированными. В них под прямым влиянием иезуитских воспитателей начался

массовый переход молодых поколений русского дворянства в католичество, благодаря чему перед ними открылась возможность занимать общественные и даже высшие государственные посты. Среди видных польских государственных людей XVII - XVIII вв. почетное место занимали Вишневецкие, Заславские, Тышкевичи, Ходкевичи, Замойские, Сапеги, Черторыйские и другие окатоличившиеся потомки православных русско-литовских дворян, происходивших от Рюриковичей, Гедиминовичей или от старинных боярских родов.

Вместе с отходом от русского народа его дворянство, православное духовенство, крестьяне и мещане постепенно оставались без руководства и беззащитными перед неукротимо воинствующим католицизмом, руководимым иезуитами. Одновременно с этим начался и упадок православных братств, лишившихся влиятельных и богатых покровителей. Русский народ становился все более бесправным и угнетенным. Но и в таком отчаянном положении национальная сопротивляемость и преданность Православной Церкви русского населения юго-западных областей не была сломленной. В нем все сознательней назревали грозные силы в лице казачества - вольных людей, бежавших от крепостного, религиозного и экономического гнета в Дикое поле и на Запорожскую сечь.

Так, единственным защитником православного духовенства, крестьянства, мещанства и остатков русского дворянства оказалось теперь только казачество, которое и приняло на себя борьбу за родной народ и его вероисповедание. Церковная уния и вытекающие из нее убийственные последствия для национального и религиозного положения русского населения оказались той последней каплей, которая переполнила чашу народного терпения. Народ верно понял, что церковная уния - это смертельная петля, которая должна окончательно удушить Православную Церковь и русскую национальность, навсегда оторвать его от остального русского народа и закрепить за Польшей. По яркому и образному описанию историком В. О. Ключевским народного понимания сложившегося положения и казаку, и хлопугу церковная уния... дала новый стимул в их совместной борьбе и помогла лучше понимать друг друга: и казаку, и хлопугу легко было растолковать, что церковная уния - это союз ляшского короля, пана, ксендза и их общего агента жида против русского Бога, которого обязан защищать каждый русский... Так казачество получи-

ло знамя, лицевая сторона которого призывала к борьбе за веру православную и за народ русский, а обратная - к истреблению и изгнанию шиков и шляхты из Украины...

Все исторические документальные сведения о казацких восстаниях в Южной и Юго-Западной Руси свидетельствуют о стихийных и ожесточенных народных протестах против преследований и угнетения Православной Церкви, которая официально считалась нелегальной, и против жестокого зажима русского населения в тисках крепостного рабства. Так, восстание поднятое в 1620г. запорожским атаманом Петром Канашевичем Сагайдачным, по некоторым сведениям уроженцем далекой гористой Карпатской Руси, что само по себе свидетельствует о нерасторжимых связях и одинаковых переживаниях русского населения на всем протяжении Юго-Западной Руси, даже в самых отдаленных западных окраинах, произошло из-за того, что он, не спрашивая согласия польского правительства, но при полном одобрении и поддержке всего запорожского войска, решил восстановить через иерусалимского патриарха православную иерархию, покровительство над которой приняло на себя казачество. Атаман Сагайдачный действовал как сознательный православный русский человек, у которого не было иных средств отстоять народные права на свободу вероисповедания, как только силой оружия. Тем более что он сам, как и все войско запорожское, был членом киевского православного братства и, видя бесправное положение Православной Церкви, не мог с этим примириться. Однако, несмотря на то, что высшая православная иерархия была восстановлена и утверждена патриаршим благословением и находилась под защитой казаков, ее деятельность всячески затруднялась враждебным отношением католической иерархии и положение православных даже ухудшалось, так что уже в 1625г. Киевский митрополит Иов вынужден был призвать запорожцев на защиту православных киевлян от униатов. После вмешательства казаков и утопления ими киевского войта униата за притеснение православных, митрополит Иов, обоснованно опасаясь жестокого возмездия католиков, обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбой взять под свою высокую руку всю Малороссию, ибо им кроме государя, деться негде.

Борьба за Православную Церковь часто доходила до крайней жестокости. Только в одной Умани во время восстания, поднятого Железняком и Белугой, было убито 18 тыс. католиков и

евреев, как месть за религиозные притеснения. Такой же жестокостью отличались ответные действия польских католических сил: православные селения выжигались дотла, православных людей, особенно казаков, четвертовали, сжигали, вешали и убивали без числа, а их имущество разграблялось и истреблялось. Злые братоубийственные страсти, возбужденные до крайней степени жестокими насильственными действиями представителей католической церкви, проявляющими особенно активную деятельность во всей Юго-Западной Руси начиная с XVI века, выражались не только в больших казацких восстаниях на широких пространствах, поглощающих бесчисленные человеческие жертвы, но и в действиях небольших групп и даже одиночных мстителей за унижение Православной Церкви и угнетение русского народа, а также и за свои личные или семейные обиды. Даже далекая Карпатская Русь имела своих народных защитников, известных под именем опришки. Опришки мстили за угнетение русского населения и Православной Церкви и за свои личные обиды, жгли поместья польских и венгерских помещиков, а если могли, то убивали их и их прислужников - приказчиков и евреев. Действия опришков вызывали большие симпатии в народе, который снабжал их пищей, давал приют, предупреждал об опасности и считал их народными героями. Имя Олексы Довбуша, знаменитого опришка, было широко известно в Карпатской Руси и не забыто до сих пор. Одним из таких опришков, по некоторым сведениям, был и упомянутый уже Петр Канашевич Сагайдачный, ушедший на Запорожскую Сечь и за свою доблесть и военные качества выбранный запорожцами своим атаманом. Движение опришков не могло развиваться в большое народное восстание, так как в Карпатских горах передвижение крупных воинских отрядов, снабжение их пищей и оружием было невозможным. В тесном окружении сильных врагов - на востоке Польша, на юге Венгрия и на западе Австрия - они были бы обречены на неминуемую гибель. Легкие же малочисленные группы могли быстро передвигаться, легче скрываться, находить пропитание и приют у местных крестьян.

Все эти восстания, как большие, так и малые, были вызваны основной причиной: грубым и жестоким угнетением национальных, религиозных и экономических прав коренного русского населения и одухотворялись идеей освобождения от угнетателей и присоединения к Московскому государству.

Память об исторической судьбе народов всегда неразрыв-

но связана с их национальной территорией, которая является не только хранительницей их прошлого, но основой национально-настоящего и залогом будущего. Народы нежно, благодарно и возвышенно воспевают свои отечества во всех видах народного творчества: в национальных эпосах, в песнях, преданиях, обрядах независимо от того, радостны или печальны поэтические воспоминания, красива ли и плодородна или бедна и сурова родная земля. Народы обычно любят свою родину, даже самую безотрадную и обездоленную.

Любовь к родной земле естественно сливается с любовью к родному народу. Это живительное органическое чувство спасает народы от исчезновения и не заглушается даже тяжелыми историческими испытаниями. Можно утверждать, что под тяжестью исторических переживаний закаляется национальное самосознание. На примерах многих народов можно видеть, что пока они остаются на своей территории, хотя бы только на некоторой ее части, даже под гнетом завоевателей, даже совсем чуждой культуры и расы, они сохраняют в себе живые силы, благодаря которым продолжают жить, не теряя своей национальности, могут бороться за народную свободу, и в конечном итоге непременно добиваться свободного государственного существования. Яркий пример такой превратной судьбы - полное государственное разорение и порабощение дикой татарской ордой, медленное национальное возрождение в далекой, глухой и маленькой Суздальской земле, защищенной от степных просторов непроходимыми Брянскими лесами, постепенное полное освобождение от многовекового татарского ига и, наконец, прочное создание целеустремленными усилиями и многими жерлами обширного и могущественного русского государства - представляет собой бурная история русского народа. О могучей и неистребимой силе национального чувства русского народа свидетельствует и тот факт, что, испытав трагический насильственный разрыв на две части - северо-восточную и юго-западную, - каждая из которых долгие века жила своей обособленной жизнью, в разной исторической обстановке и подвергалась различным сильным влияниям, ни одна из них не утратила живого чувства кровного, братского родства и взаимного тяготения к неперемennomу и полному объединению. Историк В.О. Ключевский говорит об этом так: Главная масса русского народа, отступив перед непосильными внешними опасностями с днепровского юго-запада к Оке и верхней Волге, там собрала

свои разбитые силы, окрепла в лесах центральной России, спасла свою народность и, вооружив ее силой сплоченного государства, опять пришла на днепровский юго-запад, чтобы спасти остававшуюся там слабейшую часть русского народа от чужеземного ига и влияния.

Уход населения из Киевской Руси был вызван постепенным распространением рабства на вольных русских людей, опасностью для их жизни от постоянных княжеских междоусобиц и половецких нападений. Он начался уже в XII веке спокойным переселением в более безопасные места и превратился в поголовное бегство перед татарскими нашествиями в 1229-40 гг. Киевская Русь совсем обезлюдела. Папский миссионер Плавно Каришви, проезжая из Владимира Волынского через Киев к волжским татарам, сообщил, что в пути он встречал очень мало живых людей, но зато видел бесчисленное количество человеческих костей и черепов, разбросанных по полям. В таком состоянии заброшенности и покинутости Киевская, Переяславская и отчасти Черниговская области оставались до середины XV века, когда началось новое заселение Приднепровья.

Переселенческое движение, а затем бегство населения Киевской Руси в XII - XIII вв. происходило одновременно в двух направлениях: на северо-восток и на юго-запад.

Переселение на северо-восток шло за реку Угру, в междуречье Оки и верхней Волги, главным образом в Суздальскую землю, называемую в Киевской Руси Залесской, потому что она была отделена от нее широкой полосой девственных лесов. Это была далекая Украина Киевской Руси, незначительное удельное княжество, которое благодаря своему географическому положению и естественной защите лесными массивами спаслось от страшной судьбы Киевской Руси, хотя и не избежало тяжелой даннической зависимости от татарской орды. Эта область уже в XII веке была известна также под названием Белой Руси. Князь Андрей Боголюбский, задумав основать митрополию, независимую от Киевской, говорил своим боярам: я всю Белую Русь городами и селами великими населил и многолюдною учинил. Спасаясь от тяжелых и опасных условий существования, население Киевской Руси переселялось не куда-нибудь в чужую сторону, чтобы найти в ней убежище и спасти жизнь, а в свою русскую землю киевской северной Украины, где жил такой же как и они родной русский

народ, по-братски их встречавший и помогавший им устраиваться на новом месте.

В связи с огромным наплывом переселенцев в Суздальскую землю в XII - XIII вв. там началось строительство многих новых городов и селений, о которых, по-видимому, и говорил князь Боголюбский. Многие из них получили названия покинутых в Киевской Руси городов, как например, Звенигород, которых было несколько в Киевской и Галицкой земле, Переяславль, называемый Южным или Русским в Полтавской области, и появившиеся на реке Трубеже Переяславль Рязанский, впоследствии Рязань и Переяславль Залесский во Владимирской области. То же можно сказать и о Вышгороде, Стародубе, Галиче и некоторых других, названия которых встречаются в старинных киевских летописях. Из старинных актов XVI века известно село Киево в Киевском Овраге в Московской области, село Киевцы близ Алексина в Тульской области. Названия киевских речек Лыбедь и Почайна были перенесены в районы Рязани, Владимира и Нижнего Новгорода, как и название днепровского притока Ирпень, на приток Клязмы во Владимирской области или приток Оки в Калужской области был назван Киевкой. Из этих нескольких примеров видно, что переселенцы из Киевской Руси принесли на северную Украину и названия дорогих их сердцу оставленных городов, селений, речек и даже оврагов.

Самым же убедительным и неопровержимым доказательством переселения огромного количества населения из Киевской Руси в северные Украины представляет собой весь богатырский киевский эпос, созданный и запетый в Киевской Руси еще до XIV века, то есть до появления на юге России литовцев и поляков, о которых в нем даже не упоминается. Весь цикл былин о могучих богатырях времен Владимира Святого был совсем забыт в тех местах, где он был сложен, после происшедших там опустошительных татарских набегов. Впоследствии, уже в XV столетии, когда началось возвращение далеких потомков населения Киевской Руси, выселившегося в XII - XIII столетиях на юго-запад, о нем уже не вспомнили и запели новый эпос казацких дум о борьбе с татарами, турками и поляками: очередными народными врагами. Но на севере, в Приуралье, в Олонецкой и Архангельской областях, в далекой Сибири и во всех других местах расселения киевских переселенцев богатырские былины Киевской Руси сохранились во всей своей свежести, неизменной форме и напевности. В цен-

тральной Великороссии, где уже забыли склад былинного стиха и утеряли искусство его петь, живая память о русских богатырях, оберегавших на юге русский народ и русскую землю от степных орд, сохранилась в прозаических сказаниях.

Переселение населения Киевской Руси на запад шло главным образом на западный Буг, в область верхнего Днепра и верхней Вислы, вглубь Галичины и в Польшу. Так южно-русское население из Припнепровья возвращалось на давно забытые места, покинутые его предками еще в VII веке. Известно, что Карпаты были прародиной славян, когда их еще называли антами, и откуда они разошлись в разные стороны. По сообщению арабского историка Масуди, в середине X столетия восточные славяне были объединены господствующим племенем валинана, то есть волын-яне, или же дулебами, как их называет Повесть временных лет. Затем объединителем восточных славян стала Киевская Русь и, наконец, Московское государство.

Название волын-ян было общим для западнорусских славян и Червонная Русь называлась еще в половине XIV века Волинию, а затем стала называться Малой Русью. Князь Холмский и Белзский Юрий II Андреевич, скончавшийся в 1336г., первый стал употреблять титул князя Малой Руси. Из акта византийского императора Иоанна Кантакузена о присоединении Галицкой митрополии к Киевской говорится: С того времени, как русский народ, по благодати Христовой, получил богопознание, святейшие епископии Малой Руси, находящиеся в местности называемой Волиния, Галицкая, Владимирская, Холмская, Перемышльская, Луцкая и Туровская, также как и святейшие епископии Великой Руси, принадлежат к Киевской митрополии. Польский король Казимир, которому была подчинена Волинско-Галицкая земля, посылая к патриарху Константинопольскому Филофею епископа Антония с просьбой посвятить его в митрополита Галицкого, пишет: Рукоположите его в митрополита, дабы закон русский не погиб, дабы не было ему порухи. А не будет милости Божией и благословения вашего сему человеку, не сетуйте на нас после, если придет жалостная нужда крестить русских детей в веру латинскую, так как нет митрополита в Малой России, а земля не может быть без закона. После того, как Юго-Западная Русь и Галичина были захвачены в XIV веке Польшей и Литвой, в документах того времени для этих областей начинает появляться название Малая Россия.

По свидетельству русских и польских летописей IX - X вв., русские славяне жили по обеим сторонам восточного Буга, и по обеим сторонам верхнего течения западного Буга в Волынской, Люблинской и Седлецкой губерниях и в Карпатских горах, гранича с чехами и венграми, а с поляками - по рекам Вислок и Вепрь в Судомирско-Люблинской области. Древняя Русь простиралась до Кракова. Это, например, видно из грамоты Оды - вдовы польского князя Местка (Мечислава), умершего в 992г., - папе Иоанну XV, где она говорит о русских землях, входящих в польские пределы, так: даже в область, которая называется Русью и пределы Руси, простирающиеся даже на Краков.

О православных церквях в Краковской области и в других местностях юго-восточной Польши свидетельствуют многие другие записи последующих веков. Известно, что татары сожгли православную церковь в Судомире (Сандомир), в которой были похоронены в 1211г. Аделаида, дочь Казимира Справедливого, и Елена, дочь Всеволода Белевского. В Краковской области были широко почитаемы древние православные церкви во имя св. Климента. Церковь Честного Креста на Лысой горе была основана Болеславом Храбрым. В краковской православной церкви св. Троицы был похоронен Лешек Казимирович. В Варшаве еще в 1339г. существовала православная приходская церковь св. Георгия. В Кракове до XV века богослужения совершались на славянском языке. Известно, что краковский мещанин Святополк Фиола, русский из Лемковщины, основал в 1491г. в Кракове русскую типографию, в которой печатались кириллицей и на славянском языке богослужebные книги для многочисленных православных церквей в Краковской и Привислянской областях, а также и для всей Юго-Западной и Северо-Восточной Руси. В следующем, 1492г., католический архиепископ в Гнезне запретил пастырским указом издание церковных книг кириллицей и на славянском языке и сам Фиола подвергся судебному преследованию, а затем изгнанию, несмотря на то, что на суде был оправдан. Влияние католических кругов в Польше достигло тогда уже такой силы, что они могли беспрепятственно угнетать, искоренять православие на всей польской государственной территории. Из этих нескольких выписок, как и из многих не приведенных здесь сведений, становится совершенно ясно, что население бедствующей Киевской Руси спасалось в XII-XIII вв. на запад, также не в чужие страны, а в древние русские земли, в которых продолжал жить родной русский народ. Как в

движении на север, так и в движении на запад население Приднепровья всегда оставалось на своей земле и среди своего народа, удаляясь от опасности в далекие северные и западные уkraine. Это очень важное обстоятельство, благодаря которому русский народ, хотя и разорванный на части татарским нашествием, но удержавшись на остатках своей национальной территории, имел возможность собраться с силами, главным образом на севере, и затем постепенно, по словам В.О. Ключевского, вековыми усилиями и жертвами Россия образовала государство, подобно которому по составу, размерам и мировому положению не видим со времени падения Римской империи.

Благодаря большому наплыву приднепровских выселенцев украинные младшие удельные княжества - Галицкое и Волынское - уже во второй половине XII века делаются одними из самых сильных и влиятельных. Князь Роман Мстиславович, объединивший Галицкое и Волынское княжества в конце XII века, именуется в летописях самодержцем всей Русской земли. Князь Галицко-Владимирского княжества Юрий I Львович, убитый в 1316г. при защите города Владимира и похороненный в храме Богоматери, принял титул короля Русского (*Regis Russiae*). При нем чеканилась русская монета с надписью *Moneta Russiae* или русские гроши *Grossi Ruthenicales*, что продолжалось до 1434г. Все эти русские области, несмотря на то, что они были обширны и многолюдны, и несмотря на политические успехи отдельных русских князей, со времени присоединения Русско-Литовского княжества к Польше постепенно и все более начали подвергаться религиозным и национальным притеснениям со стороны окатоличившейся Польши и Литвы.

Как известно, в состав Русско-Литовского государства вошли обширные русские земли - Подольская, Волынская, Киевская, Северская, Смоленская и другие, которые по пространству и количеству населения значительно превосходили покорившее их Литовское государство. По культурному развитию литовцы были гораздо ниже русских. Среди полудикой и языческой Литвы уже давно, до образования Литовского государства, широко было распространено православие, русский язык, русское право, русские нравы, благодаря чему оно было гораздо более русским, чем литовским, и русская стихия была господствующей. Со времени объединения Литвы с Польшей, особенно после Люблинской

унии 1569 года, русское влияние стало быстро вытесняться польским.

Объединение Польши с Русско-Литовским государством произошло по политическим расчетам. Великий князь Ягайло надеялся получить военную поддержку от Польши и римского папы против Тевтонского ордена. Польские политики, устроившие в 1386г. брак королевы Ядвиги с Ягайлом, желали овладеть русско-литовскими силами и средствами, особенно Юго-Западной Русью. Главной действующей силой в объединенном Польско-Русско-Литовском государстве оказалась католическая церковь, представляемая иезуитами и оказывающая очень сильное влияние на общее положение в стране. Основной целью было окатоличение всего православного и протестантского населения любыми средствами, включая самые грубые и жестокие меры принуждения, что вызывало возмущенное сопротивление всего некаатолического народа. Политическая сделка между Русско-Литовским государством и Польшей совершилась только в узком кругу правящих личностей и только по своекорыстным расчетам и потому сразу же возникли взаимные противоречия и трения. Но это была борьба вначале только между высшей знатью, а затем и низшего дворянства за общедворянские привилегии. Но православное духовенство и народ становились все более бесправными, угнетенными и беззащитными. По мере роста польского влияния и особенно влияния представителей католической церкви на внутреннее положение в стране, увеличился отход русско-литовского дворянства и некоторой части высшего и низшего православного духовенства в унию, а затем и в католицизм. Положение православного населения становилось все более невыносимым. Из-за всего этого уже с XV века начинается заметное передвижение больших масс православного населения на среднее Приднепровье, где жизнь становилась все более безопасной вследствие распада Орды и, главным образом, усиления Московского государства. С середины XVI века бегство крестьян обратно на восток, из Польши и Галиции, в которых начало развиваться крепостное право, чрезвычайно усилилось и резервы запорожских казаков стали заметно пополняться. Богатые польские вельможи, как Полоцкие, Вишневецкие, Конепольские, приобретшие обширные пространства и угодья в юго-восточной уkraine, старались заселить свои владения и охотно предоставляли свои земли переселенцам. Поселившиеся там люди, пришедшие из

глубины Польши, Галичины и Литвы, были чисто русскими потомками той Руси, которая ушла из Днепра в XII-XIII столетиях на запад и в продолжении двух-трех столетий, живя среди литвы и поляков, сохранила свою народность и язык. Правда, под влиянием, главным образом, польского языка образовалось мало-русское наречие, которое в последующем включении в Россию оказало большое влияние на выработку общерусского литературного языка. Но, несмотря ни на какие изменения разговорного языка, само население продолжало считать себя русским, сознавать свою кровную, братскую близость с населением Московского государства, говорящим на одинаковом русском языке, хотя и на местных наречиях, и исповедующих такую же православную веру, как и они.

По мере того как петля крепостной неволи все туже затягивалась на шее православного крестьянства в Польско-Литовском государстве и религиозные преследования начали переходить терпимые границы, все чаще стали подыматься открытые восстания православного населения, всегда начинаемые запорожскими казаками и горячо поддерживаемые всем населением. Восстания казаков начались почти одновременно с Люблинской унией 1569 года и их целью было национальное и религиозное освобождение и соединение с Московским государством. Помимо чисто военных усилий к объединению с Московским государством происходило и совсем мирное и тихое объединительное проникновение населения на московскую территорию. Так, 25 марта 1652г. к Путивлю подошли около 2000 черкассов - так называли в те времена жителей южной Руси - с семьями и имуществом с черниговским полковником Иваном Дзиньковским во главе и заявили, что пришли на государево имя на вечное житие. Но большинство народа оставалось на своих местах и с оружием в руках добивалось своих политических, экономических и религиозных прав и целей и настойчиво призывало московского государя присоединить к себе всю Юго-Западную Русь. Так, запорожский гетман Сагайдачный в 1620г. присылал уже объявить государю московскому свою службу, как он и все войско запорожское на недругов государевых ходят. Такой же призыв шел и от православной иерархии. И когда вспыхнуло самое большое и продолжительное восстание под руководством Богдана Хмельницкого в 1648г., имевшее в начале большой успех, то Хмельницкий в частных беседах даже называл себя единовладным самодержцем русским; но несмотря на то, он

одновременно усиленно просил царя Алексея Михайловича принять его и всю Малороссию под свое покровительство и благословить рати своей наступать на общих врагов, а он в Божий час пойдет на них от Украины, моля Бога, чтобы правдивый и православный государь над Украиной царем и самодержцем был.

Для царя Алексея Михайловича это была очень трудная задача, но ее необходимо было решить положительно, по нравственной обязанности защитить православное русское население от преследований католиками и по причине традиционной политики собирания русских земель. Однако Москва медлила, так как еще не имела нужных сил, чтобы решительно отозваться на многочисленные и настойчивые призывы о помощи родных братьев, изнемогающих в неравной борьбе. Все это долгое время московское правительство с напряженным вниманием и тревогой следило за отчаянной борьбой русского народа и только, когда были в 1653г. подготовлены достаточные средства, земским собором было решено принять Украину в состав Московского государства. Присоединение обширных юго-западных русских областей, включая Литву, было отмечено внесением в царский титул: всея Великия, Малыя и Белья России самодержца Литовского, Волынского и Подольского. Однако, присоединение Малороссии вызвало войну с Польшей и очень усложнило всю внешнюю политику Москвы, так что впоследствии Москва должна была отказаться от Литвы, Белоруссии, Волыни и Подолии. После таких потерь Москва могла повторить слова Богдана Хмельницкого, какие он сказал, заплакав: Не того мне хотелось и не так тому делу быть...

После татарских нашествий Юго-Западная Русь постепенно вошла в состав Русско-Литовского государства, затем в состав Польши. Галичина же и Буковина в XVIIIв. были присоединены к Австрии. После развала последней, Галичина опять оказалась в пределах Польши, а Буковина - Румынии. Закарпатье после развала Венгрии досталось Чехословакии. Наконец в 1939г. Галичина и Буковина были присоединены к России. Закарпатье вошло в состав России в 1945г.

Но на всем протяжении своей многострадальной судьбы русское население неизменно оставалось коренным насельником Карпатских гор, предгорий, низменностей и широких степных просторов, хотя и не помешало медленному проникновению в

свою среду польского, венгерского, румынского, немецкого и еврейского элементов.

Необходимо отметить, что огромное несчастье поголовного выселения из прадедовской земли постигло самую западную часть расселения русского, известного под названием лемки, живущего уже тысячелетия в Карпатах, мужественно выдержавшего всю тяжесть национального гнета в течение многовековой оторванности от русского государства и во время почти полного присоединения к России всех русских окраин, оставленного в пределах Польши. (Кроме Лемковщины за пределами СССР все еще остались следующие русские окраины: Холмщина, Подляшье, Перемышльщина, Ярославщина, Любачевщина - в границах Польши и Прашевщины - в пределах Чехословакии. Лемки были выселены из-за преступной и провокационной террористической деятельности украинских сепаратистов.

Менее трагическая, но тоже безотрадная судьба беспризорности постигла другую часть русского народа, живущего в Пряшевской Руси. Оставленная в пределах современной Словакии с широкими автономными правами она тем не менее подвергается медленному национальному удушению и насильственной украинизации со стороны словацких шовинистов.

В свете общерусской истории идеология украинских сепаратистов является проявлением черной неблагодарности по отношению к их единокровным великорусским братьям, поставившим после татарского разгрома Киевской Руси своей жизненной целью собрать воедино всех русских людей, отвоевать все русские земли и восстановить свободное и достойное существование всего русского народа. Не считаясь ни с какими трудностями и жертвами, с железной твердостью и упорством они осуществили эту цель с полным успехом.

Разлагающая деятельность украинских сепаратистов, вызывающая национальное разделение и братскую вражду, это не только черная неблагодарность. Это низкое предательство и позорная измена национальному единству и единодушию - высоким заветам, завещанным далекими предками и закрепленным на вечные времена древними летописцами для всех русских потомков, свято соблюдаемым всем русским народом и его мудрыми государственными людьми, благодаря чему русский народ не только сохранил свою национальность, но занял то положение на земле, которое соответствует его историческому призванию.

Каждому беспристрастному человеку, который хотел бы внимательно ознакомиться с так называемым украинским сепаратизмом, не может не быть ясным, что он вызван искусственно, преднамеренно обострен до крайности без серьезных для этого оснований и что все это беспочвенное движение в конечном итоге сводится только к злостному политическому заговору против единства русского народа и русской земли.

Это очевидно уже из того факта, что для зарождения и развития украинского сепаратизма надо было пользоваться низкими методами обмана русских людей, сознательным и грубым искажением малорусского наречия, недобросовестным извращением богатой общерусской истории, литературы, этнографии и по возможности вообще проявлений творческой деятельности населения Юго-Западной Руси только для того, чтобы посеять в умах русских людей сомнение в своей тысячелетней национальности, вызвать в них национальное разложение и смуту, обострить ее до национальной вражды и, наконец, обманув и рассорив единый русский народ, отделить от него, если удастся, даже всю Юго-Западную Русь под условным названием Украина. И весь этот скверный замысел был выработан только для того, чтобы ослабить русскую государственность. Такова краткая, но вполне достоверная схема зловердного зарождения, развития и назначения украинского сепаратизма.

Одним из вполне убедительных доказательств правильности такого понимания, не говоря уже о вполне точных и неопровержимых исторических данных, свидетельствующих о гнилой ценности украинского сепаратизма, является общеизвестный факт, что украинский сепаратизм щедро финансируется и широко поддерживается всевозможными открытыми и тайными способами. Предпринимаются вооруженные вмешательства именно теми иностранными кругами, которые особенно заинтересованы в ослаблении русской государственности для удовлетворения их стратегических, экономических и даже территориальных вожделений. Не менее вразумительным доказательством беспочвенности украинского сепаратизма является полное равнодушие многомиллионного населения Украины, оседло и компактно живущее в прадедовской земле, культурно и экономически одинаково развитое, как и все соседние народы, к фанатически страстным призывам и действиям сепаратистов создать независимое государство. Население Украины, сознавая себя русским, знает,

что уже имеет общенационально-русское государство Россию, и определенно не желает иметь другого. История свидетельствует, что все население Западной Руси, то есть той части русского народа, которую так упорно стремятся заразить сепаратизмом, и особенно крестьянство - основной, естественный и подлинный носитель и выразитель национального самосознания - всегда ясно сознавало свое кровное родство с русским народом, всегда открыто выражало самосознание и с неизменным постоянством стремилось только к полному объединению с русским народом в единой государственности. Самосознание было так органически присуще широким народным массам, так глубоко вкоренено в них, особенно в тех областях юго-западной Украины, которые по разным причинам оказались вне русских государственных пределов - Галичина, Буковина, Карпатская Русь, Лемковская и Пряшевская Русь, - в которых коренное население подвергалось особенно жестокому национальному гнету, что оказалось единственной спасительной силой, благодаря которой оно непоколебимо сохранило твердую память о своей нераздельной принадлежности к русскому народу.

В этих национально-обездоленных русских областях общенародное стремление ко всерусскому объединению не ограничивалось только пассивным и терпеливым ожиданием осуществления заветных народных надежд. Вся общественная история этих областей насыщена горячей, напряженной и жертвенной многовековой борьбой за национальные права и православное вероисповедание всеми доступными средствами. Иногда доведенные до отчаяния невыносимым положением русские люди брались за оружие и под предводительством самых энергичных и воинственных своих представителей жестоко расправлялись со своими национальными, религиозными и экономическими угнетателями. Но никогда и ни при каких обстоятельствах за все тысячелетнее свое существование они не вступали добровольно в вооруженную борьбу против русского народа. И если все-таки случалось, что какая-нибудь, обычно незначительная, группа людей оказывалась на стороне врагов русского государства и принимала участие во враждебных против него действиях, то это всегда сурово осуждалось в народном сознании, как национальное предательство.

Убедительным доказательством именно такого умонастроения широких народных масс может послужить история всех без-

результатных попыток поднять общенародное сепаратистское движение и оформить его в самостоятельную государственность. За исключением нескольких маскарадно-шутовских попыток провозглашения независимого украинского государства - всегда кратковременных, всегда кровопролитных и всегда унижительных для руководителей таких попыток, обязанных выполнять лакейскую роль прислужников своих покровителей, злейших врагов родного народа, - подавляющая масса населения русской юго-западной Украины, включая и все области, не входящие в пределы русских государственных границ, как правило, оставалась равнодушной и безразличной к таким политическим предприятиям, как к чему-то постороннему, самого народа никак не касающемуся, ничего ему не говорящему и совсем дикое его вековым понятиям, желаниям и потребностям. Несмотря на лукавые призывы, соблазнительные обещания, возбужденную пропаганду и демагогию, фанатические угрозы, преследования и даже убийства, народ оставался неподвижным, молчаливым, настороженным и недоверчивым, отлично понимая, что все это вздорная и опасная выдумка, навязываемая ему безответственными политиками и фанатиками. Обычно все такие истории приносили много несчастий простому, честному и беззащитному населению и всегда заканчивались позорным и поспешным бегством их зачинщиков, спасавших свои головы от справедливого народного гнева.

Вполне логично задать себе вопрос - в чем же наконец дело? Почему же вся энергичная целеустремленная и планомерная деятельность украинских сепаратистов и вся щедрая материальная и даже военная поддержка их покровителей, направленная на освобождение якобы угнетенной огромной массы живых людей, называемых украинцами, не только не приводит ни к каким ощутимым результатам, но встречает полное равнодушие и даже сознательное отрицание и сопротивление, прежде всего, именно в тех народных массах, для которых, как будто, все это делается?

И вполне законный, логичный и простой ответ на это недоумение может быть только один - украинской национальности и, следовательно, украинского народа как такового в природе не существует. Есть русский народ, живущий на необозримых русских просторах, включая и Украину, который желает жить мирно и дружно в едином государстве. Но существует украинская выдумка, эксплуатируемая небольшой группой людей, одни из которых верят в нее как в действительность, а другие расчетливо

пользуются ею в своих личных и политических целях. Как всякая выдумка, особенно политическая, так и украинская оказывается мертворожденным плодом оторванной от народа небольшой группы людей и, несмотря на наукоподобную маску исторического и лингвистического характера, под которой хотят ее скрыть, она не может обмануть трезвую народную мудрость. Мертвая выдумка не принимается жизнью. Население юго-западных русских украин органически не разделяет сепаратистских стремлений своих подстрекателей и никогда их не поддержит.

Обычно, когда прекращается политическое возбуждение, вызываемое сепаратистскими агитаторами, и восстанавливается всеобщее благоразумие, останавливается и вредная возня провинциальных болтунов, бестолковых смутьянов, узких местных честолюбцев, слепых полуобразованных фанатиков, сознательных и бессознательных агентов внешних врагов, разлагающих национально-родной русский народ и возбуждающих в нем братскую ненависть. К сожалению, при этом возникают поверхностные повреждения здоровых и правильных народных понятий, которые могут быть излечены только правдивым и беспристрастным ознакомлением с прошлым народа.

Свободное слово Карпатской Руси, 11-12, 1977

Эту статью написал галичанин, сын известного научного и литературно-политического деятеля. Мы помещаем ее прежде всего для «великоросов», не знакомых с настроениями своих южно-русских братьев и обманываемых пропагандой украинских самостийников и сепаратистов, выдающих свои преступные и бредовые авантюры за идеалы и чаяния народа.

Наши предки после татарского разорения долгие века жили идеей воссоединения всей русской земли. Мы же, теперешние поколения русской нации должны жить мыслью о том, чтобы сохранить навеки единство русского народа и русской земли. Никакие временные политические моды, которыми заражен одурелый современный Запад и особенно англо-саксонский мир, не должны сбить нас с народного пути.

РОССИЯ В ОБВАЛЕ. СЛАВЯНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Я убежденный противник «панславизма»: это всегда был для России замах не по силам. Никогда я не одобрял нашего попечения о судьбе славян западных (жестокая ошибка Александра I с присоединением Польши, да и у Чехии далекий от нас путь) или южных, где за нашу опеку и жертвы мы получали либо неблагодарность, как в Болгарии, либо вступали в необязательную для нас, но губительную войну, как из-за Сербии.

Однако не могу отнестись без пронзающей горечи к искусственному разрубу славянства восточного. Вмиг разрезаны миллионы и миллионы семейных, родственных и дружеских связей. Разруб этот произведен беспечным, небрежным махом нашей ново-демократической власти. Но – и по обреченной пассивности нынешнего русского народа; него 12-миллионной части, живущей на Украине, и вдвое большего числа тех на Украине, кто своим родным языком в последнюю перепись (1989) заявил – русский. Легко дали себя убедить, что от разделения с Россией им станет сытней («колбасней»).

От самых первых шагов создания украинского государства там раздувалась – для укрепления политических рядов – мнимая военная угроза от России. Когда начала формироваться украинская армия – от офицеров при принятии присяги требовали заявить особую готовность воевать именно против России. Угроза войны так жаждалась ими (для укрепления слишком еще разбродного «украинского сознания»), что достаточно было России заявить лишь о намерении продавать нефть не по дешевке, а по мировым ценам, – с Украины грозно откликались: «Это – война!!» (Кучма, 1993; «Никакая экономика не выдержит, если нефть покупать по мировым ценам»).

И во все 1992-98 годы не было ни одного раунда русско-украинских переговоров, в который украинская сторона не взяла бы верх, далеко уйдя от кравчуковских беловежских «прозрачных границ», «неразрывности русско-украинского союза» – до постоянной упорной украинской оппозиции против России и на арене СНГ, и на мировой. Российская сторона неизменно, шаг за шагом, все далее отступала, только отступала. Постоянно (и поны-

не) уступала экономически, пытаясь подкупить непримиримость украинской стороны. И жертвовала, голова за головой, командующими Черноморским флотом – непреклонными адмиралами Касотоновым, Балтиным. После очередного уступчивого соглашения мы услышали (9.6.95): «Я поздравляю Украину, Россию и весь мир!» Украину – конечно, и весь мир – несомненно, но – с чем была поздравлена Россия?.. Украина уже так явно вытесняет нас с Черного моря! И новейший вид «неформальных встреч» (вид дипломатии, отодвигающий нас в феодализм) еще дальше усугубил уступки России.

Со многими украинскими националистами я сидел в лагере в 50-е годы и понимал так, что мы с ними в искреннем союзе против коммунизма (слова «москали» мы от них не слышали тогда). В 70-е годы в Канаде и в Соединенных Штатах, где велик массив украинской эмиграции, я наивно допытывался у них: а почему они нисколько не выступают против коммунизма, ничего не делают против него, – но так остро высказываются против России? Наивно, потому что лишь годы спустя узнал, что пресловутый американский закон 86-90 «о порабощенных нациях» был искаженно сформулирован против русских и подложен американскому Конгрессу именно украинскими националистами (конгрессмен Л. Добрянский).

По мере того как украинские националисты разворачивали свою идеологию, в ней брали верх самые дикие крайности трактовок и призывов. Мы узнали, что украинская нация – это «сверхнация», она настолько уходит в тысячелетние глубины веков, что украинцем был не только Владимир Святой, но даже, по видимости, и Гомер, – и в подобном духе комично переделываются школьные учебники на Украине, ибо украинский национализм, при столь явном меньшинстве этих националистов, напорно возводится в идеологию всей Украины. «Украина для украинцев» – это уж самое несомненное (хотя на Украине живут десятки народов), но и: «Киевская Русь – до Урала!» Русские отлучаются и от славянства как «монголо-финский гибрид». Созданный теперь в Одессе Институт национальной геополитики носит имя (Юрий Липа) автора книги «Раздел России», еще в 1941 предложившего программу: «Россию можно сокрушить только в союзе Украины с Кавказом и Закавказьем». В духе этого в 1992 украинскими националистами открыто праздновался во Львове юбилей гитле-

ровской дивизии СС «Галиция» (и это не вызвало упреков, возмущения от Соединенных Штатов). На их конференции, 1990: «Мы исповедуем культ силы, сила – это все!» Для того Украинская Национальная Ассамблея (УНА) имеет свои штурмовые отряды (УНСО) и лозунг: «УНА – до влады [к власти], УНСО – до штурму!» На Конгрессе 1994: «Поддерживать региональный сепаратизм в России для развала ее!» («Аргументы и факты», 26.6.1994).

И такая антирусская позиция Украины – это как раз то, что и нужно Соединенным Штатам. Украинские власти, и при Кравчуке, и при Кучме, подыгрывают услужливо американской цели ослабить Россию. Так и дошло быстро – до «особых отношений Украины с НАТО» и до учений американского флота в Черном море, 1997. Поневоле вспомнишь бессмертный план Парвуса 1915 года: использовать украинский сепаратизм для успешного развала России.

Раздробление наше, так радующее нынешний политический мир, болезненно и затажно скажется на всех трех славянских народах. А сегодняшняя тактическая теплота к Украине с дальнего-дальнего Запада не окажется долговечной, но лишь – до минования надобности.

Увы, националисты с Западной Украины, веками оторванные от остальной Украины, пользуясь переполохом 1991 года и неуверенностью украинских лидеров, стыдливо спешивших отмыться от коммунизма примыканием к накаленному «антимоскальству», – сумели начертать и вменить всей Украине ложный исторический путь: не просто независимость, не естественное развитие государства и культуры в своем натуральном этническом объеме, – но удержать побольше, побольше территорий и населения и выглядеть «великой державой», едва ли не крупнейшей в Европе. И новая Украина, денонсировав все советское законодательное наследие, только этот один дар – фальшиво измысленные ленинские границы – приняла! (Когда Хмельницкий присоединял Украину к России, Украина составляла лишь одну пятую часть сегодняшней территории).

В самостоятельном развитии – дай Бог Украине всяческого успеха. Отяжелительная ошибка ее – именно в этом непомерном расширении на земли, которые никогда до Ленина Украиной не были: две донецкие области, вся южная полоса Новороссии (Мелитополь-Херсон-Одесса) и Крым. (Принятие хрущевского по-

дарка – по меньшей мере недобросовестно, присвоение Севастополя вопреки, не говорю, русским жертвам, но и советским юридическим документам, – государственное воровство). Стратегическая ошибка в выборе государственной задачи будет постоянной помехой здоровому развитию Украины, эта изначальная психологическая ошибка – непременно и вредоносно скажется: и в неорганичной соединенности западных областей с восточными, и в двоении (теперь уже и троении) религиозных ветвей, и в упругой силе подавляемого русского языка, который доселе считали родным 63% населения. Сколько неэффективных, бесполезных усилий надо потратить на преодоление этих трещин. По пословице: Нахвтанное – ребром выпрет.

А чтобы поднять украинскую культуру до уровня международной – сколько еще десятилетий понадобится. Так поднять, чтоб украинские ученые не нуждались писать свои работы по-русски, если рассчитывают на иностранные переводы.

Именно потому, что я испытываю к Украине самое родственное чувство, люблю ее, – я так же не желаю ей «державного» развития, как не желаю и России. (На ту же неподъемность культурных задач напорется и «державный» Казахстан).

Уже сейчас украинские власти выбрали путь усиленного притеснения русского языка. Ему не только отказали стать вторым официальным государственным, но его энергично вытесняют из радиовещания, телевидения, из печати. В десятки раз удорожают подписные цены на российские издания. Идут чередой должностные увольнения за невладение украинским. В вузах от вступительного экзамена до дипломного проекта – все только по-украински, а коли терминологии не хватает – выкручивайся. Из школьных учебных программ русский язык – где исключают нацело, где сводят до «иностранного», до факультативного; полностью исключили историю Российского государства, а из программы по литературе – едва ли не всю русскую классику. Звучат такие обвинения, как «лингвистическая российская агрессия» и «русифицированные украинцы – пятая колонна». Так – начинается не с методического подъема украинской культуры, а с подавления русской. Дошло до попыток языкового самобегства: перевести украинский язык на латинский шрифт, насмешка надо всей украинской историей.

И упорно теснят Украинскую Православную Церковь, ту,

что осталась верна Московской Патриархии, с ее 70% украинских православных.

В сегодняшней Украине нельзя и голоса поднять за ее федеративное устройство, с такой безоглядной щедростью принятое в России: сразу выступает призрак автономного Крыма, автономного Донбасса. (О русинах Закарпатья, с их стойкими русскими корнями, мы уже и думать забыли). Если бы не кровавая затея чеченской войны – Москва в годы острых крымских кризисов, может быть (может быть?..), имела бы мужество и вес поддержать законные требования крымчан (их – 80% голосовало за независимость полуострова), но от Чечни – онемела и предала надежды Крыма. (УНСО ответила крымчанам: «Крым будет украинским или безлюдным!» Между тем активисты-националисты с энтузиазмом ехали воевать на чеченской стороне, теперь готовят памятник Дудаеву и даже, при жизни, Басаеву).

Сколько русские с негодованием и ужасом пережили эту безвольную, никак не оспоренную, ни малейше опротестованную, по дряблости нашей тогдашней дипломатии, в 24 часа отдачу Крыма – и предательство его при каждом потом крымском конфликте. И беспрекословную, без малейших политических шагов, отдачу Севастополя, алмаза русской военной доблести. Злодейство это совершено нашей же выборной властью – однако и мы же, граждане, не воспротивились вовремя. И теперь на долгое обозримое время ближайшим поколениям с этим придется примириться.

Нет, не будем подражать украинским националистам ни в истерических угрозах, ни в ненависти. Не надо никак отвечать на их накаленную «антимоскальскую» пропаганду. Надо переждать ее как вид душевного заболевания. Не надо с нашей стороны делать пустых угрожающих заявлений – это горячая пища для них. Их отрезвит сам ход Времени, сам многоемкий, своенравный исторический процесс. И никакие их проклятия не отвратят наших сердец от святого Киева, источника и самих великороссов, – Киева, где и сегодня неистребимо звучит русская речь, и не замолкнет. Будем сохранять теплое чувство единого треславянского народа: «А вы, украинцы, как и белорусы, – все равно наши братья!» И надо широкодушно предложить Украине интенсивный «культурный обмен». (Националисты отшатнутся? Тем и покажут, что русский язык и русская культура – их Державе опаснее всяких ракет).

Лучше терпеливо посоревнуемся, какая из разорванных славянских стран даст благополучную жизнь своему народу. А перед каждой стелется долгий, невылазно тяжелый и пока не проблискивающий путь.

Между тем – годы текут. Для молодых людей каждый год – эпоха. Что делать молодым русским на Украине? Из России – поддержки никакой, и не будет. Видно, покориться? и менять язык, менять национальность? Вот о них сердце болит. (А простые русские семьи на Украине справедливо рады: хоть не нашим детям воевать в Чечне).

* * *

Замаячившее воссоединение Белоруссии с Россией – стало бы счастливым продолжением исторической восточнославянской традиции. Но ощутимые международные силы будут резко мешать этому – и государственным, и пропагандным давлением, и денежными потоками. И российская пресса, как по единой команде, до непристойности набросилась на первую завязь русско-белорусского союза. Сколько мы слышали о подавлении прав в Белоруссии – и ни звука о таких же на Украине, о много худших в Казахстане, – а на самих бы себя оглянуться: неужели миллионы российских граждан имеют реальные права?! Что ж вы о них не воскликнете?

А кроме того (уж исключая все личные схватки за посты), воссоединению будет препятствовать и принятое сейчас в России федеративное устройство: оно весьма усложняет создание федерации второго этажа.

Сживлять – это не разрублять.

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Когда мы говорим, что история, это политика опрокинутая в прошлое, то это включает и историю русского языка. История русского литературного языка должна служить единству Всея Руси, Великия, Малыя и Беляя, также как история хох-дойч (Hochdeutsch) немецкого литературного языка единству Германии и немецкого народа.

Баварцы, говорящие на своем южно-германском языке и северные немцы, говорящие на северо-германском плат-дойч (Platdeutsch), хотя и чувствуют себя одним народом, чтобы понять друг друга должны пользоваться хох-дойч. Чтобы создать из приехавших из разных стран в США и Австралию единую нацию, потребовался в первую очередь единый язык.

Историю единого сербскохорватского языка мы проходили в югославской гимназии. Жаль, что в России в средних школах не изучают историю русского языка, начиная с тех времен, когда русские (великороссы), украинцы (малороссы) и белоруссы говорили на одном общем языке. И сегодня, русские, украинцы и белоруссы, хоть и говорят на разных языках, но понимают друг друга без переводчиков, и принадлежат к единому племени ру-сов. Это единство сохранилось в титуле патриарха Московского и Всея Руси. Его признают своим духовным главой не только православные в России, но и в Белоруссии и на Украине.

Историю можно переделать до неузнаваемости. Известная вещь, что бумага все терпит, а с языком это не так просто.

Священник греко-католик Александр Духнович, с разрешения венгерских властей в 1875 г. открыл для карпатороссов гимназию в Пряшеве с преподаванием на русском литературном языке. И Котляревский и Шевченко писали украинские слова русскими буквами. В Австро-Венгрии правительство пользовалось русскими буквами вплоть до начала войны в 1914 г. и только из-за войны против России, ввела для своих украинцев особые украинские буквы. «И» стали писать как «і», а «ІІ», как «И». Большевики, в 1920-х годах проводили насильственную украинизацию и пользовались этим придуманным в Галиции правописанием, подготовляя таким образом развал СССР.

В 2006 г. появился в продаже «Украинско-русский и русско-украинский словарь». В «От издательства» было сказано: «Издание предназначается для всех, кто изучает украинский язык». В этом словаре первая страница начиналась словами; або (или), автобіографічний, автобус, автор, адже (ведь) адреса, адресувати, аж, айстра (астра), але (но), альбом и т.д. Купил, и не пожалел. Показываю его друзьям вместо «Крокодила». Был такой советский юмористический журнал. Он, кажется, и сейчас выходит. Кому-то смешно, а мне совсем не смешно.

Когда мы жили в лагерях ДиПи (перемещенных лиц после 1945 г.), и если я не мог договориться с лагерной администрацией, то у жены это сразу получалось. Но однажды, в Ганау (Hanau) мы попали в украинский лагерь. Там были балтийские лагеря: латвийский, литовский и эстонский, и украинский для всех остальных.

Когда мы пришли записываться в лагерь, «голова табору» (лагеря) «пытае» (жене пытка, для меня вопрос): «ваше прызвище»? Жена, по привычке, сразу ответила, у нас не прозвище, а фамилия.

Голова: «за фамилию (семью) ще буду пытаты», и обращаясь ко мне – «це ваша дружина»? Я сказал «так» и извинился, что «моя дружина не володие украинською мовою».

Жена спрашивает меня: «это он про скаутскую дружину спрашивает»? Я ей говорю – «про тебя», а жена мне, – «так какая же я дружина»? Я ей объяснил, что по-украински жена называется дружиной. Как никак, а украинский язык «окрема мова».

Голова стал меня расспрашивать откуда я знаю украинский язык, и я ему рассказал, что вырос в Сараеве, где было много украинцев, еще с времен когда Босния принадлежала Австрии.

Одним словом, к жене ни вопросов, ни внимания. Вот она и спросила голову – «вы что меня за человека не считаете»? а голова ей говорит: «Вин е чоловік, а вы жынка и тильки жынка». Дело в том, что по-украински «чоловик» это мужчина.

Американские ученые пришли к выводу, что историю славянских языков надо начинать с изучения литовского языка. Известно, что «Велесова книга», якобы дохристианская летопись, была сделана лет сто тому назад, и известно, что самые древние рукописи, дошедшие до нас, относятся только к XI веку, но не известно, как и где читались отдельные буквы. Никто не знает, как

первоначально произносилась буква ять, а большой и малый юс, сохранились только в польском языке как носовые он и ен.

Переводы священных книг, сделанные в IX в. святыми братьями Кириллом и Мефодием на старо-славянский язык (язык славян, живших в Македонии в окрестностях Тесалоник) были понятны на Руси и в X в., но возможно, что уже тогда началось образование восточно-славянского, западно-славянского и южно-славянского языков. Старо-славянский язык был под сильным влиянием греческого языка. Иначе и не могло быть. Нехватающие в старо-славянском языке слова при переводе с греческого не переводились, а оставлялись греческими, обогащая таким образом словарный запас.

Помню однажды один профессор русской истории написал в статье в «Новом русском слове» про князя Святослава (957-973), которого «греки, почему-то назвали Свентиславом». Профессор не знал истории русского языка и не знал, что имя Святослава писалось через малый юс, который до XI века произносился как носовое «ен», перешедшее позднее в «Я».

Период до XIV в. считается временем старо-русского языка, единого для русских, белоруссов и украинцев. В 1240 г. татары взяли Киев и началось для Руси татарское иго, и в течении 200 лет татарский язык влиял на русский. В XVIII в. началось влияние западно-европейских языков, а с 1990-х английского, а вернее американского. Творцом русского литературного языка был Пушкин, но если бы он встал из гроба, он бы не понял тот язык, на котором сегодня говорят и пишут в России.

Говорят, что Пушкин в основу русского языка положил народный язык. В отрывном календаре Мартыанова (Нью-Йорк) в 2006 г. на листке 18 декабря было сказано, что он «прислушивался к языку простонародья, крестьянского, охранительно-верного старине...» Подпись - Сергей Маковской. Ни автор, ни редактор календаря не знали на каком языке говорили, и говорят до сих пор крестьяне Псковщины, а имение Пушкина в Михайловском расположено недалеко от Пскова. Существует «Псковский областной словарь». (Л-град, 1983). Для слова «вприхлебку» дан такой пример: «Заварим густяхи, мы туды покладем масла и вприхлепку малака». К тому же псковичи еще и «цокают». Например: «псковичане, это тыижи англичане, токмо нарецие инаце» (с ударением на И). Видать Пушкин плохо у народа учился.

Историю русского современного литературного языка надо начинать с 1755 г. когда М. В. Ломоносов создал первую грамматику русского литературного языка.

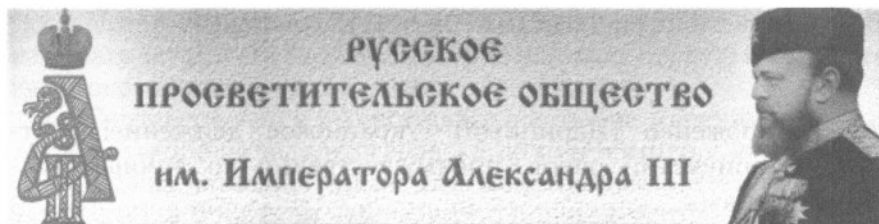
Считается, что у русского языка есть три наречия: севеяне «окают»: «хороша холодная вода, когда хочется пить», южное акают: «хараша халодная вада, кагда хочется пить». Петербуржцы «чтокают», а москвичи «штокают». Пишется «что?», а москвичи читают «што?» Когда столица была в Петербурге, вся Россия чтокала, а теперь, когда столицей стала Москва полагается штокать.

Кроме трех наречий мы имеем территориальные диалекты, жаргоны и блатной язык. Об этом написано не мало книг, и в газетной статье обо всем этом в двух словах не рассказать. Горожане говорят не на местных диалектах, а на просторечии, а диалекты сохраняются только в деревнях у стариков, а жаль.

Русский язык, смешанный с украинскими словами, называется «суржик», русские слова, смешанные с белорусскими - «трасянка». В Белоруссии, во время немецкой оккупации в 1941-1944 годах, объявления писались на трех языках; по-немецки (хозяева), по-белорусски (Белоруссия) и по-русски (чтобы все поняли). Русский язык назывался «обще-понятным», и представления в театрах ставились иногда по-белорусски, а иногда на этом «обще-понятном» языке. Как большевики ни старались, но в Белоруссии до сих пор русский язык считается вторым государственным. Я уважаю и люблю украинский язык, но почему бы на Украине не сделать его тоже вторым государственным?

СОДЕРЖАНИЕ

А.В. Стороженко (Царинный). Украинское движение: краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям.....	3
Л.А. Тихомиров. Сочиненная народность.....	153
В.В. Розанов. Голос малоросса о неомалороссах.....	157
П.Б. Струве. К украинскому вопросу.....	162
М.О. Меньшиков. Быть ли России великой?.....	167
Н.М. Могилянский. Трагедия Украины.....	176
М.Г. Дроздовский. «Украинцы – к ним одно презрение...» Из дневника 1918 г.....	222
Е.Н. Трубецкой. Из путевых заметок беженца. На Украине....	224
А.И. Деникин. Обращение к населению Малороссии.....	242
А.П. Петренко. Украина – «самостоятельная держава» (1937 г.)..	244
Декларация украинского национального казачества 1937 г.....	251
Резолюции Белого съезда 1938 г. Об Украине.....	253
И.А. Ильин. Что сулит миру расчленение России?.....	255
С. Раневский. Украинская автокефальная церковь – «Липковщина» или самосвятство.....	267
Н.И. Ульянов. Происхождение украинцев и великороссов в свете сепаратистской «науки».....	282
В.Ю. Яворский. Украина – Русская земля!.....	302
А.И. Солженицын. Славянская трагедия.....	339
Р.В. Полчанинов. История русского языка.....	345

Русское просветительское общество им. Императора Александра III
Основано 19 августа 2018 г.

РУКОВОДСТВО ОБЩЕСТВА

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Игорь Вячеславович ОГУРЦОВ - основатель Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН)

Виктор Сергеевич ПРАВДЮК - режиссёр-кинодокументалист, историк

Степан Харланович КАРПЕНКОВ - профессор, доктор технических наук, лауреат Государственной премии и премий Правительства России

Игорь Борисович ИВАНОВ - историк, председатель Русского Обще-Воинского Союза (РОВС)

Михаил Викторович НАЗАРОВ - писатель, руководитель изд-ва «Русская Идея»

Станислав Александрович СМЕРНОВ - публицист, член Союза журналистов России

Дмитрий Валерьевич КУЗНЕЦОВ - поэт, журналист, лауреат премии им. П.Н. Врангеля за 2018 г.

Дмитрий Витальевич СОКОЛОВ - общественный деятель, публицист, краевед

Фёдор Фёдорович ВОРОНОВ - кандидат физ.-мат. наук, постоянный сотрудник Манчестерского университета в Англии, публицист

Георгий Михайлович СОЛДАТОВ - общественный и религиозный деятель Русского Зарубежья, редактор издания Общества ревнителей памяти Блаж. митр. Антоний (Храповицкого) «Верность»

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Елена Владимировна СЕМЁНОВА - писатель, редактор журнала «Голос Эпохи» и портала «Русская Стратегия»

Е-мэйл: rys-arhipelag@yandex.ru

Сайт: <http://rys-strategia.ru/index/0-2>

НЕКОТОРЫЕ КНИГИ НАШЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Что значит быть русским. К 100-летию А.И. Солженицына
В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт. Вернуться из РФ в Россию (очерки разных лет)
Е.В. Семёнова, Г.П. Ф-в, И.Н. Михеев. Точки дестабилизации (угрозы национальной безопасности и пути их преодоления)
С.Х. Карпенков. Стратегия спасения. Из бездны большевизма к Великой России
В.К. Невярович. Россия как Атлантида
С.А. Смирнов. В плену у красного молоха
Д.В. Соколов. Я словно заглянул в бездну...
Е.П. Чудинова. Алхимия благородства
В.С. Правдюк. Книга любви и печали
К.П. Победоносцев. Дела и дни
Государственная власть в России
П.И. Ковалевский. Русский национализм и национальное воспитание в России
Г.А. Знаменский. Крупицы познания исторической России в свете Православной веры
Э.В. Бурда. Терское казачье антибольшевистское восстание. 1918 год
Е.В. Семёнова. Путь подвига и правды. История Русского Обще-Воинского Союза
О. Серафим (Роуз), о. Герман (Подмошенский). Отверженные святые России
Русское Просвещение
То, что имеешь, держи. Православие и католицизм в трудах русских святых и церковных мыслителей
Забытые герои Великой войны
С.В. Зверев. Генерал Краснов. Монархическая трагедия
В.А. Башлачев. Русское крестьянство в зеркале демографии
«Я имею две ценности в жизни - Православие и Русскость» (Последний Первоиерарх РПЦЗ Блаженнейший митрополит Виталий (Устинов))
Прп. Иустин (Попович). Достоевский о Европе и славянстве
Т.К. Чугунов. Деревня на Голгофе
А. Клигер. Архим. Феодосий Алмазов. Соловецкий крест
С.В. Марков. Покинутая Царская Семья
И.А. Эйхенбаум. Сражатели (Записки пехотного офицера)
Белая Борьба. На Родине и на чужбине...
А.А. фон Лампе. Пути верных
Русские Добровольцы Белой Испании
Первые начавшие (к 100-летию 1-го Кубанского (Ледяного) похода
П.Н. Врангель (1878-1928). Юбилейный сборник
И.Б. Иванов. Под Русским Знаменем. Белое Дело между прошлым и будущим
РОВС. Изборник документов и материалов Русского Обще-Воинского Союза
Белый Сборник (к 100-летию Белой Борьбы)
К.Ю. Фролов. Мы - Русские!
Д.В. Кузнецов. Империя
И.Б. Иванов. Русское подполье. Пути и судьбы социал-христианского движения.
А.Л. Марков. Записки о прошлом (1893 - 1920)
Е.В. Семенова. Честь – никому! (Док. роман о Белом Движении, 2-е издание)
Е.В. Семенова. Претерпевшие до конца (роман-хроника 1914-1956гг.)
И.С. Попов, А.И. Попов. Ложь. Записки кулака
Журнал «Голос Эпохи» (№1 (2010г.) - №1(2019г.))

РУССКИЙ ОТВЕТ НА УКРАИНСКИЙ ВОПРОС

Редактор-составитель - Е.В. Семенова

Дизайн, верстка - Е.В. Семенова

Печать

ИП Бурина А.В. («Традиция»), Москва

E-mail: orders@traditciya.ru

Подписано в печать 03.02.2019 г.

Формат 60х90/16

Усл. п. л. 22

Наши книги можно приобрести на портале журнала

«Голос Эпохи» www.golos-epohi.ru

тел.: +7(910) 412-71-64, +7(909) 626-81-86

